

Юрий СУШКО

ЖЕНЩИНЫ В ЖИЗНИ

Владимира Высоцкого

*«Ходил в меня
влюбленный
весь слабый
женский пол...»*



Юрий Сушко
ЖЕНЩИНЫ В ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

*«Ходил в меня влюбленный
весь слабый женский пол...»*

Юрий Сушко

*«Ходил в меня
влюбленный
весь слабый
женский пол...»*

ЖЕНЩИНЫ
В ЖИЗНИ
ВЛАДИМИРА
ВЫСОЦКОГО

Москва
ВАГРИУС
2005



УДК 882
ББК 84(2)
С 91

Художник Аида Сидоренко

Портрет автора — Вячеслав Тарасенко

Сушко Ю.М.

С 91 «Ходил в меня влюбленный весь слабый женский пол...»: Женщины в жизни Владимира Высоцкого. — М.: ВАГРИУС, 2005. — 496 с.

ISBN 5-9697-0065-7

Кто они были — женщины в жизни Владимира Высоцкого, какую роль сыграли в его судьбе? — об этом рассказывает в своей книге «Ходил в меня влюбленный весь слабый женский пол...» Юрий Сушко. Судьба свела автора с Высоцким в 1978 году, во время гастролей актера и поэта в Запорожье, где Ю. Сушко живет и по сей день.

Увлечен же творчеством Владимира Семеновича Высоцкого Юрий Сушко значительно раньше, еще в конце 1960-х: с тех пор он собирает все, связанное со своим кумиром — редкие записи, фотографии, публикации о нем.

УДК 882
ББК 84(2)

Охраняется законом РФ об авторском праве

ISBN 5-9697-0065-7

© Ю. Сушко, автор, 2005
© А. Сидоренко, дизайн, 2005

«Идеал женщины?» — «Секрет...» Таков был ответ Владимира Семеновича Высоцкого на один из вопросов знаменитой анкеты, распространенной среди актеров Театра на Таганке в июне 1970 года. (Примечательно, что спустя восемь лет составитель анкеты, бывший работник театра на Таганке Меньшиков показал ее «ответчику». По его словам, Высоцкий, внимательно перечитав свои ответы, с удивлением сказал: «Ну надо же, и добавить нечего. Неужели я так законсервировался?»¹)

Лукавый и непосредственный, болгарский журналист Любен Георгиев однажды попытался спровоцировать Высоцкого: «Вы ненавидите женщин, да?..» На что получил молниеносный ответ: «Ну что вы, бог с вами! Я очень люблю женщин... Я люблю целую половину человечества».

Добавлю еще одно наблюдение далеко не постороннего для Высоцкого человека. Выступая в телепрограмме ОРТ «Фрак народа» в мае 1999 года, Юрий Петрович Любимов отметил, что Высоцкий «рано стал мужчиной, который все понимает...».

Валерий Золотухин говорил о Высоцком: «Да, был не прочь погулять. Но разве это грех — любить женщин! Главное ведь не то, с кем он спал, а какой дар был послан ему свыше. Вот что отличало его от всех остальных смертных...»²

Предлагаемые записки вовсе не претендуют на повторение легендарного «донжуанского списка» Пушкина. Скорее — это попытка хроники и анализа взаимоотношений Владимира Семеновича с той самой «целой половиной человечества». Словом,

попробуем подобраться к разгадке таинственного «секрета» Высоцкого.

В свое время меня чрезвычайно заинтриговала фраза Вениамина Смехова о гиперсексуальности Высоцкого. Позже понял: и впрямь, коль человек был способен покорять огромные концертные залы в несколько тысяч слушателей, целые стадионы, дворцы спорта, то вряд ли какая-то одна, как водится, «слабая, беззащитная» или даже напротив – самоуверенная – женщина могла бы представлять для него неприступную цитадель, способную устоять перед безумно темпераментным напором и сногшибательным обаянием.

Партнерша Высоцкого по многим таганским спектаклям Алла Демидова подтверждала: «Он абсолютно владел залом, он был хозяином сцены... Он обладал удивительной энергией, которая, саккумулировавшись на образе, как луч сильного прожектора, била в зал. Это поле натяжения люди ощущали даже кожей. Я иногда в мизансценах специально заходила за его спину, чтобы не попадать под эту сокрушающую силу воздействия...»³

Жена и мать сыночек Владимира Семеновича – Людмила Абрамова – с жаром говорила: «Пусть меня найдет и плюнет в лицо тот, кто сможет доказать, что Володя когда-нибудь за глаза плохо говорил о женщинах. Уверена, что этого не было! Никогда никому не поверю, если кто-то будет это утверждать...»⁴

Судьбы большинства женщин Высоцкого – сами по себе не просто любопытны. Это сложнейшие, загадочные, трагические житейские новеллы. Утаить их, предать забвению просто грешно.

«Я женщин не бил до семнадцати лет»

Во время выступления в Долгопрудном 21 февраля 1980 года Владимир Семенович, отвечая на записку: «Помните ли вы свою первую любовь?», сперва несколько замешкался, но потом твердо заявил: «Я на вопросы из личной жизни не отвечаю – сколько раз женат, разведен и так далее. А по поводу «первой любви» – конечно, помню. Она же первая, как можно забыть?..»

Знавший Высоцкого, как говорится, с молодых ногтей, Аркадий Свидерский в своих мемуарах вскользь упоминает некую Наташу Панову, чью фамилию будущий классик позднее остроумно засекретит в знаменитой песне «На Большом Каретном» – «Стало все по-новой там, верь – не верь...» – «По-новой» – «Па-новой»?.. (Кстати, та самая Наташа Панова в 1965 году приезжала в белорусскую киноэкспедицию фильма «Я родом из детства». Просто так, в гости. Правда, в гости не к Высоцкому, а к оператору картины Александру Княжинскому, в свое время не раз бывавшему в их компании на Большом Каретном. Вот уж, воистину, «переплетение судеб, судеб сплетенье...»)

«Ему почти шестнадцать... Счастливая пора пробуждения чувств, первых встреч, — вспоминает Ирэн Высоцкая, кузина Владимира. — Одной из таких первых романтических привязанностей Володи стала юная родственница нашего соседа, известного закарпатского художника А. Эрдели, на редкость красивая девушка. Так и вижу: она стоит по одну сторону забора, разделяющего наши дома, он — по другую. Беседы тянутся за полночь. И уже тогда, в этих робких ухаживаниях проявляется столь присущее ему на протяжении всей жизни рыцарственное, уважительное отношение к женщине: будь то мать, любимая, любой близкий или даже посторонний человек...»¹

Шестнадцать лет, безусловно, вполне подходящий возраст для романтических ухаживаний. В том 1954 году Володя в письме своему близкому школьному приятелю Володе Утевскому радостно сообщает с черноморского побережья: «...Скучать я здесь не буду... В Адлере тоже есть кадры, довольно приличные»²

Стоп. Простите автору некоторые сомнения: стоит ли продолжать сию летопись дальше?.. Ведь эта, наверняка столь деликатная тема спровоцирует лавину упреков по поводу «кощунственного посягательства на личную жизнь известного человека», многочисленные обвинения в «святотатстве», «танцах на гробе» и т.п. Так, может быть, и в самом деле есть смысл поставить точку?.. Позволительно ли рассматривать строки из писем и стихов Высоцкого, воспоминаний о нем под стократным микроскопом в надежде выудить хоть какую-то потаенную информацию? Не знаю, ей-богу... И хочется, и колется. Но все же «рука тянется к перу, а перо — к бумаге...», как говорил в свое время Владимир Семенович.

Я вовсе не стремлюсь к посмертному распятию Высоцкого. Но почему бы не попытаться опровергнуть грустно-ироническое сожаление поэта, который как-то обмолвился:

«Очень жаль, сонетов не напишут
Про мои любовные дела...» (?)

Трудно узреть что-либо предосудительное в интересе к интимным деталям биографии той или иной выдающейся личности. Чем крупнее творец, тем больший интерес возникает ко всем сторонам его жизни. Заметьте: ко всем. Любая мелочь привлекает внимание и имеет порой особое значение. Как тут не согласиться со все тем же Любеном Георгиевым, который считал, что если данную тему обходить вниманием, то «распространяется чепуха и сплетни. Пришло время вспомнить и о сердечных делах Владимира Высоцкого...»³ Давайте без табу.

Сам поэт, по-моему, ошибался, чересчур категорично заявив своим слушателям в МГУ 3 ноября 1978 года: «Я вам сокровенных чувств не поверяю. Я считаю, что это лишнее... Если я вам буду рассказывать свои сокровенные чувства, то они вам могут быть совсем неинтересными...»

Да нет же, Владимир Семенович!

В своих стихах и песнях он нередко с документальной точностью фиксировал свои юношеские душевные привязанности. Вспомним хотя бы песенное обращение к братьям Вайнерам: «...А черненькая Норочка с подъезда пять — айсорочка...»

Эта Норочка, по всей видимости, крепко-таки запала в душу Высоцкого, коль он вновь вспомнил это имя в другом поэтическом посвящении своему питерскому приятелю Кириллу Ласкари: «А помнишь,

Кира, Норочку – красивая айсорочка... Лафа! Всего пятерочка, и всем нам по плечу...»

Ласкари же он напоминает еще пару ласковых женских имен: *«Пойдемте с нами, Верочка! – цыганская венгерочка...»*, *«А помнишь – вечериночки у Солиной Мариночки, две бывших балериночки в гостях у пацанов?...»*

Как считает художник Михаил Шемякин, «он не заострял свое творчество на проблемах взаимоотношений мужчины и женщины. Если он и писал о любви, то это были скорее философские озарения»⁴.

Не уверен. Мнение Шемякина тут более чем субъективно и спорно. Тем паче, что сам поэт утверждал, что «у меня все песни о любви»...⁵

Сегодня вряд ли кому неизвестна легендарная «большекаретная» компания Кочаряна, Макарова, Акимова, Утевского, Высоцкого и других, в которой что ни день возникали новые яркие, импозантные персонажи, в том числе, разумеется, и женского пола.

Относительно роли последних покойный писатель Артур Макаров говорил: «Девушки... чувствовали совсем другое отношение, и сами начинали к себе по-другому относиться. Изысканные комплименты Андрея, Володины песни... А «шалава»? «...В этом не было ничего оскорбительного. Шалава – это было почетное наименование, это еще надо было заслужить...»⁶ Аркадий Свидерский добавлял, что в их компании даже был свой «устав», в котором наличествовал пункт об особом отношении к женщине. Все обязывались относиться к слабому полу не так, как предписывал устав ВЛКСМ («по-товарищески»), а по-рыцарски...»

В кочаряновской компании, кроме привычных дворовых подруг («Она во двор, он со двора, такая уж любовь у них...»), бывали и многие известные (в скором будущем) актрисы. Их притягивала не богемная обстановка, а легкий, невесомый, веселый, творческий флер, насыщавший атмосферу. Каждый старался отличиться и тащил на суд друзей что-то свое: кто стихи, кто услышанную вчерашним вечером песню, кто наброски рассказа, кто шарж, а кто – просто свежий анекдот про нового хозяина Кремля («Жил-был добрый дурачина-простофиля...»).

Только благодаря вмешательству Кочаряна и его друзей **Елизавете Никищихиной** удалось-таки осуществить свою заветную мечту и стать артисткой. Когда отец 16-летней Лизы узнал, что она собирается идти в студию при театре имени Станиславского, гневу его не было предела: «Ты что, хочешь стать проституткой?!» Ну и заодно отправил дочку в нокаут. Волей случая, семейство Никищихиных были соседями по огромной «коммуналке» Сурена Акимовича Кочаряна. В тот вечер – 31 декабря 1957 года – Кочарян-младший пригласил друзей на встречу Нового года. Никищихина вспоминала: «Как раз когда отец выяснял со мной отношения, в коридор вышли покурить Лева, Володя Высоцкий, Андрей Тарковский – совсем еще мальчишки... Увидев эту картину, они отца, значит, это самое... ну, как-то успокоили, и Лева сказал, что мне нельзя здесь оставаться. Я собрала вещи и поехала с ними на дачу, к елке, возле которой играли дети, было тепло и пахло пирогами... Потом пошла в театр, а через некоторое время сняла комнату. Полгода спустя отец примирился и вернул меня домой...»⁷

После студии она была принята в труппу театра им. Станиславского. Тогда ее состав был просто «зве-

здным»: два гениальных Евгения — Урбанский и Леонов — чего только стоили? Более-менее успешно складывалась и кинокарьера. С семьей только не ладилось. Первый муж по соображениям отнюдь не материального характера в 1975 году эмигрировал в Америку. Второй — писатель-диссидент. В их квартире было три обыска, трижды вывозились все вещи, вплоть до детских книг. Его посадили, а на Лубянку на допросы таскали Никищину...

Нередко на Большом Каретном появлялись **Люся Марченко**, ее тезка **Люся Гурченко**, **Нонна Мордюкова**, **Жанна Прохоренко**. Хотя **Мордюковой**, откровенно говоря, молодой Высоцкий поначалу как-то не показался: «Володю тогда старалась избегать: он был беспокойным, мне не нравились его песни, вернее, их содержание и его манера исполнения. Теперь-то я уж понимаю, как ошибалась: вникнув в смысл, я осознала величину его таланта...»⁸

Приходившие девушки под началом жены Кочаряна Инны Крижевской и ее соседки Инги Окуневской (дочери легендарной актрисы довоенного советского кино) сперва шустрили по кухне, собирая нехитрую закуску на стол, выкладывали на тарелки любимую Володину баклажанную икру, а затем уже принимали самое активное участие в пирушках. Пели, веселились, танцевали. Левон Кочарян, сам неплохо владевший гитарой, мигом осознал значение только-только появившихся магнитофонов, и одним из первых стал записывать на свой «Спалис» застольное пение друзей, в том числе, естественно, и Высоцкого. Уцелела, к счастью, уникальная запись, датированная 1962 годом, на которой звучат молодые голоса Утевского, самого Кочаряна, Высоцкого, Олега Стриженова и даже Нонны Мордюковой. Что они пели?

Стриженов «Если я заболею», Утевский «Сам я — вятский уроженец», Кочарян «Как много девушек хороших...», «Заскакиваю на хазу...», Мордюкова — пастернаковскую «Свеча горела на столе...», «Обронила я колечко», шуточные куплеты...

Люся Марченко... Сегодня ее имя мало что кому говорит. А, между тем, ей предрекали блестящее будущее. Из своего поколения она была, пожалуй, наиболее перспективной. У Люси был удивительно нежный овал лица, всех подкупал наивный взгляд темных глаз, кокетливо вздернутый носик, стройная фигурка. Уже на втором курсе ВГИКа она получила предложение сниматься в главной роли у знаменитого кинорежиссера Льва Кулиджанова в «Отчем доме» — и сразу проснулась знаменитой. Иван Пырьев без всяких проб взял ее на роль Настеньки в свои «Белые ночи» по Достоевскому.

Однако опытный мастер и не менее маститый сердцеед Пырьев совершил роковой просчет, пригласив на главную мужскую роль записного красавца Олега Стриженова. Прославленный Овод, не успевавший отбиваться от поклонниц (впрочем, без особого усердия), против внимания Люси также не возражал. Да Стриженов и сам умел ухаживать, красиво и профессионально. Хотя, с точки зрения молившихся на него женщин, у Олега имелся существенный недостаток: дурацкий штампик в паспорте.

Иван Александрович Пырьев, вынашивавший в отношении молоденькой актрисы свои планы, страдал. Он снял для Люси комнату в Демидовском переулке. А она стала встречаться там со Стриженовым. Он же был ее постоянным спутником во всех киношно-театральных компаниях, частым гостем

которых бывал и Высоцкий. Затем появилась и еще одна ниточка, связывавшая ее с Владимиром: получив диплом, Марченко одно время служила в экспериментальном театре-студии «Эктемим» Румнева вместе с тогдашней Володиной женой Люсей Абрамовой. С ней у нее были самые теплые, дружеские отношения.

Личная жизнь — в отличие от творческой — у Марченко складывалась отвратительно. Любимица зрителей и кинорежиссеров забеременела. Отец будущего ребенка, Стриженов, вроде бы против ничего не имел, но намекал, что они еще молоды, жить им негде, да еще жена его эта... Словом, Стриженов вернулся в семью, а Люся осталась одна. (Сегодня Олег Александрович все сплетни о его романе с Марченко отрицает и называет «гнусным враньем».)⁹

И вновь на горизонте возник Пырьев. Утешал как мог, но перестарался: Люся стала крепко выпивать. А тут еще слухи об их романе докатились до ЦК. Пырьев, вызванный «на ковер», заявил: «Я люблю эту девушку и хочу на ней жениться». Оправдание сошло для Политбюро, но не для Марченко. И не для ее мамы, которая была на десяток лет моложе «жениха» дочери.

Потом Люся вышла замуж. Неудачно. Снова появился Пырьев. Помог вступить в кооператив кинематографистов и получить квартиру вблизи метро «Аэропорт». Зачастил в гости с неизменной бутылкой (сам не пил), сулил новые роли, даже написал для нее сценарий по Льву Толстому «Война и мир», где Наташей Ростовской должна была стать Марченко. Но она упорно не соглашалась с общепринятым правилом «на экран — через диван». Пырьев жестоко отомстил: будучи директором «Мосфильма» и пред-

седателем Союза кинематографистов, он запретил своим коллегам снимать ее. Не зря «великого и ужасного» Ивана Пырьева за глаза величали Иваном Грозным. «Пырьева настолько боялись актеры, — свидетельствовала Лариса Кадочникова, — что, входя в его кабинет, падали в обморок от одного его взгляда...»¹⁰

Только в 1966 году, после долгой паузы, Марченко удалось-таки заполучить малюсенькую роль в фильме «Стряпуха», где она встретила со своим давнишним знакомым — Володей Высоцким. В этой картине Люся впервые запела с экрана своим слабеньким, но очень и очень приятным голоском. Помимо совместных съемок, их сближали общие приятели. Плюс ко всему тогдашним мужем Люси был известный администратор Москонцерта Виталий Войтенко, который на заре актерской карьеры Высоцкого, в начале 1960-х, организовывал его гастрольные поездки по Уралу.

...Людмила Марченко мечтала дожить хотя бы до шестидесяти лет. Не удалось. Умерла в 1997 году. По одной версии, от пневмонии. По другой, от злоупотребления пырьевским «лекарством»...

Жанна Прохоренко, тайная возлюбленная Артура Макарова, стала знаменитой сразу после выхода на экраны «Баллады о солдате». Ей было всего лишь девятнадцать.

Хотя «тайными» называть отношения Прохоренко с Макаровым глупо. О них знали все в киношных кругах. Естественно, знала об этом и законная супруга Артура Сергеевича. Их трудно было представить рядом: женственная, хрупкая, нежная Жанна, и смахивающий на сегодняшних «братков» Макаров, с выдающейся челюстью, крутыми плечами и бритым за-

тылком. Но только такого мужчину и могла полюбить Прохоренко.

После жуткого убийства Артура Макарова в ночь со 2 на 3 октября 1995 года (он был зарезан на квартире Жанны Трофимовны), Прохоренко сторонится людей. Живет большей частью в деревеньке с характерным названием Глушь, под Псковом. В Москве появляется редко, отказывается от предложений сниматься в кино. Впрочем, их не так уж и много. Актриса Нина Русланова считает, что, «если Жанна захочет сниматься, роль ей найдут. Просто она слишком гордая и сама никогда не попросится в фильм»¹¹.

*«Встретил я одну из очень многих
на моем на жизненном пути...»*

Поступив в Школу-студию, юный студент благоразумно не заводил среди своих однокурсниц «любовей», следуя известному правилу... Хотя «кадры» среди них, безусловно, имелись. Достаточно хотя бы вспомнить имя несостоявшейся актрисы, но зато будущей успешной и, пожалуй, самой яркой телеведущей ЦТ 1960–1970-х годов черноокой красавицы Азы Лихитченко. А разве не заслуживали пристального внимания другие однокурсницы? Марина Добровольская, **Тая Додина**, Роза Савченко, Луиза Нельдерко, Лола Евгенина... В одни имена можно было влюбиться!

Со своей стороны, они тоже выделяли из мужской половины курса Володю Высоцкого. И не столько за внешность или тогдашний песенный ре-

пертуар, сколько за легкий нрав, забавные затеи, вечные шуточки. Больше всего однокурсники потешались над бесконечными фантастическими рассказами Высоцкого о некоем таинственном «Синезе» — Сереже.

«Цыганка Аза» вспоминает, что у него якобы был такой сосед. «Действительно, был или он его придумал — абсолютно неважно. Сосед Сережа — очень занятный парень, немножечко дефективный. Он не выговаривал 30 букв алфавита. Три он говорил хорошо, а остальные — плохо. И когда Володя встречал «Синезу гднуснава-гднуснава», — а встречались они чуть ли не ежедневно, то получалась очередная замечательная веселая история. Мы хохотали до колик...»¹ Он был прекрасным рассказчиком, «выдумщик, любил делать этюды на улице, собирать толпу»², говорила Аза, «своим хрипловатым голосом он передавал удивительные истории, и ежедневно кормил нас ими. Пел Володя редко, да и то нечто несерьезное...»³

Аза Лихитченко всячески (даже порой чересчур темпераментно, что наводит на определенные размышления) отрицает какие-либо романтические отношения с Высоцким. Хотя даже мама Владимира Семеновича была уверена в обратном. «Через много лет после смерти Володи, — рассказывала сама Аза, — она спросила у меня: «Азочка, у тебя же был роман с Володей?» — «Не было у меня романа, не было». — «Нет, был», — все время говорила мне она. Это мое. И все же романа не было, было другое...»⁴

Забегая вперед, скажу, что у Лихитченко сложилась головокружительная телевизионная карьера. Заканчивая Школу-студию, Аза случайно увидела объявление о конкурсе на должность диктора теле-

видения. В те годы дикторы были небожителями, их всего-то было четыре человека. Она прошла сумасшедший конкурс и была принята. Сегодня она признается, что, когда ушла на телевидение, сокурсники от нее отвернулись: изменила театру! Но Аза родилась под счастливой звездой — и стала популярнее всех своих подружек по театральному институту.

А вообще-то в училище хватало и иных объектов внимания, особенно среди старшекурсниц. Тем более что Высоцкий был «...действительно, симпатичен, обаятелен. Так что не случайно многие девушки нашего курса, как говорится, положили на него глаз. Была и я среди них...», — признавалась Изольда Жукова-Мешкова⁵. Она училась уже на третьем курсе. Муж, авиационный техник, трудился в далеком Таллине, родители скучали в Горьком. Как утверждает один украинский журналист, «к тому времени у нее уже был ребенок от первого мужа»⁶.

Вот на Изе-то Высоцкий и остановил свой выбор. Близкому знакомству помог случай. «У нас в студии очень почитались старшекурсники, просто была такая традиция. Неважно, какого ты возраста — если ты старше курсом, все равно перед тобой снимают шапку, — рассказывала Иза. — А они, Володин курс, для нас были «мальчики и девочки». И их курс был такой «хулиганский», озорные ребята — в общем, не «бомондные». Юного студента старший курс пригласил поучаствовать в своем дипломном спектакле «Гостиница «Астория». А потом случился праздник — и старшекурсники снизошли к «мальчикам и девочкам», пригласили к себе. Не совсем к себе — на квартиру **Греты Ромадиной**, «салонной» девочки по тем временам. Накрыли очень красивый стол, но явился Володин курс и как устроил там «живые картинки»!

Они нам там сломали этот салонный стиль. Привнесли свою свежую струю...»⁷ На той вечеринке за Изой настойчиво приударял молодой преподаватель. Но в отношениях с девушками Владимир был решителен, взял большеглазую девушку за руку и пошел провожать.

Что было дальше? «Потом мальчик, с торопливой, чуть вздрагивающей походкой, дерзкий, смешной, стал родным и любимым...»⁸ Она говорит, что он был «по-особенному ярким... В свои 19 лет он был мужчиной по-настоящему, по-большому, по-крупному...»⁹

Настала пора романтических прогулок при луне, от студии — до общежития на Трифоновке, где Иза жила со своими подружками — **Маргошей (Маргаритой) Володиной** и Галиной Грозиной в 9-метровой комнате. Затем ее соседкой стала **Рита Жигунова**. Симпатичные студентки мечтали, конечно, о сцене и кино. Все страшно завидовали Володиной, которая уже успела сняться в фильме «Огненные версты». (Правда, ее, бедняжку, за несанкционированные съемки строгий ректорат лишил стипендии имени народного артиста Хмелева.)

Но главные мечты были, конечно же, о любви... Вон, за Риткой Жигуновой, какой красавчик-танцовщик ухаживает, да еще с таким загадочным заграничным именем — Марис Лиепа!..

Весной 1957 года студенческий спектакль по пьесе Исидора Штока «Гостиница «Астория» был наконец сдан и принят строгими экзаменаторами, а осенью Володя увел Изу с Трифоновки на Первую Мещанскую. Маме сказал просто: «Познакомься, это моя жена».

Молодым, по договоренности с соседями — Яковлевыми, отдали общую комнату в коммуналке, имену-

ему «столовой». «Стало немножечко тяжелее принимать знакомых, друзей, а там без этого не проходило ни дня...»¹⁰

Володя с Изой взахлеб зачитывались супермодными в ту пору романами властителей дум – Ремарка и Хемингуэя. Встречались с друзьями, посещали модные выставки, вечера поэзии. (Кстати, то был еще и год первого Международного фестиваля молодежи и студентов, умы будущих актеров будоражила неделя французского кино... В конце концов, первый киновизит на свою «историческую родину», в Россию, Марины Влади в роли «Колдуньи»...) «Володя, – вспоминала Иза, – просыпался и сразу включался в жизнь. Он знал, чего хочет, любил всех людей. Любил общаться с детьми, со стариками – с кем угодно. Жизнь во всех проявлениях была для него чрезвычайно интересна...»¹¹

Но, «в основном, была проза, а стихи были реже...» И вскоре семейные отношения подверглись первому испытанию на прочность. В 1958 году Иза, получив диплом, отправилась, по распределению, в Киев, в театр русской драмы имени Леси Украинки. В столичные театры ей пробиться было трудновато. А до этого она повезла своего нового мужа на смотрины к родителям в Горький. Иза дала телеграмму, но на вокзале их никто не встретил. Владимир стал искать такси, но в этот момент появилась Изина мама и сестра Наташа. Мама окинула взглядом нового родственника: «Этот клоун не твой ли муж?» Ее насторожил буклистый пиджачок, таких в Горьком еще не носили.

Хотя в общем-то отношения с родными Изы сложились неплохо. Бабушку и вовсе пленил тем, что однажды за чаем уничтожил целую поллитровую банку

замляничного варенья. Жить ему у Мешковых было негде, и Высоцкий снял каюту на дебаркадере. «Он был балагур, – вспоминала Изина школьная подружка Фаина Масунова, – сплошь шутки-прибаутки, какое-то бесшабашное веселье... Бренчал на гитаре, пел, но не свое, а что-то популярное в студенческой среде, смешное и философское тоже. В общем, веселил нас, был «своим парнем». Мы гуляли по набережной, любовались видами Волги... Они часто ходили в театр, поскольку студентам театральных училищ разрешалось бесплатно посещать спектакли...»¹²

Летом следующего года чета молодых актеров вновь приехала в Горький. Не только погостить у родных, но и подзаработать на съемках фильма «Фома Гордеев». Жора Епифанцев, однокурсник Высоцкого, снимавшийся в главной роли, соблазнил: поехали! Впрочем, Владимир и Иза были заняты лишь в массовке, поэтому много времени проводили на Волге, купались, дурачились. Когда съемки закончились, гурьбой – Епифанцев, Иза, Высоцкий, Фаина и еще кто-то из киногруппы – отправились в местный ресторан «Москва». Масунова рассказывала: «Тогда Высоцкий показался мне более озабоченным. Он, конечно же, был внимательным и галантным с нами, дамами, но чувствовалось, что деловой разговор с Епифанцевым и тем, другим мужчиной занимает его больше, чем наше общество...»¹³

Но вернемся на Украину. Жить в Киеве дебютантке, естественно, было негде. Дирекция пристроила новенькую традиционно: в свободной комнатухе (то ли бывшей гримерке, то ли обустроенной кладовке) непосредственно в помещении театра.

В подобных же условиях (вернее, вовсе без оных) по соседству проживал еще один начинающий член

труппы Паша Луспекаев — будущий знаменитый та-моженник Верещагин из «Белого солнца пустыни». В один из своих приездов к молодой жене еще более юный и пылкий Высоцкий едва не подрался с темпераментным Луспекаевым (гремучая смесь мамы-хохлушки и отца-армянина), когда тот, изрядно «приняв» от скуки, одиночества и неопределенности, стал ломиться в двери к симпатичной рыжеволосой соседке, ласково называя ее то «киской», то «рыбкой». Словом, ситуация анекдотическая. То есть, нет, с точностью наоборот. Или, как в будущей песне Высоцкого:

«Потом, я помню, бил друзей твоих,
Мне с ними было как-то неприятно,
Хотя, быть может, были среди них
Наверняка отличные ребята...»

Примерно таковым было нечаянное знакомство Высоцкого с Луспекаевым, переросшее затем в крепкую дружбу.

Как рассказывает Иза Высоцкая, рядом с ее «жилплощадью» был кабинет заведующего труппой, в котором имелся телефон. И молодожены, само собой, вели ночами долгие и нежные разговоры. Нина Максимовна Высоцкая вспоминает, что в их коммуналке телефон находился в прихожей, и сыну при долгих междугородних переговорах приходилось накрываться подушкой, дабы не потревожить Яковлевых. Может быть, с тех самых лет Высоцкий питал особо трепетные чувства к безымянным телефонисткам междугородней связи «07»?..

Как приняли ее в театре? По-разному. Актриса **Александра Захаровна Смолярова** сегодня с трудом припоминает «угловатую девчушку с острым носи-

ком», которая «ничем особенным никого не сразила». Тогдашняя прима **Мальвина Швидлер** утверждает, что Жукова была «совсем не пижонкой, не высокомерной, и в то же время, держась особняком, никогда не вникала ни в какие театральные дразги, сплетни». К этой характеристике Изабелла Павлова добавляла: «Несомненно, очень талантливый человек». В памяти нынешнего хранителя театрального музея Сергея Ивановича Филимонова отложилось, что Иза каждый день приходила на репетиции с новой прической, и режиссеры всякий раз встречали молодую актрису ехидным вопросом: «Какой же прической вы нас сегодня порадуете?...»¹⁴

Говорят, стремясь к воссоединению семьи, Высоцкий попытался устроиться в киевскую труппу. В свой первый визит в Киев, после прослушивания у директора театра Виктора Мягкого, Иза якобы робко попросила: «Я не одна. Послушайте моего мужа — артиста Владимира Высоцкого, он там на порожке сидит...» На что раздался грозный директорский рык: «Какой еще муж?! Какой еще Высоцкий?! Скажи спасибо, что мы тебя взяли!» Наблюдательной Мальвине Зиновьевне Швидлер отчетливо запомнился муж Изольды: «Небольшого роста, с румянцем со всю щеку, совершенно незаметный... Но уже тогда можно было догадаться, что это не такой простой мальчик, как могло показаться на первый взгляд: не было в нем зависимости, улыбочек, этакого актерского желания понравиться»¹⁵. В общем, не сложилась киевская карьера Высоцкого, и слава богу.

В 1960-м, когда Владимир уже заканчивал училище, молодые люди решили узаконить свои отношения. Тем более что к тому времени Изе удалось, в конце концов, расторгнуть свой предыдущий брак

с таллинским наземным авиатором и возвратиться из «киевской ссылки» в Москву. В книге регистраций напротив записи об увольнении актрисы Изольды Жуковой из театра имени Леси Украинки рукой заведующего труппой было приписано: «Ушла. Очень жаль...»¹⁶

С собой из Киева Изольда привезла чемодан писем от Высоцкого. Он писал ей чуть ли не каждый день. (А в памяти почему-то возникают написанные им позже поэтические строки: *«Не пиши мне про любовь, не поверю я...»* Или такие: *«Я сжал письмо, как голову змеи. Сквозь пальцы просочился яд измены...»* – Ю.С.)

На 25 апреля 1960 года была назначена официальная церемония бракосочетания. Поначалу Иза с Володей собирались отметить это событие более чем скромно, тихо: пригласить самых близких друзей – Свидерского, Яловича и Акимова посидеть в ресторане. По другой версии был и иной вариант – «домашний». Отпраздновать опять-таки впятером, но в другом составе: «молодожены», Володины родители и жена Семена Владимировича Евгения Степановна Лихалатова. Потом решили воспользоваться гостеприимством Акимова. Нина Максимовна даже сходила туда и вымела из-под мебели два ведра окурков и фантиков.

Выросшей и воспитанной на Востоке Евгении Степановне подобные идеи будущих молодоженов показались полным бредом, вопиющим нарушением традиций, едва ли не кощунством. Она тотчас принялась названивать мужу в Питер, где в Академии связи постигал премудрости армейских наук Семен Владимирович. Высоцкий-старший с мнением жены, разумеется, тотчас согласился, сказав, что молодежь в этой жизни ни черта не смыслит, ветер в их голо-

вах гуляет, и повелел гулять свадьбу как следует, с размахом, то бишь по-нашему, по-настоящему, а то будет как-то не по-людски... Места мало? Соберем гостей в их более просторной квартире на Большом Каретном. Все хозяйственные хлопоты взяла на себя Евгения Степановна.

Следуя существующим традициям, жених в канун свадьбы созвал «мальчишник» в своем любимом кафе «Артистическое» (в их кругу именуемое на французский манер – «Артистик»). А куда же еще, как не в «Артистик», податься бедному студенту театрального вуза?!

Когда вечеринка затянулась не на шутку, разгневанная невеста явилась в кафе. Подгулявший жених ей честно признался, что «пригласил всех!» На трезвый и резонный Изин вопрос: «Кого «всех»? – последовал маловразумительный ответ: «А я не помню, я всех приглашал...»

Словом, на свадьбе гуляли действительно все: два курса – и Володин, и Изин, друзья, родственники, соседи. Вот только родители невесты на торжество не пожаловали. Но и без них двухкомнатная квартира Семена Владимировича оказалась тесноватой. Гостям пришлось располагаться даже на подоконниках. Было весело, шумно, бесшабашно. Само собой, много пели и плясали. Невеста была в сногсшибательном наряде – бело-розовом платье, с каркасом.

Самым оригинальным подарком молодоженам стал... громадный дог, которого церемонно преподнес друзьям по студии шутник Гена Ялович. Гостям (в отличие от жениха и невесты) подарок жутко понравился, все хохотали и норовили погладить страшилище по короткой шерстке, а кое-кто, шутки ради, против... (Спустя пару дней Владимир позвонил

дарителю и взмолился: «Что мне с ним делать?! Слушай, заведи его к черту!» Пришлось Яловичу забрать пса.) Друзья, кстати, говорили, что Высоцкий, в общем-то, любил животных, но... на расстоянии.

Свадьба, в самом деле, удалась на славу. Гуляли до утра. Часа в четыре, «весенней гулкой ранью», законные супруги вместе с Ниной Максимовной возвращались к себе домой, на 1-ю Мещанскую. Там Высоцкий взгромоздился на подоконник и стал зазывать каких-то рабочих отметить «лишение его свободы»...

А затем настали «суровые будни»...

Сегодня Иза наделяет бывшего мужа всевозможными добродетелями: «Выйдя за Володю замуж, я попала в совершенно необыкновенную атмосферу. Он был как-то ближе к своему отцу. У Семена Владимировича тогда уже была другая семья. Его вторая жена Евгения Степановна — армянка, и у них были сильные традиции гостеприимства. Постоянно большие компании, совершенно удивительные застолья с восточными блюдами, теплое, заинтересованное отношение к людям. И Володя вырос таким ласковым, великодушным... Нельзя было его не любить — за доброту, нежность какую-то к людям. Мои мама и бабушка тоже были в него просто влюблены...»¹⁷

Поначалу супруг-выпускник попытался самостоятельно решить дальнейшую карьеру жены. Его приглашали в театр имени Маяковского. Он ставил условие: только с женой. Но, как признает Иза Константиновна, «по своему амплу я не подходила для него»¹⁸. Может быть. На вариант — работать в разных театрах — Высоцкий не соглашался. Попробовал договориться с Борисом Равенских, который только-только возглавил театр имени Пушкина и активно звал Высоцкого к себе, суля златые горы.

О начинающем актере новому главному режиссеру уже все уши прожужжала Светлана Аннапольская, которой было поручено обновить труппу «Пушкинского»: «Он не был похож ни на кого. Он был очень богатый внутренне парень... Он действительно поразил меня как актер...»¹⁹ Когда они познакомились ближе, оказалось, что Светлана близко знала семью Высоцких: ее отец работал главным виноделом на заводе «Узбеквино», а дед Высоцкого работал там юрисконсультком. Знала она и Семена Владимировича.

Словом, сосватала Аннапольская Высоцкого в театр к Равенскому.

А вот Иза на просмотре умудрилась поскандальить с придирчивым главным режиссером. И, естественно, получила отказ.

Помимо профессиональных неудач, у Изы стали возникать проблемы и на личном фронте. Она мучилась от ревности к Володиным друзьям. Ее раздражала манера мужа по вечерам звонить от кого-нибудь из приятелей и говорить: «Я еду». Потом перезванивать минут через пятнадцать и сообщать: «Я уже выезжаю». Проходило еще какое-то время и раздавался очередной звонок: «Я уже еду». И так он мог «ехать» часами. Черт знает что!

Тогда Иза пустилась на элементарную женскую хитрость. По ее просьбе на вечерний телефонный звонок Володи отзывалась соседка — Гися Моиссевна Яковлева (да-да, та самая — из «Баллады о детстве». — Ю.С.) — и невинным голосом говорила, что Изочки нет, она, дескать, оделась, «как экспонат», и ушла. А куда, Володечка, мне неизвестно. Тогда ревнивец обзванивал всех подруг Изы, немедленно мчался домой и, конечно же, застал жену, устроившуюся на диване с книжкой в руках²⁰.

Она не отрицает, что они частенько ссорились, после чего Иза обычно выскакивала на улицу и ловила такси: «Прямо, пожалуйста!» При этом знала, что муж едет следом. Потом такси Владимира обгоняло беглянку и становилось поперек. Машина Изы останавливалась. Ревнивец выстаскивал Изу из такси, что-то объяснял шоферу, расплачивался и вез жену назад. Однажды в Изину машину ввалился какой-то парень и уселся прямо ей на колени. Высоцкий вытащил парня, пару раз хряснул ее дверцей по голове и аккуратно положил рядом с автомобилем. А однажды Владимир так увлекся слежкой за ветреной супругой, которая прогуливалась с подружкой, что им самим заинтересовался и задержал милиционер. Пришлось выручать...

Хватало и других проблем.

В общем, спустя год, весной 1961 года, безработная, никому не нужная, обиженная на весь белый свет, непризнанная и несчастная Изольда Высоцкая отправилась из столицы искать свое актерское и житейское счастье в далекую провинцию — ростовский театр имени Ленинского комсомола. Было ли это лучшим выходом? Для нее, видимо, да.

Как считала Аннапольская, в театре имени Пушкина у Высоцкого не заладилось. С одной стороны, беспокоили семейные проблемы, с другой — не складывались отношения с режиссером. «Володя начал сильно пить, — признавала Аннапольская. — И в этом в какой-то мере виноват Борис Равенских... Он тоже почувствовал, какой у Володи большой потенциал. И сразу дал ему главную роль в чешской комедии «Свиные хвостики». Володя начал репетировать. Ну не может все сразу получаться у молодого актера! А тут кто-то сказал, что на эту роль в Свердловске есть хороший комедийный актер Раутбарт...

Равенских вызвал его, снял Высоцкого с роли и отдал ее Раутбарту. Мало того — он назначил Володю в массовку в том же спектакле. Высоцкий должен был играть в оркестре на огромном барабане. На премьере он напился. И, проходя по сцене, упал в оркестровую яму. Слава богу, музыканты подняли руки и удержали его. После этого Высоцкий называл Равенских не иначе как «фюрером»²¹

Владимир пытался как-то склеить рушащиеся брачные узы: то прилетал, то приезжал в Ростов-на-Дону (однажды даже на крыше вагона). И один, и с друзьями. Пел, шутил, балагурил, пытался очаровать окружающих. «Володя, — рассказывала Иза, — всерьез строил планы театрального завоевания этого города. Помню его письмо: «Все телевидение будет наше!» Он собирался работать в нашем театре, и главный режиссер Ленкома Константин Христович Шахбазиди что-то, по-моему, предусмотрел для Володи при распределении ролей на спектакль «Красные дьяволята»²²

Слава богу, что все это так и осталось планами! Иначе, кто знает, говорили ли бы мы сейчас о Высоцком как о Высоцком?..

Итак, «любовная лодка разбилась о быт»? А, может быть (и даже наверняка), были и другие причины? Как с той, так и с другой стороны? К чему теперь судить, «по чьей вине, по чьей вине?..»

Сама того не желая, Иза (так и оставшаяся Высоцкой) своими воспоминаниями о супружеских днях выдает себя с головой: «...Трудно себе представить, какой это был кошмар — первые Володиные шаги в постижении игры на гитаре. Часами он мог сидеть, выбивая всего лишь ритм и заунивно тянуть одну и ту же цыганскую песню, где были такие «бессмерт-

ные» слова: «ны-ны-ны, есть ведро, в нем нет воды, значит, нам не миновать беды». Это была в ту пору его песня-конек, которую кто-то показал ему, как надо исполнять. Только когда по ночам зудело его бесконечно «ны-ны-ны», мне на самом деле начинало казаться, что беды какой-то точно не избежать...»

Правда, она (на всякий случай) добавляла: «...Я, как примерная супруга, приносила ему кофе и стралась не мешать его упражнениям...»²³ Иза простодушно признавалась: «Я не придавала никакого значения этим песням, они для меня были каким-то терзанием. Куда мы ни приходили, начинались эти песни. Причем люди их слышали впервые, а я их слышала в сто первый раз. По-моему, иногда даже поднимала бунт... Мне казалось — нельзя заниматься никакими песнями! Надо заниматься только женой! В те годы мне так казалось...»²⁴

«Ошибка вышла, вот о чем молчит наука...»

Плюс ко всему всезнающие «доброхоты» не дремали. Оперативно донесли Изе в Ростов про Ленинград, про съемки «713-го...», и про Люсю Абрамову, естественно, тоже. Узнав о шумном романе, Иза тут же позвонила в Питер. Они крупно повздорили с Володей. В расстроенных чувствах Иза, тотчас «*сбрав вещички и закрыв кавычки*», укатила из Ростова в другой, не менее «крупный российский театральный центр», — Пермь.

Это теперь на вопрос о причинах расставания с Высоцким Иза Константиновна кротко отвечает: «Честно говоря, я и сама не знаю. Нет конкретной причины. Расстались, и все. Наверное, это судьба: встретились, какое-то время побыли вместе и пошли дальше, в другую жизнь...»²⁵

Некоторые свидетели утверждали, что спустя десяток лет в своей скоропалительной и явно неудачной женитьбе Высоцкий винил прежде всего свою мать, которая, даже не успев толком разглядеть Изу, тут же стала уговаривать своего непутевого сына наконец оступиться и жениться на такой славной девушке.

Возможно.

Хотя, на мой взгляд, юноша женился от одиночества и нетерпеливого желания поскорее стать совсем самостоятельным, взрослым, избавиться от прилипчивого дружеского, но обидного прозвища «Шванц» («хвостик» по-немецки). Тем более, перед глазами были уже примеры душевного и материального благополучия пережившихся друзей с Большого Каретного.

Напомню, роман Высоцкого и Изы стартовал в 1957 году. Спустя десяток лет, весной 1967 года, из-под пера поэта вышли строки:

«...Я женился с завидной поспешностью,
Как когда-то на бабушке дедушка.
Оказалось со всей достоверностью,
Что была она вовсе не девушка...»

Нет, ни в коем случае я не провожу никаких узнаваемых параллелей. Но ведь такие грустные строки все же выплеснулись на бумагу. И их уже не вымарашешь...

Дальнейшая судьба Изы Константиновны в профессиональном смысле сложилась вроде бы удачно. Все-таки до звания «заслуженный артист» ее бывший супруг Высоцкий так и не дослужился, а вот ей удалось! Для этого, правда, пришлось изрядно помотаться по провинциальным театрам. Чтобы разыскать Изу и развестись с ней для официального

оформления будущего брака с Людмилой Абрамовой, Высоцкому пришлось приложить немало усилий. Впрочем, Иза в затянувшейся процедуре развода винит Владимира: «Я не могла там (в Перми. – Ю.С.) даже прописаться, потому что нам с Володей никак не удавалось оформить развод – он все время терял документы... Мы с ним встречались, общались, но не получалось добраться до загса. И только в один из приездов мы, как лучшие друзья, взявшись за руки, сходили и развелись...»²⁶

Позже Иза вышла замуж, в 1965 году родила сына и окончательно осталась в нижнетагильской труппе.

В Москве бывшие супруги при случае встречались. В основном, дома, у Изиной студенческой подруги Карины Диодоровой. Порой Высоцкий приглашал Изу на свои выступления. В августе 1970 года, когда Владимир Семенович был уже известен, и, по ее понятиям, всесилен, Иза обратилась к нему за помощью в решении каких-то актерских проблем своего нового спутника жизни. (Впрочем, эта ее просьба Высоцкого несколько ошарашила и очень расстроила.)

С плохо скрываемой ревностью Изольда Константиновна как-то обмолвилась: «Когда мы расстались, у меня было такое ощущение, что его женщины должны быть очень счастливы. Потому что у него был дар – дарить! Из будней делать праздники, причем органично, естественно. То есть обычный будничнейший день не мог пройти просто так, обязательно должно было что-нибудь случиться. Вот даже такое: он не мог прийти домой, чего-нибудь не принеся. Это мог быть воздушный шарик, одна мандаринина, одна конфета какая-нибудь – ну, что-нибудь! – ерунда, глупость, но что-то должно быть такое. И это делало день действительно праздничным. И потом, он

тоже умел всякие бытовые мелочи: выстиранную рубашку, жареную картошку, стакан чаю – любую мелочь принимать как подарок. От этого хотелось делать еще и еще. Это было приятно...»²⁷

Словом, ни единой строкой он не лгал в своих стихах:

«Мне каждый час хотелось сделать ночью брачной...»

*«...И нельзя налево,
и нельзя направо...»*

Студийная преподавательница Высоцкого **Вера Юлиановна Кацнельсон** (кафедра марксизма-ленинизма) сетовала: «Курс был очень неудачным для него по части выпивки. А он уже пришел с этим... Он был мальчишкой, и мы без конца его обсуждали... Однажды в выходной день мы в очередной раз собрались у ректора, чтобы его обсуждать, он опять что-то натворил. Я ему потом говорю: «Володя, у меня сын только в школу пошел. А из-за тебя пришлось в выходной приходиться».

Он отвечает: «Все, Вера Юлиановна, больше не буду. Чтобы не портить вам выходной!»¹

У женатого студента Высоцкого, кроме «нарушений дисциплины», случались, разумеется, и мимо-летные сердечные увлечения. А как не быть?

В каникулярное лето 1959 года выездная бригада студентов Школы-студии МХАТа развлекала своими мини-спектаклями по чеховским рассказам и концертами жителей подмосковного сельца Малино,

что в Ступинском районе. Свидетель тех дней Андрей Федосеев рассказывал: «Однажды после спектакля Володя отправился в Малино на танцплощадку. Вижу — бежит один парень: «Андрей! Там вашему артисту по физиономии съездили!» Я собрал друзей, прибежали на танцплощадку. Володя сидит на скамейке, вытирает кровь из носа. Я к нему: «Кто тебя?» — «Юрка Егоров». Юрка мне заявляет: «Да ты что, защищаешь этих приезжих! Он же с Валькой танцевал, вот я ему и заехал за это!» Валька — это москвичка, приехавшая к нам на лето. Ну, я, конечно, Юрку враз обработал, проводил Володю до Дома колхозника...»²

Аза Лихитченко с ностальгией вспоминает те давешние подмосковные гастроли: «Володя умел захватывать аудиторию. Что-то в нем тогда уже было такое. Я поняла это после 3-го курса... Выходил Володя, который читал Щукаря, — в то время это был его коронный номер. Он говорил первую фразу — зал шумел, еще не отойдя от предыдущего, — затем вторую, третью. Зрители постепенно затихали, втягиваясь в его чтение. Потом он полностью овладевал залом, который буквально внимал каждому его слову. И заканчивал Володя при громовом хохоте и аплодисментах...»³

В своих ухаживаниях за девушками юный Высоцкий был неутомим, неукротим и непредсказуем, как шаровая молния.

Молоденька студентка Щепкинского училища Раиса Лунева сегодня с легкой грустной усмешкой вспоминает: «...Года полтора-два один человек не давал мне покоя. Однажды на вечере в нашем училище какой-то шпендрик пригласил меня танцевать. У меня рост 165 плюс шпильки. Я отказала ему из-за того,

что он был ниже меня ростом. И тогда он произнес: «Если с кем-нибудь будешь танцевать — попишу!»... А у нас на вечерах бывали только студенты театральных вузов, других не пускали. Я решила, что этот парень проник со стороны, у нас так не общались. А тут меня пригласил на танец будущий «Человек-амфибия» — Володя Коренев, красивый синеглазый мальчик. Я пошла с ним танцевать танго, и тут подлетает этот и говорит: «Я же тебя предупредил! Если не танцуешь со мной, ты не должна танцевать ни с кем». Я попросила дежурного педагога его вывести. И тут выяснили, что он — не посторонний, а студент студии МХАТ Володя Высоцкий. Этот его террор продолжался очень долго. Если мы оказывались вместе на каком-нибудь вечере, он тут же меня находил в толпе, подходил и приглашал, я ему отказывала. И он мне всегда повторял эту фразу. Я стала его бояться, настроение было испорчено, я уходила с вечеров. Я его ненавидела!...»⁴

Словом, прокололся с Раисой Луневой Высоцкий, как говорится, по полной программе. Хотя игра, видимо, все же стоила свеч. Девушка была стоящей, коль ее благосклонности в молодости добивались многие видные ухажеры. Одним из них, например, был Иосиф Кобзон. Александр Галич и вовсе посвящал ей стихи: «И вот она идет меж столиков в своем костюмчике джерси...»

Раиса, «принцесса с Нижней Масловки», в поисках своего актерского счастья металась из одного театра в другой, в сущности, повторяя путь Изы Высоцкой и многих других провинциальных премьерш. В ее трудовой книжке один за другим мелькали города: Ашхабад, Днепропетровск, Киров, Алма-Ата, Рига, Калининград, Куйбышев (как она там не попалась

на глаза Высоцкому во время его триумфальных концертов?). Где-то в конце шестидесятых Лунева попыталась все же покорить столицу — ей обещали место в популярном тогда театре на Малой Бронной.

В Москве случайно встретилась со своим давнишним знакомым Борей Хмельницким, неизменно окружавшим себя красивыми, эффектными спутницами. Он, не долго думая, предложил ей пойти в гости к Высоцкому. У Райсы, как она говорит, сердце упало. Тогда «Хмель», не желая упускать чаровницу, пригласил ее к себе, обещая познакомить с Мариной Влади. Ну кто же от знакомства с «колдуньей» мог отказаться?! Вечером состоялась встреча. Они «сидели, разговаривали, Высоцкий рассказывал, как на съемках «Хозяина тайги» их завалило снегом (это в августе, что ли? — Ю.С.) и он написал «Баньку побелому», а Марина лежала у него на плече весь вечер. Как она прильнула к нему, так ни одного слова весь вечер не проронила...»... Естественно, к прежним отношениям возврата не было, хотя «я очень полюбила Высоцкого, его стихи, актерские работы...»⁵

Кто выиграл? Кто проиграл?

По утверждению некоторых журналистов, в 1960 году у Высоцкого якобы был роман с начинающей певицей Валентиной из славного города Ейска (помните чудесные строки: *«невероятно, в Ейске, уже по-европейски, свобода слова есть...»?*), которая выступала с концертами в Москве. Плодом «любви роковой», рассказывают «очевидцы», стал сын, родившийся уже... в Потсдаме, где будущая мать оказалась в культбригаде группы советских войск в ГДР. Об этом через тридцать с лишним лет поведал сердобольным слушателям гастролировавший в московских библиотеках и клубах с сольными концертами неко-

Игорь Сиваков, аккомпанируя себе на гитаре. «Экспресс-газета» взяла на себя смелость рассказать об этой трогательной истории незаконнорожденного «сына» Владимира Семеновича⁶.

Романтическое приключение, по словам Игоря, развивалось следующим образом: разрешившейся от бремени матери вскоре удалось выйти замуж. Сыну она дала фамилию супруга. Однако в дальнейшем семейная жизнь у певицы не заладилась, а Игорь очутился в интернате.

Основу репертуара Игоря, естественно, составляли песни Высоцкого. И когда мать услышала, как поет сын, горько заплакала и призналась ему, кто на самом деле является его отцом... Игорь уверял журналистов, что близко знаком с законными сыновьями Владимира Семеновича, которые относятся к нему терпимо. «Нина Тимофеевна (почему же не Максимовна? — Ю.С.), мать Владимира Семеновича, приняла меня очень тепло...»⁷

Лукавые московские газетчики, сделав Игорю Сивакову-Высоцкому бесплатную рекламу, даже предложили последнему деньги на дорогостоящий анализ крови на ДНК с целью установления реального отцовства. И торжественно пообещали читателям: «Настоящий он сын Высоцкого или самозванец, мы обязательно сообщим в одном из ближайших номеров...» Ждем-с...

Творцам этой сомнительной истории Никита Владимирович Высоцкий в чисто отцовской манере хладнокровно советовал: «Побойтесь Бога, если не меня»⁸

Постарались не отстать от бойких коллег журналисты другой газеты, опубликовав не менее душещипательную исповедь «Я — сын Высоцкого!»⁹ 40-летне-

го москвича Виктора Кулакова, юриста, инвалида детства. Он, как и вышеназванный Игорь, также родился 10 октября 1961 года. Вследствие тяжелого полиомиелита практически все детство провел в больнице. «Дядя Володя» якобы часто его навещал. И в 1975 году, наконец, признался в том, что хотел бы, чтобы Виктор носил его фамилию. Его мать, швея **Людмила Тихоновна Спиридонова**, утверждает, что так все и было.

Цитирую дословно: «С Высоцким познакомилась в июне 1960 года. Ей было 24, ему — 23. (? — Ю.С.)... В конце сентября этого же года мы обвенчались в маленькой церквушке на Щелковской, недалеко от циркового училища. Глупые были, обвенчались и разбрелись по своим домам. О совместной жизни и речи быть не могло. Играючи поженились, играючи и расстались... А в ноябре 1961 года Людмила Тихоновна вышла замуж за Юрия Кулакова. Муж все знал о прошлом жены, но терпел, хотя время от времени устраивал сцены ревности. Владимир Семенович пару раз навещал сына. Родители отчима, где жили молодожены, думали, что приходит двоюродный брат Людмилы. Но очень скоро обман раскрылся... Был жуткий скандал!»

Уф, с трудом, но с «детьми», кажется, разобрались. Но, кроме названных, у Высоцкого были и другие дамы сердца. Все тот же Борис Хмельницкий вспоминал, что с Высоцким «мы познакомились в общежитии ГИТИСа. Он тогда ухаживал за **Надеждой Животовой**, нашей студенткой. Такая девчонка была из Одессы, секс-бомба. Он пришел в своем пиджачке, что-то стал петь, одну песню, пятую — ничего так, но сколько можно: одеяло на себя

тянет. А у нас своя компания, свои дела. Как-то оттерли его, ему это не понравилось. Но все произошло как-то легко, без злобы»¹⁰.

(Позволю себе вопрос Борису Алексеевичу: может быть, Животову звали все-таки не Нина, а Надежда? Была в свое время такая видная актриса в театре имени Станиславского. Театралам со стажем она особенно запомнилась по роли проститутки Дженни в спектакле по Бертольду Брехту «Трехгрошовая опера».)

Будущий товарищ по театру на Таганке Анатолий Васильев вспоминает, возможно, тот же эпизод, но адрес называет иной — «общага Шукинского училища». Но ситуация, в общем-то, зеркальная: «Там у нас... были две «свои» комнаты, где мы могли посидеть: выпить, покалякать, попеть песни. Я помню, что тогда были Боря Хмельницкий, Валерий Иванов, Вадим Насонов... В студенчестве не очень-то попьешь: так — одна «фугаска» на троих да килька в томатном соусе... Сидели просто так — гитара, разговоры, треп обо всем и ни о чем... И вдруг вошел коротко остриженный парень в буклетистом пиджаке, прилично выпивший. Как мне тогда показалось — типичный московский парень с недалекой окраины, даже слегка приبلатненный. И все наши дамы к нему потянулись, просто бросились: «А, Володя, Володя!»

И он понес какую-то мешанину самых ранних песен, что мне — я это хорошо помню — очень не понравилось. Может быть, потому, что он был «под этим делом»... А, может быть, я лидерство потерял в тот момент, хрен его знает. Но я помню свое не очень приятное к нему отношение...»

Для артистического студенчества тех лет общежития были желанными и единственными берлога-

ми. Вспомнить хотя бы легендарную Трифоновку, где рядышком выстроились общежития Школы-студии, ГИТИСа, Щепкинского, Щукинского и Гнесинского училищ. И даже циркового.

Разве что вгиковское было в Ростокинском проезде. «Я шел по коридору, — вспоминает тогдашний студент, а ныне знаменитый сценарист Эдуард Володарский, — и услышал его хриплый голос. Открыл дверь — сидело человек семь народа мужского и женского полу... И Володя пел...»¹¹

А драматург Михаил Рошин вспоминал, как в их тесную общаговскую комнатуху на Смоленской площади «почти каждый вечер после спектакля, набивались актеры на полуночные посиделки с разговорами под чаек и водочку. Володя Высоцкий пел у нас часто...»¹² Актер Игорь Пушкарев честно признает: «Сошлись мы, как два «ходака», — оба любили женщин и веселые компании»¹³

Кумир кинозрителей поколения начала 1960-х Евгений Урбанский (после «Коммуниста», «Чистого неба», «Баллады о солдате») со своей молодой женой латышской красавицей **Дзидрой Ритенбергс** обитал уже не в общежитии, а прямо в родном театре имени Станиславского в 6-метровой клетушке. Кровать имелась, и ладно. Зато рядом с их комнатой был большой репетиционный зал, который по ночам, по окончании спектаклей, превращался в замечательный «салон» творческой столичной молодежи. Урбанский прекрасно пел, Высоцкий заглядывал ему в рот, восторгался, завидовал и пытался конкурировать.

Кто в те годы там только не побывал! В гости к Урбанским на улицу Горького на посиделки забегали юные прелестницы-актрисы **Ольга Бган** и **Тамара**

Витченко. Тут бывал будущий великий клоун Юрий Никулин, начинающий писатель Артур Макаров, актер Юрий Гребенщиков. В числе обязательных завсегдатаев вечеринок Дзидра вспоминала также Григория Чухрая, Роберта Рождественского, Иннокентия Смоктуновского, множество других громких имен покорителей зрительских сердец и некоторых ныне сгинувших в безвестии актеров, поэтов, художников, режиссеров... Какие романы там только не зарождались, какие страсти кипели! А вот спутницы, с которыми появлялся в компании Высоцкий, менялись, как стеклышки в калейдоскопе.

(Да, кстати, в 1957 году на Венецианском кинофестивале соперницей Дзидры Ритенбергс, исполнявшей роль Мальвы в одноименном советском фильме, в борьбе за кубок Вольпи за лучшую женскую роль была... Марина Влади. Кубок достался Ритенбергс. Кто мог бы тогда предположить, как пересекутся судьбы спустя десяток лет?..)

К сожалению, как и многие другие героини этой летописи, Дзидры Ритенбергс уже нет в этой жизни. Она умерла 9 марта 2003 года в своей родной Риге...

Еще одним из самых привлекательных московских «салонов» той поры был (да что там был? — и поныне есть!) дом Карины Филипповой-Диодоровой. Однокурсница Изы, закончив Школу-студию МХАТ, стала участницей дебютного спектакля новорожденного «Современника» по пьесе Виктора Розова «Вечно живые». Позже, когда энтузиасты-однокурсники пытались организовать в клубе МВД на улице Дзержинского свой театр по примеру Олега Ефремова и его друзей, Карина стала партнершей Высоцкого в спектакле по Карелу Чапеку «Белая болезнь».

Филиппова с удовольствием перечисляет имена своих тогдашних гостей: «Всегда судьба милостива. Наш курс, наша школа-студия МХАТ — это и Володя Высоцкий, и Аркаша Стругацкий, и Митя Урнов!.. А актеры, режиссеры, так называемая компания ВНЮК — Владик Заманский, **Нина Веселовская** (Даша в «Хождении по мукам»), Юрочка Ершов... (сама Карина — «К»)... Иза Высоцкая, первая жена Володи, мы до сих пор дружим... И шампанское кувырком...»¹⁴

Непозволительно рано потеряв мужа — композитора Кирилла Акимова, Карина сочла, что отныне и театр для нее вычеркнут из жизни. Уехала из Москвы, стремясь начать совершенно новый жизненный виток. Потом вернулась и поняла, что нашла свою судьбу и призвание — помощь в делах нового супруга, ныне народного художника России Бориса Дюдорова. И с цыганской пронизательностью почувствовала, что Божий промысел, возложенный на нее, не выполнила. Попыталась вернуться в театр, но почувствовала, что эта страница ее биографии тихо перевернулась. Мучило желание выговориться.

Карина Степановна, не обделенная литературными способностями (автор ряда книг, множества стихов, ставшими популярными песнями в исполнении Шульженко, Кристалинской, Великановой и юной Пугачевой), в свое время пыталась принять участие в литературной судьбе Владимира Высоцкого. Весной 1967 года она познакомилась с творчеством начинающей писательницы **Диной Калиновской** (автором монопьесы «Баллада о безрассудстве», позже переработанной в киносценарий «Помните, война случилась в сорок первом...»).

Дина Михайловна рассказывала, она дала почитать свою рукопись Карине. Та сразу предложила:

«Давай покажем Высоцкому! Мне было все равно — имя это мне ничего не говорило, песен Володиных я тогда не знала. Карина позвонила ему — он немедленно приехал, забрал пьесу домой, вскоре позвонил нам: «Нет, девчата, это несерьезно...»

Потом Высоцкий улетел в Одессу, и вдруг через несколько дней — звонок: «Девки, пьеса гениальная! Я играю, я ставлю, я пишу песни. Я уже дал читать ее Говорухину...» Скоро Володя приехал и очень напористо сказал: «Девчата, дело пойдет...» И мы принялись за работу... Володя сказал, что, во-первых, там виден женский почерк, а он бы хотел обжить пьесу внутри себя, по-мужски... Он приходил к Карине, у которой я жила, что-нибудь на скорую руку перекусывал, и мы с ним садились разговаривать по поводу очередного эпизода... Володя хотел густо насытить этот сценарий песнями и сам их исполнять... Особенно он хотел написать песню о собаке. Сохранились в памяти строки, что-то такое: «...Бим, который мне необходим...» Затем в какой-то момент появился Говорухин (это все еще июнь, театр продолжал работать), мы вместе читали и обсуждали сценарий. Говорухин больше молчал, слушал... После того как мы закончили, я отдала Володе единственный экземпляр, написанный от руки (машинки у меня тогда не было). С удовольствием взялся его отпечатать, сказал, что он уже выучился, что печатает страницу за 16 минут. Это его не устраивало, он хотел быстрее...»¹⁵

К сожалению, из этой затеи ничего не вышло. Руководство Одесской киностудии сценарий забраковало.

В том самом вгиковском общежитии, кстати, в начале 1960-х Владимир Высоцкий мимоходом позна-

комился с будущей «скалолазкой» из «Вертикали» **Ларисой Лужиной**. Высоцкий частенько навещался в Ростокинский. Официально он приходил к своим приятелям, но симпатичных студенток вниманием, естественно, не обходил. Лужину в том числе. Она рассказывала: «Он часто приходил к нам в общежитие, пел песни. Мне тогда казалось: ничего особенного, ну, парень с гитарой, песни какие-то приклатненные. Невзрачный, невысокого роста. Вот когда к нам заходил Муслим Магомаев — это все, караул — все девчонки сбегались. А Высоцкий... Нет, я на него внимания не обращала...»¹⁶

К тому же, за Ларисой в то время ухаживал студент операторского факультета Алексей Чердынин (а в скором будущем — муж), и Высоцкому здесь счастье не улыбалось.

Вообще, тот герасимовско-макаровский курс ВГИКа был, что называется, «звездным». Сокурсницами Лужиной были две блестящих **Жанны — Прохоренко** и **Болотова** (удачно дебютировавшая в 16 лет в фильме «Дом, в котором я живу»). А **Галя Польских**, а **Инна Гулая**? А статная русская красавица **Лида Федосеева**, ставшая через тире Шукшиной после смерти мужа, а **Таня Гаврилова** (одна из героинь будущего рязановского фильма «Дайте жалобную книгу»), а загадочная Лариса Кадочникова?!. У кого угодно могла закружиться голова.

Впрочем, Высоцкий, наверно, напрасно то общежитие навещал, только время зря терял. Во ВГИКе и своих красавцев с головой хватало. Николай Губенко, Евгений Жариков, Андрей Кончаловский, Сергей Никоненко... На соседнем, сценарном факультете, учился гениальный Гена Шпаликов (чей сценарий «Я родом из детства» распахнул для Вы-

соцкого дверь в кинематограф). Студенты даже не подозревали, что рядом с ними жил и творил будущий классик отечественной словесности — Василий Макарович Шукшин!.. В то время автор «Калины красной» был не кто-нибудь, а секретарь комитета комсомола института. Лида Федосеева его тихо ненавидела, а он на нее и внимания не обращал, крутя роман с молодой поэтессой Беллой Ахмадулиной. Ну, да ладно!..

Да и в родной студии, со студентом-старшекурсником Высоцким случались различные лирические истории. С одной из них связано имя будущей кинозвезды **Валентины Малявиной**.

Абитуриентке Школы-студии порекомендовали для начала показаться педагогу Александру Михайловичу Кареву.

«В коридоре меня встречает парень, — рассказывала Валентина, — с красной повязкой на рукаве. Спрашиваю его:

— Как мне повидать Карева?

— Он на занятиях, — отвечает парень. — Подожди.

Сели рядышком. Молчим. Он посматривает на меня, а я вся раскраснелась от волнения перед встречей со знаменитым педагогом. Парень говорит:

— Не волнуйся. Артисткой хочешь быть?

— Да.

— Дело трудное. Артист не имеет права трусить. Успокойся.

Опять молчим. Волнение от молчания совсем захлестывает, и я спрашиваю парня:

— А ты дежурный?

— Дежурный?

— Постоянный? — нелепо продолжаю спрашивать.

Парень расхохотался.

— Может быть, и постоянный. Хочешь, я буду дежурным по твоей жизни? Постоянным.

— Как это?

— А так! Мало ли чего? А я тут как тут.

Я спросила:

— А как тебя зовут?

— Володя. Володя Высоцкий.

— Хорошая фамилия, — говорю.

Он спросил в свою очередь:

— А тебя как зовут?

— Валя Малявина.

— Тоже хорошо, — сказал Володя. — Малявина Валя.

Нет, лучше, как ты сказала: Валя Малявина. Мягче.

Володя пошел к Кареvu сказать, что я пришла.

Вскоре он вернулся и шепнул:

— Ну, с Богом!..»

После просмотра она вышла из кабинета преподавателя. За дверью ее ждал «дежурный». Она призналась: «Струсилась». «Дежурный» сказал: «Ну-ну». А она в ответ «ножкой топнула»: мол, все равно буду актрисой и учиться здесь. На что «дежурный» улыбнулся: «Вот и молодец! И не забывай — я твой дежурный. У тебя есть собственный дежурный». Провожая ее вниз, он напевал: «Я дежурный по апрелю...»¹⁷.

(Кстати, с Высоцким она могла познакомиться еще раньше, когда за старшеклассницей Валею ухаживал Александр Збруев, арбатский хулиган и задира. У них тогда сложилась любопытная компания — сама Валя, Збруев, Инна Гулая и — кто бы вы думали? — ...Иван Бортник! (? — Ю.С.)

Малявина неизменно с громадным удовольствием общалась с Высоцким. Неожиданным получилось свидание в конце 60-х в ресторане ВТО после премьеры фильма по мотивам пьесы Карло Гоцци «Ко-

роль-олень», который специально для Малявиной поставил ее тогдашний муж Павел Арсенов. Жаль, тема для застольного разговора у Валентины с «дежурным по апрелю» была не совсем праздничной. Он признавался ей: «Я люблю Марину до сумасшествия. Она уехала в Париж. Что мне делать?» Она посоветовала: «Жди».

Ей легко тогда было давать советы: собственный муж вот рядышком, сидит, ласково улыбается, бокал с шампанским в руках держит, а в Валюшиных ушах еще премьерные аплодисменты шумят. А в душе Высоцкого — «пустынная пустыня»: рядом с Влади, по слухам, возник безумный поклонник — красивый румынский актер Кристи Авраам, партнер по съемкам фильма «Безымянная звезда». Высоцкий учинил форменный допрос Малявиной, которая только-только вернулась из Румынии, где была занята в совместной с местными киношниками картине «Туннель». Но сплетничать Валентина не захотела. И Высоцкий ушел из ресторана — через окно...¹⁸

Без комментариев.

Один из возлюбленных Малявиной, актер и кинорежиссер Александр Кайдановский нарек ее ведьмой¹⁹. Как считают некоторые журналисты, красивую и талантливую Валентину любили многие известные мужчины, и эта любовь часто заканчивалась для них трагедией.

Старая цыганка нагадала юной Валентине: «Рано выйдешь замуж, но твой муж не будет единственным, ты будешь вынашивать детей, но не будешь их растить. В твоей жизни будет много любви, но горя в ней будет еще больше. Ты будешь расплачиваться за то, что не совершала, и совершать то, чего не совершалась». Так все и вышло.

В апреле 1978 года при странных обстоятельствах трагически погиб или покончил жизнь самоубийством ее гражданский муж, 24-летний актер Жданько. «Когда Стас умер, за мной стали ходить по пятам. Я ушла из театра Вахтангова. Распродавала свою шикарную библиотеку, на то и жила, мне помогали друзья. Володенька Высоцкий — мой вечный дежурный по апрелю...» А иногда она называла его нежнее — «мой вечный дежурный по сердцу»²⁰.

Галя Брежнева ей даже советовала уехать за границу: «Вот уйдет отец — тебя сразу посадят»²¹. Как в воду глядела. В 1983 году Валентине Малявиной было предъявлено обвинение в убийстве. Как обухом по голове прозвучал приговор суда: девять лет лишения свободы... Она сидела в Бутырках, потом в Можайске, затем в колонии в Ростовской области. Освободили уже при Горбачеве, по амнистии. Когда выходила, плакала, прощаясь с «зэчками». Потом она опишет в своей книге «Я хочу любить» эту трогательную сцену: «Уже за дверью конвоир спросил:

— Ты по кому плачешь-то? Воровки, наркоманки, матери-убийцы...

— Они божественны».

После заключения вышла замуж. Сначала за известного в художественных кругах мастера по металлу, того самого, который выковал ограду для обновленной Третьяковской галереи. Затем ее мужем стал иконописец, мастер по дереву. Потом океанолог, профессор Нью-Йоркской академии наук.

«Я по гороскопу — Близнец. Ну не умею я быть одна!» — публично признавалась она²².

Но все чаще и чаще Валентину охватывали периоды депрессии. По словам актрисы, она привыкла к тому, что ничего, кроме жалости, у людей не вызы-

вает. Спасала бутылка. В своей книге мемуаров она признавала: «Никогда не была склонна ни к наркотикам, ни к никотину. Бог миловал. Другое дело — алкоголь. С Бахусом у нас сначала возникла дружба, а потом он стал порабощать меня». В один из таких «черных» дней Малявина случайно ударилась о косяк, сломала ключицу и сильно ушибла глаз. С тех пор начала стремительно терять зрение — и сегодня практически почти совсем не видит.

Несмотря на все житейские злключения, творческого оптимизма Валентина Александровна никогда не теряла. Занималась портретной живописью, издала книги «Услышь меня, чистый сердцем» и «Я хочу любить», сочинила две киноповести и очень мечтала сама поставить по ним фильмы.

Потом произошла еще одна напасть. Привычно доверяя людям, она сдала свою квартиру знакомым, а те скоренько силой отправили ее в Курский дом престарелых, где ее позже с трудом обнаружили близкие друзья. Но квартиры своей Малявина все-таки лишилась и оказалась в одном из пансионатов. Но ее волнует вовсе не квартирный вопрос, а любимая работа. По ее собственному признанию, «я не вижу, но чувствую еще сильнее, чем прежде»²³. Ослепшая актриса подготовила новую роль в антрепризном спектакле, участвовала в съемках фильма по роману Анастасии Цветаевой. По словам ее приятеля, знаменитого путешественника Федора Конюхова, деньги на съемки — три миллиона долларов — выделил президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов. Снялась в скандальном документальном фильме Артура Зариковского «Нужен ли адвокат Валентине Малявиной?», в котором рассказала с экрана о своих интимных отношениях с Андреем Тарковским, Алек-

сандром Кайдановским и Александром Збруевым, признаваясь, что во всех влюблялась с первого взгляда. И отдавалась очередному ухажеру, не успев расстаться с прежним. Или о том, как коротала дни в клинике неврозов с Олегом Далем. Говорила так: попьем-попьем таблетки, а потом сбежим из больницы в ресторан, и там уже резвимся до изнеможения под коньячок с шашлычком!

Она считала себя сильной женщиной. И гордилась тем, что «даже наркологу, который лечил меня от пьянства, сказал однажды: «Валя, диагноз алкоголички тебе не ставлю, ты волевой человек...»²⁴

Характерно признание Малявиной: «Я никогда мужчин не любила, я была влюблена в них. Я люблю только Бога. Мужчины отвечают мне взаимностью, к счастью...»²⁵

Упомянутая выше спутница Шпаликова **Инна Гулая** стала знаменитой очень рано — в неполные девятнадцать, сыграв главную роль в фильме «Тучи над Борском». Но все равно по-прежнему продолжала работать на заводе, зарабатывая стаж для поступления в киноинститут. А весь цех замучил ее вопросами: уж не ты ли это снялась в кино, больно похожа?.. Потом возникали другие вопросы: что это за фамилия у нее такая, Гулая, разве может нормальный человек носить такую фамилию?!

Она вовсе не собиралась становится профессиональной актрисой, а хотела поступать в институт иностранных языков. Сбил Инну с пути возлюбленный, студент Щепкинского училища Иван Бортник. «У нас была безумная романтическая любовь, — рассказывал он. — Уговорил ее пойти в актрисы... Наш брак был какой-то сумасшедший. Мы и дня не жили мирно. Оба были молодые, горячие, неуступчивые.

Бешено ревновали друг друга, часто ссорились. Естественно, вскоре мы расстались...»²⁶

Только во ВГИКе, слава богу, все досужие вопросы отпали сами собой. Она стала всеми узнаваемой актрисой сразу после выхода фильма «Когда деревья были большими». Партнер Инны по съемкам Юрий Никулин вспоминал: «Она умела захватывать так, что забывалось обо всем на свете. И ее огромные, чистые, пронизывающие душу глаза!.. Не знал человека, который мог бы не любить ее. И я был лишь одним из многочисленной армии почитателей».

В многотрудной жизни Инны все же были, безусловно, и счастливые, безмерно веселые, хмельные мгновения.

Вспомнить хотя бы крымский сезон съемок фильма «Один шанс из тысячи». Левон Кочарян, «лучший второй режиссер советского кино», в 1967 году наконец-то решился на самостоятельную работу. А, может быть, учитывая характер Левона Суреновича и его склонность к авантюрам, дело было даже не в желании создать свой фильм. Картина могла быть замечательным поводом собрать воедино, в одну «артель», друзей, как они об этом когда-то мечтали. Условия для этого Кочарян создал сказочные. Представьте себе: лето, Крым, Ялта, ласковое море, солнце, изумительное вино, фрукты, шашлыки, но главное — вокруг милые, любимые, симпатичные лица. В киноэкспедицию из Москвы потянулись все, кто только смог правдами и неправдами вырваться на месяц-другой. Приехал автор сценария Артур Макаров с женой **Жанной Прохоренко**, Андрей Тарковский, назначенный худруком. Позднее подтянулись две **Инны** — Кочарян и Гулая, Аркадий Свидерский, Олег Халимонов со

своей **Вероникой**, Анатолий Солоницын, Олег Савосин...

Конечно же, одна из ролей предназначалась и Высоцкому. Но он был чрезмерно занят — заканчивались съемки «Интервенции» и «Коротких встреч», начинались «Служили два товарища». Из Одессы в Крым он мог вырываться лишь время от времени...

Зато когда он появлялся, начинался праздник. Всевозможных приключений, как и ожидалось, хватало с головой. В одном из них именно Жанна Прохоренко и Инна Гулая выручили загулявших друзей. Когда после незадавшегося пикника компания возвращалась в город, машину тормознули бдительные гаишники — уж больно резво мчались ребята по горным дорогам. Естественно, претензии у них возникли не только к скорости, но и к состоянию водителя и его пассажиров. «Ну как вот ей, — горестно восклицал Кочарян, указывая рукою на Прохоренко, — после всего этого перед камерой стоять и красиво выглядеть?!» В жалобный хор влился и нежный голосок Жанны: «Это я во всем виновата! У меня сегодня день рождения, я их всех пригласила. Я их уговаривала не ехать на эту дачу, но уж больно ее хозяйева настаивали. А потом они меня не хотели одну ночью отпускать...» И вот уж слезы на ее глазах без всякой режиссерской команды начали наворачиваться, что из-за нее у таких уважаемых людей могут быть неприятности... А Инна и вовсе рыдала.

В общем, командир патруля самолично поехал их провожать. А багажник полон сухим вином. Дорога оказалась нелегкой, с частыми остановками — то и дело возникала необходимость просушить горло. Милицейский капитан, растрогавшись, даже начал украинские стихи девушкам наизусть читать. Потом

выпили еще, признались в любви к самому главному из всех видов искусства и к киноактрисам, в частности, и разошлись с миром...

Но легкое и безмятежное время «оттепели» 1960-х, легких житейских и экранных успехов быстро миновало. И юных, красивых, удачливых, но уже взрослеющих женщин стал преследовать злой рок.

После ряда творческих и душевных срывов в 1974 году трагически погиб муж Инны Гулая, талантливый сценарист Геннадий Шпаликов, повесившись на собственном красном шарфе в чьей-то пустой даче в Переделкино. Потеряв любимого, Инна сама едва не наложила на себя руки. Но, слава богу, вовремя спохватилась, осознав, что не имеет на это права: на кого было оставить крошечную дочь?!

«Однажды, уже через много лет, — с тоской вспоминал Иван Сергеевич Бортник, — у меня раздался звонок — Инка. Встретились, стали поддерживать отношения. А потом начались мучения. Она могла позвонить в четыре утра: «Ваня, мне скучно, приезжай». Какие-то завихрения у нее в голове начались: ей казалось, что Дашка, дочь ее, хочет то ли отравить, то ли зарезать ее. Я ей говорил: «Инна, ты что, идиотка?!» — «Да что идиотка, — отвечала она, — она мне все время в ванной бритву подкладывает». Это все невостребованность. Инна же тогда совсем не снималась. Все ждала: вот-вот позвонят... А потом она же видела этот качающийся труп... — не для женской психики. Она начала пить. А незадолго до того, как отравилась, сказал мне: «Я собираю таблетки. Если ты скажешь моей матери, я тебя прокляну». Ну я-то думал, что это бред сумасшедшего. Точно так же, как лезвие, которое якобы Дашка подкладывает. Гово-

рил ей: «Инна, опомнись, что ты говоришь глупости?!» А глупость вот чем обернулась. Реальной смертью...»²⁷

В мае 1990 года Инна Иосифовна все же ушла из жизни. По одной из версий следствия, причиной смерти стала передозировка снотворного²⁸.

«Я любил и женщины, и проказы...»

А они любили его. Я имею в виду женщин.

Это подтверждал неутомимый летописец Павел Леонидов: «У Володи за жизнь его было множество женщин. Он их любил, и они любили его...»¹

Сам Владимир Высоцкий на эту тему никогда не распространялся. И даже наоборот — стремился закрыть фривольный разговор сразу, щадя чувства возлюбленных и гася возможные поводы для ревности. Например, в письме из заснеженного весеннего Свердловска он писал Людмиле Абрамовой: «Завтра — 8 марта... Очень он (праздник — Ю.С.) солидарный и охватывает всех баб на земле. А среди них не так уж много стоящих...»²

Сосед Высоцкого по школьной парте, будущий автор «Бабьего лета» Игорь Кохановский, не раз искренне сокрушался: «Володя был в центре внимания, все девушки — его! У меня, конечно, белая зависть...»³

Коллега по театру Борис Хмельницкий, не без оснований претендовавший на роль секс-символа «Таганки», то ли с восхищением, то ли с осуждением, а скорее, с черной завистью сетовал: «У Высоцкого было столько связей, что в них запутаться можно!

Как только в компании появлялась красивая девушка, он хватал гитару и пел до тех пор, пока красавица не растает...»⁴

Эдуард Володарский как-то в сердцах тоже бросил с обидой: «...когда он начинал петь, все девки были его! С ним даже по бабам неинтересно было ходить. Только запоем — все его. Думаешь: а что ты здесь делаешь, дурак! Могучий голос, завораживающий намертво... В нем мужик сидел мощный...»⁵

Одесский остроумец Михаил Жванецкий, работавший в свое время в Питере на Аркадия Райкина, с помощью мэтра выбил себе отдельную (!) однокомнатную квартиру в доме по улице Стойкости (друзьями переименованную в улицу Терпимости). «Я был холостой и занимался женщинами профессионально! — признавался Михаил Михайлович. — И когда приходила какая-нибудь девочка... я ставил, допустим, «Кони привередливые» Володи Высоцкого. А девочка... просто... Все млели от этой музыки, от этого напряжения — это ж как коньяк! Она говорила: «А вы знаете Володю?» Я: «Конечно! Хочешь, я позвоню?» Я звонил: Володя, тут у меня Лариса...» Он сразу говорил: «Дай ей трубку». Я давал ей трубку, после этого все было в порядке...»⁶

Высоцкий, по мнению Валерия Золотухина, «не требовал особых благ себе в жизни, особой зарплатой, одежды особой, еды, питья или признания открытого, не в меру комплиментарного... Но... если в компании была женщина или женщины, за ним было негласное, но безоговорочное право на любую из них. Первый выбор был за ним, остальные разбирали дам после него... Что такая-то может предпочесть кого другого — это меня умиляло, но других, я думаю, задевало не на шутку...»⁷

Обычно немногословный и далеко не щедрый на воспоминания актер Иван Бортник как-то все же разговорился и рассказал, что Высоцкий часто влюблялся. И все время ему казалось, что это в последний раз и на всю жизнь. «Ванька, — говорил он. — Все! Это она! Последняя...»⁸ Бортник утверждал, что знал о Высоцком все, как и Высоцкий о нем. Это было незыблемым условием дружбы. Бортник завидовал другу: «Он же влюблялся так!.. Звонит ночью: «Ванька! Все! Это невероятно...» В следующий раз: «Иван! Ну такого...»⁹

В начале 1960-х непредсказуемая киносудьба частенько сводила Высоцкого с Игорем Пушкаревым в Питере. Но, кроме съемочной площадки, ведь были и другие места для встреч. Молодые, обаятельные, улыбчивые, веселые Володя с Игорем не успевали отбиваться от поклонниц. Откровенно говоря, особого сопротивления не проявляли. Пушкарев рассказывал: «Чаще всего они, женщины, имели отношение к «Ленфильму»: художницы, костюмеры, ассистенты режиссера, вторые режиссеры... Редакторша одна. Среди них были и состоятельные дамы. С отдельными квартирами. По тем временам — показатель благополучия! А у некоторых даже — в ту пору большущая редкость! — машины! И с шикарными машинами попадались женщины, с такими, как «Победа». В конце рабочего дня у студии нас с Володей какая-нибудь машина поджидала. На «Победе», помню, ездили куда-то в сторону Нарвы. Много раз бывали под Ленинградом на чьих-то дачах. К морю, к скалам на Карельский перешеек выезжали... Сумерки, наверное, октябрь, — холодина! — я купаюсь в море (я физически покрепче Высоцкого, позакаленнее был), а Володя поет. Петь ему нравилось,

стоя на каком-нибудь камне, чем он как бы компенсировал свой невысокий рост. В тот раз Володя пел какую-то абракадабру, имитируя пение англо-американских певцов...»¹⁰

В то время Пушкарев находился в Ленинграде практически безвылазно, а Высоцкий и Саша Стрельников, из той же киноактерской артели, частенько были вынуждены мотаться в Москву. Как-то, возвращаясь самолетом в Питер, молодые актеры увидели и, по их словам, мгновенно втюрились в одну юную попутчицу. Познакомились. Девушке было всего шестнадцать. Даже не так — шестнадцать ей исполнялось на следующий день. Чем не повод?! Отметим у нас в гостинице, стол гарантируем. Послушаешь, как мы поем, мы же актеры, то-се. Чтоб веселее было, прихвати двух подружек и гитару. Словом, договорились. В гостинице друзья бросили жребий, кому достанется красotka. Бумажку с крестом вытянул Высоцкий: везунчик!

Назавтра в гостинице появились девицы, не забыв прихватить гитару. Обиженный на судьбу Стрельников, недолго думая, очень скоро увел куда-то подружку именинницы. Оставшиеся, но не осиротевшие, славно провели время: попили, попели, поели. И разошлись по номерам. Всем было хорошо. Вечером проводили девочек, посадили в такси, оплатили. Гитару гости оставили. Дескать, потом заберем. День прошел, другой. Потом Высоцкий, покоритель питерской красавицы, как-то отправился в туалет — уй! Все тотчас стало ясно...

Пришлось горе-донжуану лечиться. Пить ему, естественно, было противопоказано. Пушкарев же со Стрельниковым, посмеиваясь, попивали водочку и советовали: «Ты, Володя, пиши. Считаю, что у тебя

Болдинская осень». Высоцкий мрачнел, натягивал плащик и шел бродить по темным питерским улицам, чтоб не видеть всего этого безобразия.

В стихах Высоцкий порой лукаво заверял: *«Я теперь на девок крепкий...»* Но ведь он же сам просил слушателей не ассоциировать его с героями его песен. Вот и последуем совету.

Как говорят друзья-ровесники, Высоцкий смолodu (да, впрочем, и всегда) жил, как и пел, — азартно, жарко, безоглядно.

Один из закадычных приятелей Высоцкого молодеческих лет, будущий кинорежиссер Михаил Туманишвили с нескрываемой тоскою вспоминал безвозвратно канувшие времена: «Наша юность и молодость проходили в таком богемно-разудалом режиме — ВТО, Дом кино, рестораны, прелестные подруги, песни...»¹¹

Легендарная руководительница театра «Современник» **Галина Борисовна Волчек** тоже вспоминает о «благословенных шестидесятых» с особым удовольствием: «Не спали ночами, спорили до хрипоты об искусстве... Когда с Евстигнеевым поженились, то сначала снимали комнату в коммуналке... Все по очереди ночевали. У нас стояла широченная кровать, мы укладывались на нее поперек — много народу помещалось. Туда приходили все: Женя Евтушенко, Роберт Рождественский, Булат Окуджава, Володя Высоцкий... Оно и понятно — круг-то был узкий...»¹²

О Высоцком же Волчек как-то обмолвилась в интервью радиостанции «Эхо Москвы» (8 апреля 2002), что он «не просто был другом». Спустя годы Галина Борисовна сумела проявить свой твердый характер и настойчивость, «пробив» сразу четыре песни Высоцкого в спектакль «Современника» по пьесе эстон-

ского драматурга Р. Каугвера «Свой остров», в том числе ставшую для Высоцкого программной «Я не люблю!». Трудов ей это стоило немалых. Спектакль имел шумный успех. Даже как-то в середине 1970-х по ЦТ была продемонстрирована его телеверсия.

Когда любимец «Современника» Олег Даль в очередной раз запил, Волчек призвала на помощь Высоцкого, и они уже вдвоем стали уговаривать того «защититься». Олег отнекивался, как только мог, но под напором таких авторитетов все же сдался. Как рассказывала завлит театра Елизавета Котова, «после этого нельзя было месяц пить, и он почти все это время прожил у Гали. Вроде бы стал восстанавливаться, а потом сорвался...»¹³

Молодой Высоцкий был признанным «королем» любых компаний. Искрометно шутил, пел, дурачился, провозглашал красивые тосты, балагурил, изящно ухаживал за девушками, показывал фокусы, травил анекдоты и актерские байки, искусно пародировал речи вождей. Порой грустил и уходил глубоко в себя, не замечая вокруг никого. Но это — редко. Чаще — удержу ему не было...

И даже от уютной мужской компании мог отказаться ради очередного свидания. Александр Городницкий вспоминал, как весной 1965 года Театр на Таганке впервые выехал на гастроли в Питер, несмотря на яростное сопротивление местного партийного начальства во главе со всесильным Василием Тостиковым. Как-то вечером после спектакля один из лучших местных бардов Евгений Клячкин пригласил Высоцкого к себе, оказался там и Городницкий. Они весело сидели за столом, Городницкий поругивал спектакль «Жизнь Галилея», а Высоцкого — за чрезмерное увлечение блатной тематикой.

Потом договорились снова встретиться на завтра, посидеть, попеть друг другу новые песни (в театре в тот день как раз был выходной). «Однако минут через пятнадцать Володе позвонила какая-то «Нинка», и он назначил ей свидание на то же самое время. «Ребята, извините, — смущенно пояснил он нам, — никак не могу такой случай упустить». И, махнув рукой, сокрушенно добавил, уходя: «Ну, и дела же с этой Нинкою!»¹⁴

Но все же нельзя не учитывать и мнение Давида Карапетяна, который считал, что «женщинам он не очень верил. Скажу больше — даже побаивался. Комплекс вины вырабатывался с годами, возможно, потому, что Владимир постоянно скрывал свои связи. Смелчаком в этом смысле он не был. Никогда не мог бы признаться Марине: «Знаешь, у меня есть Таня, я буду жить и с ней!» Наверное, потому, что не хотел ее потерять или огорчить...»¹⁵

Наблюдательная американка Барбара Немчик заметила: «С женщинами он общался гениально! Если это была молодая девушка, то Володя начинал тактично «приставать», если солидная женщина в возрасте, — говорил совершенно по-другому: очень вежливо и внимательно...»¹⁶

И ведь она была права. Стал легендарным рассказ о нежных отношениях юного Высоцкого с **Файной Георгиевной Раневской** в пору их совместного служения Мельпомене в Театре имени Пушкина. (Уж не о об этом ли заведении Раневская, известная в московском бомонде безжалостно-желчным остроумием, заметила: «Это не театр, а дачный сортир. В нынешний театр я хожу так, как в молодости шла на аборт, а в старости — рвать зубы?» — Ю.С.) Елизавета

(Елочка) Моисеевна Абдулова-Метельская (вдова народного артиста СССР и мать недавно скончавшегося друга Владимира Всеволода) на 9-дневных поминках по Высоцкому вспоминала, как Раневская как-то «подошла к доске объявлений и приказов по театру и читает: «Выговор... выговор... выговор...» Она обернулась и спрашивает: «Где же этот мальчик, которому столько здесь понаписано?» А он стоял рядом и сказал: «Это я». Такой худенький, стройный мальчик. Она обняла его, расплакалась и поцеловала» (цитируется по стенограмме. — Ю.С.). С тех пор прима театра стала его всячески опекать, и каждый раз в неприятных ситуациях брала Володю за руку и шла с ним по кабинетам начальства, уговаривая их сменить гнев на милость. Случалось, что и помогало... Раневская была фантастической женщиной. Искренне жаль тех, кто не видел ее на экране, на сцене и в жизни. Как-то она поскользнулась на улице и упала. Что она воскликнула? «Немедленно поднимите! Такие женщины на дороге не валяются!»

Предчувствую аплодисменты.

Годы спустя Владимир Высоцкий познакомил Фаину Георгиевну с Мариной Влади, они были у нее в гостях, навещали захворавшую актрису в больнице, передавали гостинцы с пожеланиями всяческого здоровья...

Надежда Вячеславовна Моисеева, работавшая в начале 1960-х в Пушкинском театре гримершей, рассказывала, как «после каждого спектакля мы брали гитару, покупали вино и ехали на городской бульвар или к кому-нибудь домой. У меня дома компании подолгу засиживаться не удавалось. Мой отец был очень суровый, в десять часов всех выгонял. Ему не нравилось, что артисты шумели, выпивали, а порой

и скандалили. В тот период театр был очень пьющий...»¹⁷

Она неоднократно гримировала молодого актера то под Бабу-ягу, то под Лешего. Других-то ролей у Высоцкого тогда попросту не было. Поглазеть на процесс гримирования Владимира собиралась едва ли не вся труппа. А дебютант развлекал их, как только мог. После нанесения грима он собственноручно дополнял его несколькими яркими штрихами, что-то подклеивал, напяливал на себя какие-то одежды.

Сегодня в памятном альбоме бывшей гримерши самой ценной реликвией является фотопортрет Высоцкого с надписью: «Милой девочке Наде».

*«Не лучше ль умереть вдвоем
в миг подлинного счастья!..»*

Как раз в то время на жизненном горизонте Высоцкого уже отчетливо замаячило кино, сыгравшее немалую роль в его биографии. И не только творческой. По всем параметрам, кроме роста, он был, конечно, настоящим Партнером, мужественным героем-любовником, хотя подобного амплуа в советском кинематографе как бы не существовало, но подразумевалось. Как правило, киноперсонажей Высоцкого практически всегда сопровождали романтические истории или хотя бы намек на них. И вряд ли это было случайным. Режиссеры всегда понимали выигранность присутствия в кадре рядом с Высоцким женщины-партнерши. И лирическая линия выстраивалась сначала в сценариях (или они дописывалась

по ходу дела), а затем и в кинолентах. «Увольнение на берег», «Короткие встречи», «Служили два товарища», «Опасные гастроли», «Хозяин тайги», «Интервенция», «Четвертый», «Единственная», «Арап Петра Великого...», предельно чувственные «Маленькие трагедии»... Конечно-конечно, далеко не всегда любовная интрига составляла фабулу картины, но необходимость нахождения представительницы слабого пола в сценах с Высоцким авторы ощущали. Даже в суровом «Месте встречи...» или «Вертикали», или в провальной «Стряпухе» потребность в легком флирте или намеке на него существовала. И два полюса — женственность и мужественность — работали на зрителя, будоражили фантазию и заставляли порой додумывать сюжет, гадать, а что же там осталось за кадром...

Сегодня практически все его бывшие партнерши с нежностью вспоминают о совместных съемках с Высоцким, начиная с самой первой — **Татьяны Конюховой**, одной из самых ярких звезд советского кино той эпохи. Чтобы молодым читателям было проще представить масштаб ее популярности в те годы, достаточно вспомнить кадры кинофильма «Москва слезам не верит», с документальной точностью воспроизводящие открытие столичного кинофестиваля. Вспомните, с каким восторгом встречала толпа киноманов кумира 1950-х: «Умираю, Конюхова!..» Ведь тогда за роскошными плечами Татьяны уже были такие, как сейчас говорят, культовые ленты — «Майская ночь, или Утопленница», «Доброе утро», «Первые радости», «Необыкновенное лето»... Студент-первокурсник Высоцкий в 1956 году, кстати, присутствовал на съемках фильма «Разные судьбы», где играла красавица Танюша Конюхова.

Ни о каком знакомстве тогда, естественно, и речи быть не могло.

Как рассказывает актриса, юный Высоцкий в фильме «Карьера Димы Горина» поначалу панически робел перед ней, живой знаменитостью, страшно смущался и оттого непрерывно острил. Кроме того, Конюхова была на семь лет старше Владимира, что в том их возрасте представляло разницу весьма существенную, почти катастрофическую, заставлявшую держаться на расстоянии. Ну и наконец главное: в экспедиции под Ужгородом на съемках истории о незадачливом бухгалтере Горине Татьяна Георгиевна неожиданно для себя обнаружила, что находится в интересном положении. Ее мужем в то время был знаменитый копьеметатель, олимпиец, заслуженный мастер спорта, будущий крупный ученый Владимир Кузнецов.

Так что романтических отношений у Конюховой с Высоцким тогда не было и быть не могло. Проницательный критик Виталий Вульф, оценивая личность Конюховой, недаром загадочно обронил: «Доступная и недосыгаемая». Но взаимная симпатия, как признает Конюхова, все же присутствовала. Привыкнув, Высоцкий не раз зазывал ее в гости, говорил, что они с ребятами после съемок собираются, поют. Как-то раз в ответ на его очередное приглашение Татьяна Георгиевна, воспитанная на классике, заявила назойливому кавалеру: «Вы знаете, Володечка, я не очень люблю блатные песни». Он, увидела актриса, сжался, как от удара...

Сам Высоцкий с юмором вспоминал, как «на второй съемочный день моей жизни... я должен был приставать к Тане Конюховой. А я был тогда молодой, еще скромный. Но это не значит, что я сейчас... Я тоже сейчас скромный очень. Это я к тому, что я

раньше тоже был скромным... Я режиссеру говорю: «Я не буду, я ее так уважаю, она такая известная актриса. Как это я буду пытаться ее обнять? Может, что-нибудь я другое сделаю? Как-то все это мне...» Он говорит: «Да брось ты дурака валять... Ты — взрослый человек. Читал сценарий? Что ты, в конце концов?!» Я говорю: «Ну не могу. Ну серьезно, не лежит душа у меня. Может быть, я ей что-нибудь скажу лучше?» Мне Таня Конюхова говорит: «Да ну, перестань, Володя! Ну, смелее! Ну что ты?» Я долго отнекивался, наконец согласился. И это было очень приятно» (выступление в ЦДК Усть-Каменогорска 14 октября 1970 года. — Ю.С.).

Встречаясь тогда же со студентами Усть-Каменогорского строительного-дорожного института, скромный исполнитель роли Софрона дополнил этот рассказ некоторыми живописными деталями: «А когда я ее пытался обнять, это все видел в маленькое окошко Дима Горин. И когда остановилась машина, он... намотав предварительно кепку на кулак, должен был бить меня в челюсть. Теперь начинается самое страшное. В кино — это самый реалистический вид искусства — все должно делаться по-настоящему. Экран большой, лицо громадное — метра три величиной. И поэтому, если вы не донесете кулак до лица — сразу видно... Так вот, все делается по-настоящему и не один раз, а по много дублей подряд. Эту сцену мы снимали девять дублей подряд, потому что шел дождь, и все время у оператора был брак...»

На другом своем выступлении, уже в Киеве (24 сентября 1971), Высоцкий уточнял: «...я поиграл сначала людей, которые все время приставали к девушкам почему-то... А потом настает возмездие!.. Там нельзя обмануть, поэтому я действовал по Евангелию — под-

ставлял другую щеку, чтобы не распухла одна сторона больше другой».

Потом судьба развела Конюхову и Высоцкого в разные-разные стороны. Лет эдак на пятнадцать. Но при мимолетных встречах они неизменно с искренней симпатией друг к другу относились, по-доброму общались.

В последний раз встретились случайно, на бегу, в 1980-м в Останкинском телецентре. При нечаянной встрече Конюхова вскрикнула: «Володечка! Он поворачивается. А я на высоких каблуках, так повыше ростом, а он мне показался таким маленьким, щупленьким, худеньким, цвет лица меня поразил, землисто-желтого какого-то цвета... И в его глазах засветились вот такие огоньки, засверкали: «Моя маленькая!», и пошел так с распростертыми объятиями, мы так обнялись... а в это время меня за шиворот уже тянут: давай, Таня, опаздываем! А я к нему: Володечка, Володечка, будь счастлив, дорогой, я тебя так люблю, я тебя так люблю!» И я этими словами я убежала...»

Да, едва не упустил одну любопытную деталь. В свое время Конюхова долго и упорно отказывалась от главной женской роли в фильме «Вертикаль», которую в итоге сыграла другая несостоявшаяся симпатия Высоцкого — Лариса Лукина.

В 1961 году, случился молниеносный, как и многое другое в жизни Высоцкого, роман с Людмилой Абрамовой, будущей матерью двух его сыновей. История их знакомства и последующих отношений достаточно хорошо известна. Но все же позволю себе напомнить ее основные вехи.

Многоопытная **Анна Давыдовна Тубеншляк**, работавшая вторым режиссером ленфильмовской картины «713-й просит посадку», из Питера приехала

в Москву в поисках будущих исполнителей. Просматривала картотеки на студиях, ходила по театрам. В Пушкинском обратила внимание на молодого актера: «У него было очень любопытное, неординарное лицо». Познакомились, обменялись номерами телефонов, условились о будущих пробах. Хотя тогдашний мэтр кино и театра Борис Чирков довольно скептически отнесся к ее выбору: смотри, Аня, потерпишься с ним, хотя парень и одаренный¹.

Но Анна Давыдовна была упряма и все же отстояла свой выбор. Не подвела — летом Высоцкий был вызван на пробы в Питер. А осенью — на съемки. Такое событие, естественно, друзья отметили дома у Гарика Кохановского. Аркадий Свидерский добыл для Володи денег на поездку. После застолья приятели отправились на Ленинградский вокзал провожать Володю в киноэкспедицию. На вокзале Михаил Туманишвили в окне вагона заметил красивую молодую женщину. Толкнул локтем приятеля: смотри! Стоявшая рядом Тубеншляк сообщила ребятам, что это тоже актриса, Люся Абрамова, будет сниматься в этом же фильме вместо отказавшейся от роли Нинели Мышковой. Миша взял да и ляпнул в шутку: «Ты смотри, Володя, чтобы эту девочку из Ленинграда обязательно привез!»

Впрочем, Люся, девушка гордая и независимая, к знакам внимания давно привыкшая, не заинтересовалась подвыпившей компанией. И в своих позднейших воспоминаниях зафиксировала: «Если верить тому, что Володя видел меня на вокзале в Москве и запомнил, — он-то знал... А я не знала»².

Как рассказывал Свидерский, дальнейшие события на вокзале развивались по стандартному сценарию. Кохановский рванул в вокзальный буфет за «по-

сошком». Пока гонец отсутствовал, в купе травили анекдоты, появилась гитара. А Кохановский все задерживался неведомо где все дольше. Аркадий выглянул в коридор, вышел в тамбур, и тут проводница его «успокоила»: «Милок, да мы уж полчаса как едем...»

Впервые увидев Люсю на съемочной площадке, режиссер-постановщик фильма Григорий Никулин сразу понял: Люся — то, что нужно! Он вспоминает: «Была необыкновенно красивой — с огромными, от переносицы до ушей, серо-голубыми глазами...»³

Молодая, изящная, со сногшибательной внешностью начинающая актриса, признанная «мисс ВГИК» мгновенно попала в поле зрения околкиношных ленинградских сердцеедов. Вокруг нее тотчас образовался круг «постоянных друзей-поклонников» — драматург Александр Володин (впоследствии нежно полюбивший песенное творчество Высоцкого), художник Гера Левкович, молодой питерский актер Карасев... Они понимали толк в женской красоте, были галантными, остроумными и... нищими.

11 сентября 1961 года, посадив последние деньги в «восточном» зале ресторана в «Европейской», кавалеры поздним вечером проводили свою московскую гостью на окраину города, до гостиницы «Выборгская», опаздывая на последний перед разводом невских мостов трамвай. У каждого оставалось как раз по три копейки на брата...

У входа в гостиницу Людмила увидела перед собой хорошо подвыпившего человека. «И пока я думала, как обойти его стороной, — он попросил у меня денег, чтобы уладить скандал в ресторане. У Володи была ссадина на голове, и, несмотря на холодный, дождливый ленинградский вечер, — он был в расстегнутой рубашке с оторванными пуговицами. Я как-то

сразу поняла, что этому человеку надо помочь...» Абрамова обратилась к администраторше гостиницы — та сварливо отказала, мол, дашь денег, а потом ищи-свищи. Обратилась к знакомым по киногруппе — все на бобах... У самого состоятельного актера Левика Круглого в кармане оказалась одна-единственная трешка... У Кости Худякова тоже. Тогда Люся решительно сняла со своего пальца золотой с аметистом перстень (бабушкин, фамильный!) и отдала страдальцу. Тот отнес перстень ресторанному мэтру, предупредив, что завтра непременно выкупит.

Люся удалилась к себе в номер на третий этаж, переполненная собственным благородством и чувством выполненного долга. А вскоре раздался стук в дверь, и в номер ввалился бывший потерпевший, вооруженный гитарой и бутылкой коньяка. «Сдача», — пояснил он.

«Потом Володя мне пел. И даже чужую песенку «Вышла я, да ножкой топнула», которую Жаров в фильме «Путевка в жизнь» пел как шутиливую, он пел как трагическую, на последнем пределе. Еще секунда — и он умрет. Я видела гениальных актеров уже... Круг общения был такой, что я, еще ничего не зная о Володе, смогла понять: это что-то совершенно необыкновенное... Этот человек может невысказанное, непредсказуемое, запредельное...»⁴

Далее «жертва ресторанного скандала» предложила своей спасительнице руку и сердце. И им не захотелось расставаться.

Она даже не думала спросить его, кто он такой и откуда. Когда утром они вместе вышли из гостиницы, оказалось, что им по пути. Приехали, подошли к проходной киностудии, одновременно достали пропуска. Он удивленно спросил, из какой она груп-

пы. Люся ответила — и Высоцкий остановился как вкопанный. У нее тоже был легкий шок...

Вечером Люсино кольцо было выкуплено и возвращено на изящный палец законной владелицы.

Вскоре в киногруппе их роман ни для кого не был секретом. Они поселились в одном номере. В свободное время гуляли по городу. С аппетитом поглощали «кривые пончики» в ближайшей «Пончиковой». «Кривыми» местные кулинары окрестили некондиционные, продававшиеся за полцены. В другом заведении, классом повыше, защищая честь своей дамы сердца, Высоцкий буквально летал по ресторанному залу, расшвыривая ненавистных соперников. А восхищенные музыканты стояли на сцене и аплодировали. Победителю схватки был выставлен весьма приличный по тем годам обед.

«Люду он очень ревновал, — вспоминает Г. Никулин. — К любому. А выражалось все это в том, что он был жесток. Если он видел, что она не так на кого-то посмотрела или не то сказала... Володя был парень жестковатый, он мог ей и врезать»⁵

В киногруппе им покровительствовали. Выдающийся питерский актер Ефим Копелян, сдружившийся на съемках «713-го...» с Высоцким, проводил молодую пару на спектакли в БДТ. И из-за кулис они любовались «Скованными одной цепью». Консультант фильма — летчик Спартак Гриневич несколько раз брал их с собой, когда летал из Ленинграда в Москву, пряча влюбленную парочку в кабине экипажа.

А потом Толян Утевский неожиданно-негаданно получил от друга телеграмму из Питера: «Срочно приезжай. Женюсь на самой красивой актрисе Советского Союза». Люся долго пребывала в неведении,

откуда, как снег на голову, в Ленинграде объявился некто Утевский, которого Володя представил ей как своего старшего брата.

Хотя далеко не все шло гладко, без сбоев. Особенно когда Люся отсутствовала в Ленинграде. Тогда в гостиничном номере собирались друзья-приятели — неутомимые Игорь Пушкарев, актер театра имени Пушкина Саша Стрельников, которые снимались тут же, на «Ленфильме» в так и несостоявшемся фильме «Самый первый», и, естественно, Высоцкий. Болтали, пели, пили... Одна из таких посиделок особенно запомнилась Пушкареву — «день открытия XXII съезда КПСС. Потому что накануне вечером я в милицию угодил...» Пушкареву нужно было задержаться на съемках. «Девочки, естественно, должны были подъехать». Словом, когда «самый первый» появился в номере, его ждала удручающая картина: «Сквозняк! Фрамуга открыта. На столе — принесенная из ресторана еда в железных тарелочках: сардельки, горошек, еще что-то. Водка. Володя сидит в кресле, глаз у него зеленый и стеклянный — он всегда становился таким, когда Володя сильно пьянел. Смотрит он этим стеклянным глазом на меня, не мигая. Я понял: спит! Сашка пытается забраться на кровать... Подхожу к столу, наливаю водяру в «станкач»... беру сардельку. Только начал пить — скрип двери...» В общем, в номере появились администраторша и дежурная по этажу в сопровождении милиционеров. Пушкарева взяли под локотки и препроводили в участок. Оказалось, что в ожидании приятеля и дам Высоцкий и Стрельников несколько перестарались со спиртным. И разобидевшись на запаздывающих, стали швырять в окошко «лишние» тарелки. Бросали метко — как раз «на головы беспечных...» горожан.

Когда все разъяснилось, Пушкарёва отпустили вояси, тот вернулся в гостиницу.

Закончилось все прозаически: «Высоцкий и Стрельников как ни в чем не бывало сидят за столом, водку разливают по стаканам. Володя оборачивается: «...твою мать, где ты ходишь! Мы тебя два с половиной часа ждали! Где ты ходишь, б...?! Рассказываю, как дело было, а они мне не верят!.. После этого случая администрация долго не селила киношников в гостинице...»⁶ Были, были, были... Действительно, ошибки.

После затянувшихся съемок в Москву Люся и Владимир возвращались уже вместе. Люсина двоюродная сестра — литератор и киносценарист **Елена Щербиновская** — рассказывала, как она пришла к ней на Беговую, в двухкомнатную квартирку, в которой обитало сразу три поколения Абрамовых — дедушка с бабушкой, сестра бабушки Аллочка, мама и, собственно, любимая дочь. Отец Владимир Аркадьевич, работавший главным редактором издательства «Химия», чаще жил у своей тяжелобольной матери.

У Люси был выгороженный уголок — нечто вроде своей «комнаты», в которой Елена и познакомилась с Высоцким. «Он держался очень просто, одет был бедно: старенький свитер, простенький пиджачок. Он играл на гитаре и пел «Вагончик тронется...» Пел здорово — мурашки по коже! Общаться с ним оказалось сразу очень легко, так, словно давно уже мы знакомы. Я поняла, что этот человек очень дорог моей сестре, и это с первой же встречи определило мое к нему отношение... Говорил простым, отнюдь не литературным языком, казался немного грубоватым, чем сначала шокировал нашу «профессорскую» семью»⁷.

Впрочем, Елена Владимировна совершенно напрасно иронизировала над своими родственниками. Дед их действительно был профессором, известным специалистом в области энтомологии, заведовал лабораторией по защите растений от вредителей в институте в Луговой. Одновременно он слыл большим знатоком и поклонником восточной культуры, самостоятельно переводил с фарси. Его жена, то бишь Люсина бабушка Евгения Евгеньевна Абрамова (кстати, единственная из всей семьи сразу и безоговорочно принявшая и понявшая Владимира), занималась переводом стихов Киплинга, наизусть читала внукам запрещенного в ту пору Николая Гумилева...

Но в том, что приняли Высоцкого в семье Абрамовых, мягко говоря, прохладно, Щербиновская абсолютно права. Это подтверждает и сама Людмила Владимировна: «Может быть, у них было какое-то тщеславие: я — студентка, снимаюсь в главной роли! Может быть, они ждали чего-нибудь необыкновенного... Человек высокого роста, в шикарном костюме придет с цветами и сделает препозицию насчет их дорогого дитя...»

С другой стороны, Володина мать Нина Максимовна поначалу к появлению Людмилы отнеслась тоже весьма сдержанно. Хотя и признавала: «Действительно, она была красива». Но были и сдерживающие моменты — Володя ведь официально был все еще женат на Изе...⁸

В «довысоцкой» биографии Люси, кстати, тоже имелся кое-какой супружеский опыт. Пережив стресс после пылкой девичьей влюбленности, она в 10-м классе ушла из дома, перешла учиться в вечернюю школу, стала подрабатывать во МХАТе и сняла комнату. От одиночества и безысходности позволи-

ла влюбиться в себя сыну хозяйки квартиры. Тот был немного старше, непременно завсегдаем богемных вечеринок, атмосфера которых и помогла вскрыжить голову романтической Люсе. В восемнадцать она вышла за него замуж. Впрочем, этот их союз продлился недолго. Спустя три года она оставила мужа — и ушла. Но разводиться оба не спешили, отметка в паспорте им не мешала — никто из них не собирался обременять себя новыми брачными узами. Так что в том, что Владимиру Семеновичу в будущем пришлось усыновлять своих собственных сыновей, не только его вина. Только в 62-м, когда Людмила уже ждала Аркашу, с Дальнего Востока после долгой путины в столице наконец объявился ее бывший муж, и они быстро и спокойно развелись.

Народонаселения на Беговой все прибавлялось — через два года после Аркадия на свет появился еще один сын — Никита. В общем, условия жизни тут стали хуже, чем в общежитии. Потому молодые начали жить как бы на два дома — то в квартире Абрамовых, то у Нины Максимовны, получившей, в конце концов, отдельную квартиру в Черемушках, на улице Шверника (позже Телевидения). Осенью 1965-го они окончательно переехали к ней, оформив, как требовалось, свои официальные отношения. Даже свадьба была. Нешумная, в общем-то, и не очень многочисленная. «Вышли из театра Маяковского, где играли и репетировали «Героя нашего времени», сели в три такси, и... в узковатой комнате, — припоминал Вениамин Смехов на концерте в Новосибирском академгородке 17 января 1981 года, — сбив стол и тумбочки, отметили брачный союз... Человек двадцать было, и очень весело сидели. Сева Абулов пел «Кавалергардов» Юлия Кима, Во-

лодя гордо сиял. Коля Губенко пел «Течет реченька», Володя громко восторгался. Пели вместе, острили, анекдотили, а потом — пел сам поэт, призакрыв глаза, с какой-то строчкой уходя в никуда, в туннель какой-то... Меня прошибла песня «А счетчик щелкает...»

«Было, — утверждал дружка со стороны жениха Игорь Кохановский, — человек пятнадцать. Из театра только Коля Губенко. Он так исполнил «Течет речечка по песочечку», что потряс даже жениха...»⁹ Можно вспомнить еще одну гостью — **Галину Польских**. Недавно она с горечью сожалела: «С кем хотелось бы общаться, тех уж нет в живых. Я дружила с семьей Высоцких, с Шукшиным. Первая (? — Ю.С.) жена Высоцкого — Люся была моей однокурсницей. Я была на их свадьбе...» Трагически погибший первый муж Галины, кинорежиссер Фаик Гасанов, «иногда приводил Володю к ним в дом: он записывал на бобины его первые песни...»¹⁰

Людмилу Абрамову по-доброму вспоминает еще одна ее однокурсница **Светлана Светличная**: «Мы звали ее «мамой». Она была самая умная, очень красивая и очень терпимая... Она учила нас этикету, давала какие-то советы. Она знала, что мы голодные... приезжала к нам в общежитие с полной сумкой продуктов. Были в Москве такие калачи, и Люда любила их, и мы все...»

Тогда, в середине 60-х, рассказывала Людмила Владимировна Абрамова, в их доме частенько бывали сблизившиеся на съемках фильма «Я родом из детства» друзья — сценарист Геннадий Шпаликов, режиссер Виктор Туров, захаживал писатель-фантаст Аркадий Стругацкий, ночевал бездомный актер Николай Губенко. Художник Борис Диодоров отчетли-

во помнит, что разносторонне одаренный Шпаликов для всех неожиданно тоже увлекся рисованием и даже сделал портрет Людмилы Абрамовой... Высоцкий с удовольствием общался и с Люсиными институтскими друзьями — Игорем Ясуловичем, Валерой Носиком, Женей Харитоновым... Курс у Люси был замечательный, особенно ребята с соседнего отделения — режиссерского.

Словом, двери для друзей были открыты. Но, как признавался сам поэт, *«как нас дома ни зрей, не хватает всегда новых встреч нам и новых друзей...»*.

Гастролируя сибирско-азиатскими маршрутами с театром миниатюр Владимира Полякова, Высоцкий шлет клятвенную эпистола жене (пока гражданской, правда), заверяя ее в своем безусловном благонамерении: «Я — отшельник, послушник, монах. Нет! Просто я — отец Сергей. Пальца, правда, не отрубил — не из-за кого... Недавно принято было решение порадовать наших бабов 8-го марта капустником... Там есть такая песня:

«Как хорошо ложиться одному —
Часа так в 2, в 12 по-московски,
И знать, что ты не должен никому,
Ни с кем и никого, как В. Высоцкий»¹¹

«Семья, — считает Игорь Пушкарев, — не мешала ему продолжать вольную жизнь... Как мне говорили некоторые женщины, Володя был очень темпераментным мужчиной. Когда они с Люсей только начали жить вместе, он очень часто у знакомых ночевал...»¹²

Конечно, не только «новых встреч и новых друзей» не хватало в те годы Высоцкому. Не случайно же он признавался: *«Все нас из дому гонят дела, дела, дела...»*

Катастрофически не хватало денег. Поэтому он хватался за любое предложение подзаработать. Ездил с концертными бригадами, соглашался на любую, даже самую малюсенькую роль. Карина Диодорова (тогда еще Филиппова) помнит, как он пытался вести где-то на стороне самодеятельный театральный кружок за какие-то жалкие гроши. Но долго не продержался — бросил...

В письмах к Люсе то и дело проскальзывают строки: «Завтра 3 спектакля. Гоним рубли — разоряем Мосэстраду...», «...Артисты все про деньги и про налоги, и про кто сколько получит...», «Сегодня у меня 2 спектакля и 2 спектакля-концерта (есть у нас и такое). Читаю «Клопа» и тут же взмокший бегу в другой театр на «Хвостики» и так утром и вечером...», «...пока моя ставка 16 р. 50 к., а в месяц 130 р., т. к. договор аккордный и 20 процентов получу только в конце...», «Совсем нет денег. Гостиницу мне не оплачивают полностью, и я доплачиваю рупь с чем-то. Уже много набежало...», «Сегодня вышлю тебе 40 р., т. к. 35 Радомыла (театральный режиссер Радомысленский. — Ю.С.) выгрызает. Он думает, что мы тут миллионеры и требует проценты...», «Вчера нам дали по 5 рублей квартирных...», «Пожалуйста, отдай маме мои 2 пары ботинок, пусть отдаст починить, а то ходить совсем не в чем. Пальто мне дает Толя, так что с этим все хорошо, а ботинок Толя не дает, у Толи нет ботинок, у него только пальто, и это плохо!..», «Деньги я передал, ты их, наверное, получила. Если мало, прости, больше нет...», «Почему, интересно, из Минска не шлют постановочных? А? Безденежье, лапа, это плохо, но это временно...»¹³

Верный друг и «милый дедушка Левон Суреныч» Кочарян прилагает максимум изобретательности,

чтобы пристроить своего юного горемычного друга в картины, где работал сам, или в фильмы своих друзей. Так Владимир оказался, например, на съемках фильма «Увольнение на берег». Мужская компания в киногруппе подобралась подходящая: сам Кочарян, естественно, Лева Прыгунов, Володя Трещалов, Игорь Пушкарев...

А вот с женской половиной были проблемы. Роль главной героини досталась кавказской красавице **Ариадне Шенгелая**. Уже тогда, в начале 60-х, она была уже довольно известной артисткой, лауреатом Всесоюзного кинофестиваля и пр. Так что на начинающих партнеров смотрела, мягко говоря, свысока. Впрочем, невнимание и капризы Ариадны Высоцкого пусть даже немного и задевали, но не слишком. Тем более что его как раз всецело поглотило песенное творчество. Там, в Севастополе, в номере у Левы Кочаряна он с утра до вечера записывал песни на магнитофон. Свои и чужие. Какая там Ариадна?..

Жена Кочаряна Инна, выбравшись на съемки, обнаружила на магнитофоне мужа «целый комплект песен...»¹⁴.

Со «Штрафного удара» в биографии Владимира Высоцкого наступил довольно-таки продолжительный «казахстанский» период. Актерская группа на съемках в Медео подобралась замечательная, многократно проверенная — сам Михаил Иванович Пуговкин, старые знакомцы Володя Трещалов, Игорь Пушкарев... Среди «слабого женского пола» киногруппы выделялась много снимавшаяся в ту пору **Лилия Алешникова**. В эпизодах мелькала **Лариса Лужина**.

На натуре киноэкспедиция добиралась весело. «Во время съемок, — вспоминает молодые годы Пушкарев, — мы с Володей дали шороху на весь Казах-

стан. Еще когда мы ехали в Алма-Ату, у меня украли чемодан. Ехать трое суток, а выпить не на что... Володя скомандовал: берем гитару и идем по вагонам — с песней «Я родственник Левы Толстого»... Взяли шапку, сняли свои красивые свитера и надели чего похуже — одолжили у костюмерши... Обошли с ним два вагона, на бутылку набрали. Кое-где нас еще и за стол приглашали, по рюмашке выпить. Эти деньги, конечно, быстро кончились... Из Москвы приезжает замдиректора и везет деньги для киногруппы. Негласно дана команда «вот этим субчикам»... выдать деньги в последнюю очередь. Накануне у нас с Володей был «званный ужин». Утром голова раскалывается. Вдруг я вижу, что Володя в коридоре у этого замдиректора возмущенно требует денег. Я подошел, а этот начальник меня отпихнул: «Что вы из себя героя кино строите!» «Ах ты...» — говорит Володя, выхватывает у меня из рук термос и как даст тому в лоб! Немая сцена. Только термос разбитыми стеклышками звенит... Короче говоря, группа нас бросила, до места съемок нам одним пришлось добираться пешком»¹⁵.

Из Алма-Аты Высоцкий чистосердечно, но без указания имен, сообщает жене: «У нас двое отстали, а потом догоняли поезд на ручной дрезине»¹⁶.

Сценарист и режиссер киностудии «Казахфильм» Анатолий Галиев довольно откровенно описывает легкомысленную атмосферу, царившую в киноэкспедиции несостоявшегося фильма «По газонам не ходить» (начало 1963 года): «Жили актеры в гостинице «Казахстан»... Там же тогда жили девушки из ансамбля «Березка», приехавшие на гастроли. Дамскую часть нашей картины представляла актриса **Тамара Кокова**. В общем, ребятам там было хорошо... Воло-

дя иногда пел в номере гостиницы. Потом Пястолу (директор киностудии. – Ю.С.) доложили, что вообще в гостинице происходит «разврат и всякое непотребство», и он выражал свое недовольство. Но никто и ничего там остановить не мог: какой к чертям «разврат», когда рядом живут целый ансамбль «Березка» и молодые мужики?!»¹⁷. Кокову как актрису сегодня вряд ли кто помнит, а ведь она в конце 1950-х—начале 1960-х годов была одной из наиболее успешных актрис, ее много снимали, особенно в картинах с «восточным колоритом». Но затем с ней случилась беда — попала в автокатастрофу. Тамара пережила несколько сложнейших операций, но это все равно не позволило ей вернуться на съемочную площадку. Наступило забвение...

Рассказывая о шалостях молодых лет болгарскому публицисту Л. Георгиеву, поэт Петр Вегин говорил: «Я познакомился с ним в 1964 году, когда по просьбе ученых города Дубна организовывал там вечер молодой поэзии и выставку наших художников-авангардистов... И тогда был первый, может быть, самый большой из его успехов. Я помню, он был этому очень рад...»¹⁸

Позже Вегин, вспоминая о той поре в автобиографическом романе «Опрокинутый Олимп», с нескрываемым восторгом рассказывая, как они, группа молодых, модных, вечно голодных поэтов и художников (Эрнст Неизвестный, Борис Жутовский, Юло Соостер, Юра Соболев, Янкилевский, Юрий Визбор, Юлий Ким — что ни имя — то ныне легенда!), вместе с журналистом газеты «Неделя» В. Шацковым были приглашены молодыми физиками в столицу ядерщиков — Дубну. Кто с картинами, кто — со стихами и песнями, кто — с прелестными подругами. С по-

следними были Игорь Кохановский и, естественно, наш герой — Владимир Высоцкий. Перед поездкой Вегин горячо убеждал ребят: «И Понтекорво будет, и все остальные засекреченные! Дают два автобуса, гостиницу и жратву на два дня...» Поехали? Поехали!

После выстушений и теплых встреч всей компанией они лениво валялись на берегу неширокой тут Волги, купались, балагурили. Высоцкий и Гарик с диким ором и плеском топили в волжских волнах привезенных подружек. «Девки визжат, но им это жутко нравится...»¹⁹

Даром, что ли, кумир молодежи тех лет Василий Аксенов один из самых лучших своих рассказов так и назвал — «Жаль, что вас не было с нами...»?

Действительно, жаль.

Приключения Высоцкого преследовали по пятам. Или он сам их создавал? Взять хотя бы нелепую историю, которая случилась с Владимиром примерно в то же время и спустя десяток лет словно воплотилась в знаменитом рязановском фильме «Ирония судьбы». С некоторыми, правда, отклонениями от киносюжета. Но это уже детали.

Очарованный актрисами театра миниатюр **Тамарой Витченко** и ее подругой Рысиной, некий «морской волк» Илья, тогдашний начальник Калининградского порта, летом 64-го года оказывается в Москве. Естественно, находит одну из своих симпатий. Тамара приглашает Илью к себе домой. Как водится, посидели, выпили. «Где-то поздно ночью звонок, приходит парень... Мы сидим, выпиваем втроем, — вспоминал Илья. — Три часа ночи. Кто-то должен уйти. Мы ждем, кто это сделает. Она не провозжает, не выгоняет никого... нам весело... но мы ждем друг от друга, кто уйдет. В конце концов, мы

уходим вместе... Прощаемся, берем такси. Он уезжает в одну сторону, я — в противоположную. Через пять минут к ее подъезду подъезжают одновременно два такси. Выходит этот парень, выхожу я... Мы рассмеялись и опять поднимаемся вместе. И до 12 дня выпиваем. Этот парень был Володя Высоцкий... Он и тогда был с гитарой и пел...»

К этим воспоминаниям Валерий Золотухин добавляет: «Я помню Тамару Витченко — в нее был влюблен весь факультет музкомедии ГИТИСа, а может быть, и весь институт. Она была недостижима, старше... и только сладко улыбалась и разрешала себя любить и восхищаться ею»²⁰. Добавлю, что Тамара сыграла определенную роль в трудоустройстве Высоцкого в Театр миниатюр Полякова, и потом, зимой 1962 года, гастролеровала вместе с будущим «шансонье всея Руси» по сибирским и уральским городам.

И много позже Тамара Алексеевна и ее муж Виктор Анисько, актеры театра имени Станиславского, поддерживали с Высоцким теплые самые дружеские отношения. Когда молодые супруги переехали в новое общежитие на Смоленской набережной, Володя, как вспоминает Тамара, часто навещал их — и неизменно, в любое время года, с розами. Хотя с деньгами было не то что негусто — просто пусто. Был даже такой случай: приехав с розами для Тамары, он не мог расплатиться с таксистом и отдал ему свой шарф...

«Я был душой дурного общества...», — пел Высоцкий. Впрочем, эти строки вовсе не относились ни к Тамаре, ни, естественно, к Людмиле Гурченко. Людмила Марковна рассказывала: «Познакомились мы в 1962 году в шумной, разношерстной компании, в большой, красивой квартире, где хозяин устраивал

вечера гастролеров-развлекателей. У меня был такой период жизни, когда в кино работы не было, а времени свободного было ого-го сколько. Куда только судьба не заносила. В той компании я уже отвыступала и числилась актрисой вчерашнего дня. Высоцкий приехал с гитарой в сопровождении нескольких друзей. Хотя я уже знала, что внешне он совсем не такой, каким его представляла, у меня все равно была надежда, что я подсмотрю в нем особенное. Нет. Было разочарование. Но недолгое. Потому что, как только он поздоровался со всеми и перебрался несколькими словами с хозяином, он тут же запел. Пел, что хотел сам. Пел беспрерывно. Казалось, для него главное — что его слушали. Слу-ша-ли! Впечатление было, как от разрыва снаряда. Да нет, если бы он не пел, он бы просто с ума сошел от внутренней взрывной энергии... Он не мог найти нужного равновесия из-за огромной внутренней непрекращающейся работы, когда нет сил (или времени?) посмотреть на себя со стороны. А вот так, будучи самим собой, — выпотроженным, усталым, непарадным, — он, конечно же, рисковал многих разочаровать. Он все время был обращенным в себя и в то же время незащищенным, как на арене цирка. Чувствовал, что надо удивить, но одновременно понимал, что этого ему не простят... Тогда я попросила: «Но тот, кто раньше с нею был...» Потом его рвали во все стороны, что-то говорили, пожимали ему руки. Но были и лица равнодушные: «Ну и что тут такого?» О, сколько я видела таких лиц!..»

Потом она очень хорошо помнит душное московское лето 66-го года, нескончаемую гнусную очередь в ресторан «Узбекистан», где она вместе с дочкой Машей, Высоцким и Севой Абдуловым собирались тихо-мирно посидеть. Но: «Меня уже на улицах не уз-

навали, а Володю еще не знали в лицо... Он вел себя спокойно. Я же нервничала, дергалась: «Ужас, а? Хамство! Правда, Володя? Мы стоим, а они уже, смотри! Вот интересно, кто они?» Потом мы ели во дворе «Узбекистана» разные вкусные блюда... Через несколько дней Володя мне спел:

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первые стояли,
А те, что сзади нас, — уже едят...»²¹

Послужила ли именно очередь в «Узбекистан» толчком к написанию этой песни, не убежден. Тем более что Людмила Абрамова в этой связи называла иной «вдохновляющий» адресок — южный город Сухуми. «Мы все время ходили нежрамши. Сколько бы мы не спускались в ресторан — столы накрыты, пустота абсолютная и никого не пускают... И на улице поесть негде...»²² Хотя в те годы подобные истории случались на каждом шагу, «где, к сожаленью, навязчивый сервис...»

В поисках заработка молодой Высоцкий не раз предлагал популярным эстрадным исполнителям свои песни. Причем не только мужчинам-певцам, но и женщинам — **Майе Кристалинской, Ларисе Мондрус...** Но они неизменно отказывались.

Первой из тех, кто в конце концов отважился громко, с эстрады, спеть песни Высоцкого, была теперешняя неоспоримая примадонна отечественной эстрады **Алла Борисовна Пугачева**. Правда, сделала это с опозданием. Автор их уже не услышал.

«...Он всегда был для меня Владимиром Семеновичем, — вспоминала Пугачева, выступая на вечере в театре на Таганке 25 января 1991 года. — ...Мы встречались в одном доме, у нашего общего знакомого.

Я была тогда никто, так, девочка лет семнадцати. Я сидела за пианино, играла, Владимиру Семеновичу нравилось. Там бывали разные люди: космонавты бывали, ученые, Гагарин был... А я со всеми фотографировалась. Вот так вот хозяин в центре сидит, слева, скажем, Гагарин, справа — я. Или: хозяин в центре, Высоцкий слева, справа — я. И, поскольку я была никем, меня на всех фотографиях отрезали... Теперь жалеют... Бывал в той компании и Боря Хмельницкий, и я даже стояла на этой сцене. В «Антимирах», как сейчас помню... Мы тогда крепко поддавали... И вот мы всей компанией приехали в театр. Любимова тогда не было... Нам не хотелось расставаться, и мы все вместе, как пришли, так и вышли на сцену...» По мнению многих знакомых Аллы Борисовны того периода, в Таганку она была просто влюблена, обаятельный молодой бонвиван Борис Хмельницкий по ее просьбам снабжал контрамарками, и она пересмотрела весь модный репертуар театра, шурясь в задних рядах (очки были уже выброшены в помойное ведро). С Высоцким, которого юная Пугачева просто боготворила, ее познакомил сотрудник Центра подготовки космонавтов Герман Соловьев. С тех пор она частенько заглядывала в гримерку к своему «Галилею», упрасывая его подыскать ей хоть какую-нибудь роль. Что касается выхода Пугачевой на таганскую сцену, то это было участие в массовке одного из спектаклей. Может быть, это были «Антимиры», может быть, какой-то другой. Просто будущая эстрадная дива походила перед зрителями по знаменитой сцене.

Анатолий Утыльев, коллега Соловьева, вспоминал один из эпизодов их бесшабашной молодости: «Однажды решили отдохнуть. Поехали на модный

московский пляж Татарово. (Сейчас это пляж «номер три» в Серебряном бору.) Сидим, загораем, пиво пьем... Алла, Володя, Герман Соловьев и я. И вдруг из динамиков на весь пляж хриплый голос Высоцкого. «Видите, какой я знаменитый, весь пляж слушает!» — засмеялся Володя»²³. Ребята еще подтрунивали: «Володь, а ты спой-ка в унисон с самим собой...»

Как считает Утыльев, романа между Высоцким и Пугачевой не было. Были просто друзьями. Хотя «она его, конечно, обожала. Но Володя внешне неброский был. Простоватое лицо. Алла же всю жизнь любила красивых мужиков...»²¹

Со временем их общая компания как-то распалась, точнее, трансформировалась, и Пугачева с Высоцким обменивались лишь взаимными шутивными приветами.

Желание спеть его песни у Пугачевой всегда присутствовало. «Но ни одна песня не удавалась, — рассказывала певица. — Потому что настолько он индивидуален. Но вот две песни, которые я услышала, причем не в его исполнении, а в исполнении Марины Влади — «Бокал вина» и «Беда», — меня просто поразили и я очень хотела их спеть, и собиралась... Я собиралась их спеть где-то года три подряд: думала, думала, думала...»

Надо же было случиться такому роковому стечению обстоятельств. Как раз в ту трагическую ночь 25 июля 1980 года Пугачева с друзьями закончила репетировать «Беду». На следующий день должна была состояться премьера в Театре эстрады, на олимпийском концерте. И Алла Борисовна завелась: «Ну давайте позвоним ему сейчас, скажем...» «Я не знаю, что со мной творилось. Где-то в три часа ночи меня просто держали, как будто в меня дьявол вселился... Меня дер-

жали четверо человек, и один из них, Юрий Шахназаров, — тогда он у меня был руководителем ансамбля... Я говорила, что необходимо именно сейчас позвонить. А он: «Телефона у меня с собой нет...» Я говорю: «Ну, узнайте!..» — «Поздно сейчас, утром сообщим...» Я говорю: «Нет, сейчас!..». Говорят: «Ну, куда мы будем сообщать?.. Нет телефона... В три часа ночи неудобно...» Когда мне позвонил Юра на следующий день и сказал: «Алл...» — «Ты достал телефон?..» Он говорит: «Да, только звонить не надо...» Это, конечно, мистически-трагическая история... Если у вас есть желание встретить кого-то, скажем, автора, или встретиться с другом, приятелем, пока он жив и здоров, — не скупитесь на эти встречи, не скупитесь на любовь...»

В день похорон Высоцкого она вышла на сцену главного пресс-центра Олимпиады в черном траурном платье и начала свое выступление — «Я несла свою беду...»

Отвечая на вопросы об Алле Пугачевой, Высоцкий на выступлении в Ворошиловграде 25 января 1978 года высказался, как всегда, уважительно, но сдержанно: «Алла Пугачева, на мой взгляд, интересная очень актриса на сцене и интересная певица». Рассказывают, ему однажды прислали записку: «Владимир Семенович, Ваше творчество очень напоминает творчество Аллы Пугачевой...» Он прочитал, рассмеялся, затем читает дальше: «Так же, как она, вы откровенны со зрителями». Когда он дочитал до конца, то очень серьезно сказал:

— Я с вами не откровенен. Я говорю то, что вы хотите от меня услышать. Если бы я был с вами откровенен, то я не знаю, как бы вы отнеслись к этому...²⁵

Почти через одиннадцать лет после смерти Высоцкого, в мае 1991 года, у Аллы Борисовны произо-

шло одно мистическое «свидание» с умершим поэтом. Когда 31 мая в лондонской больнице появился на свет внук Пугачевой Никита, то он почему-то не заплакал, как это положено, а, внимательно прищурившись, стал разглядывать окруживших его людей. И молчал. Молодая бабушка всполошилась: «Что-то не так, надо что-то делать!» В этой нервной обстановке зять певицы Владимир Пресняков начал истерически хохотать, и вдруг услышал голос Владимира Высоцкого: «Желаю вам счастья в личной жизни!» Обернулся — и встретился глазами с напряженным взглядом тещи. Оказалось, она тоже слышала слова, произнесенные Высоцким...²⁶

Кочуя из одной киноэкспедиции в другую, Высоцкий не забывает сообщать жене: «Я, лапа, ужасно положительный. Все спрашивают, что со мной, почему я серьезный. А я их не достаиваю и пренебрегаю...» (Айзкраукле, Латвия, 18 июля 1964).

В другом, то ли шутя, то ли всерьез, признавался: «Глядя на всех встречающихся мне баб, я с ними не якшаюсь, чужаюсь их, и понимаю, лапочка, всю массу твоих достоинств и горжусь, что ты моя жена... Романов, повторяю, нет. Ни платонических, ни плотоядных. Мне очень трудно, но я терплю и настоятельно рекомендую тебе то же самое. По поводу твоего отдыха — поговорим в Москве. Я не думаю, что тебе было бы здесь лучше...» (Одесса, 9 августа 1967)

Когда у Владимира уже начал складываться более-менее устойчивый статус актера Театра драмы и комедии на Таганке, он начал получать стабильную ставку — 70 рублей. Впрочем, все они уходили на няньку, чтобы Люся «постоянно могла быть рядом с ним. Во-первых, я сама хотела постоянно быть ря-

дом, а во-вторых, и Володя в этом нуждался. А иногда в этом был смысл и для театра: я хоть как-то гарантировала, что Володя будет на спектакле, не опоздает и не пропадет...»²⁷

Люся прочно «прописывается» на Таганке. Бывает на репетициях, спектаклях, участвует в послепремьерных банкетах и дружеских вечеринках. Ездит вместе с мужем в гастрольные поездки (в Грузию, в Ленинград), на съемки (в Белоруссию, Одессу)... Высоцкий писал своему приятелю в далекий Магадан: «Жена моя Люся поехала со мной и тем самым избавила меня от грузинских тостов алаверды, хотя я и сам бы при нынешнем моем состоянии и крепости духа устоял. Но — лучше уж подстраховать, так она решила...»²⁸

Костюмер фильма «Я родом из детства» Алла Грибова рассказывала, что впервые на кинопробах Высоцкий у них в Минске появился ранней весной 1965 года: «Приехал с женой. Жили они в общежитии... Там же мы и собирались, в основном «киряли». Это потом Володя чаще пел. Володя показался тогда очень мягким в общении человеком. Мы все очень удивились, что у него двое детей. Все шутили: «Что у вас, света не было?»... Абрамова тогда, в первый приезд, все время была вместе с Володей...»²⁹

Потом Людмила вместе с сыновьями приезжала уже на съемки. «Остановились они в гостинице «Минск». Мы (Туров, Княжинский, Каневский), — рассказывал каскадер Борис Сивицкий, — пришли к ним в гости в номер. На наши просьбы спеть Володя ответил отказом. Отказался он и сесть за стол... Но тут выяснилось, что надо провожать Люсю на поезд. Володя попросил втихаря, чтобы налили ему выпить и спрятали в ванной. Заскочив туда, Высоцкий тут же расправляет крылья и берется за гитару... По-

ехали на вокзал. Люся с детьми уезжает в Москву. А мы начинаем гулять. Высоцкий уже был страшно взбудоражен... Сделал заказ в номер и начал импровизированный концерт...»³⁰

Работавшая ассистентом режиссера Виктора Турова Роза Ольшевская говорила, что «после своих срывов Володя приезжал к нам как стеклышко, весь подтянутый, готовый к работе. А когда мы звонили Люсе Абрамовой в Москву и Высоцкий бывал вне формы, то Туров велел никому об этом не говорить...»³¹

В Театре на Таганке Людмила Абрамова всегда сидела в первом ряду, и, как говорили, актеры по выражению ее лица, а главное — по глазам — узнавали, как они сегодня работают. Борис Хмельницкий говорил о ней: «Люся брызгает слезами нам на колени». Юрий Петрович Любимов видел в ней свою союзницу и надежную помощницу в непростом деле соблюдения трудовой дисциплины актером Высоцким. Он же ценил ее и как интересную актрису. И однажды даже предложил ей вступить в труппу театра. Но что-то там не сложилось. Вполне возможно, что эту идею и сам Владимир не очень-то одобрял: на кой ему нужно и днем, и ночью, и дома, и на работе недремлющее око («*пришел домой – там ты сидишь...*»)?.. Пусть уж лучше пацанами занимается, верно?..

Люся была очень привлекательна, фотогенична. В описании Вероники Халимоновой Людмила Абрамова — «длинная девочка с огромными глазами. Красивая, очень мне понравилась. И видно было, что очень любит Володю». Ее мнение подтверждал и Игорь Пушкарев: «Мы, друзья Володи, все были в нее влюблены: высокая, стройная, глазищи! Мы плохо знали его первую жену Изу, и Люда для всех

нас стала как бы первой Володиной женой»³². Самому Высоцкому не очень нравилось то, что Людмила была выше него ростом. Золотухин слышал, как Володя иногда говорил ей: «Да не ходи ты рядом. Иди чуть-чуть сзади...»³³

Ну а писатель-фантаст Борис Стругацкий в свойственной ему манере и вовсе называл Люсины глаза «марсианскими»...

Подруги Люси часто вспоминают, что в те годы ей часто предлагали роли в кино. Она столь же часто отказывалась, ссылаясь на семейные обстоятельства. В итоге о Людмиле Абрамовой как актрисе практически забыли. Правда, в 1965 году вгиковец Борис Ермолаев сочинил сценарий для телевидения, который, по мнению автора, был обречен на «мировую сногшибательную славу». Участник сего теледействия Вениамин Смехов вспоминал, что «все это называлось «Комната», и весь текст поместился бы в спичечную коробку — двое любят, нет квартиры, но вот появилась, и друзья это отмечают... И вот Эдик (Арутюнян, бывший артист театра на Таганке и близкий приятель Высоцкого начального таганского периода. — Ю.С.) меж слов и меж умствований поет и даже называет Володю автором — «Где твои семнадцать лет?» и «Жил я с матерью и батей...», что-то еще...» По замыслу Ермолаева, Высоцкий играл в телеспектакле отрицательную роль — художника, а Люся — стюардессу, его возлюбленную, немножечко более положительную. Она не была в восторге от этой работы, в силу интеллигентности мягко замечая: «...не помню, чтобы мы получили много радостных впечатлений...»³⁴

Последний раз Л.В. Абрамова мелькнула на киноэкране в 1969 году в совместном с немецкими кинематографистами фильме «Мне не забыть тебя, Юсте».

Как же, в конце концов, оценить отношения Людмилы Владимировны и Владимира Семеновича? В собственной-то семейной жизни порой не просто разобраться, а в чужой уж — и подавно.

Первое: на Водолеев ни в коем случае нельзя давить. Как считают толкователи знаков Зодиака, Водолеями правит Уран — планета независимости и изменений, что делает их жизнь похожей на смерч. Еще один признак — непредсказуемость, могучая устремленность вперед. Инструкции и строгие предписания не для них.

Люся, хотя и осознававшая масштаб таланта мужа, необычность, неординарность личности, тем не менее старалась сковать его стандартными рамками «приличной советской семьи». В чем-то ее устремления можно понять. Но у Высоцкого иной был нрав, иной характер, иное воспитание, иные взгляды, жизненные нормы. Спорить со всем этим было бессмысленно. И главное, Людмила Владимировна не хотела признавать, что переделать, перебороть его было невозможно. Все попытки были тщетны. Он просто был другой.

Вне всяких сомнений, у них были счастливые дни. Он окутывал ее нежными словами. Для него она была «Люсик,.. любимая,.. солнышко,.. лапик мой хороший,.. лапа,.. мальшик,.. любимый пусик,.. Люсенок...». В любви у них родились два сына.

«Как он Люду свою любил — это поразительно, — рассказывала администратор «Москонцерта» Нина Николаевна Обухова. — Идет какая-нибудь девица с причесочкой: «Да, девчонка-то ничего, да только лака больно много, у моей Людки волосы сами так лежат». Идет другая: «Да, платьице богатое, не то что у моей Людки — хлопок, ...а все ж на Людке сидит

лучше. Она у меня ходит, как королева». «О! У нас дома хоть шаром покати, а гости придут — Людка всегда чаю найдет, а то и бутербродов. Не стыдно людей позвать». От него уже отмахивались: «Да отстань ты со своей Людкой!» А сам часто повторял Яну Спарре, спортивному телекомментатору: «Ян, я — сволочь, я знаю — денег у меня нет, но ты пойми, ну нет работы, но я же не могу пойти просить, унижаться. Ну, что-нибудь придумаю, придумаю, придумаю...»³⁵

И ведь придумывал! Инна Николаевна рассказывала, как в 1968 году в ресторане «Якорь» Высоцкий сочинил и тут же продал уркам за 25 рублей стилизованную для них песенку типа «Я вот вышел на свободу, отсидел за вас срок, мать, я не смог тебя похоронить, буду помнить, поставлю чуть ли не обелиск...»

У Люси и Владимира были серьезные совместные увлечения, скажем, той же фантастикой, летающими тарелками, пришельцами. С помощью старинного студийного приятеля Георгия Епифанцева они знакомятся с популярнейшими фантастами братьями Стругацкими. Аркадий Натанович Стругацкий даже становится «другом дома». Это происходит в 1966 году, после возвращения Высоцкого с «орбиты» съемок «Вертикали».

Еще раньше, в октябре 1965-го, Люся и Володя, через писательницу **Ариадну Григорьевну Громову** знакомятся с легендарным польским фантастом Станиславом Лемом. Он, оказывается, уже слышал песни Высоцкого, «*навеянные чтением, конечно, западной фантастики*» — «Гимн космических негодяев», «Тау Кита» и, будучи в Москве, изъявил желание познакомиться с их автором. Как рассказывал драматург, знаток и большой любитель авторской песни Михаил Львовский, «Ариадна Григорьевна... очень любила

Высоцкого и дружила с ним. У нее было огромное количество его пленок — он их сам ей давал. Она собирала и распространяла его записи; четырехдорожечный магнитофон «Комета», который я ей подарил, стоял у нее раскаленный, потому что она писала на нем круглые сутки»³⁶

Жена драматурга Елена Константиновна Львовская во время памятной вечеринки у Громовой стала невольной свидетельницей разговора Лема с Людмилой Абрамовой: «Лем ее спрашивал: «Не хотелось бы вам самой быть актрисой и работать в театре?» На что жена Высоцкого очень гордо отвечала: «Я категорически против того, чтобы женщины играли в театре. Я за то, чтобы в театре, как во времена Софокла и Эврипида, играли одни мужчины: надевали женское платье, выходили на сцену, — это было прекрасно. Поэтому мне и в голову не приходит быть актрисой». На второй вопрос Лема: «А что вы делаете в жизни, помимо того, что вы — жена Высоцкого?» — она сказала: «Призвание женщины — быть матерью. Я за это. Я воспитываю своих детей. Это то, чем я занята в жизни». Сам Высоцкий этого разговора не слышал, общался с каким-то другим собеседником. И, вообще, стол был большой, компания шумная...

Львовская также рассказывала, что Высоцкий «был человек очень жесткий — как говорится, где сядешь, там и слезешь... Он сказал: «Нет, я петь не буду. И пить не буду». Ариадну Григорьевну Высоцкий очень любил, был расположен к ней, ценил ее отношение к себе (в то время он как раз сочинял «фантастический» цикл песен, общаясь с фантастами, впитывал все, как губка.... Когда Ариадна сказала: «Ну, как же мы не послушаем ничего?» — он ответил:

«Вот Михаил Григорьевич принес записи Окуджавы — вот это я с удовольствием послушаю!» Мы включили магнитофон, зазвучали песни Окуджавы, все разговоры как-то прекратились. Высоцкий очень хорошо слушал. Очень. Он сел совсем близко к магнитофону, подставил руку под подбородок и слушал очень цепко, как собака, которая сделала стойку на дичь...»³⁷

Людмила Владимировна по сей день хранит в памяти дорогие черты характера Владимира Семеновича: «Он любил, когда я ему читала вслух»³⁸. «Володя любил, когда я быстро решала кроссворды, хотя разгадывал их намного быстрее меня... Память на события и факты у Володи была невероятная. Если он хотел что-либо вспомнить, то у него это получалось с трудом, начинал нервничать, а в расслабленном состоянии память Володи фиксировала все с невероятной точностью: слова, жесты, интонацию — все это он мог повторить. Когда он писал песню, он перебирал огромное множество рифм, какие-то формулировки, варианты, множество юридических терминов, редко употребляемых слов...»³⁹

Людмила буквально из-под земли добывала ему нужную для работы литературу. Например, у кого-то выпросила на время редкую тогда книгу Куна «Легенды и мифы древней Греции», и Владимир Семенович по ней сверял, не ошибся ли он в чем в своей «Кассандре». Люся, воспитанная бабушкой на стихах поэтов Серебрянного века, школьницей посещавшая занятия литературного объединения «Юность», сама писавшая интересные стихи, была для мужа, конечно, бесценным источником литературных познаний. Но неверно утверждать, что единственным источником.

Школьный приятель Владимира Игорь Кохановский рассказывал на вечере памяти Владимира Высоцкого на олимпийской базе в Новогорске, Московская область, 8 апреля 1981 года, что они и подружились именно на «любви к литературе, в частности, к поэзии... К нам в 1953 году пришла новая учительница литературы. В то время период расцвета русской литературы в 20-х годах был не то чтобы под запретом, но никто нам не говорил, что были такие русские поэты, как Велимир Хлебников, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Крученых и всякие там «ничевоки». И вдруг эта учительница стала нам рассказывать об этих поэтах и писателях... Я помню, одно время мы очень увлекались Игорем Северяниным, потом Гумилевым, читали его взапой... Володя был очень начитан. Он говорил: «У меня взапчит». Это означало, что он взапой читает...».

Аза Лихитченко подтверждает, что их преподаватель литературы во мхатовском училище Александр Сергеевич Поль, эрудит и знаток словесности, особо «выделял Володю за большую любовь к своему предмету». Я уже не говорю о преподавателе Школы-студии Андрее Донатовиче Синявском, высоко ценившем талант своего студента, чьи магнитозаписи были успешно конфискованы сотрудниками КГБ.

По всей вероятности, Высоцкий крепко-накрепко усвоил уроки, которые преподавала ему в Школе-студии замечательный педагог, настоящая, кстати, графиня **Елизавета Георгиевна Волконская**. Как вспоминал сокурсник Высоцкого Роман Вильдан, она настоятельно советовала: «Володя, не пытайтесь делать из себя графа, постарайтесь стать Высоцким, может быть, тогда у вас и появится благородство»⁴⁰. Вчерашние школьники подхихикивали и одно-

временно благоговели перед Волконской. Высокая, статная, худая, в старинных украшениях, в перстнях, с неизменной папироской, она всегда сидела, возложив ногу на ногу. «Она просто замечательно с нами общалась, — вспоминает **Тая Додина**, — ее стиль был — доброжелательная ирония. Как войти в комнату, как отодвинуть стул, сесть за стол... Она учила мелочам, но столь важным мелочам...»

Я никоим образом не собираюсь умалить роль Людмилы Владимировны в интеллектуальном образовании мужа. Тем паче, что Борис Диодоров однозначно утверждал: «Она Володю обожала, формировала его: разыскивала какие-то серьезные книги. А у него уже началась неупорядоченная кино-гастрольная жизнь. И рядом с Володей Люся мне представляется глубоко трагическим человеком...»⁴¹

Ему вторил известный альпинист Леонид Елисеев, знавший Высоцкого еще со времен «Вертикали»: «...Поездка в Рублево. Володя был с Люсей. С первых минут знакомства она располагала своей простотой... Все пребывали в превосходном настроении, все было душевно, просто и вкусно, и Люся как человек оставила неизгладимое впечатление...»⁴²

Поначалу и вплоть до середины 60-х годов Владимир живо интересовался творческой карьерой жены, внимательно следил за ее работой в экспериментальном театре пантомимы Александра Михайловича Румнева.

Там собралась компания однокурсников Людмилы Абрамовой по ВГИКу. Люся Марченко уже упоминалась. Служила там еще и актриса **Виктория Радунская**, которая, впрочем, вскоре переметнулась на Таганку. Кроме сцены, они частенько встречались в общих компаниях. Застолья той поры были, как рас-

сказывает Радунская, «небогатые, потому что мы не очень-то много зарабатывали. Володиных «переборов», как, впрочем, и ничьих других, в тот период я не помню... Во-первых, в этих наших компаниях с Люсей интеллектуальный уровень был значительно выше пьяни, потому что и сама Люся и все остальные — это люди совершенно другого ранга. И Володя был таким же. В других компаниях он, возможно, бывал другим. С кем как, наверное»⁴³.

В дневниковых записях друзей Высоцкого то и дело проскальзывали свидетельства того, что Володя озабочен трудоустройством Люси. Например, 23 января 1967 года Валерий Золотухин записывает: «ВТО. Я и Венька отпросились у жен. Банкет устроен Высоцким. Говорили: о сказке, об устройстве на работу Люси, о каком-то сценарии для нее — может быть, самим его придумать. Новое дело у меня в жизни — долг перед Люсей, надо что-то сделать для нее»⁴⁴.

Думаю, подспудно в душе Людмилы Владимировны зрела скрытая обида на мужа за то, что он как бы испортил ей, в конце концов, ее судьбу как актрисы. (Я уж не говорю, как женщины.)

Такой блестящий старт — будучи еще студенткой ВГИКа, заполучить главную роль в «713-м...», потом преподавать и выступать с пантомимой в модном театре... И вдруг — одна беременность, следом другая, неустроенный быт, безвестность, вечное безденежье и косые взгляды родни: дескать, говорили мы тебе... Наконец, просто неопределенный статус гражданской жены аж до 25 июля 1965 года. А ведь еще 4 марта 1962 года Высоцкий письменно клялся Люсе: «Я — Высоцкий Владимир Семенович, по паспорту и в душе русский, женат, разведусь...»⁴⁵

Период 1965—1967 годов у Владимира был абсолютно «сухим». Он избегал даже пива и кваса. Люся ему помогала — даже надкусывала шоколадные конфеты, дабы убедиться, что там нет начинки с ликером или ромом...

Это сейчас она находит объяснение безудержным запоям Высоцкого: он пил, «чтобы ликвидировать «духовный спазм». Я внутренне чувствовала его «уходы в пике». Дня через два-три он возвращался. В силу внутреннего чутья я открывала дверь, встречая его на пороге... Непредсказуем он был для тех, кто его не знал, а иногда он сам удивлялся своим поступкам...»⁴⁶

У Людмилы Владимировны был сильный, возможно, даже не совсем дамский характер. Ну а у мужа-то и вовсе. Словом, нашла коса на камень, да и только. Ныне она считает: «Несбывшееся — это школа»⁴⁷. И одновременно признает, что поняла это, когда стали подрастать дети...

Что касается семейного быта, то многое объясняет запись в золотухинском дневнике от 26 июля 1967 года: «Ночевал Высоцкий. Жаловался на судьбу:

— Куда деньги идут? Почему я должен вкалывать на дядю? Детей не вижу. Они меня не любят. Полчасика в неделю я на них смотрю, одного в угол поставлю, другому по затылку двину... Орут... Совершенно неправильное воспитание...»⁴⁸

И еще одна цитата от Валерия Золотухина: «24 февраля 1968 года. Отделился от жены. Перехожу на хозрасчет... Я сам буду себе и жена, и мать, и кум, и сват... Высоцкий смеется:

— Чему ты расстраиваешься? У меня все пять лет так: ни обеда, ни чистого белья, ни стиранных носков. Господи, плюнь на все и скажи мне. Я поведу те-

бя в русскую кухню: блины, пельмени и пр. — И... по-вез в ресторан «Центральный»⁴⁹.

Бытовые проблемы, естественно, были дополнительным раздражающим фактором в отношениях Владимира с женой. Но существовали и другие. Инна Кочарян отчетливо помнит, как в канун рождения второго сына Высоцкого Никиты будущий отец кротко сидел у них дома и сокрушался: «Денег нет, жить негде, а она решила рожать...»⁵⁰

Его бесил странный уклад жизни семьи Абрамовых, так и не ставшей ему родной, особенно досаждала мать Люси — женщина, которая «всю жизнь спала в лыжном костюме», не признавая простыней. Были у нее и прочие странности. Хотя, казалось бы, женщина она была высокообразованная: до войны окончила мехмат МГУ, потом Военный институт иностранных языков, преподавала английский на физтехе в Долгопрудном.

Была небольшого росточка, но крепко сколоченная. Остроглазая А.Д. Тубеншляк, подбиравшая актеров в «713-й просит посадку», вообще решила, что «она занимается штангой, гириями или чем-то в этом роде». Ну, насчет штанги Анна Давыдовна, конечно, погорячилась. Но Люсиная мама действительно была заядлой спортсменкой, завоевывала даже золотые медали на чемпионате СССР по стрельбе. И когда ей перевалило за семьдесят, запросто победила на институтском первенстве в родном МФТИ.

Высоцкому, гуляке и «вечному страннику», заматанному бесконечными киноэкспедициями и гастрольными поездками в поисках лишнего рубля, естественно, хотелось налаженного быта, уюта, горячей пищи, жены, встречающей у порога («чтобы пала на грудь...»), то есть всего того, чтобы резко контрасти-

ровало с вынужденно кочевым (в силу профессиональных причин) образом жизни. После «одесско-белорусского» цикла фильмов Высоцкий более-менее нормально зарабатывал. Причем не столько как актер, сколько как автор песен. Случались и «левые» концертные выступления. Словом, пожалуй, уже не очень бедствовали. Но молодого главу семейства возмущало, что «полотенца лишнего в доме нет, дети «засранные»... А «она» — одну сберкнижку профукала, вторую, деньги на кооператив тоже...

«Боялась ли я, что Володя ходил к женщинам? Нет, абсолютно, — уверенно говорит Людмила Владимировна. — У меня и тени этой мысли не было. Боялась ли я, что он может уйти навсегда? Я этого начинала бояться, когда он возвращался. Вот тогда я боялась, что он сейчас скажет — «все»... А потом, когда пришел конец всему, я сразу поняла, что надо уйти. Просто надо было с силами собраться и сориентироваться... Кроме всего прочего — еще и куда уходить? Как сказать родителям? Как сказать знакомым? Это же был ужас... Я не просто должна была им сказать, что буду жить одна, без мужа. Его же уже все любили, он уже был Высоцким...»⁵¹

В отношении к первой жене Владимира она высказывалась, как правило, сдержанно, но с долей недоумения: «Я никогда не слышала, чтобы Володя хоть что-то неуважительное сказал про Изу. Когда Иза приезжала в Москву, Володя ездил с ней встречаться, — иногда у тети Жени (Е.С. Лихолатова, жена Семена Владимировича Высоцкого. — Ю.С.), а чаще у Карины Диодоровой. И никогда Володя не чувствовал, что совершает неблагородный поступок по отношению ко мне. Я Изу совершенно не знала — не то чтобы ревновала, но удивлялась. И зря удивля-

лась. Может быть, если бы я не удивлялась, Володе никогда в жизни не пришлось бы говорить мне неправду. И если ему приходилось это делать, — это на моей совести, а не на его. Это я вам как перед Богом говорю...»⁵²

Но она признавала: «Да, он был любвеобилен...»⁵³

В своем исповедальном интервью обозревателю газеты «Комсомольская правда» Инне Руденко Людмила Владимировна говорила: «...Жалость к Володе была душеразрывающей. Душевзрывающей. Ему понастоящему бывало плохо... Я его любила. Как своих сыновей. Володя даже мне однажды сказал, что я отношусь к нему не как к мужу, а как к старшему сыну. Возможно, это мой недостаток, но я не разделяла Володю и сыновей...»

И все-таки она ушла. Людмила Абрамова считает, что к 1968 году она уже была не нужна Высоцкому как опора, как помощник, как поддерживающее начало — он и так очень твердо стоял на ногах. Правда, еще два года — до февраля 1970 — официально считалась женой Владимира Семеновича.

После ее ухода домой, на Беговую, в общении Высоцкого с сыновьями стали возникать искусственные препоны. При первой попытке официального развода в суде поначалу попытались уговорить супругов подумать: все-таки двое детей... На следующем заседании на вопрос судьи, настаивает ли муж на разводе, Володя неожиданно заявил: «Не настаиваю...» Ну и наконец, когда в третий раз они оказались в здании суда, их развели быстро.

Бывшие супруги вышли на улицу, постояли, поглядели друг на друга. Владимир вдруг предложил поехать на улицу Телевидения, на квартиру матери, посидеть на прощание, перекусить. Она согласилась. В кварти-

ре никого не было. Был роскошный стол, который он приготовил заранее. Володя взял гитару и начал петь. И новые, и старые песни. Пел долго, часа четыре. Чуть на вечерний спектакль не опоздал. Нина Максимовна все это время стояла на лестничной площадке, не решаясь войти. Только в половине седьмого отважилась позвонить в дверь — и они помчались: он в театр, она — на том же такси — в больницу.

Приятель Высоцкого начала 1960-х годов Игорь Пушкарёв до сих пор недоумевает: «Не представляю, как можно было бросить Люсю — женщину, которую он должен благодарить до конца жизни, да еще с двумя детьми? Без нее он бы просто спился и пропал...»⁵⁴

Приятель Высоцкого начала 1970-х годов Давид Карапетян рассказывал о странностях послеразводных отношений Высоцкого и Абрамовой: «Как-то мы сидели на кухне у второй бывшей жены Люси Абрамовой... Он сам и познакомил нас в тот вечер. «Я буду рад, если у вас что-то получится!» Мы с Люсей ощущали неловкость ситуации, поддерживая видимость литературной беседы. Володя в умном разговоре участия не принимал, пил водку и время от времени пытался залезать под кофточку жене: «Володя, тише, мальчики спят», — краснела она. Но ему было все нипочем... Он был на распутье между Таней и Мариной. «А не послать бы мне подальше и ту и другую и вернуться к Люсе?» — в его голосе чувствовалась настоящая внутренняя борьба. На самом деле первой его разгадала именно Люся Абрамова. Она вышла замуж за безработного артиста (? — Ю.С.), у которого не было ни копейки за душой, ни единой роли, родила ему двух сыновей (? — Ю.С.)...»⁵⁵ Воспоминания Карапетяна — больше вопросов, нежели ответов.

В дальнейшем от театрально-киношной среды Людмила Абрамова стала все дальше и дальше отдаляться. После официального развода с Высоцким вышла замуж в 1971 году за инженера Юрия Петровича Овчаренко, через пару лет родила ему дочь Симу. «Стараясь отгородиться, я даже «Гамлета» не видела. Единственное, он однажды заставил меня поехать на «Вишневый сад». Мне тяжело это далось, я правильно делала, что не ходила на спектакли. Жить-то надо...»⁵⁶ Она отрезала от себя все — и песни Высоцкого, и кино, и «Таганку», и большинство прежних друзей...

Затем уехала с мужем в Монголию работать на горно-обогатительном комбинате. Вернее, он (муж) на ГОКе, а она — в местном дворце культуры. Там 25 июля 1983 года провела мемориальный вечер Высоцкого «Памяти поэта». Все, как положено, с афишей и пригласительными... Работает в школе, преподает риторику и мировую художественную литературу. Вместе с сыном Никитой занимается Государственным центром Владимира Семеновича Высоцкого, проводит экскурсии, занимается организацией различных тематических выставок, выпустила книжку воспоминаний...

А Вероника Долина написала о ней печальную песню «Его отбросило волной, ее прибило... А ей остались сыновья с его чертами...».

Никита Владимирович последним, естественно, горд: «От отца мне досталась жизнь, гены, внешнее сходство...»⁵⁷ А брак матери с Ю.П. Овчаренко оценивал так: «Он хороший человек, а то, что с мамой у них не сложились отношения, — это их личное. Он был нам с Аркадием близким человеком, и, думаю, что он и к нам хорошо относился...»⁵⁸

*«Люблю тебя сейчас.
Не тайно — напоказ...»*

Откровенно говоря, испытываю определенную робость, называя имя **Марина Влади**. Как и какими словами описать фантастическую историю их знакомства, любви и прощания?.. Ведь именно «напоказ» они и жили, и бушевали едва ли не шекспировские страсти, были падения и взлеты, возвышенность чувств и драки, попытки самоубийства и сладкое забвение под воздействием «травки». И горькие, чистые слезы.

В данном повествовании уже неоднократно мелькало имя Марины Владимировны Поляковой-Байдаровой. О ней и ее любви к Высоцкому уже столько было написано, рассказано, что, казалось бы, вряд ли что возможно к этому добавить. Но, тем не менее, история любви звездной пары таит еще множество неясностей, тайн, пуганицы, различных, порой противоречивых толкований тех или иных событий и поступков.

Высоцкого считали мистическим человеком, провидцем от Бога, Кассандрой в мужском обличии. Это не гипербола, не лесть, а констатация факта. Как иначе объяснить появление имени недостижимой Марины Влади в ранней песне Высоцкого «*Сегодня в нашей комплексной бригаде...*», написанной за несколько лет до их непосредственного знакомства? Неужто исключительно благодаря удачно найденной рифме («бригаде — маскарade — зоосаде — наряде — дяди — засаде — параде — Нади — Христа ради — Влади»)? Или столь сильным было впечатление от кинофильма

«Колдунья» по Куприну («Я увидел ее – и погиб...») Или все же глубинным предчувствием неминуемой встречи («Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий...»)?

А, может быть, сказалось расположение звезд? Отнюдь нет. Астрологи наоборот считают, что «союз Телец (Влади. – Ю.С.) – Водолей (Высоцкий. – Ю.С.) практически невозможен. В женщине-Тельце проявляются высшие материнские качества земной Венеры, богини любви, сошедшей на Землю. Гармония и покой, дом, дети, семья – требования Тельца. А свободный, оригинальный Водолей не стремится к домашнему очагу. Он вечно в поисках приключений: творческие планы, друзья, тяга к переменам, путешествиям в его жизни важнее любовью привязанности... Его дом – это весь мир, да у него зачастую и нет дома»¹. Маститые астрологи считали, что «именно этот союз является классическим примером брака, который не подчиняется законам. Союз Тигра (Марина. – Ю.С.) и Вола (Владимир. – Ю.С.) – из числа приключений, а не брачных союзов... В этом тандеме Вол – прекрасная добыча кровожадного Тигра...»²

Таким образом, Владимир и Марина звездам не подчинялись, действовали вопреки.

А во что же тогда верили? В «черную» магию?

Ныне Марина говорит: «Я после всего не верю ни в Бога, ни в астрологию»³.

Можно многое списать на совпадения. Но только не историю, которая в августе 68-го года приключилась с Владимиром Высоцким в славном городе Питере. В одной из коммуналок на Васильевском острове собралась веселая, разношерстная компания. Бородатые геологи, румяные комсомольские активисты, таинственный военный летчик Борис, ранен-

ный на вьетнамской войне. А украшением компании, естественно, были загорелые студентки в открытых сарафанах.

Девушки быстро наварили целое ведро пельменей, потом прибыли ребята с пивом и раками. Не стол – праздник! Было шумно и безалаберно. Постоянно кто-то входил, выходил. Примерно в середине вечера в комнате появились новые гости – «комсорг геологического института Женя Сенькин вместе с каким-то парнишкой в клетчатой рубашке», – рассказывала Елена Богатырева (тогда она носила менее благозвучную фамилию – Коструба), которая приехала к подругам из Киева.

Лена в компании славилась своим умением гадать на картах. Когда ребята вышли покурить на кухню, ее попросили погадать. Потом еще и еще. Затем на кухню заглянул тот самый парень в клетчатой рубашке. «Подсел к нам, дожидаясь, пока я закончу.

– Погадаешь мне?

– Пожалуйста!

А у меня тогда были длинные белые волосы, он и заметил:

– Что-то ты не похожа на цыганку!..

Под такие шуточки разложила карты. Всего не помню, но точно сказала:

– У тебя много казенных хлопот, казенный дом, казенные дела... Хлопоты впустую. Но это скоро закончится, потом все будет благополучно...

Разложила по-другому:

– Выпадает тебе блондинка. Ты ее любишь, она тебя любит...

– Любит?

– Любит, – отвечаю. – Все у вас сложится. Она принесет тебе известность и богатство. У нее много

денег, — так действительно следовало из расположения карт, но разговор велся как бы не всерьез.

— Ну, — говорит, — если все это сбудется, я тебя просто по-царски отблагодарю!..

Докурили и вернулись в комнату. Я — к своему летчику, парень — на свое место возле выхода.

И только когда он взял гитару... и запел, до меня дошло — кому я гадала!.. После этого он извинился и потихонечку ушел. Недолго, в общем, посидел — может, успел пива выпить. Уже без него мне сказали, что приехал Высоцкий со съемок фильма «Хозяин тайги» и что разводится с женой — или какие-то у него в этом плане неприятности...»⁴

А ведь чуть ранее Высоцкий писал:

«Эта самая блондинка, мной не тронутая.

Эта самая блондинка! У меня весь лоб горит...»

Случайное питерское знакомство имело продолжение. Когда Лена вернулась домой в Киев, то накануне 7 ноября вместе с подружками решила посидеть в кафе «Эврика» на бульваре Леси Украинки вблизи Печерского моста. Играл оркестр, кто-то пел, много танцевали. «Вдруг по залу от дверей покатила волна аплодисментов. Видно было, что они адресованы вошедшей группе людей. И, обгоняя аплодисменты, зашуршал шепоток: «Высоцкий! Высоцкий!»

И вот сам Высоцкий в коричневой кожаной куртке и вельветовых брюках отделился от компании, поднялся на эстраду и с ходу спел — причем, мне запомнилось, что сказал перед этим: «Я вам не спою, я вам покажу песню — «Охоту на волков»... Высоцкий спустился с эстрады, куда-то отошел со своими спутниками. Затем появился с бутылкой шампанского — и неожиданно направился к нашему столу. Я бы-

ла потрясена! А он, подойдя, встал между моими соседками и заявил:

— Вот эта девушка мне как погадала — все сбылось! Как в воду смотрела.

(Кстати, про Марину Влади мы тогда и не слышали.)

Разлил по нашим бокалам шампанское, посидел минут пять, побалагурил. А после говорит:

— Я ведь еще отблагодарить тебя должен! Какую хочешь благодарность?

Я ответила что-то в том смысле, что лучшей благодарностью с его стороны будет песня. Вставая из-за стола, он попросил мой адрес. Я на салфетке записала: Киев, улица Киквидзе, номер общежития, комнаты — 94 — и фамилию...

— Я для тебя пою, — сказал Высоцкий и вернулся на эстраду.

Спел еще пару песен. Шуточную (я ее практически не запомнила) и «Здесь вам не равнина...». После этого под аплодисменты вставшей с мест публики вышел из кафе... Перед Новым годом получила бандероль. Там оказалась катушка магнитной ленты...»⁵

Тогдашняя официальная пассия Высоцкого таганская актриса Татьяна Иваненко очень хотела, чтобы именно ее считали главной разлучницей Владимира с Людмилой Абрамовой. Людская же молва перекладывает всю вину в случившемся разрыве на Марину Влади.

На сей счет Людмила Владимировна Абрамова имела свое, мудрое мнение: «Если Володя в какой-то момент выбрал другую женщину, то это его выбор. Его! Не то, что женщина вероломно вмешалась, украла, разрушила семью, — Володя выбрал. Его право выбора — это самый главный святой закон...»⁶

Семейная история Поляковых-Байдаровых, судьба самой Марины Влади уникальна, сказочна, причудлива, фантазмагорична, и сама по себе (даже без Высоцкого), по меньшей мере, достойна увесистого, в роскошном переплете, фолианта. Хотя Высоцкий в ее жизни непременно бы возник!

Как рассказывает Марина Владимировна, род имел и шведские, и татарские корни⁷. Дед по материнской линии происходил из старинной фамилии Энвальдов, появившихся в России еще при Петре Великом.

Один из продолжателей славного рода стал адмиралом Балтийского флота. Прабабушка Марины (удивительная красавица!) была дочерью влиятельного татарского муллы. По настоянию родителей, деду пришлось пойти по военной линии. Дослужился до генеральских эполет. Участвовал в Первой мировой войне, потом сражался с большевиками. Но, несмотря на строгость ремесла, боготворил сцену, театр. В молодые годы едва не решился на дерзкий поступок: бросить армейскую службу и податься в актеры.

В 1919 году многочисленному семейству генерала Полякова пришлось бежать из России. В семье росло шесть мальчиков и столько же дочерей. Старшей была будущая мать Марины — Милица. В ней с детства сказывались «театральные гены» отца. Обожала балет, в 1917 году даже танцевала в Смольном перед царской семьей. Это был последний выпуск института благородных девиц.

«Моя мама, — писала Марина Владимировна в книге «Мой вишневый сад» (Париж, Франция, 2001), — была олицетворением безопасности, добра, теплоты. Расцвет ее юности пришелся на революцию — в семнадцатом году ей было 18 лет... Она была

среди тех, кто, воодушевившись новыми идеями, вывесил в день восстания красные лоскуты на окнах. Потом она видела, как грабили евреев-суконщиков, и на всю жизнь запомнила, как отливающие разными цветами огромные куски ткани валялись, размотавшись по всей улице. Потом убили ее любимую классную даму — и она, как и многие другие девушки, в страхе бежала за границу...»

В эмиграции Милица поначалу танцевала в Белграде. Выйдя замуж, переехала в Париж и поступила в труппу прославленного театра «Гранд-Опера».

Кем стал ее избранник, отец Марины Влади? Владимир Васильевич Байдаров. С началом Первой мировой войны студент технологического института, выпускник Московской консерватории и одновременно вокалист Московской филармонии, Володя Байдаров, в родословной которого были украинские цыгане, решил, что его место на фронте. Ведь он был одним из первых в России авиаторов и мечтал стать военным летчиком. Но по законам царской России это оказалось невозможным: Владимира, единственного сына вдовы, не имели права призвать в действующую армию. Молодого человека это не остановило. В 1915 году он добрался до Парижа и вступил волонтером во французский военно-воздушный флот. Достоин сражался против германцев. Был ранен, награжден воинским крестом.

По окончании войны Владимир Васильевич посвящает себя сцене. Поет в оперных театрах Парижа, Монте-Карло, Латинской Америки. Во время гастролей в Югославии влюбляется в русскую балерину со старинным именем Милица и увозит ее во Францию. В счастливом браке у супругов рождались только девочки, имена которых со временем стали изве-

стны всему миру — Одиль Версуа (Таня), Элен Валье (Елена) и Ольга (Милиция) Варен. Когда на свет появилась Марина, отцу было уже пятьдесят, а маме — за сорок. В метрике записали — De Poliakoff Baidaroff Marina Katrin.

Опера была не единственным увлечением Владимира Васильевича. Он хорошо рисовал, лепил, проявлял незаурядные способности изобретателя. Но самой главной, всепоглощающей была иная страсть... Даже не подозревая об увлечениях своего будущего тестя, ни разу в жизни не видел его в глаза, Высоцкий как бы о нем написал: «...ну, а после, конечно, мы рванем на бега!». Именно на ипподромах спустил Поляков все состояние своего отца, бывшего владельца знаменитых самарских самоварных заводов.

Отец умер, когда Марине исполнилось тринадцать лет.

В своей первой книге «Бабушка» она писала: «Я не проснулась однажды утром с решением, что буду актрисой! И не выбрала эту профессию случайно — меня к ней сознательно готовили. Конечно, мне повезло — я не провела годы простой статисткой. Благодаря моим родным, еще ребенком работала на радио и в дубляже. Меня это очень развлекало, но я еще и гордилась тем, что зарабатывала деньги... Мне никогда не приходило в голову, что я могла бы заниматься чем-то другим. Кроме того, это был способ избавиться от бедности. Наш дом всегда был полон людей из артистической среды. У меня и моих сестер было все необходимое, хотя и жили мы бедно...»

Творческая биография актрисы измеряется более чем шестью десятками лет! Ведь впервые она вышла на сцену... в два с половиной года. В другой своей книге «От сердца к желудку» она вспоминает: «...родите-

ли решили устроить представление, чтобы немного заработать. Накануне мама три дня пекла пирожки. Прошло столько времени, а я четко помню, и как тянулась за пирожками, и как танцевала и пела: «Что танцуешь, Катюня? — Польку-полечку, мамуня...» Позже Марина уточняла: «Родители давали представления в православной церкви в Клиши и в русской консерватории в Париже... Папа с мамой, заметившие, что я помню наизусть песни и танцы, которые вместе с ними исполняла моя восьмилетняя сестра Елена, решили использовать в этой роли и меня...»⁸

Благодаря бабушке, появившейся в Париже в 1936 году, в доме говорили только по-русски. Марина до шести лет вообще не знала французского. Она много рассказывала о себе, своей нелегкой судьбе, о своем муже, Маринином дедушке. Он был неисправимым гулякой, баловнем богатого московского семейства, любил частенько исчезать на несколько дней в компании цыган в «местах сомнительных удовольствий». Бабушка, безумно любившая своего шального супруга, прощала ему все. Марина находила много общего в своей судьбе и жизни бабушки.

Как вспоминала будущая актриса, бабушка «учила меня русским песням, сказкам, стихам, водила в православную церковь. Верующей я не стала, но русское начало во мне углубилось...»⁹

Марина воспитывалась на русской классике, на Чехове. На вопрос о любимом литературном произведении неизменно отвечала: «Лев Толстой «Смерть Ивана Ильича». Это шедевр. Абсолютный. Тут все: и стиль, и философия, и нежность, и динамизм, и доброта»¹⁰. Если помните, Владимир Высоцкий в письме к Людмиле Абрамовой сравнивал себя с отцом Сергием...

В годы войны Поляковы-Байдаровы оказались «под немцем». «Мы жили около большого вокзала, который бомбили все время. И американцы потом бомбили... Голод... Моя мать похудела на 30 килограммов... Она ничего не ела, все отдавала детям... У нас не было отопления, спали одетыми... У отца был полушубок, нас им накрывали. Когда отец уходил на работу, он давал мне кусочек мяса. Он единственный, кто в семье ел мясо, потому что он работал. Он мне давал кусочек мяса, и я его весь день сосала. Отец был совсем не коммунист. Он был анархистом, но родители очень переживали за Россию...»¹¹

В девять лет Марина начинает подрабатывать на радио, тогда же ее принимают в хореографическую школу при одной из парижских опер. Спустя год она вместе с сестрой Таней-Одиль впервые появляется на съемочной площадке фильма «Летняя гроза», который ставил известный режиссер Андре Кайятт. В одиннадцать Марина снимается в английской картине «В жизни все устраивается». В 14 лет она заключает контракт с известной итальянской кинокомпанией «Чинечитта», переезжает в Рим и снимается еще в трех картинах. Она сама признается: «Что касается бюста... он у меня появился. Из костлявой плоской соплячки я преобразилась в пышную высокую женщину ростом 175 сантиметров. Я восхищалась своим телом и, любуясь собой в зеркале, считала себя Венерой...»¹²

О своих «римских каникулах» Марина рассказывала: «Целыми днями я бродила улицами Рима... бо-сиком, с распущенными волосами, в брюках и расстегнутой блузке, без бюстгальтера. Чувствовала себя богиней, привлекающей всеобщее внимание...»

Именно в Италии начались ее первые романтические приключения: «...я познакомилась с Марлоном

Брандо. Я была не просто его фанатичкой, два года я сходила от него с ума... Встретила его на каком-то приеме в Риме... Он пожал несколько рук и подошел ко мне, чтобы пригласить на танец. Я чуть не умерла. Мы танцевали несколько минут молча, потом он сказал: «Тут можно скиснуть. Пойдем куда-нибудь!» Я вышла за ним, только тогда заметив, что выше его ростом. Но это не имело значения. Мы гуляли, выпивали в маленьких кафе, танцевали на улице и обнимались на улице до трех часов утра. Наконец он проводил меня на Виа Маргутта, где я жила... Мы подошли к двери, а они оказались заперты, и ключа у меня не было. Я крикнула. Окно отворилось, мама выглянула и бросила мне ключ.

— Мама, ты что, не видишь, с кем я?

Мама, хорошо зная мое увлечение, только сказала:

— Но он такой маленький!

...Внезапно он пропал...Я перестала есть и хотела умереть. Похудела на пять килограммов. Я очень страдала. Вернулась во Францию... Вдруг он позвонил: «Приезжай вечером. Я болен». Я помчалась к нему... Было ясно, что вылечить его могла только женщина. Он притянул меня и обнял. Наконец-то! Я готова была отдаться ему тотчас же! Когда он расстегивал мне лифчик, зазвонил телефон. Какой-то приятель интересовался, чем он занят. Я услышала его ответ по-английски: «Как раз собираюсь лишиться девственности одну соплячку». В ту же секунду мое желание остыло. Я встала, надела блузку и вышла. Больше я никогда с ним не виделась. Он звонил мне много раз, но я холодно просила, чтобы он не настаивал. Испытывала адские муки, но уступать не хотела... Мужчины — негодяи, а их тон, их выражения отвратительны!...»¹³

«Соплячка» уже в пятнадцать лет смогла себе позволить купить дом с усадьбой в пригороде Мэзон-Лаффит, что в 30–40 минутах езды от Парижа. Секрет своих тогдашних финансовых возможностей она объясняла просто: «Гонорар за 12 картин в Италии. Мы там работали по 15 часов в день... Я совершенно ни на что не тратила, сэкономила, не одевалась, не ела в ресторанах и т. д. Но зато вся семья получила возможность здесь жить... Мама моя, мои сестры, все наши дети, — а у нас их 14 — жили в этом доме...»¹⁴

Встреча со знаменитым актером и режиссером Робером Оссейном перевернула жизнь Марины Влади. Как он утверждал, в четырнадцать лет Марина «уже умела все...». Оссейн — он же Роберт Андреевич Гусейнов — был сыном иранца и русской матери, которые сбежали в Европу из дореволюционного Туркестана. Он свято верил, что обладал даром царя Мидаха: все, к чему он прикоснется, превратится в золото, драгоценность. Роберт Андреевич вспоминал: «Когда я впервые увидел Марину Влади, она была совсем ребенком... Я хорошо знал ее старших сестер: уважал ум и такт Ольги... дружил с Элен Валье, играл в театре «Старая голубятня» вместе с Одиль Версуа... Марину же впервые увидел «маленькой мышкой» — балеринкой в парижской «Опере». Белая, розовая, острая на язычок! К пятнадцати годам Марина была дьявольски красива! Я был на десять лет старше, но при ней робел, словно мальчишка... Я готов был на что угодно, лишь бы обратить на себя внимание...»¹⁵

Оссейн знал только один способ, как привлечь к себе внимание юной красотки: пригласил ее участвовать в картине «Негодяи отправляются в ад» (или «Мерзавцы спускаются в ад», что сути не меняет). Фильм приносит Марине мировую известность. По-

том Жорж Лампен пригласил успешную пару сняться в «Преступлении и наказании». Марине была предложена роль Сонечки Мармеладовой (в французской версии — Лили), Оссейну — Раскольникову.

В семнадцать Марина выходит замуж за Робера, своего партнера, режиссера и любовника.

Поначалу мама рвала на себе волосы и голосила: «Муж, дети, это — конец карьеры! Живи с ним, раз уж случилось, но не посвящай ему всю себя!» Как признает Марина, «он был идеален: творец, режиссер, актер. И так красив!» В 1957 году Марина вместе с Робером впервые посещает таинственную страну, в которой появились на свет ее родители. «Мой успех был необычайным, и Робер не мог этого вынести. Он не покидал гостиничный номер, а я одна разъезжала по приемам, пресс-конференциям. Все, что я говорила, вызывало восторг, аплодисменты...»¹⁶

Вскоре они расстались. Причины разрыва были, конечно, не только в ревности Оссейна к популярности супруги. Много позже, беседуя под оком телекамеры с вьедливым и дотошным Эльдаром Александровичем Рязановым, Марина объясняла: «У меня были надежды иметь шестеро детей, организовать свой театр. А он стремился только делать кино. Детей иметь не хотел... Просто мы были очень молодые... И после пяти лет совместной жизни разошлись». Оссейн же объясняет разрыв другими причинами, более прозаичными: «Огромное гнездо Поляковых в Мэзон-Лаффит.., вечно полное людьми, шумом и застольем... Как в забытой русской сказке, слезы переमेжались радостью, праздник ностальгией... Но был ли этот уютный дом с властной, волевой тещей моим? Было ли в нем место для меня? Едва я спрашивал Марину: «Ты меня любишь?», не дослу-

шав моего вопроса, она на сто ладов отвечала: «Да, да, да!» Когда я почувствовал, что играю роль любящего главы семьи, которой у меня нет, я решил прервать этот спектакль, как неудачно поставленный самой жизнью... Расставались мы достаточно болезненно, но сейчас раны зарубцевались. Мы сегодня близкие друзья... Иногда перезваниваемся...»¹⁷

Она успела родить ему, «соблазнителю лолит», двух сыновей, Игоря и Пьера. Следующий — Владимир — появился от второго мужа Марины, летчика Жан-Клода Бруйе, совладельца авиакомпании в Габоне. Он был «настоящий такой мужик. Авантюрьер... Гасконец к тому же... Он сотни людей спас на своем маленьком самолете... Перевозил больных людей. Доставлял их в больницы...»¹⁸ С Бруйе, построившим в Африке множество аэродромов, она вкусила прелести жизни в настоящей роскоши, радости путешествий, морских круизов под парусами яхт. У них был самый красивый дом на юге Франции. В 1965 году супруги стали гостями очередного Московского кинофестиваля. Французская журналистка Патриция Гальяно в статье «Начало четвертого», опубликованной в августе 1982 года, с парижским изяществом описывает их тогдашние супружеские отношения: «Он... мечтал держать ее под стеклянным колпаком, как прекрасную статуэтку...»

Марина Владимировна признавалась ей, что «всегда искала в своих мужьях нечто, напоминавшее бы мне моего отца. Но твердость и защиту, которые казались найденными в таком человеке, лишенном предрассудков, как Робер, или в героическом пилоте, как Жан, — все это мне дал только третий муж — Владимир Высоцкий...»

После неполных трех лет брака с Бруйе личная жизнь Марины Влади вновь потерпела фиаско.

Ей было нелегко без съемок, без театральных кулис, юпитеров, софитов, интервью, аплодисментов, кинофестивалей. Ей сопутствовал успех. А Бруйе ее успех мешал.

Ее приглашают лучшие режиссеры мира — Орсон Уэллес, Джузеппе де Сантис, Жан-Люк Годар, Роже Вадим, Кристиан Жак, Пьетро Джерми, Этторе Скола, Мишель Девиль... Ее партнерами становятся первые «звезды» экрана — Марчелло Мастоияни, Жан Марэ, Уго Тоньяцци, Бурвиль, Лино Вентура...

Еще в 1954 году ей была присуждена премия имени Сюзанны Бланшетти, которую вручают во Франции самой талантливой актрисе года. А затем кинонаграды сыпались на нее золотым дождем.

Будучи натурой деятельной и самостоятельной, Марина всегда стремилась быть в центре общественной жизни: лет в пятнадцать участвовала в студенческих демонстрациях против войны в Алжире, то вдруг стала феминисткой и поборницей легализации абортов, то начала воевать за права французских «бомжей» и беспризорных иммигрантов.

В 1968 году Влади вступает в ряды Французской компартии и становится вице-президентом общества дружбы «Франция—СССР». Впрочем, эти последние поступки вряд ли содержали истовый идеологический порыв. Партбилет и вице-президентство были нужны ей, прежде всего, чтобы оправдать свои частые визиты в Россию на randevu с московским возлюбленным. Заодно Марина получала допуск в самые высокие кремлевские кабинеты.

Есть момент истины. И, оказывается, есть его географическая точка — Москва. Как писал Маяков-

ский? «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если бы не было такой земли — Москва...»

Российская столица влюбилась в «русскую парижанку» молниеносно, как только в прокате появился фильм «Колдунья» по мотивам купринской «Олеси» (во Франции он вышел на экраны в 1955 году, в Советском Союзе, естественно, на два года позднее). А еще раньше, в 1953 году, советский кинематограф в лице режиссера Сергея Юткевича протянул ей руку помощи на Каннском фестивале. Бдительные и высоконравственные французские полицейские пытались не пустить несовершеннолетнюю Марину на церемонию вручения фестивальных призов. Они даже не подозревали, что юной женщине была присуждена престижная премия кинокритиков за лучшую женскую роль в фильме «Перед потопом». Спас положение Юткевич. Член международного жюри, используя свой авторитет и обаяние, провел будущего лауреата в зал. Их встретили овациями...

Впервые идея привлечь Марину к съемкам в Москве возникла еще в середине 1960-х годов. Масштабный кинодраматург Алексей Каплер и талантливая поэтесса-фронтовичка Юлия Друнина написали сценарий для «Мосфильма» о героине французского Сопротивления, русской княгине Вике (Вере Аполлоновне) Оболенской, которую казнили фашисты. Советское правительство посмертно наградило Оболенскую орденом Отечественной войны, французское — орденом Почетного легиона. На роль Вики предполагалась Влади. Алексей Каплер рассказывал: «Мы надеемся, что это совпадет с желанием актрисы: на Московском кинофестивале она говорила, что мечтает сыграть героическую роль...»¹⁹

Но что-то там незаладилось, проявились обычные бюрократические причуды, начались обычные проволочки, долгие-долгие переговоры, всяческие препоны, вопросы о благонадежности и лояльности (не Влади — убитой Оболенской) по отношению к СССР — и сценарий благополучно «похоронили» в пыли архивов киностудии.

Затем у режиссера Петра Тодоровского возникла мысль снять Влади в своем фильме «Загадочный индус» (вышедший на экраны под названием «Фокусник») в роли учительницы французского языка. Но опять не случилось. Хотя с советским кино Маринина судьба-таки переплеталась — например, она дублировала Наташу Ростову во французской версии картины «Война и мир» Сергея Бондарчука²⁰.

Однако приблизимся к истории знакомства.

19 июля 1967 года. Фотохудожник Игорь Гневашев утверждает, что Высоцкий влюбился в Марину... в коридоре, за кулисами Таганки. По его словам, после репетиции «Пугачева» Влади провела туда Ия Саввина. Высоцкий случайно шел навстречу, увидел Влади — и все, «мгновенно, с ходу... Увидел «колдунью», чуть опешил и, маскируя смущение, форсированным, дурашливо-театральным голосом: «О, кого мы видим!..» Она остановилась: «Вы мне так понравились... А я о вас слышала во Франции... Говорят, вы здесь страшно популярны...» Потом всей кучей сидели в его гримерке, пили сухое вино, и он, конечно, взял в руки гитару...»²¹

А вот Николай Лукьянович Дупак утверждает, что знакомство Влади с Владимиром произошло в его директорском кабинете в Театре на Таганке²².

Сама же Марина Владимировна рассказывала так: «Я увидела его в «Пугачеве»... Он очень сильно иг-

рал... Ну, а после представления пошли все вместе обедать. Володя сел рядом, глаза — в мои глаза. А потом: «Знаете, я люблю вас, и вы будете моей женой». Подобное от многих я слышала не раз. И потому лишь улыбнулась. А любовь пришла позже — мы поженились через полтора года...»²³

И еще Марина писала и рассказывала: «...мы смотрим друг на друга, как будто всегда были знакомы. Я знаю, что это — ты...»²⁴ «Я приехала в 1967 году в Москву на кинофестиваль, и вместе с Максом Леоном ... пошли в театр на Таганку. Макс знал Володю, после спектакля он нас познакомил, потом мы поехали в ресторан ВТО, а затем сидели у Макса на квартире, слушали, как Володя поет. Мы подружились...»²⁵

Станислав Говорухин вспоминал: «Макс Леон сказал ей: «В Москве сегодня один театр — «На Таганке», и в нем — Высоцкий». В тот вечер Марина смотрела «Пугачева». После спектакля Володя пел ей.

«...я спросил ее: «Скажи, что он тебе говорил в первый вечер?»

Марина засмеялась: «Ты что, не знаешь, своего друга? Он же такой наглец был. Сразу сказал: «Будешь моей женой!» Я только посмеялась тогда...»²⁶

Правда, потом в интервью Би-би-си 25 января 1984 года Марина Владимировна почему-то оговорила, что поводом для знакомства был спектакль «Маяковский»: «В то время я плохо еще говорила по-русски, и не могла ему сказать, как я считала, какой он гениальный актер и замечательный поэт. И потом мы долго дружили полтора года. То есть это не было такой, как говорится, кутфуа... Я думаю, что он был влюблен. Но больше в миф — «Марина Влади», чем в меня, женщину, в первый день. А потом мы стали дружить, и так — потихоньку — влюбились. По-на-

стоящему... Он был небольшого роста, такой sereneкий, блондин (? — Ю.С.), немножко кругленький тогда был. То есть он не был красавчиком, но он был жутко талантлив. Вот мои первые впечатления...»

Всеволод Абдулов искренне считал, что «это была необычная любовь... Мне посчастливилось видеть эту удивительную, великую любовь двух красивейших людей, я помню, как она вспыхнула в одночасье. В 1967 году мы с Высоцким снимались в Одессе, он то и дело уезжал в Москву, играть спектакли. И вот однажды он приехал с каким-то особым блеском в глазах и стал мне рассказывать про Марину. Это было заразительное чувство, и любовной волной тогда накрыло многих Володиных товарищей...»²⁷

Нет оснований не доверять зоркости и наблюдательности фотографа-профессионала Гневашева, который отмечал, что «...эта ураганная какая-то любовь, не допускающая даже мысли быть отвергнутой и тем не менее — безнадежная. Что была ей, французской актрисе с мировым именем, страсть барда с хриплым голосом, пусть даже суперпопулярного у себя на родине. Там, где сдавались без боя любые отечественные крепости, французский форт стоял непоколебимо. Не думаю, что это уязвляло его самолюбие, он был выше этого. Скорее это подхлестывало его еще больше, может быть, впервые за последние годы он встретил такое сопротивление: пить — так пить, любить — так королеву. Но она была «колдуньей» — говорили, что ее мужьям она приносила несчастья, утверждали, что ее первый муж — французский летчик — разбился, второй — югослав — тоже погиб от чего-то... За Володю волновались.

Он же просто шалел от любви. Был совершенно беззащитен, все страдания легко читались на его ли-

це, он буквально ее преследовал, но все было тщетно... Я... могу вспомнить, как уговаривала она украдкой откланивающихся гостей: «Ребята, вы его уведите подальше от гостиницы, а то он возвращается и это... ломится в номер»²⁸.

Ремарка. Бруйе был, конечно, летчиком. Однако все же вторым, а не первым мужем Влади. Во-вторых, он вовсе не разбивался, а успешно процветал. А вот о втором муже — «югославе» и вовсе никто слыхом не слышивал. Словом, «Обидно мне, досадно мне, ну, ладно...»

Романтично, с «перчиком» и эдаким душком русской экзотики югославский журналист попытался преподнести свою легенду знакомства Влади с Высоцким. По его мнению, дело было так: «Желая до нее добраться и обнять ее, он залез на фасад отеля, где она жила. Перелезая с этажа на этаж, с балкона на балкон, с выступа на выступ, он добрался до ее комнаты, и когда возбужденная Марина отворила окно, он ей безо всякого прямо заявил: «Хочу на тебе жениться, хочу с тобой жить и быть твоим мужем». Но и Марина была с ним откровенна. Она резко сказала: «А я всего этого не хочу. Мне все это неинтересно. Я в тебя не влюблена. Нет смысла портить приятельские отношения, которые существуют между нами». Владимир исчез, и ночь он провел с друзьями. Он пил. Ему пришла в голову дурацкая идея: из-за любви к Марине поставить на карту свою жизнь, сыграть в «русскую рулетку». Вынув из кармана револьвер, он зарядил его двумя патронами и повернул вслепую барабан. Владимир нажал на курок. Револьвер не выстрелил...»²⁹

Комментарии излишни. Когда фантазии круто перемешены с правдой, добраться до истины практи-

чески невозможно. Тем более что некоторые детали того самого ночного разговора Марина Владимировна косвенно подтверждала. Когда Высоцкий заявил ей о своих претензиях, она ответила: «Прежде всего, я не свободна. Во-вторых, я этого не желаю...»³⁰

Дома ее ждали сыновья, новые дела, пора было возвращаться. Марина уехала, не дав Высоцкому и малейшего шанса на успешное продолжение знакомства. Тогда-то, летом 1967-го, появляются горькие строки влюбленного поэта, страдающего от разлуки:

«В душе моей — все цели без дороги,
Поройтесь в ней — и вы найдете лишь
Две полуфразы, полудиалоги,
А остальное — Франция, Париж...»

Не берусь ни оспаривать, ни подтверждать версию Л. Симаковой о том, что Высоцкий и Влади познакомились в 1965 году во время очередного Московского кинофестиваля. В ее доказательство она цитирует слова преподавателя Школы-студии МХАТа Б.М. Поюровского, утверждающего, что тогда — 8 июля 1965 года — **Рита Жигунова** (жена Мариса Лиепы, во времена студенческие делившая комнату в общезитии с Изой Мешковой-Жуковой) после спектакля «Дон-Кихот» пригласила своего старого знакомого Володю, Марину Влади и ее супруга Клода к себе домой на банкет.

Оставим это под знаком вопроса. Тем более что в воспоминаниях Марины Владимировны вероятность подобного знакомства напроць отвергается: «...когда в 1965-м я приехала на фестиваль в Москву, ты тщетно пытался встретиться со мной. По несколько раз в день ты ходил в кино смотреть хрони-

ку, чтобы увидеть меня хотя бы на экране. Короче, ты влюблен...»³¹

Гораздо забавнее «знакомит» Марину и Владимира в своих «воспоминаниях» некий Юрий Емельяненко: «...Гостиница «Метрополь». Володя с Севой (Абдулов. – Ю.С.) вдруг вспомнили, что там идет «Вертикаль», и пошли к кассам. А Марина спустилась из своего номера,.. чтобы тоже посмотреть этот фильм. Володя тут же представился: «Так кино ж про меня!» Марина глянула на афишу, на Володю – и точно. Пошли? Пошли! Ну, они молодые, веселые посмотрели фильм и прямо к Севе домой...»³² Красиво, лихо, романтично. Только не было этого.

Популярный в начале 60-х годов киноактер Игорь Пушкарев в мемуарном задоре плел свои байки. Оказывается, узнав о приезде в СССР Марины Влади, Владимир поклялся своим друзьям, что станет ее любовником³³. Вот фрагмент пушкаревского рассказа: «...Высоцкий... на спор сошелся с Мариной. Кажется, в 1964-м она снималась в Советском Союзе в каком-то фильме у Юткевича. Мы тогда очень гордились: как же, Марина Влади-Полякова, она из наших. Для советских кинематографистов подобные съемки были чуть ли не первыми. Но тогда газеты раструбили, что француженка приехала со своим любовником – каким-то румыном, да еще с детьми и прислугой, это стало шоком. Они жили в разных гостиницах, в люксовских номерах, потому что западной звезде так полагалось по рангу. Володька, когда обо всем узнал, сразу сказал: «Я Марину вы...бу!» – «Ты что, сдурел?» – заорали друзья. И ведь поспорили! Тогда и появилась знаменитая песня про Влади в зоосаде...»³⁴

Я не могу безоговорочно доверять свидетельствам Игоря Борисовича в силу многих обстоя-

тельств. Прежде всего, из-за его болезненной путаницы с датами и фактами (скажем, съемки Влади у Юткевича были вовсе не в 64-м году, а гораздо позже, песня «Сегодня в нашей комплексной бригаде...» также появилась в иное время и по другому поводу и т. д.).

Недавно была обнаружена еще одна версия знакомства Владимира Семеновича и Марины. Оказывается, к этому событию приложила руку и звезда номер один советского кино 60-х годов актриса **Татьяна Самойлова**, которая сначала была удостоена «Золотой пальмовой ветви» престижнейшего Каннского фестиваля, а затем и «Оскара» за исполнение роли Анны Карениной.

Как рассказывала Татьяна Евгеньевна, «не без моего содействия Марина Влади впервые приехала в Москву. Мы познакомились на показе фильма «Летят журавли». И когда наши Киношные бонзы предложили Марине посетить Москву, она сначала засомневалась. Но мы ее убедили. Она приехала, познакомилась с Высоцким, и между ними вспыхнул роман...»³⁵

История любви Высоцкого и Влади была отмечена знаками сказочности, невероятности и... фатализма. Возможно, они-то и заставили Высоцкого прибегнуть именно к былинному стилю в описании их знакомства.

«Как во городе во главном,
Как известно – златоглавом,
В белокаменных палатах,
Знаменитых на весь свет,
Воплотители эпохи,
Лицедеи-скоморохи,
У кого дела не плохи
Собралися на банкет...»

Буквально через несколько месяцев после их, в общем-то, мимолетного знакомства — в феврале 68-го — Марина вновь появляется в Москве. Режиссер-постановщик картины «Сюжет для небольшого рассказа» Сергей Юткевич решил закрепить старинное каннское знакомство с французской звездой творческим альянсом, пригласив ее на роль чеховской возлюбленной Лики Мизиновой. Партнеры по съемочной площадке оказались более чем достойные — Ия Саввина, Юрий Яковлев, Николай Гринько, Ролан Быков, юная **Катя Васильева!**..

«Девять месяцев съемок, холодная зима, — вспоминает Марина Влади. — Мы работали страшно медленно. Вначале это меня раздражало. В субботу — выходной, много времени, на мой взгляд, уходило даром... И только когда я поняла, что такое время «по-русски», мне стала ясна такая манера работать. Время — не деньги: человек видит перед собой бесконечность. Поначалу меня удивляло какое-то полное отсутствие у русских представления о времени: разбудить приятеля в три часа утра, прийти к нему только потому, что на тебя «нашла тоска» — они не считают ни невежливым, ни чем-то исключительным. Найдут время, чтобы выслушать — столько, сколько нужно... Если бы я не была там счастлива, я бы не жила в Москве по полгода...»³⁶

А Высоцкий возобновил осаду. Это ему дорого обходилось: свои крупные счета предьявляла «Таганка». Перед Любимовым за Высоцкого хлопотал режиссер-постановщик «Сюжета...» Сергей Юткевич, говоря, что это он виноват, не доглядел, не удержал... Словом, нес вздорно-прелестную чепуху.

Марина с теплотой вспоминает о своем российском житье-бытье: «В Москве я живу в среде худож-

ников, артистов, писателей. Все знают друг друга, часто встречаются, беспрестанно обмениваются мнениями... Это мое счастье: я всегда любила принимать у себя веселую банду друзей... По-русски говорят — «компания», что гораздо красивее... Часами оставаясь вместе, не скучают, философствуют за стаканом вина (это чисто по-русски), потом гитара, песня... Однажды во время съемок Он появляется немного под шофе. Я говорю: «А вот и мой паренек!» Я находила его симпатичным, немного смешным, кем-то вроде «середнячка». «Русский молодец» небрежно одет, коротко стрижен. Он невысок и круглоголов. И вдруг он меня приглашает танцевать. Он пытается поцеловать меня в шею! Я хохочу, как бы говоря этим: «Но послушайте, нет, как же так?!» Потом он говорил мне, что был этим ужасно раздосадован. Это было так смешно! Мне казалось совершенно немыслимым, чтобы наши отношения были иными, нежели дружескими»³⁷.

Поклонники следовали за Мариной по пятам. И какие! За ней увивались самые знаменитые, самые модные на ту пору кинорежиссеры, актеры, поэты, писатели, успевшие привыкнуть к тому, что обычно к их ногам падали поклонницы, а не наоборот. В случае с Мариной им самим приходилось вспоминать подзабытые амурные приемчики юных лет, пыхтеть, пыжиться и напрягаться.

Даже после того, как постоянным спутником Влади стал Высоцкий, преследования не прекращались. Но все — без толку, словно Марину внезапно окружила стеклянная, но абсолютно непрошибаемая стена.

Более того, и имя главного сердцееда Москвы со станции Зима Евгения Александровича Евтушенко не могло перевесить чашу весов в его пользу. И поту-

ги преуспевающего кинорежиссера Андрея Михалкова-Кончаловского (наследника автора гимна СССР, сотен басен и «Дяди Степы»), считавшего себя наследником классиков «неореализма», ехидно поизмываться над «плебеем Высоцким, вырядившимся в нелепые для ресторана кожаные джинсы», эффекта не приносили³⁸.

Марина стихи слушала, скептическим замечаниям сноба-режиссера внимала, кивала, улыбалась, но только — Высоцкому. Наблюдательный журналист из «Комсомолки» Ярослав Голованов в своих записных книжках осенью 1968 года отмечал: «Ужинали в полупустом ресторане. В другом углу веселились Володя Высоцкий с Мариной Влади, Толя Гладиллин, Вася Аксенов... Очень хотелось к ним присоединиться, да своих бросать неловко...»³⁹

В русском языке есть такой забавный глагол — «домогаться». Так вот, Влади действительно домогались. Все, кому не лень. А таких находилось немало. Завсегдатаи ресторана Дома литераторов вспоминают один из новогодних вечеров. За праздничным столом уютно сидели Высоцкий с Мариной и Игорем Кохановским. На Влади, естественно, пялились все посетители ресторана. Но особенно упертым оказался писатель Александр Рекемчук. Дождавшись, когда Кохановский выбрался из-за стола и направился в туалет, Рекемчук, не вполне твердо державшийся на ногах, ухватил за рукав автора «Бабьего лета»: «Гарик, познакомь меня с Мариной Влади!» — «Пусть Володя тебя знакомит», — отрезал поэт. «Да я и с ним не знаком...», — замылся Рекемчук. — «Ты не знаком?! А кто с ночью за водкой на грузовике ездил?..» И тут Рекемчук вспомнил: было! Действительно, было...⁴⁰ Всякие случались истории.

Не менее примечательная история произошла с другим посетителем ЦДЛ, поэтом Сеней Сориным. В тот вечер спутниками Марины Влади были известные дамские угодники, писатели и остроумцы Василий Аксенов, Анатолий Гладиллин и Георгий Садовников. Сорин был не из «круга», у него была своя компания. Сомнамбулически бродя по залу, непризнанный поэт неожиданно для себя обнаружил прямо перед собой французскую кинозвезду. Он уселся за ее столик и... уснул. Бахус шалил. Спустя некоторое время Марина стала прощаться с приятелями, по очереди пожимая каждому руку. В этот момент Сорин очнулся, увидел протянутую руку и — лизнул. Все обалдели. И Марина в том числе. Но Сорин знал, что он делает. Он неторопливо достал из кармана химический карандаш и написал на Мариной ладошке (на том месте, которое лизнул) свой телефон. Компания расхохоталась, Марина тоже...

Жена исполнителя роли Чехова в «Сюжете...» украинского актера Николая Гринько **Айше Чулак-оглы** вспоминает: «Как-то в перерыве съемок... мы с Мариной шли обедать, и она позвала меня в дамскую комнату... Она стояла в уголке, что-то поправляла и вдруг говорит: «Айше, что мне делать?» Она в это время решала свои отношения с Володей. Я говорю: «Как, что делать? Если ты его любишь, он тебя тоже, так при чем тут другие?» — «Понимаешь, много сложностей». И тут я увидела такие глаза! Русалочки, горячие, страстные. Обычно у нее они невинные, голубые, а тут — зеленые! Никогда их не забуду...»⁴¹

Затем был легендарный вечер у Макса Леона. Игорь Гневашев утверждает, что тогда-то и родился настоящий Высоцкий. Он пел «Охоту на волков» и весь свой ошеломляющий цикл 1968 года. Все!

Марина полюбила его в мгновение... Уже после регистрации брака ее шутя и всерьез спрашивали: «Ты что, во всей Франции не смогла найти себе мужа?» А она точно так же отвечала: «Там — шарман, здесь — мужик»⁴².

Об этой вечеринке Валерий Золотухин рассказывал: «15.10.68. Ну, вот, погуляли, значит, мы в тот день с французами, понаделали забот. Во-первых, не хотела ехать жена — «не хочу и все, потом объясню... там будет эта... Влади, я не хочу ее видеть, я прошу тебя туда не ездить»... Как-то мне удалось ее уломать, а теперь думаю — зря... Посещение Макса должно было состояться втайне от Иваненко, по крайней мере, присутствие там Володи. Танька с Шацкой потихоньку у меня по очереди выведывали, должен ли быть там Высоцкий... Кончается спектакль, стоит счастливая Танька и говорит, что ей звонил Володя и «все мы едем к Максус... машина нас уже ждет. Приехал за нами его приятель»... Меня это обескуражило, честно говоря, но я подумал: а что? Высоцкий не такое выкидывал, почему бы и нет? А вдруг так захотела Марина или он что-то замыслил. Но всех нас надула Танька, а меня просто сделала, как мальчика. Мы приехали к Максусу, когда там не было еще ни Володи, ни Марины, и весь обман мне стал ясен... А когда вошли счастливые Марина с Володей, и я увидел его лицо, которое среагировало на Таньку, я пришел в ужас: что я наделал и что может произойти в дальнейшем... Танька сидела в кресле, неприступно-гордо смотрела перед собой в одну точку и была похожа на боярыню Морозову...»⁴³

Наибольшее впечатление на коварно отвергнутого Золотухина (кроме, разумеется, Марины Влади, французской кинозвезды — существа с другой планеты)

произвела медвежья шкура на полу и множество всяких экзотических по тем временам напитков⁴⁴.

Кое-кто из гостей припоминает, что поначалу французская гостья даже обрадовалась свиданию с Татьяной и Ниной, все приговаривая: «Девочки, как хорошо, что вы пришли!» А закончился вечер традиционно, à la russ, то бишь со скандалом. «*После литры выпитой...*», когда все были уже изрядно «подшофе», Таня Иваненко заявила Марине Влади, что ОН мой — и только, и завтра же придет ко мне. А Марина, не собираясь демонстрировать свои отношения с Володей, вовсе не стремилась возражать, спорить, а только спрашивала Таню: «Девочка моя, да что это с тобой?» Высоцкий пытался вмешиваться в перепалку, то затыкал рот Татьяне, то вдруг сорвал с Марины колье и рассыпал сверкающие жемчужины... В общем, было «весело». Угомонились только к трем часам, когда одному из гостей — кинорежиссеру Анхелю Гутьерресу — удалось, в конце концов, увести Татьяну домой. А Высоцкий поймал молоковоз и отвез в гостиницу Марину, и в ее номере благополучно уснул.

Гостеприимный дом Макса Леона всегда был открыт для гостей с «Таганки». Обычно все начиналось после ужина в ВТО. Пили водку, пели песни. Высоцкий — свои, Золотухин — русские народные. Марина подпевала. И всем было хорошо.

Но вновь дела семейные, киношные и прочие постоянно тянули Марину Влади домой, во Францию.

«...птицы на запад уносят любимых...», — злился в стихах Высоцкий. Моменты ее отлучек его терзают чуть не физически. Он не выдерживает, звонит в Париж. Маринина мама, наблюдая во время странного телефонного разговора за дочерью, говорит ей: «Ты

влюблена...» Наплевав на возможную чопорность семейства Поляковых, Высоцкий пишет отчаянно-нежное письмо будущей теще: «Дорогая Милица Евгеньевна!..» Марина рассказывала: «Она каждый день читала мне твои письма, потому что я еще не умела тогда бегло читать по-русски...»⁴⁵

Он пытается *«от себя бежать, как от чахотки...»*. Без предупреждений и звонков внезапно (даже для себя) улетает на «край края земли» — в Магадан, где в местной газете трудится его друг-приятель еще со школьной скамьи Игорь Кохановский. Высоцкому казалось, что именно этот человек должен понять все его проблемы. «Проговорили мы всю ночь, — вспоминает Кохановский. — Тогда я узнал, что Володя влюбился в Марину Влади. Но я как-то не придавал особого значения этой новости, так как родилась она, насколько я мог понять, во время... загула. А в такие периоды с Володей могло произойти все, что угодно, и прекращалось сразу же, как только прекращался и сам загул. Я подумал, что и на сей раз с этой новоявленной любовью будет то же самое...»⁴⁶

Ничего-то так и не понял Кохановский в своем друге.

Тогда Высоцкий буквально силой поволок Кохановского на магаданский почтамт: звоним Марине в Париж. Представляете линию Магадан—Париж?! То-то. Но Высоцкому удалось обаять телефонистку, наговорив массу приятных вещей и комплиментов. Она-таки связалась с Москвой. Там посмеялись и сказали, что сделают это только, если разговор закажет сам Ален Делон. Или, в крайнем случае, Бельмондо. Ни на того, ни на другого Высоцкий явно не тянул. «Володя был с хорошего похмелья, — помнит Кохановский. — Это было заметно даже непосвященному

в происходящее накануне. К тому же он был небрит — с утра не мог заставить себя побриться... Володя как-то быстро успокоился и стал рассказывать, какой Марина в Москве произвела фурор... и как за ней увивались и Женя Евтушенко, и Вася Аксенов, и еще — какой-то режиссер с «Мосфильма», и как она всем этим знаменитостям предпочла его... «Нет, еще ничего не было. Но, кажется, будет...»⁴⁷

Потом он упросил друга позвонить «Люсечке» и сказать, что он у него и с ним все в порядке. Кохановский просьбу исполнил. Люся отвечала устало и как-то обреченно, сказав, что уже разучилась волноваться. Но все же напомнила, что Володю завтра ждут съемки в Одессе. На следующий день Кохановский усадил Высоцкого в самолет, вручил стюардессе коньяк и попросил давать его уставшему артисту только в крайних случаях и очень маленькими дозами...

В Одессе «уставшего артиста» действительно ждали. Продолжались съемки «Двух товарищей». Но и там он думал только о Марине. Но, может, это помогало входить в образ? Он был суров, малоразговорчив, нелюдим. А потому шокировал Инну Кочарян, шокировал, когда внезапно подошел к ней на пляже и предложил: «Иннуля, надо поговорить... Слушай, у меня роман с Мариной Влади...» Когда об этом узнали в съемочной группе, все просто умирали от хохота. «У него роман с Мариной Влади. Это какая Марина Влади? Подпольная кличка «Как ее зовут?». Никто не поверил...»⁴⁸ И зря...

«Соглашайся хотя бы на рай в шалаше, если терем с дворцом кто-то занял!» — предлагал возлюбленной поэт. Первым «раем в шалаше» для них оказалась

роскошная квартира Абдуловых в центре Москвы, на улице Горького, в знаменитом доме, стены которого могли бы успешно заменить мемориальные доски. «Мы, — вспоминает Марина, — тут в первый раз вместе жили, как говорится. И Севочка одолжил нам свою комнату. Меня трогает очень это место. Оно полно воспоминаний...»⁴⁹ Она очень целомудренно описывала тот знаменательный день и свои чувства к Владимиру: «Мы обедали у одного из его друзей. И я говорю ему: «Я остаюсь с тобой». От радости он безумствует. Я тоже. И так тихая любовь становится страстью. Я действительно встретила мужчину моей жизни... Мне всегда думалось, что в мужчине я искала своего отца. И вот в Володе есть что-то от бесконечной преданности, одаренности, от личности исключительно общей с моим отцом...»⁵⁰

Их совместная жизнь была переполнена и высокой поэзией, и пресной прозой. Кинорежиссер Геннадий Полока рассказывал на встрече со зрителями в Ленинграде в 1983 году: «Марина вела себя мудро, осторожно, тактично. В любой ситуации вела себя прекрасно. Хотя я помню дачу, когда сидит Марина, через два места сидит Иваненко, через три места Абрамова... Помню сдачу «Интервенции»... рыдала Абрамова, рыдала и обнимала Володю, хотя они уже расстались. Очень взволнована была Марина, но скромно, только пожала ему руку, и второй раз поехала посмотреть картину уже с Юткевичем на «Мосфильм». В тот же день...»

Марина Влади всегда в превосходной степени говорила о своем «Володье»: «Он было очень-очень нежный. С ним было так легко жить. Когда он не пил, конечно. Когда был в своем нормальном состоянии, он был мягким, добродушным, тактичным

и очень щедрым. Он был работяга. Работал днем и ночью. В этом смысле он был очень сильным, но не был «твердым»⁵¹. Ее слова словно бы аукались с поэтическими признаниями мужа: «Я не был тверд, но не был мягкотел...»

На «девятинах» умершего друга (Москва, Малая Грузинская, 28, 02.08.1980) кинорежиссер Александр Наумович Митта говорил: «Она спасала его от многих сложностей жизни. Но это не то, что она... размахивая крыльями, порхала, как ангел, над семьей... Приезжает из Парижа молодая женщина, с двумя детьми под мышкой, один все время где-то что-то отвинчивает, второй носится, как кусок ртути... И Марина, спокойная, невозмутимая, сидит в этом будущем маленьком мире. Появляется Володя со своими проблемами и неприятностями. Она и этого успокаивает. А у нее свои заботы: она — актриса, талантливая, в расцвете, пользующаяся спросом, продюсеры отказываются с ней работать. Они отыскивают сложные контракты, а Марина отказывается... Она мотается из Москвы в Париж, из Парижа в Москву по первому намеку, что у Володи что-то не так, бросает все, детей под мышку — и сюда... Надо было сделать так, чтобы все эти сложности таились только в ней, чтобы они никому не были заметны, чтобы для Володи было лишь успокоение, только окружить его заботой... Володя был для нее главным, и мы все очень обязаны ее самоотверженности, ее доброте, ее мужеству...»

С Миттой был солидарен Михаил Жванецкий: «Насчет Володи Высоцкого знаю одно: почти все в бытовом отношении добивалась для него Марина Влади. Она и квартиру в Москве выхлопотала, и в Париже через мэра пробилась к Брежневу, встре-

тилась с ним и выбила-таки визу для Володи на свободный въезд-выезд. Это все Марина! Ей тоже нужно памятник ставить!»⁵²

Марина очень мягко и сдержанно говорила о сути отношений с мужем, вернее, о своей тактике в супружеской жизни: «...не было случая, чтобы ему нужно было говорить мне делать что-то так, а не этак. Я старалась предугадать, опередить его. У меня характер все-таки попроще и чисто по-женски более пластичный. К тому же у него в голове было больше, чем у меня, так что прислушаться к его мнению было не зазорно... Он был больше, чем просто муж...»⁵³

«Я его очень любила. И я думаю, любовь помогает в жизни, конечно. Мы общались не только как муж и жена, мы общались как люди, как актеры. И, я думаю, что, конечно, ему помогала. Не писать, конечно, — это не моя сфера. Но иметь хорошую жизнь (ну, по моим возможностям), чтобы он мог работать спокойно...»⁵⁴

Однако, говоря о материальных вопросах, Марина все же признавала, что очень рассчитывала на выход в Союзе долгожданного диска Высоцкого, по крайней мере, по двум причинам: «...если пластинка выйдет, это будет своего рода признание твоего статуса автора-композитора. И потом — мы довольно скромно живем на твою актерскую зарплату, так что лишние деньги не помешают...»⁵⁵

«Да, твердый орешек, — рассказывала она о своем муже Наталье Крымовой. — Тут очень важно (нам повезло), что мы оба были знаменитыми. Но не было у нас борьбы за первую роль... Мы были на равных. Мы не тянули каждый на себя, потому что у каждого была своя публика. Нам повезло тоже, когда он стал немножко-немножко зарабатывать, немножко денег,

немного, но как-то, все-таки... Вначале было очень тяжело, потому что я человек, естественно, как кинозвезда, я зарабатывала много денег. И это могло быть проблемой, как и в любом союзе. И это не было долгой проблемой. А в смысле власти в паре, да, ну, я думаю, что я его все-таки держала немного в руках. Как все бабы, в общем, когда мужик такой шальной, нужно держать его в руках...»

Там, в абдуловском доме, в их первом «любовном алькове» на улице Горького (ныне — Тверской), случилась трагедия, позже подвигнувшая Андрея Вознесенского на написание «Реквиема оптимистического», посвященного «Владимиру Семенову, шоферу и гитаристу». Помните?

«За упокой Семенова Владимира
коленипреклоненная братва,
расправивши битловки,
заводила его потусторонние слова...»

.....
«...О златоустом блатаре
рыдай, Россия!..»

Это на самом деле было страшно.

«Мы приехали с фестиваля, — рассказывала Марина. — Володя сидел тут тоже. Севина мама — Елочка — нам приготовила чудесный ужин. И вдруг у Володи горлом пошла кровь. И все думали, что он просто умирает. У нас на глазах. Мы вызвали врача. Врач сказал: «Ничего, пусть он полежит немножечко, и все пройдет». И все не проходило, все у него кровь текла и текла. И, в конце концов, я сказала, что его нужно в больницу, это невозможно, у него пульса нету уж больше. И мы его провели через коридор, его выносили мальчишки, с которыми я жутко разругалась, потому что они не хотели уже его брать. Я им

устроила скандал, и они его взяли все-таки. Приехали в Склифосовского — и 18 часов откачивали...»⁵⁶

Хозяин дома Всеволод Абдулов дополнял: «Тогда впервые приехали в Москву все сестры Марины со своими мужьями. Была радостная встреча. Были друзья, был замечательный вечер. Володя поет, потом куда-то выскакивает. Я смотрю на Марину. Марина вся белая. И тоже не понимает, что происходит. Потом включились сестры, как родные, они тоже что-то почувствовали. А он все время выскакивает и выскакивает. Я за ним. Он в туалет, наклоняется: у него горлом идет кровь. Ну таким бешеным потоком. Я говорю: «Что это?» Он говорит: «Вот уже часа два». Он возвращается, вытирается, садится. Веселит стол, поет, все происходит нормально. Потом все хуже и хуже. Вызывают «скорую помощь», кто-то уводит гостей...»⁵⁷

Потом Золотухин зафиксировал в своем дневнике: «24 июля (*«проклятая дата!»* — Ю.С.) был у Высоцкого с Мариной. Володя два дня лежал в Склифосовского. Горлом кровь хлынула. Марина позвонила Баделяну. «Скорая» приехала через час и везти не хотела: боялись, что умрет в дороге. Володя лежал без сознания, на иглах, уколах. Думали: прободение желудка, тогда конец. Но, слава богу, обошлось. Говорят, лопнул какой-то сосуд. Будто литр крови потерял, и долили ему чужой... Он чувствовал себя «прекрасно»... но говорил шепотом, чтоб не услышала Марина... Володя ...в белых штанах с широким поясом, в белой, под горлом, водолазке и невероятной замшевой куртке. «Марина на мне...» — «Моя кожа на нем...»⁵⁸

Несмотря на все эти и прочие проблемы, она считала самым счастливым периодом в своей жизни, «конечно, жизнь с Володей. Хотя она была трагич-

ной, но такой интересной! И не только потому, что мы так любили друг друга, но и в искусстве. Володя мне так много дал и открыл, а благодаря мне он увидел мир...»⁵⁹

На последнем она особенно настаивала. «Может быть, нескромно это сказать, что он из-за меня многое приобрел, я могла ему открыть какой-то мир, который он, конечно, не мог бы открыть без меня... Он умер бы раньше, конечно, если бы мы не вместе жили. Это сыграло абсолютную роль...»⁶⁰

Марине Влади, обладавшей природным женским чутьем, удалось точно угадать неизбывную тягу Владимира Семеновича к странствиям и перемене мест. Отвечая на вопрос «Ваше представление о счастье?», он говорил: «Счастье — это путешествие, обязательно из мира в мир. Это путешествие может быть в душу другого человека... И не одному, а с человеком, которого ты любишь. Может быть, какие-то поездки, но вдвоем с человеком, которого ты любишь, мнением которого ты дорожишь...»⁶¹

Когда Марина говорила о том, что не помогала Высоцкому писать, она напрасно скромничала. Без нее не родились бы у поэта прекрасные стихи: *«Нет рядом никого, как ни дыши...», «Это время глядело единственной женщиной рядом...», «Не сравнил бы я любовь с тобой. Хоть казни меня, расстреливай. Посмотри, как я люблюсь тобой, как Мадонной Рафаэлевой!..», «Кровиночка моя и половинка!..», «Я жду письма... Мне все про тебя интересно...», «Люблю тебя сейчас, не тайно — напоказ!..»*

Именно Влади мы обязаны тем, что узнали Льюиса Кэрролла в интерпретации Высоцкого. Поэт и знать не знал ничего про Алису, и когда ему предложили принять участие в создании дискоспектакля, он искренне удивился: «При чем тут я?..»

«Уговаривали мы Володю невероятно долго, — рассказывал Всеволод Абдулов в Алма-Ате, на встрече со зрителями, в 1982 году, — и помогла в этом Марина. Она как раз приехала, она начала объяснять Володе, что это лучшее произведение из тех, которые написаны для детей. Дети всего мира читают это, и это будет замечательная работа... И уговорила его...» Как рассказывала Наталья Крымова, это «был штурм»... «Это была лекция о мировом значении Льюиса Кэрролла, о предрассудках, мешающих восприятию классики, и о многом другом, касающемся поэзии... Марина Влади выказала здравый смысл... И Высоцкий погрузился в чужеземную сказку...»⁶²

Она очень гордилась тем, что была первым слушателем большинства его сочинений: «Были тексты, которые очень долго не материализовывались, он про них думал. Я чувствовала, как они рождаются... Вдруг он вставал ночью и, стоя, писал там на бумажке какие-то обрывки, и из этого рождалась песня через какое-то время. Ему нужно было написать то, что у него в голове было. Я всегда была первый зритель или слушатель. Он очень любил, когда работал, чтобы я лежала на диване, около стола. Я засыпала, конечно. Он меня будил, пел. Я снова спала...»⁶³

В 1969 году в Ленинграде Марина знакомит своего суженого с мамой, впервые после революции приехавшей в Россию, в свой родной город. «Он ей очень понравился. Она сказала: «Вот очень хороший мальчик...» Добавила, что у него очень красивое имя. Марина, правда, корректно ей возражала: «Он очень хороший человек был, но не очень хороший мальчик...» Но, все же признавала, что мама «впервые приняла в твоём лице мужчину в моей жизни...»⁶⁴ Но не удержавшись, проговорила, что маму устраи-

вало то, что Высоцкий не мог уезжать из своей страны и, следовательно, претендовать на их дом, вторгаться на их территорию. Это было удобно для нее во всех отношениях. Он не был обременителен...

По поводу фантастического романа Высоцкого и Влади, пожалуй, ярче и громче всех высказался актер Зиновий Высоковский (бывший коллега Владимира Семеновича по Театру миниатюр): «Володя в конце 60-х совершил небывалое — женился на француженке, на всемирно известной, красивейшей женщине. Мужское население СССР даже во сне такого в то время представить себе не могло...»⁶⁵

1 декабря 1970 года стало днем их бракосочетания. Невесте и жениху в ту пору было по тридцать два, у каждого из них в прошлом по два брака и пятеро сыновей на двоих. В самой церемонии бракосочетания было лишь четверо участников: собственно сами новобрачные, а также их свидетели — французский журналист Макс Леон и московский актер Всеволод Абдулов. Всеволод Осипович рассказывал: «Свадьба была странная. Мы тогда были бедные, с деньгами и работой — проблемы, поэтому обошлись без цветов и нарядов. Володя и Марина явились в водолазках. Чтобы не привлекать внимание, Высоцкий попросил работницу ЗАГСа расписать их не в большом зале с цветами, музыкой и фотографом, а в ее кабинете...»⁶⁶

В своем эссе «Таганка-антитюрма» Андрей Вознесенский писал: «Он мог бы закатить свадьбу на Манежной площади — все равно не хватило бы мест. Помню, он подошел и торжественно-иронически произнес: «Имею честь пригласить вас на свадьбу... Будут только свои»... Зураб Церетели вспоминает,

как мы с ним скинулись на несколько бутылок вина. Трудно представить, как небогаты мы все были...»

В памяти музы поэта — Озы-Зои Богуславской — остались почему-то другие впечатления: «...Пока еще Любимов «главный генерал» на свадьбе Володи с Мариной Влади... В снятой ими однокомнатной квартирке на Фрунзенской — всего несколько друзей. Пироги, жареная утка, заливное — меню признанных кулинаров Лили и Саши Митты, Андрей Вознесенский откупоривает принесенную бутылку столетнего разлива, Зураб Церетели щедро одаривает новобрачных... Притихший, немного растерянный Юрий Петрович (куда заведет его, главного артиста, этот судьбоносный шаг?!) пьет за молодоженов, желает им счастья на скрещении неведомых франко-русских дорог. И все же есть в этом что-то нарочитое или недосказанное, словно все стараются обойти тему неминуемого скорого отъезда Марины Влади...»⁶⁷

Простите за мелочность: но все-таки уточнить бы у супругов: те «несколько бутылок вина» все были «столетнего разлива»?

«В их квартирке, — рассказывал Вознесенский, — на 2-й Фрунзенской набережной, снятой накануне и за один день превращенной Мариной в уютное жилище, кроме новобрачных были только... Юрий Петрович Любимов, Людмила Целиковская... Александр Митта с женой Лилей, испекшей роскошный пирог... Сева Абдулов, позже подъехал художник Зураб Церетели... Володя был удивительно тихим в тот день, ничего не пригубил...»⁶⁸

По поводу «квартирки» Марина Влади уточняла, что это была «малюсенькая студия одной подружки-певицы, уехавшей на гастроли...»⁶⁹

«Сначала Володя решил гулять в Москве, — рассказывал скульптор Зураб Церетели, — но денег ни у кого не нашлось — нищие мы были. Марина снимала однокомнатную квартирку в доме на Котельнической набережной... Купили несколько бутылок шампанского, Лиля Митта яблочный пирог испекла... А настроения нет. Володя на диване лежал, на гитаре играл...»⁷⁰

Александр Митта ему заочно возражал, почему-то вспомнив об этой свадьбе за иным, вовсе не праздничным, столом — траурных «девятин» Владимира (Москва, Малая Грузинская, 28. 02.08.1980). «Что делает жених на свадьбе? Он на свадьбе пел. Два часа для нас пел. И для него это была минута счастья. Его не надо было просить. Он сам ждал этого момента».

Пожалуй, Церетели потоньше ощутил отсутствие праздничного настроения: «А у меня характер такой: чувствую, будто моя вина, что праздник не состоялся. Тогда говорю: поехали в Тбилиси, там гулять будем!

И сделали свадьбу. Грандиозную! Сказка! До шести утра песни пели, на бутылках танцевали, веселились. Правда, потом один эпизод случился: Марина случайно ударила ногой по столешнице, и вдруг огромный дубовый стол, заставленный посудой, бутылками, сложился вдвое, и все полетело на пол. На Кавказе есть примета: если на свадьбе потолок или стол начинают сыпаться, значит, у молодых жизнь не заладится. Я это понял, и все грузины вокруг поняли, но мы постарались виду не показывать, продолжали гулять, будто ничего не случилось. Однако я уже знал: Марина и Володе вместе не жить...»⁷¹

Невеста, правда, возлагала вину на жениха: «Ты неловким движением опрокидываешь часть раздвижного стола — дорогая посуда падает и разбивает-

ся вдребезги. Мы в ужасе. Как бы отвечая на наши смущенные извинения, хозяин проводит рукой по столу, смахивая все, что стоит перед ним. Тамада говорит: «Тем лучше, можно начать сначала...»⁷²

Ну что ж, бывает. Зря, что ли, Владимир Семенович, хорошо знакомый со свадебными обычаями, пел: «*Невеста брагу пьет тайком...*»? Нет, конечно.

Праздник продолжался. Крики первых петухов застают молодых в белых одеждах, сидящих во главе стола, заполненного «лобио, сациви, маринованным чесноком, пряностями, шашлыками, приготовленными прямо во дворе... Каждому в небольшой рог наливают вино. Бокалы из старинного хрустала предназначены только для воды...»⁷³ Звучат проникновенные тосты: «Пусть ваш гроб будет сделан из досок того дуба, который мы сажаем сегодня — в день вашей свадьбы», «Пусть ваши правнуки даже на черном рынке не смогут достать билеты на ваши спектакли...» и, само собой, «Забудем ли мы выпить за нашего великого Сталина?!»

В спальне новобрачных ждал щедрый дар гениального мистификатора, или, как его еще называли, «человека не из жизни», удивительного режиссера и художника Сергея Иосифовича Параджанова: пол в комнате устлан ковром из разноцветных фруктов. А на постели распахнула крылья роскошная старинная шаль с приколотой запиской в два слова: «Сергей Параджанов».

Зураб Церетели признавался: «Я... никогда не забуду лицо Марины Влади, какое было у нее во время медового месяца. Ни в одном фильме, ни на одном, самом удачном снимке она не была так обворожительно, так неотразимо, победительно красива!.. Я видел Марину, когда она утром выходила из спаль-

ни, и ее, словно сияние, окружала любовь. Когда-нибудь я напишу картину. На ней будет сцена, которую я видел тогда: на балконе Высоцкий с гитарой поет у ног Марины, она стоит в белом платье с развевающимися золотыми волосами, а рядом, замерев, смотрит на них моя большая черная собака...»⁷⁴

Но помните Марино признание: «Там — шарман, здесь — мужик»?

«Мужик», само собой, хотел жрать.

По мнению многих, Марина была прекрасным кулинаром. Фирменное блюдо? Она гордилась, что их было много — и разнообразные спагетти, и японские блюда из сырой рыбы. А острые соусы, которые она сама придумавала?! Ко всему уважению к французской кухне надо признать, что она, увы, требовала чересчур много времени. Из русской кухни предпочтение отдавалось борщу и супам. Впрочем, «Володе было совершенно все равно, что он ест. Так что не этим я его заманила», — признавала Марина Владимировна⁷⁵. Занимался ли кулинарией сам Высоцкий? «Случалось. Но не часто. Да и умел-то он разве что яичницу поджарить или кусок мяса»⁷⁶. Он не был гурманом. Мог съесть ломоть хлеба с чаем — и остаться довольным, вспоминала Марина.

В Москве она безропотно ходила по полупустым московским гастрономам, сдавала пустые бутылки, наводила порядок в квартире, пылесосила, выносила мусор. Сосед Высоцкого по Малой Грузинской художник Гриша Брускин вспоминал, как, «позвякивая пустыми бутылками в плетеной корзине, спешила в приемный пункт стеклотары красивая Марина Влади»⁷⁷.

Сопровождала Владимира в киноэкспедициях с малоустроенным, походным, но таким любопытным бытом. Не жаловалась на неудобства, позволяя

себе лишь скромно недоумевать по поводу сомнительных удобств российских ватерклозетов.

Антонина Иванова, легендарный ленфильмовский осветитель, знакомая с Высоцким еще со времен «Интервенции», вспоминает, как во время съемок очередного эпизода фильма «Плохой хороший человек», когда все буквально дурели от жары, Володя попросил Марину сходить за пивком: «...она повязала голову каким-то платочком, взяла самый обыкновенный бидончик, который оказался у кого-то, и пошла в ближайšie бани, где торговали хорошим пивом. И быстренько его принесла, все были очень довольны — и поведением Марины, и вкусным пивом...»⁷⁸

Ее характеру, неприхотливости, независимости, раскованности поражаются и завидовали. Актриса **Людмила Чурсина** вспоминала: «Она слегка располнела, платье на ней немножечко разошлось по швам, туфельки, наверное, любимые, новизной не отличались, а волосы по-простому распущены. Но она была так естественна, и прекрасно себя чувствовала!...»⁷⁹ Когда одна сухопарая московская знакомая Влади попеняла ей за недостаточное внимание к физической форме, Марина изящно отшутилась: «Ты выбрала фигуру, а я выбрала лицо!»⁸⁰.

После свадьбы и головокружительных грузинских приключений молодожены наконец-то вернулись в мрачную и неприветливую Москву. Прожив некоторое время с Ниной Максимовной, осознали свою уязвимость, тягущую зависимость и дискомфорт. Спешно начали подыскивать отдельное жилье. Сначала сняли квартиру у некогда популярной эстрадной певицы Капитолины Лазаренко в Каретном ряду на третьем этаже.

Затем они нашли приют у некоего загадочного старого мосфильмовского сценариста Василия (Соловьева? – Ю.С.), жившего в кооперативном доме художников и актеров у станции метро «Аэропорт». Он уступил им одну из двух своих комнат. (В день их бракосочетания девушка с глазами цвета морской волны и великолепными тонкими белыми руками принесла новобрачным большой, толстый и тяжелый пакет. Там оказалась икона от старого известного сценариста, эрудита и поэта, рассказывала Марина Влади. Уж не от него ли был этот подарок? – Ю.С.)

Наконец им повезло, и они на целых два года сняли более-менее приличную квартиру в Матвеевском: кто-то из знакомых журналистов уехал в длительную командировку за границу. Марина привезла туда какие-то необыкновенные светильники, шторы и прочие мелочи. Это был первый уют в жизни Высоцкого.

Когда в феврале 1972 года умерла мама Влади, у осиротевшей Марины появляется мысль навсегда переехать вместе с детьми в Москву. Эта шальная идея у Высоцкого особого восторга не вызывает. В своем дневнике он записывает: «Я пока еще точного отношения к плану переезда в Москву не имею, но что-то у меня душа не лежит пока. Не знаю, почему, может быть, потому, что никогда не жил так и потому внутри у меня ни да, ни нет. Но Марина очень хочет и решила. Ну что ж, поглядим. Дети хорошие, а я привыкну, может быть...»⁸¹

Потом забрезжил новый проект — приобрести дом где-нибудь под Москвой. Они начинают поиски. Вместе с художником Борисом Диодоровыми путешествуют по деревням.

«Решил купить себе дом, — сообщал Высоцкий о своих планах Валерию Золотухину. — Тысяч за

семь... Три отдам сразу, а четыре в рассрочку. Марина подала эту идею... Дом я уже нашел, со всеми удобствами, обыкновенная деревянная дача в прекрасном состоянии, обставим ее... У меня будет возможность там работать. Марина действует на меня успокаивающе...»⁸²

Мечта о собственном загородном доме в конце концов воплотилась в постройке дачи на участке Эдуарда Володарского в писательском поселке Красная Пахра. Как считал Володарский: «Марина... все время долбила мужу в темя, что пора приобрести дачу или дом. Мол, надоело жить в Москве, в квартиру вечно припераются его пьяные друзья»⁸³

На территории участка Володарского, приобретенного у вдовы поэта Семена Кирсанова, кроме большого дома, была еще и времянка. Хозяин предложил Высоцкому привести ее в порядок — и живи там сколько угодно в свое удовольствие. Высоцкий загорелся, пошел, все осмотрел и предложил свой вариант: времянку снести, а из бруса, который он непременно добудет, построить дом. На том и порешили.

К марту 1980 года затяжная стройка была почти завершена. Хотя на Эдуарда Яковлевича постоянно «наезжали» именитые соседи — Юлиан Семенов, Эльдар Рязанов, поэт, редактор журнала «Юность» Андрей Дементьев и даже «таганский» автор Григорий Бакланов: чего это там у тебя Высоцкий дом строит, это запрещено. Володарский открещивался: это не дом вовсе, а так, служебное как бы помещение для его личного архива и библиотеки. Хотя писатели, в общем-то, напрасно переживали насчет своего возможного беспокойного соседа. Здесь Владимир Семенович бывал редко. А, приезжая, обычно оста-

вался ночевать в доме Володарского, считая, что там уютнее...»⁸⁴

К сожалению, история с домом Высоцкого имела весьма грустное продолжение, став предметом тяжбы между наследниками умершего поэта, его вдовой и Володарским. Но это будет уже потом, после смерти поэта...

В жизни Влади и Высоцкого постоянно присутствовал VIP (очень важная персона) — телефонистка международной станции, 07 — «мадонна, расстояние на миг сократив». Марина Влади чувственно описывала телефонный аппарат: «...бурный, временами слишком молчаливый, ненавидимый или любимый...». Телефонистки, невольные и незримые свидетельницы взрывов нежности и любви, их ссор и размолвок, помогали Высоцкому разыскивать ее по всему свету. Они находили ее в Риме, в кресле парикмахера, на съемочной площадке в Южной Америке или в Испании только ради того, чтобы он мог сказать своей Мариночке, что любит ее. И любит именно в эту минуту...

Польский друг Даниэль Ольбрыхский, который специально прилетел на сороковины Высоцкого в его московский дом на Малой Грузинской, 28, среди многочисленных знаменитостей, участвующих в поминальной трапезе, обратил внимание на скромную заплаканную девушку: «...это была Люся, телефонистка с международной станции, помогавшая Высоцкому дозвониться до Марины Влади. Однажды Люся нашла ее даже у парикмахера в Бразилии, куда Марина улетела после ссоры с Володей, никому ничего не сказав»⁸⁵.

Ту самую «Тому, семьдесят вторую» из знаменитой песни Высоцкого на самом деле звали Людмила Ха-

ритоновна Орлова. Ее роль в поддержании хрупких взаимоотношений Высоцкий—Влади была весьма значительной. Она умела искусно улаживать назревающие скандалы и ссоры, разряжать и предупреждать неловкости. Остывая от страстей и взаимных претензий, они по телефону или с глазу на глаз благодарили ее. В 1974 году звездная пара даже примчалась к Люсе домой, чтобы поздравить своего ангела-хранителя с двадцатилетием свадьбы, вручить огромного плюшевого медведея и роскошный букет тюльпанов.

«...Его находят, а он в запое... И однажды, — рассказывала на одной из встреч со зрителями в Пермской филармонии в марте 1989 года Марина, — к нам в разговор «влез» маленький голос. Это была женщина, которая сказала, что «не надо так говорить, мы не в порядке, мы вам перезвоним...» Ну, я положила трубку. Через какое-то время мне позвонил Володя — в лучшем виде... И эта Люся, прелестная женщина, она просто взяла на себя наше общение телефонное... Без нее, вероятно, не было бы такого общения, потому что мы каждый день говорили, даже когда я долго работала на Западе. А когда я находилась в Москве, а он где-то на судне с товарищами — она его находила в порту! То есть она подвиги совершала всю жизнь!»

Людмила Харитоновна отчетливо помнит их первый разговор: «Володя весь пылающий: «Мариночка, любовь моя, солнышко мое...» Такие полуфразы, недоговоры — чувствуется, что человек влюбился. Она — довольно-таки сдержанно, кокетничает с ним... Она хорошо с ним говорила, но очень спокойно... Я Марину даже ревновала... То есть я на нее злилась. Володя ей весь отдавался, а она ему только:

«У меня Игорь то-то, Петька с Вовкой то-то... дома — украли, обобрали, мама больная!» У нее чисто женское такое — свои проблемы. А он здесь: «Я песню написал!» Я чувствую, что ей не до песен: «Ну ладно, давай!» Он начинает петь, а она его прерывает — что-то вспомнила!.. Я злюсь ужасно — человек ее так любит, а она!.. Как же так можно! Ну, это первое время так, а потом стало сердечко таять... А потом она здесь пожила, стала ласковее, сама стала звонить...»⁸⁶

Справедливости ради отмечу, что за Люсей Орловой числился один грешок перед Владимиром Семеновичем. Может быть, она об этом и не догадывалась. Но именно Людмила познакомила с Высоцким Константина Мутсафиди, который, по сути, предал поэта. Будучи классным радиоинженером и владельцем уникальной по тем временам аппаратуры, Мутсафиди предложил Высоцкому сделать аудиоархив его песен. Высоцкий ухватился за эту идею, и они начали работу. Вскоре предприимчивый инженер сообразил, что напал на золотую жилу. И стал втихаря приторговывать уникальными записями. Узнав об этом, Высоцкий рассвирепел и выгнал проходимца из дома. Предательство поэт ненавидел. В любой форме...

«Монопольное право» Орловой на Высоцкого пытаются оспаривать. Корреспондент «Комсомолки» в репортаже с центрального переговорного пункта Москвы называет имя Ирины Викторовны Владышевской (Телефонистка, к образу которой взывал Владимир Высоцкий в своих стихах, уже на пенсии. Она проработала на телефонной станции 30 лет):

— Он очень часто писал стихи у нас, прямо на переговорном пункте, — вспоминает Ирина Викторов-

на. — И потом тут же читал их Марине Влади, пел по телефону. Я много, много раз соединяла их — Париж и Москву. Высоцкий всех наших девчонок по имени знал... Приходил к нам на «Огоньки». Пел. В день его смерти я дежурила в ночную смену, из Москвы мы тогда, помню, всю ночь искали Марину... Разыскивали их друг для друга, иногда по всей стране. Ведь у них же любовь по телефону была! Мне очень нравилась эта пара...»⁸⁷

Орлова или Владышевская — какая, в сущности, разница? Задумаемся о другом. Ведь еще Владимир Одоевский в письме Александру Пушкину оказался пророком: «Письма в будущем сменятся электрическими разговорами...» Именно так — «электрическими»...

Галина Шубарина, жена известного в 1960–1970 годы танцора и актера, рассказывала курьезную историю, как Высоцкий сочинил свою знаменитую песню «07». По ее мнению, дело было в Одессе, во время съемок «Опасных гастролей». Шубарин и Высоцкий поселились в соседних номерах в гостинице «Аркадия». Владимира Шубарина в Одессе хорошо знали — он там частенько выступал, да и родственников там жило много. «Только он зашел в номер, — рассказывала Шубарина, — ему принялись звонить девки: «Володь, мы знаем, ты без Гали приехал...» Ему в шесть утра на съемки ехать, а он сел отковыривать телефонный провод от розетки. Тут заходит Высоцкий: «Володь, меня, видно, кагэбэшники секут. Я Марине набираю и успеваю только сказать: «Здравствуй, это я!» — больше ничего не слышно. Давай с тобой номерами поменяемся...» Володька, довольный, согласился и пошел спать. Часа в четыре распахивается дверь и входит злой Высоц-

кий: «Какие-то твари всю ночь трезвонили! Но зато я Марине дозвонился». И показал на мешковине написанную песню «07» и целую кучу куплетов, которые он поет в этом фильме. Высоцкий все это написал за одну ночь!»⁸⁸

Высоцкий звонил Марине отовсюду, стоило ему увидеть телефонный аппарат. Лариса Лузина, например, вспоминает, что Высоцкий, «когда приезжал к нам в гости на улицу Удальцова, всегда первым делом садился и звонил ей, Мариночке. Он потом долго мне при встречах говорил, что за ним один непоплаченный счет за телефонные переговоры — 40 рублей. Кстати, его песня «07» тоже посвящена мне. Или — моему телефонному аппарату...»⁸⁹ Ну, тут Лариса Анатольевна явно преувеличивает, мягко говоря.

Остался, к счастью, фрагмент видеосъемки в квартире Людмилы Максаковой в Брюсовом переулке, снятый в момент нежнейшего телефонного разговора Владимира Семеновича с Мариной Владимировной. Вспомните: «Ну что, моя ласточка?.. Ну, Маринчик, я даже не знаю... Про что? Ну? А-а-а... Что ты говоришь? А где вы были?.. Да? Ну и больше ничего? Ну, в общем... Что и что?..»⁹⁰

Иван Бортник, частенько находивший приют в доме на Малой Грузинской, неоднократно наблюдал, как его друг часами говорил с Влади по телефону. «Он мог в течение двадцати минут повторять: «Мариночка, Мариночка...» Мне становилось неловко, и я уходил на кухню. И вот сидишь на кухне, одну чашку выпьешь, вторую, полпачки сигарет выкуришь, а он все: «Мариночка, Мариночка...»⁹¹

«Мы всегда на краю расставания и новой встречи, что заставляет не замечать ненужные мелочи, раздражаться...» — признавалась Марина.

«Долгие годы мне нравилось быть любимой. Я любила мужчин — мне нравилось в них мое отражение... Я любила любовь, удовольствие, получаемое мною, и сознание обладать кем-либо. И, безусловно, я верила, что отдаю всю себя, и не выносила, не получая взаимности. Для меня невыносимо быть обманутой, я рвала все отношения... Либо живешь с человеком и никого рядом, либо живи одна. В моей жизни всегда было так! Никаких авантур! Никогда! Это вовсе не пуританство. Это моя личная мораль... У меня необычайная жажда быть любимой, единственной, землей и небом. Быть всем. И если я замечаю, что это совсем не то, я спускаюсь с небес. Володя заставил меня измениться!.. Иногда он нуждается в материнской помощи, чтобы я потрепала его за уши. Он меня подавляет своими признаниями: «Я приношу все к твоим ногам, но отдавай мне тоже все...» Безумие нас обоих. Общее наше безумие...»⁹²

Как рассказывал художник Борис Диодоров, когда Володя пел, «Марина воспринимала его совершенно восторженно. Как-то очень по-женски она впитывала каждое слово... Марина восхищалась им тогда. Она все время видела в Володе своего отца, говорила, как Володя похож на него. У отца тоже был трудный путь к успеху...»

Марина Владимировна настаивала, что ее Володя «...был простой русский человек — легко ранимый, хрупкий, ласковый и в то же время неистовый, непримиримый, упорный. Умел стоять на своем. Был и отходчив. Из него не надо делать ангела. Он и сам не хотел слыть им...»⁹³

Маленький, но характерный фрагмент из хроники их семейной жизни: «Я бросила курить, когда ме-

ня попросил об этом Володя. Я бросила мгновенно и навсегда...»⁹⁴

«Не такой уж он был добрый, хороший, спокойный мальчик. У него внутри все кипело, он сжигал свою жизнь. Он был очень щедрым человеком в смысле самоотдачи. И неудержимого темперамента, с характером... Владимир был человеком... Он был из крови, из нервов, и душа его болела все время. И даже то, что он пил, — это он сам. Его разрывало внутри сердце, так как он был поэтом. А иначе жил бы лет сто...»⁹⁵

Говоря о главных качествах характера мужа, Влади на первое место ставила именно щедрость. «Это дар, которым обладал Володя. Он был очень трудный человек, но очень щедрый. У него была колоссальная сила, и он всю ее отдавал. Ну и желание, конечно. Если нет желания у человека, он ничего не может. Если ничего не хочется от того, что жизнь тебя «затюкала», — это ужасно...»⁹⁶

В телепередаче Натальи Крымовой, посвященной Высоцкому, показанной по Центральному телевидению 30 мая 1987 года, Марина признавала: «Он был «врун, болтун и хохотун». Я его ругала... Но интеллектуально он был очень честный человек, то есть он был совершенно нестигаемый человек... Я очень любила его юмор. И я считаю, что в жизни человек, который может рассмешить, — то очень легко в него влюбиться. То есть это очень большое качество у мужчин, чтобы, целуя его, вместе могли бы смеяться...»

В Москве Влади легко сходилась с людьми. Очень скоро подружилась с актрисой **Ириной Мирошниченко**. В моменты конфликтов, ссор с Владимиром Марина всегда находила убежище в ее доме. Жен-

щин сближало многое, в том числе французский язык, музыка. Но, прежде всего, общность жизненной философии. У Ирины Петровны смолоду сформировались стойкие принципы, от которых она никогда не отступала: «Женщина должна иметь свой стиль, неповторимый, ее личный. Если он хорош, как ей и окружающим кажется, всегда нужно его сохранять, а не менять... Надо быть всегда такой, какая ты есть... Женщина в некоторых ситуациях должна быть ниже мужчины. В личных взаимоотношениях женщина не должна быть впереди, чтобы мужчина не чувствовал себя ущемленным, слабаком перед ней, а, наоборот, ощущал себя личностью, мужчиной. Это очень тонкая вещь, которую женщина должна соблюдать, если она не хочет потерять этого мужчину». Не только на словах, но и в жизни Ирина Петровна всегда была подчеркнуто независимой, соперничая в этом с мужчинами.

Она была восхитительной и желанной партнершей по актерскому ремеслу. Ее, совсем юной, снял в роли Марии Магдалины Андрей Тарковский, узрев в ней библейский лик. Олег Ефремов был ее наставником на мхатовской сцене. Но находил ее и за кулисами. Кончаловский, Губенко приглашали Мирошниченко в свои фильмы без всяких проб. А вот с Высоцким Ирине Мирошниченко чисто в творческом плане довелось встретиться лишь однажды — на съемках советско-югославского фильма «Единственная дорога».

Некоторое время, в конце 1960-х — начале 1970-х годов, Влади близко общалась с женой кинорежиссера Александра Митты художницей **Лилей Майоровой**, двоюродной сестрой поэта Давида Самойлова. «Она — прекрасная хозяйка, благодаря чему дом фак-

тически превращался в ресторан для друзей, своеобразный клуб по интересам», — гордился супругой Александр Митта⁹⁷. Он же рассказывал: «Марина... как только их (с Высоцким. — Ю.С.) отношения стали серьезными, стала приезжать с детьми... С той поры все праздники мы отмечали вместе у нас дома (на Удальцова, 16. — Ю.С.): и Володины дни рождения, и театральные премьеры, и Новый год, и Пасху, и Рождество, — все, что угодно. И 1 мая нужно было посидеть, и 7 ноября — непременно. Любим случаем пользовались, чтобы собраться вместе...»⁹⁸ Как считает Митта, Высоцкий дружил больше с Лилей, чем с ним⁹⁹.

Пока в первой и единственной собственной квартире Высоцкого на Малой Грузинской шел ремонт, Владимир и Марина временно были вынуждены жить в доме Ивана Дыховичного (то бишь, не Дыховичного, конечно, а его жены Ольги — дочери члена Политбюро ЦК КПСС Д. Полянского), и они прекрасно уживались. «Марина, — рассказывал Иван Владимирович, — вообще очень контактный человек... И наоборот, неконтактный, если человек ей несимпатичен. Она никогда не подыгрывает. В ней есть русская душа — она может легко забыть что-то или бешено полюбить вдруг, неожиданно... В Володиной жизни это было достаточно светлое пятно. Она потребовала от него сознательного ощущения, что есть женщина, что есть любовь, потребовала серьезного отношения к этому и ответственности за это. Все говорили: вот, ему нужна была такая жена, которая всегда была бы около него... Да не нужна ему была такая жена. Ему, наоборот, нравилось, что это была не жена, а скорее любовница... Конечно, в высочайшем смысле этого слова...»¹⁰⁰

Квартирование на квартире Дыховичных шального барда смущало соседей. Тесть однажды сказал Ивану, что в высокие инстанции поступают сигналы трудящихся, будто в доме поселился какой-то подозрительный человек с какой-то проституткой, они разъезжают на машине с иностранными номерами, а самое главное — не здороваются с тетушками, сидящими у подъезда! Когда на следующее утро Высоцкий вышел на улицу, он подошел к «заявительницам», поклонился им в пояс, рухнул на колени и заорал: «Здравствуйте, тетки!» Тетки, само собой, были в шоке¹⁰¹.

Заметим в «скобках»: Высоцкий был, можно сказать, крестным брачного союза Дыховичного с дочерью члена Политбюро ЦК КПСС. Иван Дыховичный вспоминал: «Он знал девушку, с которой у меня был долгий роман, и однажды поинтересовался: почему мы, такая красивая пара, не начинаем жить вместе? Я с ним поделился своими сомнениями: «Скажут, женился, чтобы стать зятем члена политбюро». На что Володя мне, двадцатилетнему, сказал: «Если бы на ней женился, потому что она дочка Полянского, ты был бы мерзавец. Но если ты на ней не женишься, потому что дочка Полянского, ты тем более мерзавец». Эта эффектная фраза очень повлияла на меня...»¹⁰² Перед тем как поставить точку, добавлю, что брак Дыховичного все же оказался не слишком счастливым. Когда они расстались, Ольга вышла замуж за американца и переехала в Штаты...

Довольно близкие отношения установились у Марины с женой Эдуарда Володарского — «роковой женщиной» из далекого Иркутска **Фаридой Тагировой**. Будущий знаменитый драматург с восторгом вспоминал легкомысленные и бесшабашные студен-

ческие годы, свою тогдашнюю вгиковскую компанию: «Катя Васильева, Сережа Соловьев, Володя Акимов, Зарик Хухим, Вика Федорова. Мы все время куролесили, ездили куда-то, пьянствовали, гуляли, и я таскал Фариду с собой...»¹⁰³

Володарский довольно своеобразно толковал дружбу Марины со своей Фаридой: «Их любимым занятием было перемывать нам кости. Какие мы мерзавцы и какие они несчастные, две женщины. Как мы не ценим их любовь. Вначале Володьку запихнули, а потом меня. Вшивали таблетки... Володя сказал: «Бойцов революции только смерть может исправить». Я выпил первый раз месяца через два, а Володька долго не пил — где-то полгода. Он мог долгу не пить...»¹⁰⁴

Вернемся к вгиковской компании Володарского. **Екатерина Васильева** покоряла всех своей раскрепощенностью. Кинорежиссер Сергей Соловьев никогда не скупился на комплименты в ее адрес: «Она была свободна во всем, этого даже проявлять не требовалось... Она была как бы значительнее и прекраснее, чем просто красивая, или там хорошенькая, или там славненькая девочка...»¹⁰⁵ В книге «Асса» и других произведениях он писал: «При всей своей катастрофической, на грани уродства, некрасивости, огромности черт и фигуры, она была... женщиной неслыханной, ослепительной, победительницей юной красоты...»

Довершают загадочный облик Екатерины примечательные фрагменты ее биографии. Дед-белогвардеец в суматохе эмиграции теряет беременную жену. В расстроенных чувствах роженица, произведя на свет мать будущей актрисы, от ребенка отказалась. Новорожденную почему-то удочерил... Антон Семе-

нович Макаренко. Таким образом, жалостливый автор «Педагогической поэмы» стал официальным дедом Екатерины Васильевой.

В ее судьбе случались такие кульбиты, что родственники и знакомые просто за головы хватались. Еще студенткой она начала много сниматься в кино. В неполные двадцать очутилась на одной съемочной площадке с Высоцким и его тогдашними товарищами в фильме «На завтрашней улице». Потом были встречи в Белоруссии, где Виктор Туров снимал картину «Война под крышами». Высоцкий предлагал Турову песни, а Катя, исполнявшая в фильме одну из ведущих ролей, с упоением их слушала, а потом напевала...

Она была юная, рыжая, дерзкая, очень стройная, «с челкой, — восхищался Сергей Соловьев, — сигаретой «Шипка» в зубах и с гениальной, дотоле мной в женщинах не виданной, внутренней свободой»¹⁰⁶.

В своих интервью-исповедях Васильева невольно каялась: «Может быть, в то время, когда все были по-советски закомплексованы, я и казалась свободной. На самом же деле, просто вела себя распушенно и расхлябанно... Была полна гордыни и самоуверенности... Считала себя жутко умной... В конце концов, я вдруг обнаружила, что у меня все рухнуло. Мало того, что сама оказалась в тупике, так еще и всех вокруг себя запутала...»¹⁰⁷ В конце концов, убедилась, что актерская профессия суть дьявольская. И пришла к Богу, покинув светский мир. Более двух десятилетий Екатерина Смиренная пребывает в Церкви, работая казначеем в московском храме Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках.

Однако время от времени все же появляется на сцене и экране. Хотя и считает, что актерской про-

фессии «просто нет, что она искусственно придумана, что это такой изыск дьявольский... Никогда я не была фанаткой этой профессии...»¹⁰⁸ А что делать, семье помогать-то надо! За съемочный день Екатерина Сергеевна просит тысячу долларов.

Васильева не скрывает, что ей всегда требовалась суперситуация, жить при высоком «градусе»: любить — так любить! И клянет себя в том, что, кроме боли, никому ничего не принесла — ни мужчинам, ни подругам... «Я меняла свою жизнь с невероятной скоростью, делала такие зигзаги сногсшибательные! Господи! Я не должна была дожить до этого времени! Сколько своих друзей схоронила, которые жили так же, как и я. В буквальном смысле схоронила. Они погибли. Кто спился, кто с собой покончил, кто что...»¹⁰⁹ Она называла их имена: «Мои учителя — это мои друзья — верные, преданные, бескомпромиссные. Среди них есть такие люди, до нравственной высоты которых хотелось бы хоть чуть-чуть дотянуться. Динара Асанова, Владимир Высоцкий...»¹¹⁰

Блиставшая в столичных компаниях киношников-«шестидесятников» **Вика (Виктория) Федорова** также слыла девушкой своенравной. Ее постоянно окружали красавицы актеры и режиссеры — Борис Хмельницкий, Олег Янковский, Валентин Смирнитский, Андрей Кончаловский, сценарист Валентин Ежов... Последний, правда, отзывался о ней не так чтобы уж лестно: «Она не б...дь, она — пьяница. Она не по этому делу»¹¹¹.

Вместе с Викой, считали друзья, гулять было опасно. Ежов рассказывал, что она хорошая девочка была и умная, пока не выпьет 100 граммов. Потом следовал фужер коньяку, а следующий могла кому-ни-

будь в лицо выплеснуть. Или на стол вскочить, или огреть кого-то каблуком туфли по башке¹¹².

Впрочем, друг юности Эдуард Володарский темпераментно вступался за честь Федоровой: «Ежов брешет, как сивый мерин. Вика сильно пила, но он пил гораздо больше. Пузырял, будь здоров. Они расстались не из-за этого. Просто расстались...»¹¹³

Но, без сомнения, характер Виктории, зачатой в день победы 9 мая 1945 года, напоминал горючий молотовский коктейль, в коем пьяный бармен, недолго думая, смешал виски, шампанское, водку и самогон. Ее биография была готовым сценарием для Голливуда, где она, в итоге, и оказалась.

Только после смерти отца всех народов Иосифа Виссарионовича Сталина и его друга Лаврентия Виктория узнала, что ее матерью является бывшая зэчка, легендарная киноактриса Зоя Федорова. Спустя десятилетия, наконец, услышала подлинное имя отца — Джексон Роджерс Тэйт, адмирал 6-го флота США.

Вика, не зная матери до девяти лет, воспитывалась в семье тетки где-то в Северном Казахстане. Возвратившись в родную Москву и встретившись с мамой, по окончании школы решила пойти по ее стопам — в актрисы. Узнав истину о своем происхождении, в 1975 году добилась разрешения уехать к отцу в Штаты.

Там вышла замуж. Но прожив семь лет с американским летчиком, Вика развелась с ним. Развод был тяжелым. Много лет спустя, прочитав роман Володарского «Русская, или Преступление без наказания», Вика, в общем-то, согласилась с версией автора, что убийцей ее матери мог быть именно «летчик-налетчик»: «Очень может быть — он был такая гадина...»¹¹⁴

Сама она сделала потрясающую карьеру топ-модели, решив, что роли второго плана в американском кино не стоят того, чтобы на них была потрачена жизнь.

Но возвратимся к Марине Влади-Поляковой.

Двери парижской квартиры Влади на улице Севр, дома в Мэзон-Лаффит всегда были открыты для московских приятельниц и Володиных друзей. В 1978 году, уехав по делам в Швейцарию, она оставляла ключи Олегу и Веронике Халимоновым. Примерно тогда же, после жуткой автокатастрофы в Подмоскovie, в ее хоромах приходил в себя Всеволод Абдулов. По приглашению Влади у нее гостила свекровь. В печальные и всесближающие июльские дни 1980 года Марина постоянно напоминала Нине Максимовне: «Мама, вы можете по полгода проводить у меня в Париже...»

Некоторое время в доме Марины жила Белла Ахмадулина с мужем. Во время отсутствия хозяйки в Мэзон-Лаффите останавливалась чета Митты. И это казалось обычным делом. Когда Таганка в 1977 году приехала на первые свои парижские гастроли, Влади взяла шефство над Иваном Бортником. Он жил в гостинице, и она ему «с собой туда собирала. Мы вели ночной образ жизни, ходили в ресторан «Распутин», — с тоской вспоминал впоследствии легендарный «Промокашка»¹¹⁵.

После смерти Высоцкого «парижские каникулы» устроила себе жена Володарского Фариды. Врачи обнаружили у нее тяжелое заболевание, рассказывал В. Абдулов. Марина откликнулась незамедлительно. Пригласила Фариду в Париж, показала ее лучшим докторам. Целый месяц посвятила себя жене друга Высоцкого¹¹⁶.

Потом Влади навестила критик Наталья Крымова, объясняя: «Тогда мы как-то очень сошлись...»¹¹⁷

В то же время хлебосольная Марина всячески стремилась оградить мужа от излишнего и обременительного, по ее мнению, общения с заезжими друзьями из России. Виктор Туров, например, смертельно обиделся, когда, будучи во Франции в 1977 году, набрал номер телефона Высоцкого, а трубку сняла Марина: «Витя, Володя спит, и я его будить не буду»...»¹¹⁸

Хотя подчас Высоцкий другим спать сам не давал. Даниэль Ольбрыхский рассказывал об одном вечере в Париже в старенькой квартире Марины в доме на улице Дюрок: «Я попросил его спеть что-нибудь новенькое. Он тут же взял в руки гитару. Через несколько минут раздался стук в стенку: «Немедленно выключите магнитофон! Безобразие!» Марина пыталась объяснить соседям, что к ней приехал муж из России, но они стали кричать, что вызовут полицию. Будь они русскими, в гости бы напросились. А французы... да что тут говорить!»¹¹⁹

«...Первое, что брало в плен — аж мурашки по коже, — рассказывала Людмила Марковна Гурченко, — ... его голос. Его голос и внешность для меня долго существовали отдельно. До того дня, как я увидела его вместе с Мариной Влади. Они были на фирме «Мелодия». Богиня экрана обаятельно, делово, с напором доказывала, что нужно выпустить «грандиск» Володи». «Мариночка, Мариночка», — оставливал ее Володя своим чудным голосом. Да, действительно, Володя был другим. Красивым, высоким, и неземная Марина не казалась рядом с ним большой, затмевающей. И пел по-другому. В его голосе появились такие нежные, щемящие обертоны...

«Володя, спой еще! Ой, Володя, что ты со мной делаешь!» И обнимала его, и голову ему на плечо укладывала... От этой пары исходило такое сияние, что — ну не знаю — если на свете и есть настоящая любовь, то, ей-богу, это она!»¹²⁰

Наталья Юнгвальд-Хилькевич, дочь известного кинорежиссера, вспоминала: «На меня никто не обращал внимания, и я была свидетельницей краешка этой большой любви. Как-то они отправились с визитом, но минут через пять вернулись — Марина подвернула ногу. Володя встал на колени и, глядя в светлые глаза, поцеловал ее стопу...»¹²¹

Венгерский журналист Ласло Далош более сдержан в описании своих впечатлений о встрече с парой Высоцкий—Влади: «...Я его увидел в 1971 году в Московском Дворце съездов на кинофестивале. Помню, как он в перерыве между показами фильмов стоял за одним из столиков в буфете верхнего банкетного зала рядом с Мариной Влади... Он стоял рядом с ней, и его глаза лучились какой-то покорностью, преданностью, смущенностью. Они вели непринужденный разговор. И он все делал неторопливо, делал все, чтобы ей услужить, выполнял все, о чем просила эта удивительная женщина. То он подает ей тарелку с салатом, то ломтик хлеба, и все так сдержанно, спокойно, что, на первый взгляд, и не чувствовалось связи между ними. Видно, как он стремится сделать все, чтобы она была довольна... Это не театр и не кино, и нет с ним гитары. За что же ему держаться?..»¹²²

«То, что любил он ее безумно, было видно каждому — от осветителя до гримера, — рассказывал киноактер Лев Перфилов, сыгравший роль муровского фотографа Гриши в «Месте встречи...» — Вспомина-

ются съемки в одесском Шевченковском парке. Как раз тогда к нему и приехала Марина Влади с сестрой. Кто-то из наших подбежал к ним, сказал, что позовет Володю. Вижу, выскакивает Володя из той самой бильярдной. На крохотном пятачке лестницы начинается его невероятный танец на одной ноге. Это и «барыня», и «яблочко» и «тарантелла» одновременно. А между Мариной и Володей — несколько метров. Она смотрит — он танцует. Танец восторга! Забыть это нельзя. Вдруг, так же внезапно, он срывается с места и мчится обратно к камере... Когда Говорухи-ну рассказали, что явилась из Парижа Влади, он прекратил работу. Сразу же. Володя с Мариной обнялись и пошли вместе куда-то в гору...»¹²³

Влюбленными откровенно любовались друзья, по возможности старались даже будни превратить в праздники. Одесские морские капитаны Александр Николаевич Назаренко и Анатолий Григорьевич Гарагуля дарили им умопомрачительные черноморские круизы на теплоходах «Шота Руставели» и «Грузия». Гарагуля исполнял любые Маринины капризы. Бывало, рассказывал он, идем, как вдруг Влади говорит: «Хочу купаться». Останавливался теплоход — и Марина плавала посредине Черного моря.

Не знавший *«меры в женщинах и в пиве»* тогдашний сочинский мэр Вячеслав Воронков организовывал им царскую встречу на выезде из Малого Ахуна, рядышком с бывшей дачей первого советского «президента» Михаила Ивановича Калинина.

Марина ездит с ним на натурные и студийные съемки, на «озвучку». Легендарный звукорежиссер Виктор Борисович Бабушкин, записывая баллады для фильма «Бегство мистера Мак-Кинли», неожиданно для себя обнаружил в холодной, непротоплен-

ной студии окоченевшую французскую кинозвезду. Он напустился на поющего поэта: «Высоцкий, ты с ума сошел. Ну что ж ты делаешь, а? Мариночка, пойдите к нам, да не волнуйтесь, никуда он не убежит». Он увел ее, насквозь продрогшую, к себе в аппаратную, напоил чаем, попотчевал печеньем и конфетами. И заодно стал уговаривать: «Вы — актриса, попробуйте воздействовать на Володю. Вот здесь надо то-то, а здесь немного по-другому». «Ясно, поняла, я сейчас поговорю, — вспоминали очевидцы быстрый ответ Влади. Они пошептались, и Высоцкий подошел к микрофону абсолютно другим человеком...»¹²⁴ Другому звукорежиссеру — Игорю Вагину, работавшему на фирме «Мелодия», запомнились иные детали: «Записывали диск «История любви». Марина... на диванчике сидела. Ноги мне ее запомнились: такие красивые, в тончайшие чулки затянуты. Очень элегантно у нее получалось почесывать одну ножку другой. Я так понял, что у них тогда самая любовь была. Представляешь, моль огромная откуда-то вылетела и прямой наводкой к Влади. Высоцкий так ретиво ее от насекомого спасал, что даже аппарат нас снес, «Штуцер-37»...»¹²⁵

Режиссер Виктор Туров баловал молодых друзей «диким» отдыхом в белорусских лесах: «Мы снимали... под Новогрудком, у озера Свитязь. Для Адама Мицкевича это озеро было святым... Встретил я Володю и Марину в Барановичах и привез на это озеро. Было воскресенье, из Барановичей и Новогрудка понаехало много отдыхающих... И так по пляжу, по озеру пошел такой шорох, шум, взволнованность некоторая... Я оставил их одних погулять в лесу вдоль озера. Вдруг ко мне прибегает кто-то из группы и говорит: «Знаешь, там бить собираются Высоц-

кого и Влади!.. Их приняли за самозванцев...»... У тогдашней публики бытовало мнение, что Высоцкий — это бывший белогвардеец, со шрамом на лице, огромного роста и прочее... Марина Влади в своем неброском наряде выглядела просто обаятельной женщиной... Они далеко не тянули на суперменов... Это зародило подозрительность, и вот за «самозванство» моих гостей чуть было не отколодили...» Художник фильма Евгений Ганкин дополнял рассказ режиссера: «Марина Влади была в обыкновенном ситцевом сарафанчике, на ногах — достаточно поношенные босоножки, волосы собраны в пучок. И народ, который помнил пышноволосую красавицу Марину Влади, не сразу поверил, что эта скромная женщина и есть та самая прославленная актриса. Местные франтихи с пышными прическами выглядели куда болеее эффектно...»¹²⁶

Прибалтийские рыбаки баловали удивительную пару «особенностями национальной» ловли лосося. Брестская таможенница Валентина Савкина с поста «Варшавский мост» стремилась создавать «режим наибольшего благоприятствования» при пересечении границы¹²⁷. Марина очень легко сошлась с референтом-переводчицей при московской патриархии Тамарой. Дружеские отношения между женщинами сохранялись очень долго. Когда Высоцкий стал регулярно ездить за границу, он вечно маялся, что привезти в подарок тамошним друзьям, чем удивить, не матрешками же?! Тамара, страстная собачница, и посоветовала Владимиру Семеновичу: самым оригинальным подарком будут редкой породы и очень дорогие в зарубежье, но более дешевые в Союзе, щечочки. В качестве консультанта и помощника она порекомендовала Высоцкому **Тамару Александровну**

Шибяеву, лучшего собачьего мастера-парикмахера Москвы. Она действительно была лучшей. Зря, что ли, в числе ее клиентов были семьи Брежневых и Райкиных, Клавдия Шульженко и Алла Пугачева?

Высоцкий попросил Тамару найти ему парочку французских болонок. «Разумеется, — рассказывала Шибяева, — я тут же подобрала настоящих «француженок» — двухмесячных, масеньких, с ободковыми черными глазками, черными носиками. Перед самым вылетом он приехал, взял их на ладошку. «Такая капся — и столько стоит!» И заплатил больше. Спрятал щенков под куртку и ушел. Так было несколько раз... Удивительно, правда? Собачки французской породы из России...»¹²⁸

А какой сказочный подарок преподнес Высоцкому и Влади неумный фантазер Сергей Иосифович Параджанов, когда Владимир и Марина в перерывах между съемками отдыхали в Юрмале! Он оказался их соседом по гостинице. Однажды в номере Высоцкого отключили воду, «они попросили оставить ключи от его номера у портье. Войдя в комнату, увидели на столе боржомы, фрукты, сигареты и лимонад.

— И это все? — удивился Высоцкий. — Что-то не похоже на Сергея, должен быть подвох.

Влади открыла дверь в ванную и радостно вскрикнула:

— Смотри, Володя!

На душе Параджанов прикрепил букет — так, чтобы вода лилась на красавицу Марину с охапки алых роз...»¹²⁹

Вообще Параджанова Марина Владимировна воспринимала как бесконечный праздник: «Я до сих пор сохраняю великолепные бусы, подаренные мне Сергеем Параджановым. Мы, приезжая в Киев, все-

гда были его гостями, он угощал нас грузинскими блюдами, сыром, вином...»¹³⁰

Киновед **Н. Моргунова**, волей случая наблюдавшая на отдыхе в Юрмале за Высоцким и Влади, отмечала, что Володя «был поглощен Мариной. Иногда, когда они где-нибудь вместе сидели, он клал ей подбородок на плечо, и они замирали в чем-то своем, серьезном и значительном. Это было трогательно...»¹³¹

Сплетницы из кинематографического бомонда, в пляжной пицундской истоме следившие за Мариной, появляющейся в бикини, гадали, сколько же ей лет. Как вспоминал драматург Аркадий Инин, «Марина была ослепительна... Спросить напрямую у самой актрисы они не решались и подъехали на кривой козе к ее сыну. И тут я увидел, как мальчишка гневно и на ломаном русском закричал: «Это не можно сказать! Никогда не можно спросить, сколько лет женщина!..»¹³²

Одесские гранд-дамы, заметив на улицах родного города Высоцкого в обнимку с Мариной Влади, шушукались, недоумевая: «Она такая красивая, что она в нем нашла?» Вероника Халимонова, гася Маринины подозрения относительно Володиного поведения в ее отсутствии, со смехом передала ей мнение одесситок. Марина, видимо, не удержалась и сообщила об этом Высоцкому. Видимо, «потому, — предполагает Вероника, — он так серьезно потом на меня смотрел»

Потому остается только гадать, кого имел в виду поэт, признаваясь в «Опасных гастролях»:

«Ну а женщины Одессы —
Все скромны, все — поэтессы,
Все умны, а в крайнем случае красивы...»

Ростовская знакомая Владимира Семеновича, врач Светлана Гудцова в своих записках пишет: «...все Володиные разговоры сводились к Марине, он постоянно ее упоминал — любил безумно. Такую любовь, я думаю, редко встретишь. Мне даже не верится в теперешние разговоры, будто у него было много женщин и прочее».

Администратор Запорожской филармонии Алексей Мироненко, опекавший Высоцкого во время выступлений в апреле—мае 1978 года, рассказывал, как во время поездки по городу, Высоцкий ни с того ни с сего, вне всякой связи с предыдущей вялой беседой, вдруг с досадой сказал: «Леша, представляешь, в Одессе с Марины хотели в гостинице валюту содрать как с иностранки. С моей жены!..» А потом вдруг с нежностью и с нескрываемой гордостью признался: «Я ее так люблю... Такая женщина, ты себе просто представить не можешь!..»

Четырьмя годами ранее Высоцкий был смертельно оскорблен, когда их вместе с Мариной по-хамски вынудили прервать черноморский круиз уже в Ялте, так как для иностранцев все прочие порты-стоянки тогда были закрытыми городами. Не обласканный вниманием журналистов Алексей Пантелеймонович много видел и много знал. Он вспоминал, когда последовала строгая команда из местного «Белого дома» 1 мая концерты Высоцкого не проводить, дабы не сорвать демонстрацию, он повез его в ближайший райцентр Вольнянск. «Когда уже шел концерт, позвонила из Парижа Марина Влади: «Утром я в Москве», — рассказывал он. — Он не ожидал, видно. Вы бы посмотрели на его лицо — как мальчик!.. Сразу стал звонить в Москву: «Она прилетает, чтобы она ни в чем не нуждалась!» А как выбраться из Запоро-

жья? Выяснили: из Харькова самолет в 3 часа ночи. Срочно машину! Тут ему навезли столько подарков: рыба, варенье, деликатесы. Боже мой! Он говорит: «Леша, забирай!» Куда? Зачем? Уговорил – все погрузили...»¹³³ Добавлю из собственных впечатлений: после концерта Высоцкий на дикой скорости летел по лестнице, то и дело бухая объемистой сумкой по ступенькам. В конце лестницы из нее, словно кровь, сочилось алое варенье. Малиновое, наверное. Или клубничное...

Наблюдательная **Инна Гофф** (а каким же еще быть поэту? – Ю.С.) писала: «Она улыбается всем сразу, но видит только его. А он уже рядом, и они страстно целуются, забыв про нас. Нам говорят, что Марина только что прилетела из Парижа. Они садятся рядом... Она в черном скромном платьице. Румяное с мороза лицо. Золотисто-рыжеватые волосы распущены по плечам. Светлые, не то голубые, не то зеленые глаза... Звезда мирового кино. Колдунья... Вот и его заколдовала... Приворожила... Они забыли о нас. Они вместе. Они обмениваются долгими взглядами. Она ерошит ему волосы. Кладет руку ему на колено. Мы не в кино. Это не фильм с участием Марины Влади и Владимира Высоцкого. Это *жизнь* с участием Марины Влади и Владимира Высоцкого...»¹³⁴

«Между Высоцким и Влади была большая любовь. Марина очень хотела от него ребенка, но Володя боялся, что ребенок может родиться нездоровым из-за его алкоголизма», – делился своим мнением фотохудожник «Интервенции» Валерий Плотников¹³⁵.

Свидетели их романа дружно, чуть ли не в унисон твердили, что «Володя ей обязан многим. А мы все обязаны Марине тем, что он еще жил, потому что оп-

ределенное количество лет – довольно большое – она его просто спасала от водки и от смерти...»¹³⁶

Да-да-да, безусловно, Влади открыла Высоцкому мир. Но ведь и он открыл ей свою любимую, а порой ненавистную родину-мачеху, которая была тайком влюблена в своего непутевого сына, но больно пинала его. И заслуженно, и понапрасну.

Высоцкий нуждался в постоянном присутствии Марины рядом, он тянул ее за собой на съемки то в Белоруссию, то в Прибалтику, то в Гагры, то на гастроли в Ленинград, то на Черное море – в Сочи, Ялту, в Одессу, то на свои концерты... Ее приводило в восторг, как ее Володю встречают, как радуются, поклоняются, как ему аплодируют, как любят и всегда ждут. Журналисту Леониду Плешакову Марина рассказывала, что «Володя старался показать мне как можно больше всего из того, что он любил, что было ему дорого... Он очень любил Москву и хорошо знал ее. Не традиционные достопримечательности, которые всегда показывают приезжим, а именно город, где он родился, вырос, учился, работал. Со всякими заповедными уголками, чем-то близкими и дорогими ему... Мы очень любили вечерами бродить по московским улицам. И что больше всего меня поражало, если хочешь, изумляло, покоряло: чуть ли не из каждого окна слышны были Володины песни...»

Она была благодарна Владимиру за отношение к ее сыновьям: «Он открыл им Россию. Если бы не он, им, может быть, никогда бы и не довелось ее увидеть... Володино влияние было колоссальным. Мои сыновья обожали его, если не сказать – боготворили. Он не был им отцом по крови, но они, может

быть, даже сильнее, чем можно любить отца, любили его — как друга, своего парня, как брата... Особенно любил его мой младший — Володька...»¹³⁷ «Они тогда были маленькие и тянулись к Володе, как крошечные зверечки, ласкаясь и получая нежность и ласку, доброту и сердечность, — вспоминала Марина. — И только потом, позже, когда подросли, поняли, с каким человеком их свела судьба, великим человеком, которого они и поныне называют отцом. Хвастают, словом...»¹³⁸

Марина Влади знала наизусть весь таганский репертуар. Особенно часто смотрела «Гамлета». Алла Демидова в своей книге «Высоцкий, каким знаю и люблю» описывает характерную сценку: «После антракта, перед началом второго акта, мы сидим с Володей на гробе, ждем третьего звонка и через щель занавеса смотрим в зрительный зал. Выискиваем одухотворенные лица, чтобы подхлестнуть себя эмоционально. Показываем их друг другу... В зале сидит Марина Влади. Володя долго смотрит на нее, толкает меня в бок: «Смотри, моя девушка пришла». После этого всегда играл нервно и неровно...»¹³⁹

Известный постановщик кинотрюков Александр Массарский, случайно оказавшийся на съемочной площадке картины «Плохой хороший человек», был откровенно поражен первой встречей с Мариной Влади: «Высоцкий в гриме фон Корена готовился к очередном кадре и о чем-то беседовал с красивой женщиной, лицо которой мне показалось очень знакомым, — так бывает, когда встречаешь артистов в обычной обстановке, без грима и в повседневной одежде. Я наблюдал, как она заботливо поправляет ему прическу, пытался вспомнить, где мы могли с ней встречаться, и понимал, что мы не знакомы.

Она вела себя естественно, старалась не привлекать к себе внимание окружающих, никого не замечала вокруг и смотрела на Володю восторженным влюбленным взглядом. Она посмотрела в мою сторону, и я понял, что это Марина Влади. На ней было простое ситцевое платье, настолько скромное, что, когда по студии пошел слух о присутствии Марины Влади во втором павильоне и студийные девушки под любым предлогом заглядывали в декорацию, ожидая увидеть размалеванное «чудо», они равнодушно скользили взглядом по лицу актрисы, на котором не было вызывающей косметики, и разочарованно уходили, не узнав ее. Володя познакомил нас, и в это время его позвали к съемочной камере. Разговаривать с Мариной было легко, и вскоре мне стало казаться, что мы и впрямь с нею давно знакомы, но о чем бы мы ни говорили, она неизменно переводила разговор и все рассказывала или спрашивала о Володе...»¹⁴⁰

Порой, когда Высоцкий бывал не в форме, Марину использовали в качестве «неотложки», «скорой помощи», «спасательного круга». Ее разыскивали, где бы она ни была — и она молниеносно прилетала. Художник по костюмам Г. Ганевская, работавшая на съемках фильма «Четвертый», вспоминает, как Влади в пожарном порядке вызвали из Парижа в Прибалтику, так как исполнитель главной роли запил и «не мог остановиться... Она была единственным человеком на свете, имеющим на него влияние, оказывающая немедленное воздействие. Марина тотчас же прилетела, бросив все свои дела. И принялась выручать его и, значит, нас... Он никогда не давал нам понять, что ему трудно или плохо. На лице у него не отражались следы многолетнего разрушения орга-

низма, он нес это внутри. А владение собой у него было просто колоссальное...»¹⁴¹

По негласной договоренности, в дни отсутствия Марины в Москве жены и подруги самых друзей брали «шефство» над Владимиром Семеновичем, «буйной головешкой». Римма Туманова, жена Вадима Ивановича, разбирала мешки с письмами поклонников, классифицировала, писала коротенькие «сопроводиловки». Ругательные цидулки, которых тоже хватало, поначалу показывала, а потом стала выбрасывать их к чертовой матери. Она же считала себя «главной кормилицей» Высоцкого: привозила из Пятигорска в «белокаменную» фирменные куриные потрошки, чтобы приготовить любимый Володин супчик, угощала его маринованным чесночком. «Марина, — считала Римма Васильевна, — относилась ко мне очень хорошо... Правда, только потому, что я была женой Туманова...»¹⁴²

Жене Олега Халимонова Веронике иной раз тоже доводилось «дежурить у Володи в Матвеевской. У него бывали жуткие депрессии, он метался, не знал, куда деваться, рвался куда-нибудь уйти. И тут — говорит мне: «Я вспомнил: срочно надо на киностудию», — одевает курточку. А внизу машина. И если он в таком состоянии сядет за руль?! Я отвечаю обреченно: «Тогда я тоже с тобой поеду». Володя смотрит на меня: видит, что это серьезно: «Ну хорошо, я останусь. Господи, какая тоска!» Мне было так его жалко!...»¹⁴³

Во время гастролей театра в 1977 году в Марселе Высоцкий «ушел в пике». Его искали всю ночь напролет. Марина прилетела из Парижа. Несчастливого Гамлета отыскивали только на рассвете. Алла Демидова вспоминает: «...она (Влади. — Ю.С.) имела власть над ним. Он спал под снотворным до вечернего «Гам-

лета», а мы репетировали вариант на случай, если Высоцкий не сможет выйти на сцену. И... так гениально он не играл никогда — ни до, ни после... Это уже было состояние не «вдоль обрыва, по-над пропастью», а — по тонкому лучу через пропасть. Он был бледен как полотно. В интервалах между своими сценами прибежал в мою гримерную, ближайшую к кулисам, и его рвало в раковину сгустками крови. Марина, плача, руками выгребала это. Володя тогда мог умереть каждую секунду...»¹⁴⁴

«Марину, — рассказывал польский актер Даниэль Ольбрыхский, — я называл своей сестричкой. Я знаю, как ей приходилось трудно. Володя, приезжая в Париж, исчезал с Мишей Шемякиным — и еще хорошо, если дня на три...»¹⁴⁵

Исчезновения Высоцкий практиковал и в Москве. Нередко с Володарским. Последний с улыбкой рассказывал об одном приключении, сегодня курьезном, а тогда... Это произошло во время съемок «Арапа». Эдуард Яковлевич живописал: «Я уже выходил из запоя. Вдруг появляется Высоцкий пьяный! И все начинается сначала. Мы сидим у меня дома, пьем. Володя смотрит на часы и говорит: «Через три дня Мариночка прилетает». Продолжаем гудеть. На следующий день Володя опять смотрит на часы и говорит: «Через два дня Марина прилетает. Надо бы ее встретить». На третий день: «Через два часа эта сука прилетит!» Естественно, мы ее не встретили. Фарид, моя жена, отвезла Володьку на Грузинскую, чтобы он был там, когда из аэропорта приедет Марина. Он вернулся к нам ночью в разорванной рубашке: «Вот, любимую рубашку порвала». Наутро появилась Марина, в леопардовой шубе, роскошная, волосы по плечам. И на пороге говорит Фариде: «Дай мне де-

нег, я улетаю». Фарида говорит: «Ну ты посиди, отдохни, потом полетишь». Она хотела их помирить. Марина вошла. Села на кухне. На столе стояла бутылка коньяка. Она тут же себе налила, выпила. А мы сощаемся в комнате. Володя говорит: «Я слышу, как она пьет! Она выпьет последний наш коньяк!» Он встал, пошел на кухню. Протянул руку к бутылке. Марина тоже хватается бутылку. Идет молчаливая борьба. Он все-таки вырвал, победоносно вернулся в комнату, и мы ее прикончили. Марина говорит Фариде: «Так нельзя. У Володи спектакли, фильм, его нужно выводить. Надо что-нибудь придумать»¹⁴⁶.

Короче говоря, Высоцкий вернулся на кухню и потребовал водки. Марина сказала, что водка есть, но не здесь, а в Склифе. Друзья были уже такие хорошие, что последовали совету мудрой Марины. Приехали. А там все ребята знакомые из бригады реанимации, сообразили, что нужно делать. Первым делом увели куда-то Владимира Семеновича, сделали укол, повели в другую процедурную. Увидев Володарского, замогильным голосом сказал: «Беги отсюда, ничего здесь не дают». Знаменитый сценарист, недолго думая, вылез в окно — и сбежал. На следующий день ему позвонила Марина и пригласила на чай. Володарские приехали. Высоцкий сидел хмурый с фингалом под глазом, объяснил: санитар врезал...

Считать, что все поголовно млели и таяли при виде «звездной пары», было бы безусловной ошибкой. Актер Станислав Садальский (Кирпич в сериале «Место встречи изменить нельзя»), вспоминая, как на съемках в Одессе он, ерничая, нахально вопрошал, в упор глядя на Марину Влади, что это, мол, за толстая тетка маячит там на съёмочной площадке?..¹⁴⁷ В своей книжке «Дебил-шоу» Садальский до-

полнял сцену такими деталями: «Марина Влади обратилась к Владимиру: «Долго мне здесь, как говну в проруби, болтаться?» Все, естественно, знали, что это Влади, но мне захотелось выпендриться:

— Володя, скажите, а кто эта толстая тетка?

— Ты что, ох?.. Это Марина Влади! — заткнул меня бард. (Простите, но Высоцкий выразился именно так.)»¹⁴⁸

Евгений Шутов, сыгравший в фильме роль старшего следователя Панкова, вспоминает те съемки иначе. Марина? Она очень естественная и добрая. Привезла из Парижа сигареты «Винстон» и всех нас угощала. Володе привезла джинсовый костюм, настоящий, это тогда очень модно было. Вообще-то Марина — женщина решительная и уважающая себя, свою личность... Они с Володей уехали из Одессы на далекие острова — Таити. Высоцкий должен был вернуться, наверное, недели через три-четыре. Смотрим, очень скоро он появился. В чем дело? Оказалось, в тех краях много алкогольных соблазнов, он и не выдержал... Из-за этого они и рассорились...»¹⁴⁹

Бизнесмен Бабек Серуш, как и многие другие, считает, что «Марина... открыла ему дорогу на Запад. Володя увидел мир — и не глазами туриста, а глазами человека, который там жил. А это очень важно. Потом Марина, конечно, его дисциплинировала. Если у Володи случались срывы, загулы, — он старался, чтобы она не узнала об этом...»¹⁵⁰

Открывала «дорогу на Запад» Высоцкому, конечно, Марина. Но реально «шлагбаум» находился в руках чиновников. Впервые они подняли эту полосу палку перед Высоцким в апреле 1973 года.

«Перед выездом в загранку заполняешь кучу бланков...» — об этом Высоцкий знал давным-давно. И по-

шло-поехало: заявление-анкета, характеристика с места работы, справка из домоуправления, приглашение: «Я, нижеподписавшаяся, Марина-Катрин... приглашаю на полное материальное обеспечение своего мужа, Высоцкого В.С. ...» (представьте, какво ему это было читать. – Ю.С.) и т. д.

В конце концов, через четыре года Высоцкому были дозволены многократные выезды к жене по «заявлению в произвольной форме». Как писал поэт, «*мне такое не мнилось, не снилось!..*»

По мнению кинорежиссера Станислава Говорухина, «это была красивая, длившаяся много лет духовная связь двух бесконечно талантливых людей. Марина пыталась замедлить его бешеный темп – вдвоем трудно так быстро нестись по жизни. Отчасти ей это удалось. Во всяком случае, она продлила ему жизнь...»¹⁵¹

Аналогичной точки зрения придерживался еще один «математик» – режиссер киностудии «Беларусьфильм» Виктор Туров: «Я думаю, что Марина Влади минимум на шесть-восемь лет продлила ему жизнь...»¹⁵² «Она своими приездами, своими связями спасала его, – считает и Борис Хмельницкий. – Если бы не она, он ушел бы намного раньше. Мы-то знаем...»¹⁵³

Даже «Шарапов» – Владимир Конкин рассказывал о Влади: «Она мне говорила, что показывала Володю лет за 5–6 до этого в лучших клиниках Парижа. Занималась его здоровьем, но врачи уже тогда предполагали, что он проживет Максимум 6–7 лет. Он прожил 10»¹⁵⁴.

Вот уж никак не подозревал, что у Конкина такие напряженные и скверные отношения с арифметикой...

Весьма проницательным в оценке взаимоотношений Влади и Высоцкого был взгляд актера, режиссера и литератора Леонида Филатова: «Масштаб его истинный обнаружила только Смерть. Вот такой обрыв – бах! Думаю, этого не предполагал никто. Ни папа, ни мама, ни даже, рискну предположить, Марина. Потому что, какая она ни русская, но все-таки «не наша». Поэтому понятие «слава» для нее в чем-то другом. Но когда она увидела это сумасшествие – как ахнула вся страна!..»¹⁵⁵

Валерий Золотухин высмеивал тех, кто пытался представить роман Высоцкого и Влади неким мезальянсом: «Что за ерунда! Лучшим подтверждением Володиных чувств является его любовная лирика. Глядя в потолок, ничего не испытывая, человек вряд ли напишет: «Двенадцать лет тобой храним...» Стихи – они всегда идут от сердца, из души. Другое дело, что любовь не вечна, и с годами страсть проходит. Высоцкий был чертовски обаятельным человеком, женщины его обожали, да и он – натура увлекающаяся. Марина многого не знала из его донжуанского списка, да и Володя, думаю, не подозревал, чем живет без него Марина...»¹⁵⁶

Мариной Владимировной и восхищались и, как водится, ненавидели, или, говоря чуть мягче, терпеть не могли. Юрий Нагибин, Нина Ургант, Лариса Лужина, Володарский, Шемякин... Нет-нет, никто, разумеется, не смеет отнять у них этого недоброго права.

Юрий Нагибин в посмертно опубликованных «Дневниках» злорадствовал: «Марина Влади проповедовала у нас на кухне превосходство женского онализма над всеми остальными видами наслаждений.

В разгар ее разглагольствований пришел Высоцкий, дал по роже и увел...»¹⁵⁷

Имела свои счеты и претензии к Марине Влади и **Нина Ургант**. Она, скажем, с оттенком брезливости помнит, как «Марина решила подарить Володе на день рождения трусы... длинные, до колен. «Зачем так унижать человека?» — спросила я. Она рассмеялась: «Он пришел ко мне в таких в первую ночь...» Он всегда хотел ей соответствовать. Заработает 20–30 рублей, и тут же ей отдаст. А она, как русская баба, хватить их и за пазуху. Вот такая она, великая французская актриса. Не люблю я ее...» По мнению Нины Николаевны, Марина «понимала, кто такой Володя Высоцкий... Она была типичная француженка, очень расчетливая, себе на уме. И в ее любви к Высоцкому был свой расчет...»¹⁵⁸

Ургант считает, что Марина Влади не так уж старательно стремилась уберечь мужа от пьянства. Актриса рассказывает: «...Я болела воспалением легких, ко мне из театра приходила медсестра Зиночка ставить банки... Володя заходит ко мне в комнату: «Ниночка, твоя медсестра может вынуть мне ампулу?» (Он тогда «подшивался» от спиртного.) Спустил джинсы, а в верхней части ягодиц огромная воспаленная гематома. Я сразу позвала Зиночку, та посмотрела: «Надо срочно вытаскивать — иначе заражение крови!» Вытащила, обработала рану, зашила. И тут возвращается из магазина Марина, принесла какие-то продукты и шампанское. Я к ней: «Маринка, представляешь, Володьке пришлось ампулу вытаскивать! Что же делать?!» А она с радостью: «Вытащили? Тогда давайте выпьем шампанского!» Достает бокалы и наливает Володе. Зачем?! Я ее чуть не убила»¹⁵⁹. Георгий Юнгвальд-Хилькевич подтверж-

дал: «Марина... сама выпивала. Настаивала, чтобы он не пил, убеждала его, но в доме все время была водка...»¹⁶⁰

Окончательно добил Нину Николаевну эпизод с Мариниными «сигаретками»: «Однажды я увидела у нее необычную сигарету. Захотелось попробовать, тогда же дорогие импортные сигареты можно было купить только за доллары. Попросила: «Марина, угости!» Она улыбнулась: «Ты не станешь это курить». — «Ну, мне хочется. Жалко, что ли?..» — «Нет, не жалко — бери». Я сделала затяжку, тут же «поплыла» и отбросила сигарету». Потому что хоть и курильщица, но не наркоманка»¹⁶¹.

Михаил Шемякин, напротив, считает, что «самое большое несчастье в жизни Марины — это было узнать, что, кроме алкоголизма, Володя стал страдать еще и наркоманией. Шприцы она обнаружила у него случайно в кармане, когда он «отключился» после выпитого, и это, конечно, был страшный день в ее жизни. Она поняла, что это конец, потому что соединение наркотиков с алкоголем приблизило его кончину. Володя проклинал алкоголизм, от которого он безуспешно пытался избавиться. Мы с ним вместе подшивались, поскольку я сам тоже страдал запоями, и Марина, ожидая его и нервничая у телефона, тоже стала спиваться. Она подшивалась у того же врача...»¹⁶²

Питерская актриса признает, что поначалу у Высоцкого и Влади был период безоглядной влюбленности. Марина его... «прихватила» — ну кто же откажется от такой красивой, сексапильной, к тому же знаменитой француженки?.. Нина Николаевна полагает, что «в ее любви был свой расчет: ей хотелось сделать Высоцкого ручным, домашним. Помню, как

она самолетом везла из Франции ручки, задвижки, крючки, гвозди для их новой квартиры. Хотела свить с ним гнездышко. А он же принадлежал всем, не подчинялся никому...»¹⁶³

А некоторые, напротив, подозревали в прагматизме как раз Высоцкого. Частный переводчик Давид Карапетян вообще самоуверенно считает, что «жениться на иностранке подвигнул его мой пример. Он видел, что такое жена-француженка, сколько благ это сулит (моя Мишель много раз вытаскивала нас из всяких пьяных историй). И тоже решил попробовать...»¹⁶⁴

У Нины Шацкой были свои причины недолюбливать Влади едва ли не с первых дней знакомства. Ревность, что ли, сказалась? Обида за Люсю? Все вместе, наверное. Своему тогдашнему мужу Золотухину она выговаривала: «Бездарная баба, а вы ее облизываете все, просто противно, а ты больше всех унижался, как ты гнул спину... Я зауважала Высоцкого, он хоть не скрывает своих чувств, а ты все время старался спрятать их и оттого был еще меньше, жалким...»¹⁶⁵

Людмила Абрамова, естественно, не питала никаких теплых чувств по отношению к Влади. Но свою неприязнь проявляла как бы косвенно, говоря, что после шестидесятых «он перестал быть веселым, смешливым, может быть, оттого, что плохо себя чувствовал, или друзья, окружавшие его, уже не располагали к веселью. Рассказывал остроумные истории, но сам не смеялся. Однажды ехал в автобусе с другом и стал читать из газеты беседу Брежнева с журналистом. Сидевшая около публика просила «сделать погромче», думая, что это радиоприемник, а Володя даже не улыбнулся...»¹⁶⁶

Упоминавшийся ранее альпинист Леонид Елисе-ев тоже не особо жаловал Марину, то и дело сравнивая ее с Люсей Абрамовой: «Пристегнутый» к Влади Володя не был тем рубахой-парнем с душой нарасташку, готовым первым оказаться там, где трудней и опасней, каким он был в горах. Невольно припомнился и другой характерный случай, когда Володя со Славой (Говорухиным. – Ю.С.) случайно встретили мою жену. Володя отобрал у нее большой чайник и понес, не стесняясь, по улице Горького. И так, с чайником в руках, появился на пороге моего дома на Неждановой. Теперь же словно что-то подломилось... Я... видел в ней причины, вследствие которых Володя не с нами, как раньше. А душевное признание мною Марины я ощущал бы предательством по отношению к матери Володиных детей. Мне ясно, что не было бы Марины – не было бы и засто-лья. Для всех очевидно, что многие считали за счастье пригласить мировую кинозвезду к себе в дом, на дачу, в ресторан... Прошло несколько лет (после 69-го. – Ю.С.). Мы встречались редко. В основном в Доме кино. Володя всегда приходил с женой, был приветлив, но былой дружеской радости не проявлял – его сдерживали невидимые вожжи Марины, которые я чувствовал...»

Актрису **Ларису Лужину** также многое раздража-ло в Марине Влади. Например, то, что, когда последнюю спрашивали о песне «Она была в Париже», она, как правило, уклончиво отвечала: «По-моему, эта вещь была написана для кого-то из ваших артист-ток – кажется, для Тамары Семиной. Хотя, возможно, я ошибаюсь». Если зрители громко уточняли: «Для Лужиной», парижанка, поджав губы, резко за-крывала тему: «Возможно»¹⁶⁷.

Художник Михаил Шемякин, «друг-товарищ» Высоцкого, считает, что Марина просто ревновала его. «Она была оскорблена, что Володя написал песню «Французские бесы», в которой она отсутствует. Она собрала чемодан — и хлопнула дверью... Не забывайте, кем была Марина в те годы для всех русских ребят! Молодая колдунья! Которая сегодня для меня превращается в ведьму. Колдунья очаровывает, околдовывает Володю. Как мы смотрели на людей из скачкового Парижа! Марина была безумно красивой... У них была большая любовь — страсть...»¹⁶⁸ Ранее живописец рассказывал эту же историю примерно так же, но чуть подробнее и подобнее: «Володя вернулся в Москву и здесь написал «Французские бесы». И когда он утром — радостный! — прочитал это Марине, она сказала: «Ах, вот как! Я тут мучилась, а песня посвящена Шемякину?! И обо мне вообще ни слова! Вы негодяи...» Они поскандалили — Марина улетела в Париж. Володя бросился вслед за ней, прилетел — и сразу ко мне. Вот тогда он и спел эту песню...»¹⁶⁹

«Она пыталась перенести на русского мужа свое трезвое — во всех смыслах — отношение к жизни, — анализировал «парижские» отношения Влади и Высоцкого Шемякин. — И считала, что именно рационализм, настойчивость, сильный характер ограждали Высоцкого от более раннего ухода. А он, умом понимая, где и кто его спасение, душой рвался в Большой Каретный...»¹⁷⁰

А чуть раньше он говорил: «Я знаю, что Володя всегда был благодарен Марине за то, что она действительно сначала спасала его от алкоголя, а потом, конечно, безуспешно, пыталась бороться... с его пристрастием к морфию. Таким образом он пытался

как-то себя поддерживать для того, чтобы работать. Но это, конечно, его убивало. И для Марины, и для всех нас это была большая трагедия. Я в своем первом некрологе сказал, что мы все должны быть благодарны Марине за то, что 12 лет она спасала его для нас, для творчества и для России...»¹⁷¹

Жена Шемякина Ревекка также считала, что «Марина... ревновала... Володю только к Мише. А к нам с Дорой (дочь Шемякиных. — Ю.С.) она его отпускала спокойно. Было исключительно уютно: я лепила, стояла у станочка. А Володя лежал на диване... и читал...»¹⁷²

Эдуард Володарский считал, что «последние два года дело шло к разрыву, он уже изнемогал под ее гнетом. Характер у Марины стальной — недаром все предшествующие мужья, когда о ней заходит речь, крестятся и плюются. Она сама рассказывала, как однажды повела Володьку к психологу, чтобы вылечить от запоев. Побеседовав с Высоцким, врач пригласил ее: «Мадам, дела вашего альянса довольно плохи, в представлении мужа вы являетесь собой огромную черную тучу». «Мадам» впала в бешенство: «Представляешь, какой идиот? Сказал, что я туча! Какая еще туча?!»¹⁷³

Упрекая Марину Влади в излишней жесткости характера, «хищности», Володарский как будто и знать не хочет предсмертных слова своего друга: «Я жив, двенадцать лет тобой и Господом храним...» И с усмешкой вспоминает о «молодеческих шалостях»: «...Мы с ним пускались в загул. Чудовищно куролесили по всей Москве. Нас Марина с милицией искала. Сидим, пьем. Вдруг телефонный звонок — вбегает хозяйка квартиры и говорит нам, как революционерам-подвольщикам: «Володя, Эдик, смывайтесь!

Сюда Марина едет с милицией!» Мы смывались. Минут через пятнадцать врывается Марина и громовым голосом спрашивала: «Где он? Где этот мерзавец?!» Но для нее искать его по друзьям было страшно унижительно. Несмотря на то, что она русская, но все-таки французская женщина. Притом артистка, и тогда очень знаменитая... Она с ним какое-то время справлялась, и то в последние года три у них все шло к разрыву. Причем больше рвался он...»¹⁷⁴

Володарский частенько возвращался к этой теме в своих воспоминаниях: «В последние года три он вообще хотел с ней развестись. Высоцкий Марину боялся!.. Он хотел от нее слинять... Наркотики тоже сыграли роль немалую в их разрыве... Влади могла перекрыть Володе кислород наглухо. Она показала себя абсолютной террористкой! Такая может переступить через что угодно...» И далее драматург упрекал «коллегу» по перу: «В той книге Влади все врет! Никаких «Мерседесов» она Володе не покупала. Кроме курточек и джинсов, ничего ему из-за границы не привозила... Когда Влади приезжала в Москву, денег здесь вообще не тратила. Володька разбивался в лепешку, чтобы дом был полной чашей. Марина даже улетала обратно во Францию на деньги Высоцкого... Ее значимость за границей у нас сильно преувеличивали. Там она считалась средней артисткой. Правда, удачно снялась в «Колдунье». У Марины были достаточно тяжелые времена... Володя, когда ездил во Францию, возил через границу по 10–15 цветных телевизоров «Шилялис». Я лично помогал грузить их на таможне. В Париже эти телики почему-то пользовались бешеным спросом. Их продавали через комисионки. На вырученные деньги Марина жила. Таможенники на эти манипуляции закрывали глаза...

За франк она готова удавить кого угодно. Чисто французские дела...»¹⁷⁵

Ну, тут Эдуард Яковлевич несколько погорячился, по-моему. Навряд ли «Шилялисы» могли служить главным источником существования активно востребованной западноевропейской актрисы.

Упомянувшийся уже Игорь Пушкарев придерживается прямо противоположной точки зрения. Он считает, что Марина попросту развратила Высоцкого своими диковинными, заморскими подарками: «Мы все тогда жили более чем скромно. Иномарок ни у кого не было. А Высоцкому еще в 68-м году Марина стала привозить из-за границы первые машины-презенты. И друзья (видимо, Пушкарев себя, прежде всего, имеет в виду? – Ю.С.) стали отходить на второй план... Когда они сошлись, многие из нас не поверили в серьезность их отношений. После случившегося мы стали потихоньку отдаляться...»¹⁷⁶ Давид Карапетян также считал: «Она баловала его, задаривала подарками из бутиков, шмотками, которые ему не шли. Все началось с этих безобидных вещей, но именно они его неузнаваемо изменили...»¹⁷⁷

Ну, если касаться материальных проблем, то тут, как писал поэт, «*есть множество мнений*». «Деньги от Марины – это чистая иллюзия», – утверждал Валерий Янкович, один из импрессарио Высоцкого, которому как никому другому были доподлинно известно содержание бумажника и финансовое самочувствие певца.

Близкий Вадиму Туманову Юрий Емельяненко, в свое время частенько навещавший дом на Малой Грузинской и вблизи наблюдавший семейную жизнь Высоцкого, имел свое мнение: «Он и любил ее, и, действительно, потом уже, под конец, и страх по-

явился. Потому что для Володи Марина была как символ связи со всем миром, контактов и возможностей всяких, а ему без этого просто жить невозможно было... И Марина становилась все взрослее и мудрее, а Володя становился все более инфантильнее и ребячливее. Он не видел, кто рядом с ним, он сам себе создавал кумиров, сам в них влюблялся. И об этом мне постоянно говорила Нина Максимовна...»

Известный целитель из татарского села Старое Аракчино Ильдар Ханов, лечивший Хрущева, избавивший от геморроя другого генсека — Брежнева, помогавший с решением медицинских проблем Святославу и Девику Рерихам, знал Высоцкого еще со студенческих лет. Он рассказывает, что «трагедию его жизни я и в самом деле видел уже тогда. Зло пришло от Марины Влади. И самое ужасное — я никак не мог это предотвратить...»¹⁷⁸

Елена Садовникова, которая профессионально занималась «историей болезни» Высоцкого, сообщала, что у нее сохранилось несколько записок и письмо Высоцкого, в котором он откровенно ей признавался (при всей своей закрытости): «Наши отношения с Мариной напряжены, на грани разрыва, и мне это страшно горько...»¹⁷⁹

Известный администратор «Москонцерта» Нина Обухова, на чьи воспоминания уже приходилось ссылаться выше, прямо говорила, что Марина Влади «пыталась внушить ему ложный образ, стала для него кривым зеркалом. Как-то Саша Хочинский (питерский актер. — Ю.С.) приехал, давно не виделся с Володькой, они же такими друзьями всегда были. И вот он идет навстречу Высоцкому: «Привет, Володька!» А тот в кожаной кепочке, в модной дублен-

ке, раз — и оборвал: «Владимир Семенович!» Сашка: «Вот так круто?» Высоцкий: «Да, я знаю себе цену»... Влади загоняла его вконец: по 5 концертов в день играл человек. Деньги на нее зарабатывал. Надорвался. И все-таки в глубине души он оставался собой. Когда я выходила замуж, отозвал меня и сказал, глядя в сторону: «Нина, заводь детей. Дети — это так важно. Это такая опора — семья. Я знаю — я плохой отец (помолчал). Но я так их всех люблю»¹⁸⁰.

Бывший партнер Высоцкого по сцене Николай Губенко также неслестно отзывается о Марине Владимировне: «Высоцкий много пил, но потом ушел из алкоголя на наркотики, к которым его приобщила Марина Владимировна и ее старший сын. Так что когда после смерти Володи Марина стала говорить, что она была его ангелом-хранителем, это не совсем так. Конечно, ничего об этом нет и в ее книге, которую она написала в память о Володе. Но все окружение Высоцкого про роль Марины знает...»¹⁸¹

Первые, еще робкие претензии к Влади сыновья Высоцкого высказали еще на «девятых» памяти отца (Москва, Малая Грузинская, 28). И даже не к Марине. А к собравшимся на печальную тризну взрослым людям, которые, рассыпаясь в комплиментах к Влади, не сочли возможным вымолвить хотя бы одно доброе слово в адрес их матери. Старший сын, Аркадий, встав, сказал тихо и проникновенно: «Конечно, папа Марину очень любил. Марина очень любила папу. Но тут никто еще не говорил — ни в первый день, ни сегодня — про нашу маму. Хотя наша мама не «открыла ему мир» и не возила его по заграницам. Она — простой человек. Но она очень его любила. Тоже. И до сих пор его очень любит. И он ее очень любил. И поэтому странно, что друзья старые,

которые и его, и ее знали очень давно, никто ничего не сказал. Хочу, чтобы за маму тоже выпили...»

Сидевшие за столом взрослые несколько смешались, горестно поохали, как бы соглашаясь со своей промашкой, попытались утешить, а родительница Всеволода Абдулова робко заметила: «Я думаю, что много еще не сказано... Много прекрасного останется...» На том все и закончилось...

В свое время, после ухода Владимира Семеновича к Влади, Нина Максимовна Высоцкая попыталась наладить отношения сыновей с отцом. «Она трепетно относилась к традициям семьи, — рассказывал Никита, — старалась их поддерживать. Даже хотела подружить нас с Мариной Влади. Но не получилось. А отец и не настаивал. Раза два-три мы общались с ней, пока он был жив. Несколько раз по телефону после смерти, и все. Запретного для нас с братом в их отношениях ничего не было. Просто не сложилось. Он, думаю, просто увидел, что мы к этому не готовы... Марина — главный персонаж его жизни, она сыграла большую роль, много для него сделала. Он ее любил. Благодаря ей он много ездил по миру, общался с интересными людьми...»¹⁸²

После выхода в Советском Союзе книги «Владимир, или Прерванный полет» между Мариной и родственниками Высоцкого возникли, мягко говоря, напряженные отношения. Первый скандал произошел в начале 1989 года во время пресс-конференции Марины Влади, посвященной презентации книги, в театре-студии «У Никитских ворот». Мероприятие продолжалось уже более двух часов. «Уставшие журналисты уже закрывали свои блокноты. Неожиданно со своего места поднялся молодой человек. Несколько мне удалось понять из сказанного Никитой

Высоцким, — делился своими впечатлениями один из журналистов, — семья отказывалась признать недостатки поэта, о которых рассказала Влади. Вызвало недовольство и то, как Марина повествует о взаимоотношениях Высоцкого с семьей. Влади обвинялась в погоне за громким именем и деньгами. Сыновья Высоцкого покинули застывший зал.

— Я устала от всего этого, — горестно сказала Марина...»¹⁸³

Спустя почти полтора десятка лет Никита Владимирович скажет: «...Судиться с ней собирался не за творческое наследие отца, а за клевету на моего деда... Марина в своей книге... не очень хорошо отзывалась о Семене Владимировиче — написала, что он якобы «стучал» на своего сына... Это чудовищная клевета. После этого деда до конца дней травили звонками с угрозами, незнакомые люди писали ему оскорбительные письма. А ведь Марина ничего толком не знала о нашем деде... Да, дед был очень тяжелым, взрывным, темпераментным человеком. Безусловно, между ним и отцом могли быть и ссоры, и оскорбления, но я при этом не присутствовал... Меня... книга Марины возмутила...»¹⁸⁴

Книга Влади, словно топором, расколола надвое армию друзей, товарищей, знакомых, коллег и поклонников Высоцкого, став непреодолимым водоразделом между неожиданно возникшими враждующими лагерями. Одни восхищались пронзительной исповедью музы Высоцкого, других мемуары вдовы повергли в шок. Ханжи, мало осведомленные о некоторых, тщательно скрываемых от посторонних, деталях образа жизни Владимира Высоцкого, отказывались понимать: «Зачем все это нужно?!» Известная писательница **Виктория Токарева** назвала записки

Марины Влади книгой-мстью: «Марина воздала всем своим обидчикам, главному герою в том числе. Я убеждена: все, что написано в книге, — правда. Высоцкий был алкоголик и наркоман. Но зачем нам это знать? Для нас, русских людей, Владимир Высоцкий — это Спартак, который вел рабов к свободе... Нам не нужна бытовая правда. Она становится неправдой. Но вообще книга Марины Влади — это образец высокой бульварной литературы. Художественной ценности она не представляет, однако оторваться невозможно. Я чуть не опоздала на поезд...»¹⁸⁵ Не по нраву пришлось книга Влади Ивану Дыховичному, он даже сказал, что она извинялась перед ним по поводу некоторых погрешностей в тексте: «Наверное, чем больше клюквы, тем большие деньги можно сделать на книжке... Да Бог с ней, с Мариной...»¹⁸⁶

Любимов же высказался прямо: «Мне достаточно неприятны... мемуары Марины Влади. Так выворачивать наизнанку свою личную жизнь! Понятно, конечно, хочется, чтобы их книги покупали, хочется славы, скандала...»¹⁸⁷

Аркадий Высоцкий поначалу более-менее сдержанно относился к литературным упражнениям Марины Владимировны: «Многое из того, что написано Влади, — необъективно, жестоко по отношению к ныне живущим людям. Вообще, на мой взгляд, выступать с подобными оценками и трактовками, описывать личную жизнь известного человека довольно некрасиво, нескромно...»¹⁸⁸

Никита же был более категоричен в оценках «Прерванного полета»: «В то время, когда в Союзе вышла ее книга, мы просто не привыкли к литературе такого рода. Сегодня для меня было бы все равно, хоть напиши она, что я гомик, а мой брат — уголов-

ник с тридцатилетним стажем. Но в то время, когда печатное слово воспринималось как абсолютная истина, сразу же пошли наезды на родных и близких людей. Представьте, деду пишут: «Ты, старая сволочь, загубил сына...» Я думаю, она и сама в конечном счете поняла, что там масса ляпов, многое взято с чужих несправедливых слов...»¹⁸⁹

«Я не судья Марине, — говорил Никита Владимирович. — У нее был шанс пройти посередине. Если бы она прошла по этой грани, огромного количества грязи, сплетен, откровенной неправды об отце удалось бы избежать... Дело не в том, что мне не хотелось бы, чтобы люди знали, что отец пил. В нашей стране пьет каждый второй. А Высоцкий — один. Надо писать не о том, чем он похож на остальных, а о том, чем он отличался... В этой книге есть жуткие вещи о моем деде. Он так и умер с этим, оклеветанный. Отдавая должное Марине как женщине, которую любил мой отец, я считаю эту книгу скверной... При жизни отца я Марину видел пару-тройку раз. У нее была другая жизнь, которую я не понимал. Я с ней реально познакомился, когда отец умер. Тогда все были объединены этим горем, но с годами эмоции ушли в стороны, и люди разошлись. Я не думаю, что отец сильно переживал из-за того, что его дети не были близки с Мариной и ее детьми...»¹⁹⁰

Михаил Шемякин был на стороне сыновей поэта: «Когда вышла Маринина книжка, моя жена позвонила ей и сказала: ты ври, но не завирайся...»¹⁹¹ Но все же Михаил Михайлович признавал: «Женщин, конечно, в его жизни хватало, но любил он серьезно и сильно только одну — Марину Влади, хотя под конец его жизни отношения у них были довольно сложные...»¹⁹²

Певец, народный депутат Иосиф Кобзон назвал книгу Влади спекулятивной и вульгарной, гадостью. «Я не хочу знать, что происходило в интимной жизни Высоцкого. В трусах он сидел или без трусов, пил он в это время или курил? Какое мое собачье дело? Он для меня — бог и кумир!»¹⁹³

В свое время «Литературная Россия» чуть не полосу отвела разгневанному открытому письму «В угоду сенсации», подписанному ветераном труда, инженером М. Алхимовой, преподавателем литературы К. Нестеровой и членом союза журналистов СССР В. Цветковой. Милые, возможно, женщины, оскорбленные в своих лучших чувствах, со «всей пролетарской ненавистью» писали: «В любовь М. Влади можно было бы и поверить, если бы не унижающие достоинство ее покойного мужа натуралистические сцены, для которых автор не жалеет красок... Не пощадила М. Влади своего мужа и в чисто интимных подробностях... М. Влади отводит себе роль и этакого открывателя цивилизованного заграничного рая... Она... подчеркивает свою ведущую роль гида, знатока, спасительницы. Мысль, которая, можно сказать, подспудно навязывается читателю: это она, М. Влади, фактически создала Высоцкого... Непочтительнее всего, мягко говоря, Марина Владимировна отзывается о родителях Высоцкого и особенно о его отце — фронтовике, офицере... Допустим, отец мог разговаривать с сыном как угодно резко. А разве в других семьях этого не бывает?.. М. Влади была желанным гостем в нашей стране. Русское гостеприимство ей довелось испытать не раз. А вот чем она ответила на это доброжелательство и открытость?.. Немало занимают автора проблемы продовольственного и промтоварного дефицита

в нашей стране... Непонятное тяготение испытывает автор к самым «приземленным» темам — нашим расхлябанным дорогам, далеко не «эстетичным» общественным туалетам и, извините, толстым задам... Обидно...»¹⁹⁴

Марина Владимировна аргументированно отвечала заочным оппоненткам: «...Милосердие заключается совсем в другом... Родным Володи, находящимся... в раздоре со мной, скажу: бороться надо не со мной, а с теми, кто греет руки и наполняет карманы на имени Высоцкого...»¹⁹⁵

Она была оскорблена тем, что все ее многочисленные письма к Высоцкому из квартиры на Малой Грузинской пропали. «Они всплывают иногда, — рассказывала она Эльдару Рязанову. — Бывает, что мы покупаем пачки моих писем. Когда Володя умер, многие вещи, к сожалению, исчезли из дома... Меня... обвинили, что я продала все рукописи Володи... Все, что было написано Володей, я сдала ЦГАЛИ (теперь РГАЛИ — российский государственный архив литературы и искусства. — Ю.С.). Все, кроме его писем, написанных им мне...»

Есть все основания согласиться с авторитетным и непредвзятым мнением критика Крымовой, сказавшей о Марине: «Она человек честный. Через многое ей пришлось пройти, и многое было под секретом. Она очень буквально и точно описала то, что ей довелось пережить. Это надежный источник...»¹⁹⁶

В меркантильности, в погоне «за длинным рублем», долларом или франком Марину Влади мне, откровенно говоря, трудно заподозрить. Еще 27 февраля 1981 года между «гражданкой Франции де Полякофф Марина Катрин, проживающей — Франция, 10 АВ Марина Мэзон Лаффит, корпус 4, кв. 41»,

гражданином Высоцким Семеном Владимировичем, Высоцким Никитой Владимировичем... Высоцким Аркадием Владимировичем...» был заключен договор о разделе наследственного имущества. В собственность Н.М. Высоцкой и ее внуков переходили «накопления в жилищно-строительном кооперативе «Художник-график» (7179 р. 61 к.) ...и паенакопления в гаражно-строительном кооперативе «Художник-график» (1753 р. 43 к.). При подписании договора гражданка де Полякофф в возмещение полученного имущества (двух битых автомобилей) обязывалась выплатить определенные суммы наследникам и оплатить расходы по заключению договора...»

Вот так. Ни убавить, ни прибавить. Какие уж тут «Шилялись»...

Упомянувшийся выше конфликт Марины Влади с Эдуардом Володарским произошел вскоре после смерти Высоцкого. Камнем преткновения послужила та самая дача Владимира Семеновича. История некрасивая, дурно пахнущая, рассорившая многих ранее близких людей.

Строение нуждалось в официальном оформлении, так как до того хозяин участка «узаконил» дом в правлении кооператива, если помните, в качестве «архива и библиотеки». Руководство Моссовета пошло навстречу просьбе вдовы Высоцкого и приняло соответствующее решение о том, что дача в виде исключения будет передана его детям. «И вдруг Э. Володарский круто изменил позицию, — писали, обращаясь к общественности, авторы открытого письма — Марина Влади, Жанна Прохоренко, Всеволод Абдулов, Артур Макаров и другие. — Началась возня, в которой Э. Володарский повел себя недостойно. Пошли споры, разбор в правлении кооператива,

тяжбы... Сейчас от дома Владимира Высоцкого ничего не осталось. Лишь расписка-обязательство Э. Володарского выплатить некую сумму — стоимость строительных материалов. Выплачена она не была. Э. Володарский объявил, что опротестовывает свое обязательство. Не хотелось предавать все это огласке. Но коль скоро Э. Володарский выступил апологетом справедливого отношения к его умершему другу, мы сочли дальнейшее умолчание невозможным. Не ему выступать в этой роли...»¹⁹⁷

За «честь и репутацию столь известного и талантливого кинодраматурга» тут же вступились коллеги, среди которых были люди, хорошо знавшие Владимира Семеновича и даже сыгравшие какую-то роль в его судьбе. Среди них были актеры «Таганки» Иван Бортник, Леонид Филатов и Николай Губенко, кинорежиссеры Александр Митта, Сергей Соловьев, Андрей Смирнов и Эльдар Рязанов, фотохудожник Валерий Нисанов и другие, назвавшие точку зрения Марины Влади «огульными обвинениями». Володарский в своих многочисленных интервью теперь вспоминает, как еще во время строительства дома Эльдар Рязанов его предупреждал: «Эдик, ты не знаешь Марину! Дело у вас кончится херово. Ни одно доброе дело не останется безнаказанным. И наказанным будешь ты!»... А покойный писатель Юрий Трифонов якобы сразу после смерти Высоцкого ему говорил: «Эдик, разбери дом, хлебнешь такого! Ты еще не знаешь Марину». Звонил Юлиан Семенов: «Ты запомни, у нас участки неделимы, даже родственникам не разрешают это делать»¹⁹⁸. На всякий случай Володарский к «обойме» славных имен добавлял и покойного Зиновия Гердта, который будто бы предупреждал его, что он плохо знает норы Марины. «К день

гам она относилась очень строго, за что Зяма Гердт называл ее «буржуазка». Зяма ее не любил...»¹⁹⁹

Потом сыновья Высоцкого поднялись, горой встали на защиту «дяди Эдика». Жаль только, что, объясняя свой шаг, Никита Владимирович Высоцкий был как-то не очень убедителен: «Просто Эдуард Яковлевич вспыльчивый человек...»²⁰⁰

В общем, вся эта публичная перепалка, взаимные упреки выглядели неприглядно, вздорно, тошнотворно...

Тяжбы продолжались и позднее. Дошло и до судебных разбирательств. В конце декабря 2000 года Тверской межмуниципальный народный суд ЦАО г. Москвы рассмотрел иск сыновей Владимира Семеновича и их бабушки Нины Максимовны к региональной общественной организации «Творческое объединение «Ракурс», ЗАО «Общественное Российское Телевидение» о защите авторских и смежных прав. К ответу были призваны автор фильма «Владимир Высоцкий. История любви. История болезни» Солдатенков и, естественно, Марина де Полякофф. Истцы утверждали, что демонстрацией по ОРТ указанного фильма грубо попораны их права наследников, указывая при этом, что Нине Максимовне принадлежит 1/5 доля авторского права, а Никите и Аркадию по 3/10. С каждого из ответчиков истцы требовали взыскать по 41745 рублей в свою пользу. Однако в иске суд отказал...

Но, думаю, все упреки и претензии в адрес Марины Владимировны перечеркивает письмо ее мужа Владимира Высоцкого, написанное им незадолго до смерти: «Мариночка, любимая моя, я тону в неизвестности. У меня впечатление, что я смогу найти выход, несмотря на то, чтобы я сейчас нахожусь в ка-

ком-то слабом и неустойчивом периоде. Может быть, мне нужна будет обстановка, в которой я чувствовал бы себя необходимым, полезным и не больным. Главное — я хочу, чтобы ты оставила мне надежду, чтобы ты не принимала это за разрыв, ты — единственная, благодаря кому я смогу снова встать на ноги. Еще раз — я люблю тебя и не хочу, чтобы тебе было плохо. Потом все станет на свое место, мы поговорим и будем жить счастливо. Твой В. Высоцкий»²⁰¹.

После 25 июля 1980 года у Марины Владимировны было две заветных мечты: установить на могиле Высоцкого вместо обычного памятника вросшую в землю глыбу гранита, в которую врезался бы осколок метеорита с брызгами от него по камню. И чтобы было выбито только одно слово: «ВЫСОЦКИЙ». «Это был бы памятник-символ, лаконичный, но говорил бы он гораздо больше, чем те, где хотели передать портретное сходство...»²⁰² По просьбе Влади Вадим Туманов сумел отыскать в тайге нечто соответствующее идее Марины. Но, увы... Мечта осталась красивой сказкой.

А вторая... Среди родни Высоцкого накануне похорон зашелестел шепоток, что Марина намерена увезти с собой во Францию сердце Владимира. Они не отступали от нее ни на минуту. Как утверждал В. Янклович, она даже договорилась со знакомым фельдшером Игорем Годяевым, чтобы он вырезал сердце прямо в реанимобиле... В общем, организаторам похорон удалось успешно «похоронить» и эту Маринину мечту.

После смерти Высоцкого новым спутником жизни Марины Влади стал, по информации венгерского журнала «Фильм, театр, музыка»²⁰³, сперва француз-

ский режиссер Жан-Пьер Сантье. Но совсем на непродолжительное время. А затем рядом оказался известный врач-онколог Леон Шварценберг, с которым она познакомилась в поисках лекаря-кудесника для смертельно больного Андрея Тарковского.

Марина по-житейски, очень просто, без затей объясняет возникшую близость с Шварценбергом: «Когда я осталась без Володи, мне было 42 года. Жизнь продолжалась, я ведь не умерла. И через какое-то время, то есть через три года я встретила человека, который совершенно другой. Он старше меня на 15 лет, он полюбил меня и смог помочь мне в ужасной трагедии, которую, я пережила, потеряв Володю. Он дал мне возможность жить и работать, и чувствовать себя нормальной женщиной... Я стала работать как сумасшедшая. Все, что мне предлагали, брала, брала, брала... Я думаю, что никакой другой человек не мог бы мне помочь так. Очень многие люди его знают. Он большой врач, профессор-онколог, но он и гуманист тоже. Он очень крупный человек в смысле социальных проблем. Он был министром здравоохранения Франции. Он занимается политической. Он — личность. И я очень горжусь тем, что я рядом с ним. Сейчас он защищает бездомных людей. Эти несчастные ломают двери пустующих домов и занимают их. Леон в гуще событий. Его бьют полицейские... Он очень храбрый человек. Считаю, что, живя с человеком таких высоких моральных качеств, я не оскорбляю Володю. Наоборот!...»²⁰⁴

Марина, безусловно, пребывала в жуткой депрессии после смерти Высоцкого. Видя ее состояние, Шварценберг бросил все, ушел от жены и сына, оставил им свой дом и попросил Марину временно приютить его. Она согласилась.

Их связь обнаружилась случайно. В жизни Шварценберга настали «черные дни». Французская пресса на все лады стала обвинять врача то во взяточничестве, то в саморекламе за его приверженность идее эвтаназии (умерщвлении врачом безнадежных больных по их просьбе). Влади как-то в радиоинтервью задали вопрос о ее отношении к «делу Шварценберга», и она неожиданно для слушателей объявила, что уверена в честности этого человека, так как с ним живет и хорошо знает его. Даже для Парижа это откровение стало шоком.

Российские же почитатели таланта Высоцкого долго не могли простить Марине Владимировне «измены» Высоцкому. Хотя профессор всегда вел себя максимально корректно. Во всяком случае, никогда не упрекал Марину, что в их доме на почетном месте висел портрет ее покойного мужа, что постоянно звучали его песни, что она перечитывала его старые письма. Для него не было откровением публичное признание Влади: «Без всякого сомнения, Владимир был самой большой страстью моей жизни. Конечно, я любила и других мужчин, но любовь-страсть — это он...»²⁰⁵ Увы, душевный покой Влади продлился не столь уж долго. Леон Шварценберг скончался осенью 2003 года, чуть-чуть не дотянув до своего 80-летия.

Марина Владимировна говорила: «Я думаю, что всю жизнь была прежде всего женщиной, а не актрисой. Больше всего меня интересует собственная жизнь: мои дети, мои мужья. Но я ничем не жертвовала. Я родила детей, я долго их воспитывала, потом снова снималась... У женщин очень много обязанностей. Надо быть и матерью, и женой, и профессионалом...»²⁰⁶

Вблизи своей усадьбы Мэзон-Лаффит она купила дома для своих сестер. Одно время рядом жили и ее сыновья. Петр снимался в кино, играл в театральных постановках отца — Робера Оссейна. Игорь, кроме лицедейства, увлекся живописью, классической гитарой. Самый младший — Владимир — стал фермером, купил ранчо в пустыне Чако (где-то на границе Бразилии и Парагвая) и занимался разведением коров. Естественно, всех их сопровождали современные молодежные проблемы — наркотики, автокатастрофы, гулянки, нечаянные дети, их болезни и прочее...

Не беру на себя смелость толковать, кому были адресованы строки Владимира Высоцкого, написанные в 1971 году:

«А ты — одна ты виновата
В рожденьи собственных детей!..»

Марина Владимировна сегодня увлеклась сочинительством. Кроме «Бабушки» и бестселлера «Владимир, или Прерванный полет», были опубликованы ее романы «Путешествие Сергея Ивановича», «Мой вишневый сад», сборники «Рассказы для Миллицы», «От сердца к желудку», «Венецианский коллекционер». Она говорила: «Я вошла во вкус писательского дела. Похоже, это увлекло меня всерьез и надолго...»²⁰⁷

Еще до знакомства с Высоцким она профессионально занималась вокалом, даже записала несколько пластинок вместе с сестрами. Скажу больше: у нее было даже несколько сольных концертов в прославленной парижской «Олимпии». В интервью польскому журналу «Фильм» она признавалась: «В песне я — женщина из плоти и крови, смеюсь и плачу, люб-

лю и ревную. И в ней вовсе не деньги служат для меня вознаграждением...»

Только в 1983 году, спустя четырнадцать с лишним лет, Влади вновь вернулась в театр, не скрывая, что сцена для нее имела куда большее значение, нежели съемочная площадка. Играла Марину Цветаеву в спектакле «Пассаж», в «Вишневом саде», «Переходе» Ивана Морана. Была Гертрудой в «Гамлете». Поставила мемориальный спектакль о Высоцком с участием Всеволода Абдулова и Марка Розовского...

Одновременно активно снималась, в том числе и в Советском Союзе. У Станислава Говорухина — «В поисках капитана Гранта», Евгения Татарского — «Пьющие кровь». Можно вспомнить еще «Ветер над городом», «Сны о России»... («...*вот ведь парадокс и перегиб*» — все годы жизни с Высоцким она очень хотела сниматься у российских режиссеров, но, если не считать «Сюжета...», этого ни разу так и не случилось).

Не объясняя причин, Андрей Тарковский неожиданно отказался от своей идеи снять Марину в роли матери в фильме «Зеркало». Потом некоторые чиновники Гюскино прибегли к шантажу, заявив одному из режиссеров: мы согласны отдать главную роль Владимиру Высоцкому, но при условии, если его партнершей выступит Марина Влади. Владимиру Семеновичу подобное условие показалось унижительным, и от роли он отказался.

Потом Марина почему-то не вписалась в режиссерскую интерпретацию Иосифа Хейфица чеховской «Дуэли» («Плохой хороший человек»).

А она так мечтала сниматься вместе с мужем! Такое могло произойти, скажем, в фильме «Емельян

Пугачев». На главную роль пробовался Высоцкий. Марине же режиссер-постановщик картины Алексей Салтыков предложил исполнить Екатерину II. Казалось бы, чего еще желать! Однако, когда на роль Пугачева решили взять безопасного, но зато народного артиста Евгения Матвеева, Марина Владимировна проявила характер и отказалась от заманчивой роли российской императрицы. «Я мечтала об этой интересной работе, — рассказывала она, — но, увы, этот наш с Володей сон рухнул... Впрочем, как и многие другие...»²⁰⁸

Сейчас она говорит, что «в Россию мне ездить больше не хочется», что «для меня могила Володи ничего не значит, он у меня все время — до конца жизни — в сердце... На этой могиле мне вообще не хочется бывать из-за того ужасного памятника, который на ней стоит. Это оскорбление Володиной памяти, который ненавидел именно такой стиль...»²⁰⁹

В 1975 году вместе с Высоцким на студии фирмы «Мелодия» они записали два диска-гиганта. Тогда пластинки так и не вышли, хотя союзный министр культуры Демичев клялся-божился «ускорить процесс». А когда после смерти Высоцкого Марина стала интересоваться судьбой записей, то ее, вспоминал фотохудожник Валерий Плотников, попросту отшили: «А кто вы теперь такая? Так, вдова...»²¹⁰

В конце 90-х годов Влади продала свой старый дом и перебралась в Париж, на Монмартр. Объясняла просто: «Дом — это все. Я знала, что у меня есть дом, где мои дети, мама, но у меня были и другие дома: Россия, квартиры и коридоры, — где мы спали с Володей, — это тоже был наш дом. О чем говорить, когда ты имеешь возможность купить в 15 лет дом

и можешь там поселить своих сестер, родителей, друзей и собак, — конечно, это здорово. У меня все это было. И вот недавно я решила отсюда уйти, так как это было слишком тяжело, да и дети разъехались. Решила вернуться в Париж, где я родилась...»

Она, талантливая муза огромного дара Высоцкого, всегда придерживалась принципа: «Я кузнец своей судьбы. Но моя жизнь вовсе не такая удивительно счастливая. У меня очень много несчастий в жизни, которые связаны с бывшими счастьями... Я никогда ничего не стыжусь...»²¹¹

И гордилась тем, что: «Я умею любить. Это точно. Я умею любить потому, что отдаю все. Но и беру все тоже, конечно... Максималистка... Решение всегда остается за женщиной...»²¹²

*«Все богины — как поганки,
перед бабками с таганки»*

Такой стихотворный экспромт дерзко начертал на стене любимовского кабинета толстым фломастером Андрей Вознесенский, сраженный наповал женской половиной труппы театра. Рассказывают, инициатива исходила от тогдашнего министра культуры СССР Екатерины Фурцевой. Но, прочтя столь откровенное признание, чиновная дама вспыхнула и гордо удалилась, громко стуча каблучками.

Высоцкий с «вознесенской» оценкой «таганских баб», был в общем-то согласен. И даже более чем. Но сердечных романов в театре старался все же по

возможности не заводить. Хотя, как известно, нет правил без исключений.

Алла Демидова в течение двух десятилетий (1960–1980-е годы) по праву считалась прямой и в определенной степени лицом и идеологом Таганки. Холодно-неприступная интеллектуалка, о которой говорили, что она могла бы стать новой Софьей Ковалевской или Александрой Коллонтай, усматривала в Высоцком редко встречающееся в партнерах на сцене или киноплощадке мужское начало. Она одной из первых публично откликнулась на смерть Владимира Семеновича. «Советская Россия», словно каясь за все свои прежние прегрешения перед Высоцким, 9 сентября 1980 года напечатала ее заметки «Таким запомнился». В них Демидова писала: «Высоцкий — один из немногих актеров, а в моей практике — единственный партнер, который постоянно достойно вел мужскую тему. Вести женскую тему на его крепком фоне было легко. От его неудержимой силы, мужественности, темперамента сама собой у меня возникала тема незащищенности, слабости, растерянности...»

Показательно ее позднейшее признание: «Я оценила партнерство Высоцкого в полной мере, когда стала играть без него...»¹ Польским журналистам она открыто говорила о Высоцком: «Он нес в себе свой пол, его силу, его мужественность, и вместе с тем — впечатлительность, незащищенность. Рядом с ним как-то сама собой возникала тема слабости, беззащитности, боли, страдания...»

В интервью «В творцы беру вас...» Демидова говорила о Владимире Семеновиче: «Кого бы он ни играл, все это были люди мужественные, решительные, испытавшие не один удар судьбы, но не устав-

шие бороться, отстаивать свое место в жизни. Вся энергия была направлена на безусловное преодоление ситуации, безотносительно к наличию выходов и вариантов. В любой безвыходности — искать выход. В беспросветности — просвет! И во всех случаях знать и верить: «Еще не вечер! Еще не вечер!» Дерзание и дерзость...»

Однако таганский «летописец» — Валерий Золотухин отрицал близкие творческо-партнерские отношения между Владимиром Семеновичем и Аллой Демидовой: «Демидова, конечно, фрукт. Она кладет партнеров под себя разными методами, демагогией, какой-то актерской болтовней...»² По этому поводу, кстати, вспомнился невинный вопрос Михаила Михайловича Жванецкого о непостижимости женщин: «Интересно, а что они при этом чувствуют?..»

Алла Сергеевна, по мнению многих, всегда отличалась некоторой надменностью (или просто недосягаемостью? — Ю.С.), частенько могла смотреть на собеседников ледяными, пронзительными глазами Снежной королевы, редко перед кем раскрываясь. На Западе ее называли «русской Гретой Гарбо». Демидова же, со своей стороны, молилась на блистательную Грету, и именно ей была готова отдать все свои титулы, регалии и награды³.

Она — неприкасаемая! — хранит по сей день в своей памяти эпизод, когда они с Владимиром на заре Таганки, на гастролях в Ленинграде (1965 год? — Ю.С.) сидели рядышком в пустом зале во время репетиции: «Он мне что-то прошептал на ухо (достаточно фривольное), я ему резко ответила. Он вскочил и, как бегун на дистанции с препятствиями, зашагал через ряды к сцене, чтобы утихомирить ярость. Я ни разу от него не слышала ни одного резкого слова, хо-

тя очень часто видела побелевшие от гнева глаза и напрягшиеся скулы...»⁴

Как утверждали близкие Демидовой люди, ее любимой житейской мизансценой всегда оставалась «диван, книжка, две собаки, кот». Она не могла быть женщиной Высоцкого. На вопрос: «Случалось ли похулиганть? Напиться? Учинить скандал?» Алла Сергеевна скромно отвечала: «К сожалению, нет...»⁵

Вениамин Смехов помнит, что Высоцкий восхищался профессионализмом Демидовой: «Смотри-ка, ведь ей не дано от природы ни внешности «звезды», ни безумие страсти Джульетты Мазиной или нашей Зины... А она ведь всех обошла! Ты гляди, как обошла! Я думал о ней и понял: она колоссальный конструктор. Нет, это не просто сухой расчет. Она все свое имеет — и темперамент, и талант. Но она точно знает свои недостатки и обернула их в достоинства... А время сработало на нее!.. Нет, она просто молодчина! И беспокойна, и любопытна, и недовольна собой, и откликается на все предложения...»⁶

«И жаль мне, что Гертруда — мать моя,
И что не мать мне — Василиса — Алла!..», —

признавался таганской публике Высоцкий.

В их взаимоотношениях присутствовал некоторый оттенок конкуренции, соревновательный азарт. В 1968 году в сверхпопулярном в ту пору журнале «Юность» было опубликовано интервью Аллы Сергеевны «Почему я хочу сыграть Гамлета». В нем она рассказывала: «В свое время я собиралась репетировать Гамлета с Охлопковым. И вот телеграмма из Ленинграда, из группы «Гамлет». Естественно, я решила, что меня будут пробовать на Гамлета. Бросила все, полетела в Ленинград. Оказалось, вызывали на

Офелию... Гамлет... актуален всегда. Ведь Гамлет (может быть, это моя сугубо личная трактовка) — это прежде всего талант. Человек, которому дано видеть больше, чем другим. А кому много дано, с того много и спросится. Разве это не имеет отношения к извечной проблеме о месте художника в жизни, об особой ответственности таланта за все, что его окружает? О невозможности играть в прятки со временем?.. Вот почему Гамлет не может бездействовать, хотя знает, что это приведет его к гибели. И он решает: быть — вступает в бой».

Ее мысли пришли по душе Белле Ахмадулиной: «Это идея поэтов. Гамлет — поэт. А вы актриса — и в какой-то степени поэт...»

Зато Владимира Семеновича остро царапнуло желание Аллы Сергеевны сыграть принца Датского. Демидова вспоминает: «Володя Высоцкий как-то подошел ко мне в театре и спросил в упор: «Ты это серьезно? Гамлет... Ты подала мне хорошую мысль...»⁷

Позже он признался, что хочет *так* сыграть Гамлета, чтобы никогда женщине даже не приходила в голову мысль претендовать на эту роль. Офелия, Гертруда — это, пожалуйста, сколько угодно... Владимир Семенович долго пытался разгадать эту идею Демидовой. В интервью болгарскому литератору Любену Георгиеву он высказывал версию: «Во-первых, у них меньше интересных ролей — женских. Ну, на таком уровне, может быть, леди Макбет в мировой литературе — и все!.. Гамлет не мог быть женщиной. Шекспир... написал мужчину. Время было жестокое, люди ели мясо с ножа, спали на... шкурах»⁸.

В своей книге Алла Демидова процитировала категоричный вердикт Владимира Высоцкого: «Гамлет

у нас — прежде всего мужчина. Мужчина, воспитанный жестоким временем»⁹.

Кстати, благородства образу Демидовой добавляет одна, казалось бы, маленькая, но весьма характерная деталь. Когда Любимову удалось-таки уломать Золотухина взять роль Гамлета, Демидова «сочла за лучшее не участвовать в репетициях»¹⁰.

Монолог принца Датского Алла выучила, еще будучи студенткой. С тех пор дух Гамлета ее преследовал, словно тень.

В конце концов, спустя много лет, руководитель театра «А» — Алла Демидова — все же поставила своего «Гамлета». Это был моноспектакль. Все роли были ее. И даже все театральные костюмы были придуманы ею. Она говорила: «Для меня главный вопрос в «Гамлете»: как меняется сознание после встречи с иррациональным миром, с Призраком? Он же, Гамлет, был веселым студентом, своих ближайших приятелей, Розенкранца и Гильденстерна, очень радостно встречает, а как потом его сознание перевернулось, что он воспринимает их врагами. Он становится философом, который в себе соединяет абсолютное знание действительности с потусторонним, таинственным. Когда соприкасаешься с другим миром, сознание меняется, по-иному все чувствуешь...»¹¹

Хотя в своем давнишнем интервью журналисту «Недели» Э. Церковеру она говорила: «...теперь я понимаю: Гамлет — хотя и весьма эффектно для женщины, но даже мужчина далеко не всякий осилит эту роль...»

А всякому ли мужчине-актеру по плечу женская роль?..

Олегу Табакову — да («Всегда в продаже» в «Современнике»). Александру Калягину — тоже (в телефар-

се «Здравствуйте, я ваша тетя!»). Но Высоцкий? Оказывается, тоже был «грешен». В его списке театральных удач была роль тети Моти из спектакля «Берегите ваши лица!» Андрей Вознесенский рассказывал: «В образе тети Моти Высоцкий исполнял мое стихотворение «Время на ремонте». Эти стихи были центром композиции спектакля... Когда он их играл и пел, он понимал, что следующей песней будет «Охота на волков» и, как делал часто, сознательно шел на гротеск. В образе тети Моти, в дурацком и таком узнаваемом платочке, он был уморителен и упоителен.

Стихи эти цензура все время снимала. Власти потребовали изменить первоначальный текст, снять все бытовые подробности. Мое стихотворение началось так:

«Как архангельша времен,
На часах над Воронцовской
Баба вывела «Ремонт»
И спустилась за перцовкой.
Верьте тете Моте —
Время на ремонте».

Со сцены же звучал совсем другой текст:

«Как архангельша времен,
На ночных часах над рынком,
Баба вывела «Ремонт»,
Снявши стрелки для починки».

А строчки про тетю Мотю вообще запретили. Но все в зале знали, какие произвели изменения и, конечно, животики надрывали. Высоцкий очень хорошо понимал всю серьезность этого стихотворения. Не случаен рефрен: «Прекрасное мгновение,

не слишком ли ты подзатынулось?» — он не пел, а произносил, не заговаривал, а специально выговаривал, осознавая точность и важность этих слов. «Время остановилось. Время ноль-ноль. Как надпись на дверях»...

На разборке спектакля в ЦК партии требовали, помимо прочего, снять как раз место с «Прекрасным мгновением». Там много чего требовали: отказаться от «Охоты на волков» и от Высоцкого вообще. Как они говорили: «Давайте снимем Высоцкого, и тогда будет легче разговаривать»...¹²

Спустя несколько лет Алла Демидова вновь испытала себя в роли принца Датского в спектакле «Гамлет-урок». Постановку в форме мастер-класса осуществил греческий режиссер Теодорос Терзопулос. Этот спектакль не совсем по Шекспиру. Традиционный текст здесь был перетасован, и повествование о мести Гамлета убийце отца превращен в рассказ о поединке принца с собственной совестью. «Мне многие персонажи не нужны были, — рассказывала актриса. — Мне совершенно не интересен Клавдий. Мне не интересно, что творится в его грязной душе. Мне не интересен Полоний, Розенкранц и Гидельстерн и так далее. Их нет у меня. Но я играю, например, сцену «Гамлет и Гертруда», «Гамлет и Офелия», и сумасшествие Офелии, и монологи Гамлета. Я взяла то, что мне интересно. И получился спектакль довольно-таки забавный».

Кстати, инсценировала Шекспира сама Демидова, в поисках своего ритма по многу раз переписывая в тетрадь все монологи. При этом она брала пример со своего умершего партнера: «Высоцкий... играя Гамлета, использовал разные переводы и даже сам что-то добавлял...»¹³ А что? «Володя Высоцкий

...за десять лет существования нашего «Гамлета» очень менялся. Поначалу для него не существовало проблемы «Быть ли не быть?» Только — «Быть!» А в конце жизни его Гамлет — мудрый усталый философ, перед ним встают вечные вопросы, на которые нет ответа. В последние годы он играл Гамлета гениально!...»¹⁴

У Демидовой с Высоцким, естественно, были общие гастроли, какие-то поездки, совместные концерты, несостоявшиеся проекты, дружеские компании. Теплоту чувств к Владимиру, родственность их душ выдают некоторые дневниковые записи Аллы Сергеевны: «После Енгибарова был концерт Высоцкого в первый раз. Тогда, сидя в зале, я слышала все его песни, часа два он именно нам их все исполнял как артист. Это тогда меня тоже потрясло... Я помню, я тогда к нему после этого концерта подошла и вот так расцеловала, и так для него это было неожиданно...»¹⁵ И дальше она рассказывала: «Когда читаешь стихи, всегда выбираешь заинтересованное лицо в зале и пытаешься удержать возникающую энергетическую связь. Так, в антракте, через щелку, мы с Высоцким искали нужные нам лица на «Гамлете»...»¹⁶

Или еще. «Однажды, после душевного летнего спектакля «Гамлет», мы, несколько человек, поехали купаться в Серебряный бор. У нас не было с собой ни купальных костюмов, ни полотенец, мы вытирались Володиной рубашкой... Через несколько лет во Франции мы с Володей были в одной актерско-писательской компании и вместе с французами поехали в загородный дом под Парижем. Когда подъехали к дому, выяснилось, что хозяин забыл ключ. Не ехать же обратно! Мы расположились на берегу реки, ку-

пались, также вытирались чьей-то рубашкой... Мы с Володей обсудили интернациональное качество творческой интеллигенции — полную бесхозяйственность и вспомнили Серебряный бор...»

У рассудительной, обстоятельной, склонной к аналитическому мышлению Аллы Сергеевны была своя точка зрения на толкование явления «Высоцкий»: «Для нас, живших и работавших с ним рядом, он всегда был «Володей, Володечкой», близким, родным и понятным человеком, а вся страна знала его «Высоцким», воспринимала чуть ли не мифом каким-то. Фамилия эта для многих была окружена ореолом загадочности, полудозволенности, устойчивого полупризнания-полузапрета...»¹⁷

Светлана Светличная с ревностью замечала, что часто «в последнее время... видела его с Аллой Демидовой... В последний год я видела его с ней...» Хотя тут все объяснимо, и нет никаких интимных секретов. Переводчик и театральный критик Виталий Вульф вспоминал, как еще в 1976 году они вместе — Высоцкий, Демидова и он — начинали проект по пьесе Теннесси Уильямса «Крик, или Игра для двоих». Высоцкий, уже знавший себе цену, непременно хотел, чтобы постановщиком был сам автор. Потом возникла очередная, опять-таки явно нереальная идея — привлечь к работе Анджея Вайду. «В итоге, — рассказывает Вульф, — поскольку он никого не хотел, они с Аллой Сергеевной решили, что ставить будет он сам... И это была очень хорошая пара...»¹⁸

Алла Сергеевна рассказывала, что им «давно хотелось сделать камерный спектакль, ведь Таганка началась с массовых представлений, как «театр улицы»... Сначала была попытка сделать спектакль по дневникам Льва Николаевича и Софьи Андреевны

Толстых, о том, как эти два человека, живя много лет бок о бок, одни и те же события воспринимают по-разному. Материал был очень интересный, но с ним нужно было много работать. А потом... Виталий Вульф сказал мне, что у Теннесси Уильямса есть пьеса для двоих в двух вариантах — «Крик» и «Игра для двоих»... И когда мы с ним начали прикидывать: кто же партнер? «Высоцкий, конечно же, Высоцкий!» — подумала я. И мы пришли с Высоцким к Вульфу читать пьесу. Она понравилась, позже ее утвердили. В министерстве культуры сделали пометку о том, что эта пьеса специально для Демидовой и Высоцкого. Именно потому мы и не торопились с ее постановкой — куда спешить? Ведь она и так наша. Да и некогда было... Потом все-таки собрались, сделали первый акт, а в пьесе их три, «прогнали» его даже на сцене. Второй акт был сложный. И мы, конечно, о него споткнулись. И остановились...»¹⁹

Оформление «Игры для двоих» художник Давид Боровский придумал гениально простое: на сцене были свалены в беспорядке фрагменты декораций прежних таганковских спектаклей, в которых Демидова и Высоцкий играли — груда сломанных деревьев из «Вишневого сада», гроб из «Гамлета», что-то из Брехта и поэтических композиций, дверь и кресло из «Преступления и наказания»...

В целом к затее Демидовой и Высоцкого в театре относились, мягко говоря, скептически. Главному режиссеру пьеса откровенно не нравилась, и он заявлял, что наши «звезды» занялись ею из тщеславия. Пьесу Уильямс написал для двух бродвейских «звезд», вот, дескать, и наши решили блеснуть... Многие актеры тоже неодобрительно косились на внеплановые репетиции и поддакивали шефу.

«Высоцкий, — рассказывала Демидова, — придумал очень эффектное начало: два человека летят друг к другу с противоположных концов по диагонали сцены, сталкиваются и замирают на несколько секунд в полубратском, полулюбовном объятии... Сразу же равнодушно расходятся: я за гримировальный столик, Высоцкий на авансцену, где потом говорит большой монолог в зал об актерском комплексе страха перед выходом на сцену (причем этого комплекса у него никогда не было...); произносил он это так убежденно, что трудно было поверить, что начнет сейчас играть...»²⁰

Годом ранее, в 1975-м, у них уже была крупная совместная работа — чеховский «Вишневый сад» в постановке Анатолия Эфроса. Она — Раневская, он — Лопухин. Алла Демидова вспоминала: «Высоцкий начал тогда работу в очень хорошем состоянии. Был собран, отзывчив, нежен, душевно спокоен. Очень деликатно включился в работу, и эта деликатность осталась и в роли... От любви, которая тогда заполняла его жизнь, от признания, от успеха — он был удивительно гармоничен... И это душевное состояние перекинулось... на меня...»²¹

Хотя как-то, сорвавшись, она проговорила: «Я ненавижу темные таланты. Я не могу даже рядом на сцене существовать с такого рода актером! С пьющими, темными, не читающими... Я ведь прошла большую школу Таганки, в которой ценились такого рода таланты: талант темный, талант выкрика, стихийный, талант пьющий...»²² Актриса терпеть не могла играть с подвыпившими партнерами. «Когда Любимов куда-то уезжал, — рассказывала Алла Сергеевна, — актеры Таганки регулярно напивались вдрызг. Как-то я играла в спектакле, в котором было целых

четыре пьяных человека. Это ужас был... А еще я не люблю, когда на сцене матерятся...»²³

Демидова была одной из немногих, кто еще при жизни Высоцкого «приподнял занавес за краешек» его страшной тайны, связанной с наркотиками. «Думаю, начал он с приема амфетамина, чтобы постоянно быть в тонусе. Тогда же амфетамин в любой аптеке можно было купить... Сначала он по четверти таблетки принимал, потом больше и больше, — сокрушалась она. — Он мне как-то сказал: «Алла, я нашел лекарство, которое полностью перекрывает действие алкоголя». И ведь действительно нашел. За несколько дней до Володиной смерти я встретила его перед спектаклем вдрызг пьяного. «Володя, — говорю, — как же ты будешь играть». А он мне в ответ: «Как всегда». И на сцену совершенно трезвым вышел...»²⁴

Подготовительный период, предварявший «Вишневый сад», понуждал их к каждодневному общению, и не только в репетиционном зале. Ее дневники того времени пестрят многочисленными упоминаниями имени Высоцкого: «Поражаюсь Высоцкому... Высоцкий, Дыховичный и я поехали обедать к Ивану... После репетиции Володя, Иван и я поехали обедать в «Националь»... Вечером собрались в Ленинград... Полночи разговаривали. Новые песни, которых я не слышала раньше... Пошли пешком завтракать к друзьям Высоцкого... Втроем опять на поезд... Две бессонные ночи... Обедали у Дыховичных. Раки. Вспоминали с Высоцким — какие прекрасные красные раки в синем тазу дал нам Карелов в Измаиле... Много вспоминали... Володя ко мне, как я к нему в «Гамлете»...»

Обычно сдержанный в своих рассказах о Высоцком, Вадим Иванович Туманов в сборнике «Я, конечно, вернусь...»²⁵ вспоминал, как во время поездки на

Байкал летом 1976 года, Высоцкий, глядя на суровую природу края, неожиданно произнес загадочную фразу: «Вот бы здесь пожить Алле!..» Он говорил о Демидовой, которая плохо себя чувствовала тогда. Он любил путешествовать не один. И люди, близкие ему, жили в его душе и в памяти...»

Алла Сергеевна – женщина серьезная и строгая, в семейной жизни была, к сожалению, не слишком счастлива. Муж – известный и успешный киносценарист Владимир Валущий (автор таких лент, как «Начальник Чукотки», «Зимняя вишня» и еще множества других) – был человеком увлекающимся и влюбчивым. Алле Сергеевне постоянно нашептывали, что ее мужа периодически сопровождает «каскад баб». Детей у них не было.

Демидова умела ничему не удивляться, будучи уверенной в том, что «наша профессия довольно странная. Идут в нее люди с не совсем нормальной психикой... Я думаю, что так называемый художник вообще не семейный человек... Надо быть аскетом...»²⁶

Хотя Алла Сергеевна по своему образованию имела непосредственное отношение к точным наукам (все-таки выпускница экономического факультета МГУ), по ее собственному признанию, «вся жизнь вне сцены складывается проблематично. Не запоминаю номера телефонов, имена. Ничего не понимаю в технике. Например, на даче у меня записка, которую составил муж, как включить телевизор... Для меня эта сторона жизни закрыта... У меня привычка разбрасывать все, а потом не могу ничего найти. И тогда я начинаю плакать от этой своей безалаберности. Завидую людям открытым, которые могут комфортно себя ощущать в любых компаниях. Я человек стеснительный... большое количество людей меня смущает.

Толпы я просто боюсь. Никогда не войду в троллейбус, где много народу, лучше пройду пешком пол-Москвы, если у меня не хватит денег на такси или если моя машина сломалась. Три часа буду идти, четыре... Или, например, если в магазине много людей, я лучше буду голодать или за покупками пойду ночью»²⁷.

Она всерьез интересовалась различными эзотерическими учениями, занималась целительством. И с гордостью говорит, что «я – единственная в мире актриса, которая проводит мастер-классы по психической энергии»²⁸.

Демидовой благодарен я за то, что она укрепила мою веру в необходимость написать эту книгу, сказав: «Мне надо все знать про поэта, про его жизнь. Это знание укладывается в мое сознание...»²⁹

В истории появления будущего Гамлета на Таганке, может быть, решающую (и лучшую для себя!) роль сыграла однокурсница Высоцкого по Школе-студии **Тайсия Додина**.

С первых же дней знакомства у них завязались очень теплые отношения. Переживали друг за друга во время вступительных экзаменов. Потом были совместные прогулки, общие развлечения, пирушки. Свое 19-летие, кстати, Володя отмечал вместе с Додиной и еще одной неразлучной парой – Геной Яловичем и Мариной Добровольской. Тая вспоминала, что подарила именинику стаканчик с ландышем. И вышло так смешно, потому что иронично настроенная молодежь как раз измывалась над «высокопоэтическим» шлягером тех лет «Ландыши, ландыши, светлого мая привет...»

Гуляли ребята в ресторане гостиницы «Москва» на двадцатку, выделенную Семеном Владимировичем. Тогда на такую сумму можно было очень недур-

ственно посидеть в кабаке, попить коньячку, закусить икоркой или крабами.

В перерывах между занятиями они бегали в соседнее со студией кафе — то самое, «Артистик». Выбор блюд там был невелик: омлет, блинчики, бульон. А в престижный «Метрополь» ходили пить кофе...

Додина сразу после Школы-студии попала в Театр драмы и комедии (еще при прежнем главреже Плотникове). Новоназначенный «шеф» Юрий Петрович Любимов оставил ее, одну из немногих из старой труппы, в своем театре. В тяжкий для Высоцкого 1964 год она изо всех сил старалась помочь бывшему однокашнику подготовиться к показу в театре. Дома у Таи, на Мытной, репетировали чеховскую «Ведьму». Высоцкий исполнял роль дьячка.

Таисия Владимировна уверяла, что Высоцкий «никогда не ухаживал за мной, но всегда кокетничал, играл, шутил, как с маленьким ребенком...»³⁰ Тогда, осенью 64-го, Высоцкий пришел как-то к ней в сопровождении Жоры Епифанцева. «Было холодно, дождливо, а Володя был в одном пиджаке... Я говорю: «Володь, что ж ты ходишь так? Ты же простудишься. Тем более тебе сейчас поступать в театр, нужно, чтобы был голос... Как же ты будешь показываться? Ты же снова будешь хрипеть. Тебе нужно что-то теплое. На, возьми это пальто, прикройся...» — «А, спасибо, спасибо...»

Правда, я никогда не видела его в этом пальто: то ли он загнал его, то ли еще что... Пальто было венгерским, какое-то зеленоватое, с начесом, и считалось очень модным. Мы с Геной Портером его только что купили...»³¹

Додина очень темпераментно убеждала директора театра, что ее протеже очень талантливый человек.

Правда, говорят, к этому приложили руку и другие авторитетные люди. В том числе Анхель Гуттьерес.

Показ состоялся в верхнем буфете старого здания театра. Было довольно много народу. «Ведьма» особого впечатления на шефа не произвела. Но зато песенки...

По мнению кинорежиссера Георгия Юнгвальда-Хилькевича, лучшей из всех таганских дам Высоцкого была **Татьяна Иваненко**.

До недавнего времени для широкой публики это была просто одна из актрис театра на Таганке. Не ведущая, не звезда, но, безусловно, очень красивая, яркая, фотогеничная.

Проучившись год в Щукинском училище, Татьяна уверовала, что главным ее призванием является кинематограф. Ушла во ВГИК. Там стала любимой ученицей легендарного Бориса Бабочкина. Он звал ее в Малый театр. Но она упорно стремилась на Таганку. И, в конце концов, добила своего.

Не обратить на нее внимания Владимир Семенович просто не мог. И вскоре, с осени 1966 года, их роман стал темой закулисных пересудов.

Лариса Лузина в те годы была близкой приятельницей Тани и всячески старалась помочь влюбленной паре в разрешении непреодолимых квартирных проблем («несколько раз они встречались у меня дома, а я на время уходила...»). Она считала: «Роман у них был красивый... У Володи была безумная любовь... в свое время он увел ее от мужа... Отношения между влюбленными складывались непросто: бурные ссоры сменялись великим примирением, обожаением. Как-то пришли к нам счастливые-пресчастливые, поклялись, что больше никогда не расстанутся.

Я была искренне рада, поскольку очень любила эту пару. И вдруг трах-бах! — не проходит и двух месяцев, как среди ночи Володя заявляется... с Мариной Влади. Леша (тогдашний муж актрисы. — Ю.С.) давай меня будить: «Вставай скорее, к нам сама Влади пожаловала!» А я за это на Высоцкого разозлилась — словами не передать. Сработала женская солидарность: «Ну и что, если Влади? Не выйду к ним, и баста! Даже чистого белья не дам. Пусть на раскладушке как хотят вдвоем укладываются. И водку свою сами пьют — я даже не пригублю...»³²

Давид Карапетян также весьма лестно отзывался о пассиве Владимира Высоцкого: «...была она хороша собой необычайно — создатель потрудился на славу. Сокрушающая женственность внешнего облика завораживала, вызывала неодолимое, немедленное желание выказать себя рядом с ней абсолютным мужчиной и раз и навсегда завладеть этим глазастым белокурый чудом. Но не тут-то было... За хрупкой оболочкой ундины таилась натура сильная, строптивая, неуступчивая. Татьяна виделась мне пугающим воплощением физического и душевного здоровья, и по-армейски прямолинейная правильность ее жизненного графика обескураживала. Принципиально непьющая и некурящая, волевая и уверенная, — как разительно отличалась она от своих юных сестер по ремеслу, разноцветными мотыльками бестолково порхающих в свете лампы...»³³

Даже Людмила Владимировна Абрамова признавала, что «самой умной из тех женщин, к которым Высоцкий был равнодушен, оказалась Татьяна Иваненко... Я ею восхищаюсь и ей завидую...» Со своей стороны, Иваненко не оставалась в долгу, говоря о редкостной красоте, уме, начитанности Люси.

Ее прекрасная головка была полна школьными представлениями о равенстве и братстве. Друзья Высоцкого предполагают, что именно холодноватая цельность притягивала его к Татьяне. Тем более что она сама без устали повторяла, что любит своего избранника «как простого русского мужика», а не за имя и славу.

Владимир Семенович всячески старался помочь ей сделать кинокарьеру: упросил режиссера Карелова снять ее в маленьком эпизоде в фильме «Служили два товарища». Затем уговорил Юнгвальда-Хилькевича занять Татьяну в фильме «Внимание, цунами!», для которого сочинял песни.

Уж не ее ли имел в виду Павел Леонидов, когда писал: «Сколько у него было «любвей»? Я знаю. О многих Ю.П. знает. Кое-кого из «любвей» он даже в трупку на «подносы» брал...»?

Бывалым театрам Татьяна Васильевна запомнилась разве что ролью Женьки Комельковой в спектакле «А зори здесь тихие...», которую она играла на пару с Ниной Шацкой. А остальные были из разряда «безымянных»: 2-я придворная дама в «Галилее», плакальщица в «Пугачеве», подруга дома в «Мастере» и т.п. То ли из желания, чтобы Таня постоянно находилась рядом, то ли из стремления помочь ей подзаработать (да, наверное, эти причины объединялись в одно целое), Высоцкий привлекал ее в «таганские» концертные бригады. Известно, например, выступление в 8-й «немецкой» спецшколе в 5-м Котельническом переулке. Высоцкий читал стихи, пел с Жуковой и Золотухиным песни из спектаклей, потом вместе с Иваненко читал «Римские праздники» из «Антимиров». Он — в центре внимания, солист номер один, даже аккомпанирует на пианино панто-

миме Черновой. Успех оглушительный!.. «Иваненко, — считал Золотухин, — всем ему обязана...»³⁴.

Один из организаторов нашумевших куйбышевских концертов Высоцкого в 1967 году Всеволод Ханчин, вспоминал, «чтобы забрать у поезда театральный реквизит, нас провожает актриса Театра на Таганке Татьяна Иваненко...»³⁵

Татьяна, как и Высоцкий, воспитывалась в военной семье, с вполне предсказуемыми нравами. Ее отчима, которого она называла отцом, генерала Минченко (тогда, правда, еще полковника), безусловно, смущали *«устные рассказы про любовные дела» «популярного актера из Таганки»*. Татьяна уговорила Владимира дать домашний концерт для своей родни, будучи совершенно уверенной, что так он непременно сумеет сломить ледок настороженности.

Невольным свидетелем и в определенной степени соучастником романа Иваненко и Высоцкого была чета Карапетян-Кан, жившая по соседству с Татьянинными родными. Таня и познакомила Давида и Мишель со своим Володей. Вернее, сначала с записями его песен. Молодожены были сражены ими наповал. Каждый их визит к Таниным родителям, вспоминает Карапетян, заканчивался нашими общими посиделками. «Мишель создавала французский уют, Татьяна вносила русскую раскованность, Володя был гений, мне же доставалась роль провинциального ценителя...»³⁶

Романы Высоцкого с Иваненко и Влади шли как бы параллельными курсами. Его сердце разрывалось напополам. И он ничего не мог с собой поделать.

Кремлевский вольнодумец и вечный помощник вождей КПСС Георгий Шахназаров, в доме которого нередко гостил Владимир (с гитарой и без), вспо-

минал, как Высоцкий, близко никого не подпускавший к обсуждению своих личных проблем, вдруг затеял странный разговор, на ком ему жениться. «У меня, говорит, есть выбор — актриса нашего театра (не помню фамилию, которую он назвал) или Марина Влади.

— Володя, я тебе удивляюсь, женись на той, которую любишь.

— В том-то и дело, что люблю обеих, — возразил он, и мне на секунду показалось, что не шутит, действительно стоит перед выбором и ищет хоть какой-нибудь подсказки.

— Тогда женись на Марине, — брякнул я безответственно, — все-таки кинозвезда, в Париж будешь ездить...»³⁷

Не доверяя самому себе, Высоцкий мучительно искал выход из лабиринта душевных хитросплетений. Художник Борис Диодоров припоминал: «...однажды Володя говорит:

— Как ты посмотришь, если я женюсь на Марине Влади?

Откровенно говоря, я был ошарашен. Ведь для меня (да и для всех) Марина Влади была звезда, «Колдунья»!..»

А между тем жизнь подбрасывала жизнелюбивому Высоцкому и иные объекты сердечных увлечений. Во всяком случае, литератор А. Щуплов в статье-исследовании «Скажи мне, кто твой сын, и я скажу, кто ты...» рассказывал о его мимолетном, но жарком романе с некой студенткой Школы-студии МХАТ, ради свиданий с которой знаменитый таганский Галилей и Хлопуша, не щадя живота своего, карабкался по водосточной трубе и карнизам общежития. Опыт «Вертикали» помогал...

Марина Влади была права, когда просила не делать из своего покойного мужа икону, святого, ангела с крылашками.

Кинорежиссер Геннадий Полока вспоминал, как где-то году в 1970-м он пригласил к себе домой гастролирующих в столице солистов (точнее — солисток) Кировского театра. «И ко мне приехали Высоцкий с Золотухиным. Все балетные звезды сидели высокомерные, хорошо одетые, устало развалились, лениво жуя бутерброды и о чем-то перешептываясь. Ну, знаете, люди, которым не о чем говорить, но надо сохранить позу значительности. Высоцкий пришел, посмотрел на них, на Золотухина, поерзал немножечко, не понимая своего положения: то ли они хотели, чтобы он запел, то ли они действительно не знают, о чем говорить. Я-то подумал, что они просто боялись его — просто сидеть и есть можно, но разговаривать при Высоцком — это неестественно... Но держали себя чрезвычайно высокомерно. Это продолжалось час. Все было съедено и больше нечего было делать. Высоцкий рассказал один анекдот, потом какого-то московского балетного солиста изобразил, потом рассказал второй анекдот, они стали хохотать, потом повторил эти же анекдоты, но с другим ходом актерским. Они опять захохотали. Потом в третий раз рассказал эти же анекдоты голосом какого-то известного актера. Они уже были просто счастливы. Потом в темпе запел, потом в темпе рассказал про какую-то репетицию, потом в темпе разыграл что-то с Золотухиным, потом, не сбавляя хода, без паузы, спел, причем пел в основном комический репертуар. Те хохотали без передышки. И когда, отхохотавшись, они успокоились, Высоцкого в комнате не было. Вот такое общение с балетом... На

лицах у них была благодать, какая бывает у набожных людей, когда им почудилось видение: что-то пролетело...»

Возвратимся все же к Татьяне Васильевне Иваненко. 15 октября 1968 года Валерий Золотухин в своем дневнике записывал: «Иваненко заявила Володе, что она уйдет из театра и с сегодняшнего дня начнет отдаваться направо и налево...» Следующая запись: «19 октября. Н.М. сказала, что «если эта сука И., шантажистка, не прекратит звонить по ночам и вздыхать в трубку, я не посчитаюсь ни с чем, приду в театр и разрисую ей морду — пусть походит с разорванной физиономией... Надо поскорее разбить его романы... Тот, дальний погаснет сам собой, все-таки тут расстояние, а этот, под боком, просто срочно необходимо прекратить. Я узнала об этом от Люси совсем только что и чуть не упала в обморок...»³⁸

Фамилия Татьяны мелькает в золотухинских дневниках достаточно регулярно. «Высоцкий в Одессе, в жутком состоянии... «Если выбирать мать или водку — выбирает водку», — говорит Иваненко, которая летала к нему. «Если ты не прилетишь, я умру, я закончу с собой!» — так, по его словам, сказал он Иваненко» (26.03.68). «Он опять с Иваненко» (21.10.68). «Как-то ехали из Ленинграда: я, Высоцкий, Иваненко. В одном купе... Зная, что друг зарплату большую получил и потратит на спутницу свою, которую в Ленинград возил прокатиться...» (05.11.67). «А Володя ушел с Татьяной, его встретил пьяный Евдокимов, обхамил Татьяну, она вернулась в театр...» (10.11.68).

Поначалу серьезной соперницы в Марине Влади Татьяна не видела. И напрасно. Но, почувствовав жар, полыхающий от безумного романа Владимира с «белокурой французской русалкой», Иваненко ин-

стинктивно насторожилась и начала активно плести хитрую и цепкую паутину вокруг ускользающего из ее объятий возлюбленного.

«Были слезы, угрозы, все одно и все то же...» — бесконечное выяснение отношений с глазу на глаз, по телефону, публичные преследования по пятам. Мишель Кан в июне 69-го сообщала своему мужу Давиду: «Вчера нас удостоил своим визитом наш друг — знаменитый бард со своей экс-любимой. Поскольку тут была случайно гитара, он спел свои последние песни. Т. была очень-очень недовольна и кривлялась, как обычно: спой то, не пой другое; а кончилось тем, что она ушла на площадку, а он за ней, и там целый час они в очередной раз выясняли отношения, — все возмущались...»

Володя, утверждал Юнгвальд-Хилькевич, не мог оставить Таню, потому что продолжал любить ее, даже когда появилась Марина Влади. «Те страдания, которые вынесла эта девочка... достойны поклонения... Иваненко занимала в жизни Володи места не меньше, чем Марина. Если не больше. Володя, к сожалению, не признавал родившегося ребенка... Для меня Таня всегда была любимой женщиной Высоцкого. Однажды, сидя рядом с ней в театре, я попросил поцеловать ее в щеку. Она укусила меня под глаз и сказала: «Я, кроме Володи, никого не целую». Даже поцелуя не могла себе позволить. Гениальная девка! То, что она мне нравилась, я Володе говорил. А как может не нравиться женщина необыкновенной красоты — такая фигура, лицо, глазницы! Иваненко — одна из самых прекрасных женщин, которых я вообще в жизни встречал...»³⁹

А потом Иваненко стала причиной размолвки старинных приятелей — Высоцкого и Кохановского.

Игорь Васильевич считал: «...история эта выеденного яйца не стоит! Ну, выпили мы лишнего. Ну, поцеловались. Я потом Володе честно во всем признался. Она-то нас с Володей и поссорила. Ей почему-то все время казалось, что все ее хотят. Переоценивала свое женское обаяние и не стеснялась делиться своими фантазиями с Высоцким...»⁴⁰

Хотя, кто знает, может быть, Владимир Семенович просто сам искал повод для расставания с Иваненко?..

Но, во всяком случае, Кохановский совершил ошибку, которой в свое время избежал известный актер, кинорежиссер и плейбой Михаил Козаков, как-то «положивший глаз» на Татьяну. Когда его предупредили, что это «женщина Высоцкого», Козаков счел за благо от своих романтических планов отказаться: тягаться с таким соперником было не то что бы трудно, но просто опасно⁴¹.

Геннадий Иванович Полока, кроме достоинств, понимал и недостатки Иваненко. На встрече с ленинградскими зрителями в 1983 году он проговорился: «Может быть, он бы женился на ней, но просто она была человеком нетерпеливым и форсировала события, а таких людей форсировать нельзя. Это не нужно, он нервный человек...»

Татьяна Васильевна, пожалуй, совершила примерно тот же роковой промах, что и Людмила Абрамова: переоценила собственные силы и степень влияния на Высоцкого, попыталась им руководить. В кругу друзей Высоцкий не раз растерянно возмущался ее поведением и собственным бессилием, не зная, что с ней делать. Она, например, могла себе позволить резко оборвать разговор Высоцкого с кем-то из старинных приятелей, бесцеремонно

скомандовав: «Хватит, пошли». Могла запретить ему петь.

Давид Карапетян считает, что «Таня Иваненко хотела воспитать Высоцкого под себя. Таня покупала ему подарки на свою отнюдь не таганскую зарплату. Как-то, помню, мы отстояли многочасовую очередь за чехословацкими брюками по 11 рублей. Сама же Таня ничего не принимала от Высоцкого: гордость мешала. По-видимому, она смотрела на него глазами рядового члена коллектива таганской труппы. Она учила его правилам приличия: никогда не звонить друзьям и знакомым ночью без особой причины. Постепенно она присвоила себе право решать: когда ему петь в компаниях, а когда нет. «Включай магнитофон. Ты же хотел меня записать?» — обратился как-то Высоцкий ко мне. Следом пробралась Татьяна: «Не надо тебе, Володя, петь». Он снова уступил ей. Приобнял меня, отдвинул от Татьяны — дальше в спальню, плотно закрыл дверь. И тут же, без перехода: «Какая женщина, Давид, если бы ты видел, какие у нее волосы! Мари-на!»⁴²

Татьяна Иваненко проявила фантастическую изобретательность, лишь бы попасть на ту самую легендарную вечеринку в квартире Макса Леона. И там вызвала для «выяснения отношений» Марину Влади на традиционный российский «ринг» — кухню. «Были произнесены какие-то напыщенные фразы, которые сейчас мне кажутся смешными, — вспоминает Иваненко. — Влади сказала, что от такого мужчины, как Володя, она не отступит, даже если придется лечь на рельсы. А я ответила, что не родился еще мужчина, ради которого это могу сделать я... После этого я ушла...»⁴³

После бездарного и бессмысленного конфликта в доме корреспондента «Юманите» иначе как

«актерка» Марина Влади свою соперницу не называла...

Лишь в конце 90-х Иваненко отважилась на публичное признание своих отношений с Высоцким, в том числе сообщила и о существовании дочери Насти, отцом которой был назван Владимир Семенович.

Татьяна с гордостью говорила: «У меня много свидетелей, что это Володина дочь... Это и его мама, и Люся, первая жена, и его дети, которые Настю называют своей сестрой, и все наши друзья. Почему я не дала дочери фамилию Высоцкого? Такой уж у меня характер, такой был у нас жизненный период. Хотя я, опять же, могу привести массу свидетелей, которые скажут, что Володя на коленях меня просил записать ребенка на его имя. Я не хочу уточнять мотивы, это происходило в тот период, когда он был женат на Марине Влади...»⁴⁴

Правда, относительно «свидетеля Люси» есть определенные сомнения. Ведь сама Л.В. Абрамова как раз стремилась развеять легенду о том, что Высоцкий был отцом дочери Иваненко: «Если бы это было так, то Володя о ней заботился и не скрывал бы этого...»

Фотограф и издатель, ныне проживающий в Нью-Йорке, Валерий Нисанов категоричен: «Да нет у него никакой дочери. Пусть это утверждают такие, как Карапетян... Из-за Иваненко весь сырбор с Мариной и разгорелся. Да, у Володи была связь с Иваненко. Но мало ли с кем он мог жить?.. Высоцкий эту самую дочь не признавал. Если бы девочка была его дочерью, вряд ли Володя от нее отказался. Вся эта история раскрылась для Марины на похоронах. Услышав такую новость чуть ли не от са-

мой Иваненко, вернувшись с кладбища, она была очень возмущена: «Ужас! Что это за бляди! Сейчас все сразу станут Володиными женами!» Матом она ругалась всегда вовсю»⁴⁵.

А вот Борис Хмельницкий, для которого роман Высоцкого и Иваненко, естественно, не был тайной за семью печатями, считает, что «Настя действительно очень похожа на Володю, и только это говорит мне, что она — его дочь. У Высоцкого было столько связей, что в них запутаться можно!..»⁴⁶

Иван Бортник также подтверждал наличие у Высоцкого дочери: «Однажды в половине четвертого утра хмельной Володька завалился ко мне с открытой бутылкой виски в руке и говорит: «Поехали к Таньке, хочу на дочку посмотреть». Приехали, звоним в дверь — никого. Решили, что Татьяна у матери, отправились туда. А рядом отделение милиции — тутто нас и «загребли» менты: «О-о-о! — говорят. — Жеглов, Промокашка!» И в отделение. А Володька на лавку и сразу спать. Но в конце концов нас все же отпустили. Уже после его смерти Татьяна мне призналась, что была тогда дома и не открыла. «Ну и дура!» — заявил я ей. Ведь больше такого порыва у Высоцкого не возникало. А случилось это за полгода до его смерти...»⁴⁷

В одном из своих интервью⁴⁸ Татьяна Васильевна уверяла: «Я знаю одно — она (Марина Влади. — Ю.С.) хотела от него ребенка, но он был против. А я вот — родила...»⁴⁹

Родилась Анастасия Иваненко 26 сентября 1972 года. Отчество она носит Владимировна... Валерий Золотухин считает, что «в отличие от своей матери... дочь Володи абсолютно не амбициозна. Она считает, что вообще не нужно ничего афишировать.

Это их внутрисемейное дело. «Зачем тебе все это надо, мама? — успокаивает она Татьяну. — Мне не нужна фамилия Высоцкого. Я обыкновенная женщина, я нарожаю тебе внуков...»⁵⁰

После смерти Высоцкого Татьяне Васильевне (Тате) на память остались строки возлюбленного: «*Как все это, как все это было и в кулисах, и у вокзала! Ты, как будто бы банное мыло устранилась и ускользала...*» Эти поспешные и не вполне совершенные строчки, словно стали отголоском старого прозаического наброска Высоцкого «О жертвах вообще и об одной — в частности». Главный герой новеллы — актер Владимир — именно в кулисах страстно признавался: «*Таня! Я вам звонил!.. Я так хотел вам сказать, что я вас люблю... Я вас люблю!*»

Как рассказывал Валерий Золотухин, в знаменательный вечер знакомства с Мариной Влади, когда они с Высоцким «кобелировали», женским своим естественным напряженную сверхсексуальную атмосферу почувствовала тогдашняя спутница жизни Валерия Сергеевича таганская актриса Нина Шацкая, быстро уведя мужа домой и долго ему потом выговаривая. Сама же Нина Сергеевна зло высмеивает воспоминания бывшего супруга по поводу его «кобелирования» перед Влади: «Посмел бы он сказать такое, если бы Володя был жив! Высоцкий умел красиво и талантливо ухаживать, а Золотухин только выдрючивался в пьяном виде...»⁵¹

В 60-е годы один американский журнал-каталог опубликовал список 100 самых красивых актрис мира, и тринадцатое (счастливейшее!) место в нем заняла именно Шацкая. Как считал Золотухин, «Элизабет Тейлор, что называется, и рядом с ней не стояла...»⁵²

Мужчины млели, глядя на ее роскошные белокурые волосы, тонули в загадочных очах. Она овораживала, с ней стремились познакомиться, заговорить, взять за локоток. Критики-искусители дарили ей изысканные комплименты: «изумительно сложена», «прекрасное мраморное тело источает сияние в ярких лучах прожекторов...», «ослепление женской красотой...»⁵³

А уж когда в «Мастере и Маргарите» она продемонстрировала свою безукоризненную нагую спину, мужская половина зрительного зала взвыла от животного восторга и была готова целовать следы ее туфель на тротуарах. Владимир Семенович рассказывал о том, как некоторые граждане рвались к администратору театра, требуя билеты на спектакль «Солдат и Маргаритка», в котором, как им говорили, голую женщину показывают. «Она, во-первых, полуголая, до пояса, а во-вторых, сидит спиной. Поэтому ради этого только идти на этот спектакль не стоит. Хотя спина красивая у Нины Шацкой...»

Впрочем, Высоцкий не был героем ее романа.

Булгаковскую Маргариту Шацкая выстрадала. Накануне распределения ролей между ней и Любимовым пробежала черная кошка. «Шеф» обиделся и на роль Маргариты назначил Поплавскую и Наталью Сайко. Тем более что они внешне очень напоминали Елену Сергеевну Булгакову — маленькие, худенькие. Нине же досталась одна фраза в массовке. Но потом Сайко как-то не явилась на репетицию. «Юрий Петрович ко мне: «Шацкая, а вы знаете текст?» — рассказывала актриса. — Я говорю: «Да». «Да-а?» — весьма удивленно. — Ну идите на сцену». Ну я и пошла. Сыграла сцену с Азazelло. А на следующий день вышла на сцену Наташа, а Юрий Петрович из зала: «А где

Шацкая?» Она подбежала к нему, что-то говорит, говорит, а он головой качает: «Нет-нет, сегодня будет репетировать Шацкая...»⁵⁴

Нина Сергеевна, как утверждают, в студенчестве хотя и была прогульщицей, но отличалась строгим нравом. Скрепив свои чувства с Валерием Золотухиным законным браком на последнем курсе ГИТИСа, она родила ему сына, но когда ей порядком поднадоело гулевые шалости супруга, ушла вместе с сыном.

Как-то ночью ей приснился сон, главным героем в котором был Леонид Филатов. Утром она побежала в театр. И Леонид пришел туда, хотя никаких особых дел у него не было. Как вспоминает Шацкая, «когда я стояла в театре и думала, какая я дура, зачем пришла, вдруг кто-то поцеловал меня в затылок. Обернулась — увидела Леню, и наши руки сплелись...»⁵⁵

С Высоцким они встречались не только на репетициях и спектаклях. Время от времени бывали совместные вечеринки (особенно в «золотухинский» период, когда измученный отсутствием собственного жилья, Высоцкий частенько гостевал у них и даже оставался ночевать).

В 1966-м судьба свела Высоцкого и Шацкую вместе на съемках пустого и бездарного фильма «Саша-Сашенька». Потом Высоцкий, будучи по делам в Одессе, привел Нину к режиссеру фильма «Случай из следственной практики» Леониду Аграновичу: «Вам артистки нужны?..» Им сделали кинопробу, которую «они очень ловко и быстро сыграли — буквально «с листа», — вспоминал режиссер. — Сцена получилась очень хорошая, но Шацкая была, как бы это сказать, чересчур яркой для нашего фильма. Темпераментная, резкая, как дикая кошка. Играла, стара-

ясь показать товар лицом. Экспрессивно. Красивая женщина, интересная, но — чересчур. Она бы вырывалась из картины... Роль эту впоследствии сыграла Мила Кулик» (однокурсница по Школе-студии. А роль, которая предполагалась Высоцкому, в итоге досталась еще одному однокашнику — Роману Вильдану. — Ю.С.).

Станиславу Говорухину, снимавшему «Контрабанду», Высоцкий настойчиво рекомендовал привлечь к фильму Нину, и даже спел с ней в картине дуэтом пару песен — «Жили-были на море...» и «Сначала было слово печали и тоски...»

Она рассказывала: «Сначала мы поехали к композитору и где-то часик я посидела, поучила слова. И после этого уже была поездка в Дом звукозаписи на улице Качалова. Всего было записано три варианта. В первом пел один Володя. Во втором — одна я. И в третьем — вместе. А он был очень деликатен. Он говорит: «Надо Нину поставить ближе к микрофону!» И получилось, что я прозвучала громче, а он ушел на второй план. Мы спели красивое танго о любви двух океанских лайнеров, которое начиналось строчкой «Жили-были на море...» А это было в дни, когда в Театре на Таганке случился один из юбилеев. Мы готовили, накрывали столы. Потом гуляли почти всю ночь. А утром надо было лететь на самолете как раз на съемку в другой город, где мы с Володей по сценарию поем на палубе парохода это танго. Хорошо, мы молодыми были, здоровыми, утром я прилетела и только попросила режиссера дать мне поспать два часика. А у Володи в это время был роман с Мариной Влади, и он уехал на океанском лайнере с ней. И снялась только я. И в фильме я стою одна на эстраде и пою двумя голосами. А кое-

где только его голос... Володе очень понравился наш дуэт. И он тут же, при записи первой песни, предложил мне записать вторую — «Сначала было слово». И мы действительно с ходу ее записали... Ему вообще нравилось петь со мной. Он говорил, что у нас очень созвучны голоса, и предложил сделать совместную пластинку. Мне эта идея понравилась, но я в то время уже познакомилась с Леней, была в «своей» жизни, и этого не случилось...»⁵⁶ Очень жаль, что не получилось.

В целом, с кино Шацкой явно не везло. Впрочем, она по этому поводу не слишком комплексовала: «Не приглашают — ну, не приглашают. А так, чтобы рвалась, переживала: ах, меня не снимают. Я абсолютно равнодушна. А в кино меня звали все время на женщин-вампов. Клянусь. Парики какие-то черные делали. Смешно, ну какая я вамп? Нутро абсолютно другое. Наверное, внешность подводила: длинные волосы, высокая. Недоступная, как мне иногда говорили. Но такой себя никогда не ощущала. Это совершенно не в моем характере. Наоборот, была очень романтической. Все время влюблена во все на свете...»⁵⁷

В театре, как считал Леонид Филатов, «у Нины трагедия была в том, что ей никогда не удавалось нормально отрепетировать спектакль: на все лучшие роли ее вводили в последний момент, приходилось осваивать текст за неделю. Так она, кстати, была введена и на Маргариту, хотя сейчас представить странно, что вместо нее мог играть кто-то другой...»⁵⁸

В своих записках с репетиций Юрия Любимова спектакля «Преступление и наказание» публицист Григорий Цитриняк запротоколировал забавную сценку, когда Дунечка (Шацкая) приходит к Свид-

ригайлову (Высоцкий), и тот пытается ее изнасиловать.

Любимов давал установку:

«— Володя, расстегни ей платье — должно быть открыто полгруды... Так... Потом спокойно переходи в линию бедра... Спокойно обнимай ей ноги... Вот вот... И задирай ей юбку. Лезь под юбку...

Высоцкий никак не может расстегнуть платье, и Шацкая, хотя она по мизансцене находится в тот момент в глубоком обмороке, начинает помогать расстегивать платье. (В зале хохот.)

— Подождите. Тут нужно технику отработать. (Идет на сцену.) Володя, смотри, как надо...

— Голос: Ну, вдвоем-то вы справитесь! (В зале хохот).

— Опомнившись, Дуня должна ногами сильно оттолкнуть Свидригайлова, но это требует известной техники, чтобы не ушибить актера. (Вернулся в зал.) Важно, Володя, чтобы потом был большой проход. Надо отлететь к стулу, а потом самому перейти к коричневой двери. И уже оттуда ползти к ней — на весь монолог. Нина, застегивай, застегивай платье, грудь убирай. Поджимай ноги под себя и толкай.

Шацкая поджала ноги под себя и толкнула. Высоцкий отлетел не к стулу, а сразу к двери.

В. Высоцкий (потирая ушибленные места): — Она меня так шарахнула...

— Володя, распределись. Когда она тебя оттолкнула, ты лежишь в жалком состоянии. Поднялся, отошел от двери, пошел к ней, а от стула встанешь на колени и там метр проползешь на коленях: тебе надо искупить животное твое безобразие... Ну, еще раз: расстегни ей платье, обнимай ноги... И с азартом лезь под юбку.

Высоцкий расстегнул лежащей «в обмороке» Шацкой платье, обнял ноги и с азартом полез под юбку...»⁵⁹

А «на заре туманной юности», к 30-летнему юбилю Нины 16 марта 1970 года поэт подарил ей такие строки:

«Вагон здоровья! Красоты хватает.
Хотелось потянуть тебя за ухо...
Вот все. Тебя Высоцкий поздравляет».

Она была очень счастлива в браке с Леонидом Филатовым. Их считали чуть не идеальной театральной парой Союза. Когда муж тяжело заболел, Нина стала его ангелом-хранителем. Она вытягивала его с того света, прожив рядом с ним в больнице два с половиной года. Следила за диетой, каждые два часа переворачивала его с боку на бок, когда больной был недвижим. Любимая женщина как могла продлевала жизнь своему избраннику. Незадолго до смерти Филатов сказал: «Самый мой большой выигрыш в жизни — Нина...»⁶⁰

Многие из друзей и коллег Высоцкого сегодня вспоминают, что у него была, как выразился Золотухин, «такая миссия прелюбопытная — желание выдать своих любовниц за иностранцев». И далее он продолжает с нескрываемым оттенком зависти: «То, что они по мановению его мизинца ложились или летели к нему, было не обсуждаемо и само собой разумеющееся...»⁶¹

Однако бывали и иные ситуации. Ивану Бортнику, например, запомнился иной эпизод, когда его задушевный друг то ли от скуки, то ли благодаря возродившемуся чувству, позвал в гости Таню С. (Сидо-

ренко Татьяна, актриса театра. – Ю.С.), а она отказалась: «Володя, извини, но у меня есть мальчик, которого я сейчас люблю». И его это восхитило! Он ее зауважал. И позже немало ей помогал. Например, порекомендовал Владу Павловичу, югославскому режиссеру, снимавшему фильм «Единственная дорога», как классную актрису. Павлович к совету прислушался и взял ее на роль подпольщицы Любы. И более того – влюбился в белокурую «богиню с Таганки». А потом именно Высоцкий сделал все, что было возможно и невозможно, когда Таня попала в аварию. В больнице ей была предоставлена отдельная палата, ею занимались лучшие врачи и косметологи, отыскались лучшие медицинские препараты...

На Таганку Татьяна попала еще в 1971 году. Звезд с неба не хватало, но в репертуаре была задействована весьма активно. С Владимиром Высоцким на сцене они встречались в «Десяти днях...», «Павших и живых», «Антимирах». В ее активе была роль Дуняши в «Вишневом саде».

Была ли она красива? – вопрос праздный. Главреж Таганки – человек изысканнейшего вкуса – вряд ли доверил бы некрасивой актрисе роль Статуи Свободы в спектакле по известной поэме Евгения Евтушенко, верно? Да и сам Высоцкий слыл тонким ценителем женской красоты.

Внешне Сидоренко была женщиной того же плана, что и Таня Иваненко или Нина Шацкая. Не случайно в репертуаре Таганки они частенько дублировали друг друга: в «Часе пик» Иваненко и Сидоренко попеременно исполняли роль секретарши Божены, в «Товарищ, верь...» они же исполняли роли Керн и гадалки Кирхгоф, в «Преступлении и наказании» они же по очереди изображали Дуню. Ну и так далее...

Кстати, попутно замечу: будучи по натуре человеком «артельным», Высоцкий настойчиво предлагал кинорежиссерам «баб с Таганки». О Шацкой, Иваненко и Сидоренко уже говорилось. Добавлю, что именно с его подачи комиссаром в фильме «Служили два товарища» стала Алла Демидова. А затем она же и Инна Ульянова украсили фильм «Бегство мистера Мак-Кинли».

Я был бы святотатцем, коли бы обошел вниманием **Зинаиду Славину**, пожалуй, одну из самых главных звезд театра, из тех, на которых земля таганская тогда держалась. Эта угловатая, словно подросток, и в то же время удивительно пластичная женщина с резкими чертами лица и фигуры, сильная и беспомощная, была предана Таганке, как никто другой. Ее самотверженный патриотизм порой многим казался проявлением некоторого душевного нездоровья. А Высоцкий восхищался, как в смутные для Таганки времена, в конце 1960-х годов, когда на Любимова вот-вот должна была обрушиться неумолимая гильотина, Зина подкладывала в карманы Юрию Петровичу карточных королей с проткнутыми глазами, как защиту от всех напастей, при этом нашептывая стихотворные заговоры: «Иголка в сердце, и в печень, за злые речи...»

Поначалу театральные снобы твердили, что у нее нет обаяния, нет голоса, фактуры, что у нее «открытый нерв» – словом, сценические данные отсутствуют. (Ну, почти как в студийном приговоре студенту Высоцкому – «певческого голоса нет».) Однако она, студентка филфака Рижского университета, бросила свою учебу и поехала в Москву, поступать в театральный... А дальше была просто фантастическая история. Зина, проблуждав весь день

по Москве, вся в слезах, вечером остановилась перед большим серым домом актеров Вахтанговского театра, минуту помедлила, вошла в подъезд — и позвонила в первую попавшуюся квартиру. Дверь ей отворила профессор Щукинского училища В.К. Львова. На следующий день по просьбе Веры Константиновны Славина уже показывалась ректору училища Борису Захаве.

Третьекурснице Зинаиде Сладиной будущий главный режиссер «Таганки» Ю.П. Любимов поручил главную роль в спектакле «Добрый человек из Сезуана»... Она бессменно сыграла в нем Шен Те и Шуи Та более 1600 (!) раз. Потом был «Тартюф», «Мать», «Послушайте!», естественно, «Антимиры», «Деревянные кони», «А зори здесь тихие...» и множество других ролей.

Николай Губенко о ней говорил: «Зина — потрясающая работяга. Такая лошадка, которая всю жизнь, от восхода до заката, ходит по кругу. По кругу театра...»

Отношение Высоцкого к Зинаиде Сладиной было трогательно нежным, как к несмышленому ребенку. Он постоянно опасался, что ее кто-либо может обидеть, оберегал от мирской суеты. Славина вспоминала эпизод, когда Владимир как-то спросил ее, будет ли она на юбилейном вечере в театре. «Нет, Володя, у меня нет подходящего платья». Через двадцать минут у меня было платье в гримерной, в пакете. Он обратился к своим друзьям, которые помогли ему: принесли платье для меня. Он мне дал его и сказал: «Зинаида, будь незабудкой. Ты заслужила. Вот тебе платье...»⁶² Из Парижа он ей, как правило, привозил дефицитные в те годы колготки, приговаривая, что ножки должны быть аккуратные...

«Мне очень недостает Володи, — жаловалась Славина. — Он был очень азартный игрок, и мы всегда заряжались творчеством друг от друга. Например, в «Преступлении и наказании» я должна была обязательно слушать за кулисами, как он читает монолог Свидригайлова, ловить его верхнюю ноту и только потом «впрыгивать» в свою сумасшедшую Екатерину Ивановну. А если я этого не делала, то у нас получался диссонанс... Мы очень доверяли друг другу. Однажды я сидела в зале, смотрела, как он репетирует «Галилея», и плакала. Он увидел: «Ты плачешь, Зинок? Значит, это трогает? Это пойдет? Я отвечала: «Володя, милый, это будет на ура». И он радовался. У нас с ним была платоническая любовь, которая возвышала, помогала в искусстве...»⁶³ Славина называла своего партнера «человеком-праздником», который часто, приходя на репетиции, собирал ребят и говорил: «А я песенку сочинил, я вам спою» — и дарил свою новую песню.

Она с благодарностью вспоминает, как Владимир Семенович, «выездной» и материально почти благополучный, всегда старался помочь товарищам по театру — то сколачивал из нескольких человек бригаду и тащил за собой куда-нибудь в Донецк, где они за несколько дней давали два десятка концертов, то пристраивал на съемки. Так было, например, с фильмом «Иван да Марья», режиссеру которого Рыцареву Высоцкий заявил: «Если наших артистов не возьмешь — я тоже не буду сниматься». В итоге все рекомендованные актеры играли в фильме, а он отказался. А потом говорил: «Я вас продал за песни...»

Именно ей Высоцкий дней за пять до смерти жаловался: «Зинаида, ты знаешь, мне что-то очень тяжело, я чувствую себя очень плохо, мне как-то все время спать хочется». Она, забеспокоившись, участ-

ливо спрашивала: «Володя, Володя, кофейку принести, чайку тебе, что тебе принести, Вова?» А он опять повторял: «Ты знаешь, спать как-то очень хочется. Что-то я устал!..»⁶⁴

Отвечая на вопрос анкеты Меньшикова в 1970 году о любимой актрисе, Высоцкий, не раздумывая, написал: «Зинаида Славина». А к 10-летию юбилею театра разразился строками:

«Эх, Зина, жаль, не склеилась семья –
У нас там, в Сезуане, время мало...»

«Он был моим любимым актером, — признавалась Славина. — Мы были парой гнедых. Мне легко с ним было играть, потому что он помогал, он тянул, был лидером. И мы доверяли друг другу самое сокровенное, как брат с сестрой. На репетициях он знал текст первым. Все еще ходили с листами в руках, в Высоцкий уже все помнил наизусть... Он обычно рано приходил на репетиции. Готовился, делал гимнастику. Всегда повторял текст. Заглядывал в гримерную, говорил: «Давай, Зинок, пройдемся, чтобы отскакивало от зубов». А когда он один на ходу выверял текст, говорил вслух, не стесняясь. Мог не заметить людей... Мимо меня раз прошел с текстом, говорю: «Володенька, мы с тобой не поздоровались, ты что, сердись на меня?» — «Нет, — говорит, — я был в себе»... Разгримировывался он быстро, потому что всегда спешил домой. Быстро ездил на машине, и такая же быстрая походка у него была. И ел быстро, как человек, умеющий работать. Володя очень быстро заканчивал трапезу, не было с ним такого: посидеть в буфете, потянуть время...»⁶⁵

Они были знакомы еще до театра. Он как-то остановил ее в студенческом общежитии, сказал: «Хочу

тебе спеть, посиди, послушай. Есть у тебя время?» Он выбрал ее по глазам. Стал петь. Славиной песни очень понравились, она его расхвалила.

А потом, уже в театре, когда Зинаида делала ему комплименты, Высоцкий таял от смущения. Когда ругали — скулы ходили ходуном и пот заливал лицо. Именно к Славиной пришел Владимир Семенович за советом, когда его выгнали из театра за пьянство. Что делать? Актриса, недолго думая, лягнула: встань перед Любимовым на колени и скажи: «Отец родной, не погуби!» Высоцкий послушался. Но когда он рухнул перед «шефом» на колени, Юрий Петрович решил, что Высоцкий пьян и стал кричать: «Щенок, встань с колен! Ты что ползаешь, встать не можешь?» Прощенный Гамлет потом заглянул к Славиной: «Ну ты, Зин, и научила...»

Таганская Офелия — **Наталья Сайко**, вынырнув из «Шуки», как раз подросла к «Гамлету». Ее взяли на договор с годичным испытательным сроком. Нервничала, переживала, боялась провала, робела перед партнерами. Первая встреча с Высоцким случилась на дежурной репетиции «Десяти дней...». Первое впечатление — «порывистый, легкий, одержимый... За кулисами, во время перерывов — Высоцкий, Шаповалов, Золотухин, Бортник, Васильев, гитара и песни...»⁶⁶ Вчерашней студентке удалось быстро вписаться в первую обойму актрис театра. Не без помощи Высоцкого. Она говорит, что его отношение к ней было «какое-то деликатное, наверное, потому, что я была «очень неопытный товарищ». Она частенько вспоминает, как ей долго не давалась сцена сумасшествия Офелии, «та, где она напевает песенку и раздает веточки вербы. Я измучилась, но не могла найти верную интонацию. И Во-

лодя дал совет: возьми, говорит, вот эту строчку тоном выше. Обладая абсолютным слухом, он мгновенно определял, что мне мешает. И все получилось!..»⁶⁷

Сайко благодарна Высоцкому, который спас ее от любимовского гнева во время одной из репетиций. Это было как раз накануне поездки на белградский театральный фестиваль. Она легко могла «пролететь» мимо Югославии. Но многоопытному Гамлету очень ловко удалось отвлечь «шефа», переведя разговор-перебранку на сторонние проблемы. Но руки-ноги у Сайко и после репетиции дрожали. И она, усевшись за руль своей новенькой машины, с управлением, естественно, не совладала и — «отблагодарила» Владимира Семеновича, прилично приложившись к его шикарному лимузину. Мнительная, перепуганная до потери чувств Наташа долго не могла прийти в себя. Вечером буквально на коленях умоляла мужа дозвониться «жертве ДТП» и извиниться за нее. Выслушав «адвоката», Высоцкий засмеялся: «Яша, да ты скажи ей: пусть она плюнет на это дело. Что она переживает — это же железяка...»

Многим своим таганским коллегам Высоцкий, играючи, посвящал шуточные строки. Особенно повезло партнершам по дебютному спектаклю Любимова «Доброму человеку из Сезуана» — Людмиле **Возиян**, Елене **Корниловой**, Инне **Ульяновой**, которым к 100-му представлению (22 марта 1965 года) поэт подарил свои трогательные праздничные поздравления. Их, конечно, не стоит расценивать как поэтические шедевры. Скорее — это знаки особого внимания...

Ульяновой, например, он посвящает такие строки:

«Наша неизменная блондиночка!
Может, роли и не очень те!
Но обе проститутки ваши, Инночка,
На большой моральной высоте!»

Ульянова, вне всяких сомнений, была и есть обособленной фигурой таганской труппы. Она не стремилась соперничать с Демидовой или Славиной, но неизменно оставалась заметной на сцене. Да и в кино, и на телеэкране. Но главное — в жизни.

Одна из киногероинь Ульяновой — дама в лисьей накидке — дерзко заявляла незабвенному Штирлицу: «В любви я — Эйнштейн!» Сам того не ведая, автор сценария «Семнадцать мгновений...» попал в «десятку».

По мнению знатоков «закулисья», ее всегда окружали видные мужчины. Поговаривали о многолетнем романе Ульяновой с легендарным олимпийцем, прыгуном в высоту Валерием Брумелем. Хотя сама Инна Ивановна утверждала, что «он никогда не был моим любовником, скорее, «подружкой»... За то время, что мы были соседями по дому, и он, и я поменяли супругов несколько раз...»⁶⁸

Самым романтичным и ярким из поклонников Инны Ивановны был сын вечной страны любви — Франции — военный летчик эскадрильи «Нормандия-Неман» Жан-Пьер Константер, которого Инна звала просто Костей. Они случайно познакомились в 1977 году в Москве. Роману помог разгореться сказочный гастрольный тур «Таганки» по Франции, состоявшийся спустя несколько месяцев. Она признавалась, что «все свободное время между спектаклями... посвящала рандеву с Жан-Пьером. Я влюбила его в себя...»⁶⁹ Так что же, выходит, не только Высоцкому было по плечу кружить головы

«беспечных парижан»!.. Впрочем, Ульянова сожгла переписку со своим французским другом, письма можно было мерять килограммами.

Как-то, подводя определенные итоги, Инна Ивановна призналась: «У меня были потрясающие романы. Согретая под пальто мимоза, письма, стихи... Романы были красивые, поэтические, не какие-то там таскания по мужикам. Если я начну о них рассказывать, потребуется... несколько десятков часов...»⁷⁰

Официальная пассия «шефа» (даже для Целиковской, которая считала увлечение «Юрочки» прощительной слабостью), весьма и весьма соблазнительная Леночка Корнилова удостоилась таких, несколько двусмысленных, строк от Высоцкого:

«Если будешь много плакать
И за все переживать, —
После сотого спектакля
Будет нечего рожать».

Марина Полицеймако, немало отыгравшая с Высоцким на таганских подмостках, рассказывала, что «часто за кулисами он сочинял рифмы — абсолютно отрешенный, обособленный ото всех. Помню, подошла к нему после «Преступления и наказания»... сказала: «Володя, как хорошо ты сегодня играл!» Высоцкий обрадовался похвале как ребенок! «Знаешь, — ответил, — это пока так, а потом будет еще лучше»... Она считала, что «Володя был очень большим человеком... болезнь была страшной: он же тратил себя, спал по три-четыре часа в сутки, работал бешено, наизнос. У него был горячий темперамент и масса творческих замыслов, а еще он был неухоженным и каким-то неприкаянным». Журналистка, беседуя с Мариной Витальевной, попыталась

возразить: «Но ведь вокруг было огромное количество женщин». Полицеймако же непоколебимо стояла на своем: «И тем не менее он был очень одинок!..»⁷¹

За Семена Фараду она вышла замуж отнюдь не юной девушкой, в 39. Родила. И по сей день кланяется Владимиру Высоцкому за помощь: «...У меня начался мастит, — вспоминает актриса, — и он (муж. — Ю.С.) в перерывах между репетициями бегал за молоком. Володя... был единственным из наших актеров, кто имел доступ к валютным магазинам. Когда он увидел, что на Сене нет лица, купил в «валютке» банку сухого детского молока, которого нам хватило на несколько месяцев...»⁷²

У «вскормленного Высоцким» их сына Михаила, само собой, образовалась собственная версия спасения «от голодной смерти»: «мама близко дружила с Владимиром Высоцким, и он после очередной поездки во Францию привез мне детскую смесь...»⁷³

С годами сменялись поколения актеров Таганки. Меркли прежние, загорались новые «звездочки», появлялись иные фаворитки.

Актриса театра **Любовь Селютина** (очередная Сонечка Мармеладова в «Преступлении и наказании») признавалась: «Мне хотелось к ногам Высоцкого упасть, когда видела его глаза под наркотой...»

Именно ей Юрий Петрович Любимов доверил роль «женщины в черном, той, кто оплакала свой век, своих погибших, кто осталась верна памяти убитого Поэта. Ее историческое имя — Анна Ахматова... Вся в черном, одновременно похожая на двух главных Муз любимовского театра — Демидову и Славину, она и в самом деле подобна античной жрице, плакальщице на похоронах Поэзии...»⁷⁴

Проницательная ревнивица Марина Влади в своей книге «Владимир...» наотмашь заклеила «баб с Таганки»: «Особенно ненавидели тебя девочки. Они распространяли слухи, пытались поссорить тебя с Любимовым, превратили театр в корзину с копошащимися крабами...»⁷⁵

Бог им судия.

В театре служили не только актрисы. Работавшая на «Таганке» гримером **Ольга Петренко** рассказывала: «Я тогда буквально на крыльях на работу летала. Высоцкий всегда приходил за несколько часов до спектакля... Володя очень основательно готовился к роли — входил в образ, долго примерял разные парики. Сам он никогда не гримировался... полностью доверял нам... В «Преступлении и наказании» он играл Свидригайлова. В исполнении Высоцкого Свидригайлов был ну просто гадом, человеком-пауком, втирающимся в доверие. Образ, созданный Володей на сцене, оказался настолько убедительным, что персонаж этот превратился в основной, вокруг которого уже разворачивалась драма Раскольникова. Даже Любимов не ожидал такой метаморфозы. И создать этот хитрый образ помогли Высоцкому мы, гримеры...»⁷⁶

Говоря о закулисных нравах, трудно не довериться опыту ветерана сцены и кинематографа **Ольге Аросевой**, которая с удовольствием откровенничала: «В свое время, когда Сатира выезжала на гастроли, гостиничные горничные разводили руками и спрашивали наших красавцев: «Ребята, а семьи-то у вас есть?» Потому что на их глазах ребята завтракали в одном номере, обедали в другом, а спали в третьем. Театр без романов — это ужас. Я не за пошлость. Но я — за романы...»

Вот так!

Театральные и кинематографические мэтры утверждают, что романы между актерами — огромное подспорье в работе. С этим трудно спорить, да и к чему? Ведь любовь — это именно то чувство, которое труднее всего имитировать. Особенно на сцене. Это — всегда допинг.

*«Представьте — муза ночью
у мужьяны!»*

Бог весть, что люди скажут про нее...»

В середине 1960-х Высоцкий попадает в высший свет тогдашней столичной интеллектуально-богемной элиты. Был даже удостоен чести встречать новый, 1965 год, в доме самого (! — Ю.С.) Андрея Вознесенского. Кроме жены поэта **Зои Богуславской**, там присутствовала и **Майя Плисецкая** с Родионом Щедриным, и другая публика. Высоцкий для моральной поддержки же прихватил с собой друзей — Смехова и Кохановского. Ну, и, естественно, «в обнимочку с обшарпанной гармошкой, — меня и пригласили за нее...»

Носительница титула Божественной, Майя Михайловна, была совершенно покорена «Письмом на сельхозвыставку». Слушая ее, она так отчаянно хохотала, что молодой автор от смущения вынужден был прерваться.

В унисон ей задыхалась от смеха восходящая звезда балета Екатерина Максимова, проникнувшись страданиями героя ВДНХ, умолявшего невесту не писать ему про любовь.

Примерно тогда же, в середине 60-х годов, у Высоцкого приключилась забавная романтическая ночь еще с одной видной балериной. Алла Осипенко в ту пору уже была народной артисткой России, звездой Кировского театра.

А начиналось все просто. Питерские актеры 1 мая решили пригласить к себе друзей с Таганки, впервые выехавших на гастроли. Гостей оказалось много, больше десятка. Плюс сюда, в гостеприимный дом по Новочеркасскому проспекту, свои подкатали, тюзовцы, кировцы. Весело было. «Я, возможно, и Высоцкого бы не запомнила, если бы остаток ночи мы не провели вместе. Володя был с какой-то неизвестной мне девушкой, блондинкой. Могу только предположить, что это была «гастрольная девушка». За все время нашего общения девочка не произнесла ни одного слова! И голоса ее я так и не услышала! Я, было, даже подумала, не глухонемая ли она... Скорее всего, это была одна из его, в то время еще немногочисленных поклонниц... Я уже была наслышана, что Высоцкий поет под гитару свои песни, что он в компаниях заводила. Мне казалось, что дай ему гитару, и Высоцкий будет петь ночь напролет! Но какого-то яркого впечатления от его пения у меня не осталось. Совру, если скажу, что тогда все вертелось вокруг Высоцкого. Володя не пил. Не знаю, был ли он «подшит» или просто был, что называется, в завязке. Да и вообще Высоцкий показался мне очень замкнутым, даже мрачным человеком. В его поведении чувствовалось некое напряжение. Допускаю, что сказывался комплекс неполноценности, когда все вокруг пьют, а тебе нельзя...»¹

Алла тоже не пила — была за рулем. Да и вообще настроения не было: с мужем, актером Геннадием Воропаевым, нелады. Поближе к утру, часика в четыре,

засобиравшись домой. Ее попросили захватить с собой Высоцкого и подбросить его в гостиницу «Октябрьская». Она согласилась с большой неохотой: не хватало еще этого мрачного попутчика.

В «Волге» Высоцкий уселся рядом с водительшей, а девушка расположилась сзади. «Володя попросил меня покатасть по городу, показать ему не парадный Ленинград, не тот, что показывают каждому приезжему... Возила я их и к Новой Голландии, и на Кировские острова, показывала какие-то... переулочки. Показала Петербург Достоевского... Не могу сказать, что Высоцкий воспринимал виденное «Ах, ах, ах!» Нет, спокойно, но с интересом. На Крестовском острове подвезла к дому, где до революции был офицерский бордель. Володе захотелось заглянуть внутрь. Мы вошли в парадное. Там еще сохранился камин, помещение, где размещались апартаменты бандерши. Поднялись на второй этаж — длинные коридоры и множество дверей... Когда мы вернулись в машину, Высоцкий, которого так же, как Воропаева, женщины называли «переходящим Красным знаменем», принялся уговаривать меня не уходить от Воропаева! Я удивилась: «Володя, а почему вы меня уговариваете?! Коль вы уж начали этот разговор, значит, в какой-то степени посвящены в наши семейные дела. Значит, вам известна причина развода». — «Да. Поймите, Алла, у вас с Геной есть сын! А дети — это же самое главное, что может быть в жизни человека! Все остальное — преходящее!..» В какие-то моменты он был категоричен: «Алла, вы не имеете права разводиться!»²

И это говорил Высоцкий!.. Хотя, может быть, тут сказывались элементы каких-то своих личных переживаний. Кто знает?..

Алла с ним спорила, приводила свои резоны: дескать, Воропаев сам не думает о сыне, считает, что таких красавцев, как он, не бросают и т.д. Словом, разговор затянулся до половины седьмого утра. Уже выходя у гостиницы, Высоцкий сказал ей на прощание: «А вы все-таки хорошенько подумайте...» Все. Больше они не встречались, разве что Алла Евгеньевна частенько посещала потом Таганку и восхищалась игрой на сцене своего ночного собеседника. Как она говорила сегодня, «в моей жизни была одна-единственная ночь с Высоцким, но такая, какой, вероятно, больше ни у кого не было...»

В моменты тоски или творческого кризиса — «не пишется, душа нема...», он обращался прежде всего к друзьям. А однажды «поплакался в жилетку» жене Вознесенского Зое-Озе. Потом отписал в Магадан Игорю Кохановскому, что она его успокоила: «сказала, что и в любви бывают приливы и отливы, а уж в творчестве и подавно...»³

Зое Борисовне явно приходилась по душе роль наставницы. С не меньшим удовольствием она пользовалась Высоцкого в решении своих, сугубо житейских проблем. Когда с сыном Богуславской случилась очередная неприятность в школе, она сочла, что лучшим способом смягчить ситуацию — организовать выступление Высоцкого в школьном актовом зале. (Почему же не мужа-поэта? Представляла разновеликость?.. Кто знает?.. — Ю.С.)

Высоцкий на предложение Богуславской с легкостью согласился: «А что, давай!...» Гитары в тот день у него не оказалось. Обеспокоенная мать достала. В школе он выступил, а потом попросил: «Мне сегодня надо еще в два дома съездить, дай мне эту гита-

ру». А утром звонок: «Зоя, гитара потерялась». В каком доме, где он побывал за ночь, бог его знает... Господи, хватаюсь за голову: что же делать?! Антикварная. Ее Зураб Церетели купил. Или взял у кого-то. Я звоню: «Как быть, Зураб?» — «Забудь, дорогая! Все в порядке. Будем мы огорчаться из-за такого пустяка!...»⁴

Богуславская не мнила себя красавицей, но была уверена: «что-то притягивало ко мне». Любила ли она мужчин? Да. «За то, что они мужчины. Предпочитаю честность, способность иронического отношения к себе, мужчин, неординарно поступающих и мыслящих...» Соответствовал ли этим требованиям Высоцкий? Тут нужен знак не вопроса, а восклицания!..

Совершенно особые, возвышенные и трепетные чувства питал Высоцкий к поэтессе **Белле Ахмадулиной**. Как к профессионалу — раз. И как к женщине, естественно, тоже. В их отношениях присутствовал элемент нежного обожания.

В свое время у Ахмадулиной и Высоцкого мог состояться своеобразный поэтический поединок, или некая творческая дуэль в экспериментальном фильме братьев Климовых «Спорт, спорт, спорт». Герман Климов — автор сценария — придумал отдельный эпизод: «философско-поэтический диалог о спорте. Один поэт, говоря о реалиях спорта, о его вышибающих искры парадоксах, ведет свою линию наступательно, жестко и зло, другой, не вступая с ним в полемику, отвечает возвышенно и косвенно, говорит о духовной подоплеке поражений и побед, о потаенной сути спорта, который в сконцентрированном виде и есть сама жизнь. Кандидатуры поэтов мы определили почти сразу: Высоцкий и Ахмадули-

на. Оба так же сразу согласились...»⁵ Но что-то там не сложилось, хотя к этой работе Владимир Семенович готовился серьезно. В архивах сохранились черновые наброски несостоявшегося диалога.

Даря Высоцкому свой сборник «Стихи», Белла Ахатовна написала нежное посвящение: «Володя, как я люблю тебя! Как я счастлива, что — ты! Марина, моя нежность к тебе, мое безмерное восхищение — как объяснить? Люблю. Целую. Белла».

А он ей потом чувственно ответил: «*И пели мы Белле, молчали мы Белле. Уйти не хотели, как утром с постели... Идите смягчиться не к водке, а к Белле!..*»

Людмила Абрамова была благодарна Ахмадулиной: «Белла Ахатовна... поняла, что он никому не меньшей. Наверное, интуитивным, женским, жалостливым чувством, как и я...»⁶

Рассказывая о Высоцком, Ахмадулина говорила: «Дружила... Вот на этих ступеньках он сидел, читая нам стихи и совершенно искренне горя об их неиздании. Я очень старалась ему помочь, пробить туманное и непонятное сопротивление официальных лиц. Но что я могла... Я иногда шутила: «Володька, меня скоро выгонят из Союза писателей, иди на мое место...» А как ждал Володя своей книги при жизни, как удивительно наивно, по-детски хотелось увидеть ему свое слово напечатанным...»⁷

Она печалилась: «Я имела счастье числиться в его товарищах. О, если бы вы знали, как желала я тогда, чтобы его печатали... Сегодня видно, как вредило ему, что стихи не печатались. Он вытягивал голосом по три варианта строки, а решения — ни одного...»⁸

После смерти Высоцкого Ахмадулина признавалась, что «очень любила получать от него письма. Бе-

зумно радовалась, когда Володя и Марина уезжали на автомобиле в Париж. Тогда я сидела возле окна и думала: как здорово, что они сейчас едут в этом автомобиле. И им хорошо вдвоем. Володя всегда мог написать строчку, после которой было хорошо несколько дней...»⁹

Ее поражала невообразимая широта характера Высоцкого: «Он был необыкновенно щедрый, необыкновенно добрый человек. Ему ведь очень трудно приходилось зарабатывать деньги, к тому же он был окружен всяческими запретами. У меня однажды было такое положение, что совершенно необходимы были деньги. Я ему позвонила. Он думал буквально полминуты, где взять деньги, а потом привез их. А ведь у него самого не было, он для меня достал...»¹⁰

Борис Мессерер с восторгом вспоминал, как они «тесно дружили вчетвером... Ходили друг к другу через день. А потом мы поехали к ним в Париж. Жили на «рю Росле», маленькой улочке, где у Марины была квартирка с четырьмя крошечными комнатами. Володя уезжал на спектакли в Москву, снова приезжал. Вместе мы были в гостях у Миши Шемякина...»¹¹

Это сказочное предрождественское путешествие четы Мессерер-Ахмадулиной в город «Парижск» состоялось в конце 1976 года. В тамошних ресторанах балетно-изящные официанты подавали им «кальвадос» и диковинные блюда. И улыбались.

Как-то московские путешественники заблудились. «И Володя Высоцкий задумчиво сказал: «Знаешь, в одном я тебя превзошел». Ахмадулина удивилась: «Что ты! Ты меня во всем превзошел!» — «Да нет. Я ориентируюсь еще хуже, чем ты...»¹²

Но вот уж ресторан «Распутин» Высоцкий мог, безусловно, отыскать и с закрытыми глазами. Он водил туда своих гостей послушать Алешу Дмитриевича. «Возможно, благодаря тому, что Алеша не умел читать и писать, у него был бешеный нюх! — вспоминал потом Костя Казанский. — Ахмадулина сказала: «Господи, на каком языке он поет! Давай напишем ему слова!» А Володя говорит: «Оставь, это его язык, русский Алеша Дмитриевича!..»¹³

Как счастлива была Ахмадулина, когда Высоцкий опять-таки с помощью Марины Влади подарил ей невероятную встречу с живым классиком русской литературы Владимиром Набоковым... «Мы с мужем Борисом Мессерером оказались в 1977 году в Швейцарии и мои друзья, русские люди, живущие за границей и безмерно любящие Россию, знавшие про мое отношение к Набокову, организовали мне встречу с ним...» — рассказывала она¹⁴

На вечере памяти Владимира Семеновича в Центральном доме кинематографистов 24 января 1987 года Изабелла Ахатовна говорила: «Высоцкий — несомненно, вождь своей судьбы. Он предводитель всего, всего своего жизненного сюжета... И мне довелось из-за него принять на себя жгучие оскорбления, отношение к нему как к независимому литератору. Я знаю, как была уязвлена столь высокая, столь опрятная гордость, но опять-таки будем считать, что все это пустое. Я полагаю судьбу Высоцкого совершенной, замкнутой, счастливой. Потому что никаких поправок в нее внести невозможно...»

Смерть Владимира Семеновича, словно короткое замыкание, шарахнула по поэтам. Одной из первых боль коснулась Ахмадулиной.

Она написала в шекспировском стиле:

Твой случай такой, что мужи этих мест и предместий
Белее Офелии бродят с безумьем во взоре.
Нам, виды выдавшим, ответствуй, как деве прелестной:
Так быть или как? Что решишь ты в своем Эльсиноре?

Пусть каждый в своем Эльсиноре решает, как может.
Дарующий радость, ты — щедрый даритель страданья.
Но Дании всякой нам данной тот славу умножит,
Кто подданных душу возвысит до слез, до рыданий.

Спасение в том, что сумели собраться на площадь
Не соборим сброд, бегущим смотреть на Нерона,
А стройным собором собраться, отринувших подлость.
Народ невредим, если боль о певце всенародна.

Народ, народившись, не неуч.
Он ныне и присно не слушатель вздора.
Быть или не быть? Вот вопрос — как нам быть?
Не взыщите.
Не жаль, что сердца разбиваются наши.
Лишь так справедливо.
Ведь если не наши, так чьи же?!.

Затем Ахмадулина принимала живейшее участие в разработке концепции мемориального спектакля памяти Высоцкого. Во время одного из «мозговых штурмов» высказала шальную идею: поставить «Гамлета» ... без Гамлета... Еще она сказала: «...Пекло боли останется безутешным, и навряд ли найдется такая мятная прохлада, которая когда-нибудь залижет, утешит и обезболит это всегда полыхающее место»¹⁵

Однако бывший муж Беллы Ахатовны писатель Юрий Нагибин считает, что «Б. Ахмадулина недобра, коварна, мстительна и совсем не сентиментальна, хотя великолепно умеет изобразить беззащитную растроганность. Актриса она блестящая... Белла холодна, как лед, она никого не любит, кроме — не себя даже, а производимого ею впечатления...»¹⁶ С ним

категорически был не согласен другой бывший муж Ахмадулиной, поэт Евгений Евтушенко, с восхищением рассказывая, что его первая жена была единственной, кто отважился навестить опального академика Сахарова в горьковской ссылке, с нежностью добавляя при этом: «Вот такая она, наша Беллочка!»¹⁷

Однокурсница Ахмадулиной по Литературному институту **Юнна Мориц** явно переоценила свои хрупкие силы, когда в начале 71-го года попыталась вмешаться было в «операцию» по спасению Высоцкого от самого себя и их общего пагубного недуга, обманом отобрав у него авиабилеты на Кавказ. Ее темпераментный напор и бесцеремонность сперва вызвали у Владимира Семеновича недоумение, а затем мягкий, но решительный отпор.

Хотя, вполне возможно, действовала она из самых лучших побуждений, стремясь уложить Высоцкого хотя бы на короткое время в «психушку» к своему знакомому врачу. Не стоит строго ее судить. Тем паче, именно Юнна Петровна Мориц одной из первых среди поэтов откликнулась на смерть Высоцкого. Помните ее строки «Все корни тянутся к свободе, и все поют стихи, Володя, и счастья нет, и свет в окне...», ставшие прекрасной песней? И еще нужно низко поклониться Мориц за мастерский перевод с украинского удивительной «Песни старого лирника» («Майдан») Виталия Коротича, исполненной в память о Высоцком семейным дуэтом Никитиных.

А первооткрывателем живого, сочного языка песен молодого Высоцкого среди женщин-поэтов была сама **Анна Андреевна Ахматова!** Да-да, именно Ахматова, чье имя во все годы XX столетия было окутано дымкой легенд и тайн. Опальная и недостижимая,

как свергнутая с престола, но не потерявшая имени и достоинства, императрица-мать.

Встречалась ли Анна Андреевна с глазу на глаз с молодым Высоцким? Как свидетельствовал Павел Леонидов, да. И якобы эту встречу двух поэтов организовал писатель-сатирик Виктор Ардов, близкий Ахматовой человек. Высоцкий вроде бы пел Анне Андреевне «Парус», она благосклонно поблагодарила и сообщила начинающему собрату по перу, что слышала его имя от актера Алексея Баталова. И тогда же на своей книге «Реквием», изданной где-то на Западе, якобы написала — «Моему юному другу Владимиру Высоцкому»... Возможно, это встреча поэтов одного века, но разных эпох, была очередным мифом?.. Тогдашняя спутница жизни Высоцкого Люся Абрамова, например, напрочь отрицает вероятность подобной встречи¹⁸.

Но, во всяком случае, нобелевский лауреат Иосиф Бродский рассказывал, что «впервые я услышал его из уст Анны Андреевны — «Я был душой дурного общества...»¹⁹

В свое время Высоцкий гдето добивался встречи с вдовой Осипа Мандельштама легендарной **Надеждой Яковлевной**. Началось все довольно прозаически. Высоцкого попросили помочь молодой художнице Татьяне Осмеркиной устроиться на работу в театр. Он отказал довольно резко: «Нет. Я никого не устраиваю».

Прошло какое-то время, и Высоцкий неожиданно узнает, что, оказывается, Танина мама ходит в приемельницах Надежды Яковлевны Мандельштам.

«Он так ко мне пристал, чтобы я их с Надеждой Яковлевной познакомила, — рассказывала Татьяна, — обещал, что он и пить не будет... Он сказал мне:

«Стихи Мандельштама спасли меня от безумия и от смерти. Я бы отдал все, чтобы она выслушала меня». А Надежда Яковлевна сказала: «Кто? Какой еще Высоцкий?.. — И вот тут она опять стала прежней Надеждой Яковлевной. — Нет. Нет. Нет. Это не моего плана, и вообще, зачем это мне?» Я так обиделась на нее. А главное, я ему-то обещала. Не потому, что там мне театр был нужен, он мне сам очень нравился. Мне нравились его вещи, и он так хотел с ней познакомиться... Я ужасно на нее обиделась. И маме это сказала. Та просила тоже, но Надежда Яковлевна была неумолима. И так небрежно о нем, как Анна Андреевна (Ахматова. — Ю.С.) о Вертинском...»²⁰

Ахматова — прямая наследница царскосельской культуры, где не было ни тени хамства и пренебрежения к собеседнику, испытывала спокойное равнодушие и безразличие к творчеству Вертинского. Это-то и убивало автора душещипательных романсов о «китайчонке Ли», «лиловых неграх», «доченьках» и пр.

Жена писателя Юрия **Трифонова Ольга Романовна**, также имевшая профессиональное отношение к литературе, прекрасно помнит совместную встречу последнего для Высоцкого Нового — 1980 — года: «Наши соседи по даче собрали звезд. Был Тарковский, Высоцкий с Мариной Влади. Люди, нежно любившие друг друга, чувствовали себя почему-то разобщенно. Все как в вате. Мне кажется, причина заключалась в слишком роскошной еде — большой жратве, необычной по тем временам. Еда унижала и разобщала. Мы сидели рядом с Владимиром Семеновичем, я видела гитару в углу, мне ужасно хотелось, чтобы он спел. Я неловко подольстилась к нему: «Хорошо бы позвать Высоцкого, он бы спел».

И вдруг он очень серьезно и тихо сказал: «Оль, а ведь здесь никто, кроме вас, этого не хочет». Это была правда... Все закончилось очень плохо. Каким-то девицам было скучно, среди ночи они захотели в Москву. И Владимир Семенович их повез. Марина казалась очень недовольной, нервничала. Он обещал, что довезет их только до шоссе — это два километра, но не вернулся. Потому что повез дальше в Москву, и там они попали в аварию. Под утро позвонили врачи, сообщили, что Высоцкий в больнице. Благодаря их усилиям уголовное дело не возбудили... Девицы пострадали не сильно, но машина была разбита...»²¹

(Пострадали другие: Абдулов и Янклович. Они потом, как рассказывал мне постоянный спутник Владимира Семеновича в гастрольных поездках Николай Тамразов, называли из больницы и ему, и Высоцкому: «Ребята, приезжайте, мы уже тут всех медсестричек перетрахали!..»)

Кинокритик, кандидат искусствоведения **Ирина Рубанова**, автор единственного прижизненного буклета (брошюры?) о Владимире Высоцком, вышедшего в 1974 году, с особой гордостью рассказывала о своих взаимоотношениях с героем очерка: «Я не была с ним знакома и решила, что напишу статью без общения с ним. Не хотела, чтобы он на меня как-то повлиял, чтобы я зависела от него. Когда книжка... вышла... он мне позвонил просто... Высоцкий уже тогда был знаменит, он уже был с Мариной Влади. Первый вопрос, который он мне задал, меня поразил. Он спросил: «Вы действительно так думаете, вы так серьезно и профессионально разобрали эту роль. Она действительно кажется вам серьезной?» (Речь шла о роли фон Корена в фильме «Пло-

хой хороший человек». – Ю.С.) Затем я ему послала рекламный экземпляр буклета, текст которого он читал... Мне удалось организовать и творческий вечер-концерт, с которым он выступал... Он человек был сложный, и другим быть не мог...»

Слава богу, была при театре на Таганке такая славная девочка, как Ольга Ширяева. Начиная с 1965-го года она вела дневники и фотохроники, посвященные Таганке и, естественно, Высоцкому. Впервые она переступила порог театра, будучи девятиклассницей.

Оля училась в спецшколе с расширенным преподаванием немецкого. Увлекалась переводами. Высоцкий ее всячески в этом поддерживал. Ее мама – Муза Васильевна Найденова – работала в Институте русского языка АН СССР, стала организатором его сольного концерта в этом серьезном учреждении. В начале 1970-х Оля Ширяева окончила иняз, работала в «Интуристе», потом в издательстве «Мир». Валерий Золотухин, благословляя публикацию Олиных записей, рассказывал: «Она не сразу согласилась передать в газету свои дневниковые записи. Согласилась, лишь когда ей очень серьезно объяснили: это тоже документ времени. Пишите, девочки...»²²

Позволю себе небольшой фрагмент из дневников Ольги Ширяевой. «24.01.67 – в канун Володиного дня рождения я собиралась дарить ему свой перевод избранных сцен «Преследования и убийство Жан-Поля Марата...» Петера Вайса, который три вечера подряд печатала на машинке одним пальцем... В антракте я нашла Володю. Он стоял в длинной очереди в актерском буфете. Вокруг было много народу, масса свидетелей. Я подала ему пакет, но предусмотрительно просила, чтобы он пока не

смотрел, что там, потому что я от смущения проваляюсь сквозь землю. Говорила всякие поздравительные слова, а Володя благодарил, хотя не знал за что. Я быстро убежала...»²³

Смешная девочка-очкарик, трогательная, самоотверженная, преданная. Спасибо ей – «за настойчивость и терпение». Взятые в кавычки слова – фрагмент благодарственной надписи Высоцкого автору данных записок на моем самодельном томе его стихов.

Тонкий знаток театра **Наталья Крымова** в свое время писала: «Счастлив тот, кто видел нежного Высоцкого...»²⁴ Она была первым профессиональным литератором, который отважился написать о Владимире Высоцком добрые слова – в январе 1968 года в весьма специфическом журнале «Советская эстрада и цирк» появилась ее статья «Я путешествую и возвращаюсь», несколько абзацев которой было посвящено ему. Да еще с фотографией! Да еще и в канун его 30-летия! На одном из посмертных дней рождения Высоцкого его близкие и друзья рассыпались в комплиментах Натальей Анатольевне, вспоминая, какую невероятную радость она доставила ему той своей первой публикацией. «И как будто мне ОТТУДА пришла благодарность...» – говорила Крымова.

Наталья Анатольевна очень точно определила истоки прохладного, мягко говоря, отношения к поэту со стороны официальных лиц: «Высоцкий был непредсказуем и неуправляем – он был опасен»²⁵.

Увы, больше новых, изящных и отточенных, словно стрелы, оценок творчества и характера Высоцкого, принадлежащих Наталье Анатольевне Крымовой, мы уже не прочтем.

К сожалению, вслед за Крымовой в начале февраля 2003 года ушла из жизни писательница, фотомодел, поэтесса, певица и еще бог знает какими дарованиями наделенная **Наталья Медведева**. Ей было всего 44. Она была совершенно уверена, что все еще у нее впереди — и новые книги, и новые клипы, и новые песни, и вообще новая жизнь.

Она хорошо знала Владимира Семеновича и собиралась писать воспоминания о встречах с ним и другими выдающимися мужчинами. В своем интервью, которое было опубликовано уже после ее кончины, Медведева говорила о Высоцком: «У нас были очень тесные отношения, даже более того... Это была интересная жизнь. Я столько лет молчала... Если расскажу вам, вы сделаете себе имя, а я опять останусь за бортом. Поэтому я сама все напишу в собственных воспоминаниях. У меня еще много времени впереди. Моя жизнь только начинается...»²⁶

Ошиблась.

Хотя, безусловно, в ее короткой жизни было спрессованно столько бурных, ярких событий, встреч. Чем-то она копировала судьбу и метания Высоцкого.

Наталья Медведева долгие годы была одной из наиболее скандальных и эпатажных особ как российского, а потом и парижского бомонда. Натальи еще не было семнадцати, когда ей, питерской девочке из подвальной богемы, удалось выскочить замуж и оказаться в заморском городе Нью-Йорке. Там она начала работать как манекенщица, позировала для «Плейбоя», снималась в рекламе. В Лос-Анджелесской консерватории Медведева освоила эстрадный вокал, с успехом стала исполнять русские романсы, шлягеры из мюзиклов в тамошних кабаках

и ночных клубах. Развелась, потом вновь вышла замуж. Познакомившись с бесшабашным и малопресказуемым писателем-эмигрантом Эдичкой Лимоновым, в начале 80-х перебралась в Париж. Там концертирует, в том числе в знаменитом кабаре «Распутин», выпускает компакт-диск, пишет романы «Отель «Калифорния», «Мама, я жулика люблю!». Одновременно выступает на подиумах в Японии, США, Западной Европы, позирует для знаменитого парижского цирюльника Видала Сэссуну...

Начиная с 1989 года Медведева наездами стала бывать в России. Новая (перестроенная? — Ю.С.) страна ее одновременно пугала и притягивала. После жуткого покушения в Париже, когда на рассвете мартовского дня 1992 года на Наталью при выходе из ресторана «Балалайка» напал неизвестный и нанес ей шесть ударов отверткой в лицо, Медведева решила окончательно возвратиться на историческую родину.

В Москве она активно сотрудничала с издательством «Вагриус». Создала шоу-программу «Трибунал Натальи Медведевой», затем антивоенный проект «НАТО». Произошли и радикальные изменения в семейной жизни — она расстается с увлекшимся национал-большевизмом Лимоновым и сходится с солистом рок-группы «Коррозия металла» Сергеем Высокосовым («Боров»). Все вроде бы складывалось успешно. «Я таких людей, как Наталья, — рассказывал Сергей, — не видел... Знаю, люди десятки лет бьются над созданием имиджа — Наталья этого не делала. Она просто жила, и вся ее история совершенно никак не связана с формированием образа... Наталья жила, отдавая себя целиком. Может быть, за счет этого ее фигура и стало такой яркой в этом

мире, потому что очень редко сейчас встретишь человека, который самовыражается не ради удовлетворения своего эго, а просто из-за того, что он красивый...»²⁷

И вот — такая неожиданная смерть, которая для многих стала настоящим шоком. В газетах, по телеканалам сообщалось о внезапной остановке сердца. Близко знавшие ее люди говорили, что Наталия увлекалась транквилизаторами и алкоголем, а в последнее время ее коньком стал феназепам в сочетании со слабоалкогольными «баночками»...»²⁸ Друзья говорили, что «Наташа неважно себя чувствовала, сильно похудела, почти ничего не ела... Она неумолимо приближалась к критическому для женщины возрасту и сильно из-за этого переживала. Не хотела и боялась стареть. Мечтала поправиться, хотя все время жаловалась на боли в желудке. У Наташи не было времени ходить по врачам и не было денег. Вместе с Сергеем они перебивались, как могли...»²⁹

Она была неудобным человеком. Неудобным и эстраде, и литературе, и жизни. Медведева не считала себя красавицей, говорила: «Я приложила много усилий, чтобы не быть таковой. Точнее, не усилий, а мой образ жизни — без ограничений, без барьеров, которые ставят себе те же манекеницы и исключительно на губах, на носу зарабатывают деньги...»³⁰

В Москве ее тело кремировали, прах перевезли в Питер, похоронив рядом с могилой отца. Он умер, узнав о смерти дочери...

Медведева ушла и унесла с собой тайны отношений с Владимиром Высоцким. Ей принадлежат горькие слова: «Я на этой земле чужая среди своих...»

О ком слагала свои стихи Наталья Медведева, я не знаю:

Лечь с тобой рядом
Скуки ради,
Влить в себя тяжесть
Тоски твоей

.....
Делай со мной
Что хочешь,
Нутро —
Изнанкой выверни
Тело
В судорогах пророчащих
Не прислушивайся
Просто
Вы...би!

*«Ходил в меня влюбленный
весь слабый женский пол...»*

«В него очень была влюблена моя знакомая, — рассказывала дочь Олега Николаевича Ефремова Анастасия, — и как-то, сидя у меня дома, дозвонилась до своего кумира, но не смогла говорить и попросила меня, а сама слушала любимый голос по параллельной трубке. Он, надо сказать, довольно долго и терпеливо слушал мой тривиальный текст, а потом сказал: «Девушка, у вас такой приятный голос — приезжайте, познакомимся лично». Подруга опять же побоялась ехать, а у меня были на тот период другие интересы, которых сегодня и не помню, а слова его помню...»¹

Еще одно свидетельство: «20.11.1969. Одна девочка пришла наниматься в костюмеры.

— Я, — говорит, — хочу Высоцкого каждый день видеть.

— А ну, идите отсюда!»²

Заметьте — год 1969. До высшего пика популярности Высоцкого было еще где-то «две четверти пути»

Высоцкий жутко обижался на коллег, которые способствовали преследовавшим его экзальтированным девицам. Виталий Шаповалов как-то из жалости всеми правдами и неправдами провел подобную особу на «Гамлета». А оказалось, она вовсе не спектакль жаждала увидеть, не шекспировской трагедией проникнуться. Она стремилась пробиться к Высоцкому.

Ведавшей кадрами на Таганке, сердобольной **Елизавете Авадзуевой** Владимир Семенович «плакался в жилетку»: «Елизавета Иннокентьевна, это не влюбленные, это — сумасшедшие! Когда я пою, у них в мозгах что-то происходит». ...Одна звонила несколько месяцев: «Передайте ему, что я жду у газетного киоска...»³ Таганцы называли этих околотеатральных девочек «сырихами». Почему? «Кто-то пустил словечко, так и повелось, — говорил Иван Бортник. — Особенно много вокруг Володи Высоцкого, а он ведь был очень влюбчивый и ревнивый. Дико ревнивый... До женитьбы...»⁴

На собрании труппы театра 1 августа 1980 года для обсуждения будущего спектакля, посвященного памяти Высоцкому, Юрий Петрович почему-то вспомнил слова Высоцкого «Очень хорошо он сам говорил о поклонницах: «Это же половина больных: всю ночь сидят тут, в подъезде. К счастью, много тихих...»

Сосед Высоцкого по дому на Малой Грузинской, художник Гриша Брускин подтверждал: «Подъезд осаждали безумицы, прибывающие из различных уголков необъятной нашей родины. Строгие Варвара Ивановна и тетя Надя (консьержки. — Ю.С.)

в дом их не пускали. Девушки караулили часами на улице...»⁵

В последние годы жизни его популярность была воистину бешеной.

Во время съемок одного из эпизодов телесериала «Место встречи изменить нельзя» район Большого театра был оцеплен милицейскими кордонами. Народу у ограждений, вспоминал Конкин-Шарапов, толпилось множество. «Поклонники Владимира Семеновича ошивались... поблизости в надежде на автограф. Да и просто живого Высоцкого увидеть — подарок судьбы... Тут Владимиру Семеновичу понадобилось поправить что-то в прическе, и он отошел к гримеру. Вдруг из-за наших спин раздается его ор — иерихонская труба. Мы с Говорухиным оборачиваемся, и наши челюсти «падают» на асфальт. Какая-то почитательница его дарований непостижимым образом проникла на съемочную площадку. То ли между милицейскими сапогами мышкой проскользнула, то ли через крышу театра на канате спустилась... И вот она увидела своего кумира... И готова на все! Так говори же! А ее «заклинило». Только беззвучно, как рыба, рот открывает. И, в конце концов, не найдя лучшего способа выразить свои чувства, она... укусила его за плечо. Что и явилось причиной крика. Ну, укусила, попробовала, каков Высоцкий на «вкус» — отойди. А дамочка еще больше от своего дикого поступка растерялась, забыла, что перед ней еще не памятник. Ему больно! Он пытается ее оторвать, но не тут-то было. Еще кожаное пальто выручило, а то бы точно отгрызла ключицу. Не выдержал Владимир Семенович: «Помогите же!» Мы обалдели, но, опомнившись, за руки, за ноги барышню от него оторвали. На следующий день, помимо кольца

дежурных и веревок, поставили еще милицейский «бобик» с решетками. И как только возникала пауза (бутерброд проглотить, в сценарий глянуть), он тут же — «нырк» в эту «кугузку». Старшина его запирает и ходил гордо, поигрывая носком сапога: «У меня там Высоцкий отдыхает!..»⁶

Еще один сосед Высоцкого по Малой Грузинской, известный фотограф Валерий Нисанов рассказывал о странной женщине, которая регулярно, каждый день, к восьми утра появлялась в их подъезде, усаживалась на подоконнике и терпеливо ждала, когда же наконец выйдет ее кумир. Высоцкий ее ненавидел⁷. Однажды, вспомянул Нисанов, подходя к подъезду, встречаю разгоряченного Высоцкого: «Еду в аэропорт за Мариной! Умоляю, убери эту гадину!» И показывает в сторону дома. У подъезда уже несколько дней сидела странная девушка и всем говорила: «Я Володина невеста. Он обещал на мне жениться...»⁸

Другу закадычному Ивану Бортнику Владимир Семенович жаловался: «Ну, опять... Эти сумашечные!.. Ну что же делать?!» Отшивал сплошь и рядом. Но они узнавали адрес, проникали в дом, спали на лестничных площадках, а ночью часа в два-три звонили в дверь. Другие ждали до утра... Пять раз за пять лет на Малой Грузинской меняли номер телефона... В минуты откровения Бортник уточнял: «Какие-то дамы, которые подкупали консьержку, днем забегали на чердак. Володя жил на восьмом этаже, и часа в три ночи врываются в квартиру. Мы же ночные люди. Сидим, пьем чай, разговариваем — и вдруг звонок в дверь. Открываешь — безумные глаза...»⁹

Валерий Янклович вспомянул об одной странной поклоннице: на выходе из театра Высоцкого поджидает девица, ничего не говорит, слава богу («настоя-

щих буйных мало...»), — не кидается, только курит и внимательно-внимательно смотрит. Приезжает домой — она уже у подъезда. Опять молчит, курит и смотрит. Ночами могла под окнами простаивать («сумашечные!», «что возьмешь?!»).

Один из «метропольцев» Евгений Попов был поражен рассказом Высоцкого о том, как одна девушка, дожидаясь артиста у служебного входа, прямо на его глазах отломала антенну у дорогого «Мерседеса», что потом обошлось Владимиру Семеновичу в кругленькую сумму. «Зачем она это сделала?» — не понял я. «Да чтоб я на эту дуру обратил внимание, вступил с ней в любой контакт», — выругался усталый бард...»¹⁰

Алла Демидова говорила: «Популярность Володи Высоцкого была прямо-таки сногшибательной, причем едва ли не в прямом смысле слова. Ему не давали покоя ни днем, ни ночью — звонили, поджидали у подъезда дома, у служебного входа в театр, у проходной киностудии. О чем-то просили, умоляли, чего-то требовали... Он, помню, тяготился этим ужасно, уставал, раздражался. Я его жалела, искренно!..»¹¹

Достаточно красноречивую картинку описывал журналист Владимир Моргун (ныне монреальский житель).

Представьте душное лето 1972-го. Ленинград, гастроли Таганки. Выкроив паузу, Высоцкий выступает в ДК ЛОМО. Репортер заводского радио Моргун втиснулся в тесную каморку, так называемую служебку. Там сидят и мирно беседуют Владимир Семенович и поэт Григорий Поженян. Высоцкий соглашается на блиц-интервью. И вдруг резко распахивается дверь и, «вырвавшись из рук дружинников, в комна-

ту вбежала разгоряченная борьбой блондинка с накладными ресницами и румянами на щеках, в ослепительно серебряном платье с люрексом, вся похожая на космическое создание. Гипнотически завороченно надвигалась она прямо на Высоцкого. Ну не на сидящего же рядом Г. Поженяна, усатого, толстого и пожилого человека надвигаться ей! «Что-то будет! Что-то будет! — встревоженно колотилась мысль в моей голове. — Кто она? Обманутая и покинутая? Соблазненная и ославленная?»

...Руки «мимолетного видения» неестественно странно и даже как-то угрожающе были заведены на спину. Но Высоцкий, сидевший за столом вполоборота в мою сторону, даже не переменял позу, только зыркнул на девицу да по-боксерски набычился. Тишина в комнате установилась мертвая. Казалось, вот вот что-то должно произойти. Но, не встретив у поэта ожидаемой ею реакции обожания, бывшая страстная поклонница разочарованно развернулась и — надо же, куда все подевалось? — не выпорхнула, а тяжело выбежала... Чего ожидала эта заочно влюбленная, кого увидеть и что встретить?

— Итак, — вернул меня к прозе жизни ровный голос Высоцкого, — продолжим нашу беседу...»

Старинная киевская приятельница Семена Владимировича Высоцкого Нелли Михайловна Киллерог (Горелик), была свидетелем умопомрачительного успеха его сына у «всего слабого женского пола» во время гастролей театра на Таганке осенью 1971 года в столице Украины: «В гостинице Володе даже доводилось менять комнаты... Он высказал желание поехать со мной по работе на съемки моделей одежды (в то время я была заведующей редакцией журнала «Краса і мода»). Когда автобус должен был отъехать,

в салон вошел Володя. Все манекенщицы от неожиданности и восторга замерли — сцена напомнила мне финал «Ревизора»...»¹²

Вообще-то такое складывается впечатление, что к манекенщицам актерская братия, в том числе и Высоцкий, само собой, испытывала патологическую слабость.

Не зря же тот же Золотухин вспоминал одну из приятных вечеринок: «30.04.1972 Поехал к Хмельницкому, где они с Володей приготовили пир... Хмель... окружен был манекенщицами, под стать только ему — под потолок. У Высоцкого от такого метража закружилась голова, и он попросил никого не вставать. Досидели опять до четырех... Вовка много пел...»¹³

Одна известная в свое время модель, снимавшаяся как-то и в кино, в компании друзей, без стеснений, публично признавалась, что, когда смотрит на Высоцкого с гитарой, слышит звук его голоса, испытывает оргазм. Бывают же такие аномалии...

Галина Федотова, манекенщица столичного Дома моделей, смуглолицая красавица, за вечер с которой и ее ласковый взгляд любой мужик бы «украл весь небосвод и две звезды кремлевские впридачу», сама слыла рискованым и подчас сумасбродным человеком.

В сентябре 1970-го года тогдашний приятель Высоцкого Давид Карапетян подбил его на авантюрную поездку в Таллин. Галя, волей случая узнав об этой поездке, тут же решила лететь следом. Бросает на произвол и мужа, и 8-летнего сына, и работу, и прочие обязательства. Но, на всякий случай, прихватывает с собой (в качестве «крыши»?) ближайшую подругу, Аню.

И вот, привет, эстонская столица!

Высоцкий от подобного экспромта приятельницы в восторг поначалу, естественно, не пришел: «*Не делай из меня меня, меня себе хватает!..*» Но что делать? Джентльмен побеждает. И были романтические вечера на берегу Финского залива, и посиделки в уютных рестораничках, которые казались им тогда кусочком лакомого западного мира. И даже какие-то строчки порой записывались на попадавшихся под руку, случайных разноцветных салфетках...

А потом, по возвращении из Прибалтики, Федотова с головой окунулась в решение бесчисленных проблем Высоцкого, связанных с подготовкой документов для оформления официального брака с Мариной Влади. Нужно было объездить множество неприступных инстанций, преодолеть кордоны очередей, заполнить кучу справок. Без энергичной настырности Галины Высоцкий бы просто не справился, не успел бы ничего сделать, выбился бы из сил — и, чем черт не шутит, может быть, даже плюнул на всю эту авантюру...

Москва была и остается тесным городом. Знакомым разминуться трудно, желаешь ты этой встречи или нет. С Галей Федотовой Высоцкий, безусловно, время от времени встречался. И в компаниях, и без оных. Однажды Федотова, нетрезвая, не сдержав чувств, прикатила в гости к Владимиру Семеновичу в Матвеевское, где он тогда снимал квартиру. Слава богу, хоть Марины в тот момент не было в Москве...

Владимир Семенович был человеком настроения и совершенно неожиданных экспромтов. Мог, вспоминает Нина Ургант, привести к ней в гости «десяток невероятных красоток, шикарно одетых, все в бриллиантиках, и в комнате сразу запахло «Шанелью». Посадила гостей за стол, заварила классный

чай. Он стал петь. И пел часа три. Когда красавицы ушли, я спросила: «Володя, а кто они?» — «Проститутки с Невского...»¹⁴ Надо отдать должное, что перед подобного рода визитами Высоцкий всенепременно загодя звонил Нине Николаевне и испрашивал позволения привести с собой гостей.

Давид Карапетян говорил, что, «когда он запивал, его удивительным образом тянуло к какой-то швали, отбросам. Я не раз выскребал его из каких-то жутких коммуналок, где на столе была занюханная селедка и дешевая водка...»¹⁵ Карапетян, наверное, что-то путает: во времена Высоцкого ни дорогих, ни дешевых сортов водки не было: 2.87 и 3.12. Все!

Драматург и балетмейстер Кирилл Ласкари, которому в 1975 году посчастливилось побывать с Кировским театром на гастролях, вспоминал, как Высоцкий, желая подразнить приятеля чем-нибудь остреньким, потащил его на Пляс Пигаль... Посмотрели. Высоцкий спросил Кирилла: «Хочешь прицениться?» «Нет», — перепугался тот. Тогда Высоцкий, рассказывал Ласкари, подошел к одной из «жриц любви», самой вульгарной и не самой юной. Вернувшись, стал возмущаться: «Цену заломила: три пары туфель купить можно». И, обернувшись в сторону проститутки, погрозил ей пальцем: «Совсем с ума сошла, фулюганка!»¹⁶

Он жил как бы вне времени. Мог в три часа ночи закатиться в гости к своему давнему приятелю Володе Баранчикову и ни с того ни с сего предложить: «Поехали пельмени есть. Приглашают две девушки, они работают в аптеке... Не могу же я поехать один». И я среди ночи тащусь есть пельмени. Приехали, все уже было готово. Всю ночь разговаривали, Володя пел...»¹⁷

Актер, режиссер и писатель Валерий Иванов-Таганский никак не может забыть вильнюсские гастроли театра на Таганке, когда ему в силу обстоятельств пришлось заменить Высоцкого в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир»: «К концу первого акта Любимов заметил, что Высоцкий уже пьян... Любимов вызвал меня из гостиницы и сообщил, что дальше в спектакле буду играть я. После спектакля Высоцкий ждал меня у служебного входа: «Валерий, — говорит он, — мне нужна твоя помощь. Поехали драться!» Я не удивился, потому что Владимир часто брал меня с собой, когда нужно было решить вопрос кулаками. Я был чемпионом Латвии по боксу среди юниоров. Мы сели в «Мерседес» и поехали «на дело»...

Высоцкого всегда отличало рыцарское отношение к женщинам. За время гастролей у Высоцкого случился роман с одной литовской барабанщицей из местного ВИА. Ее бывший ухажер, тоже музыкант из ресторана, приревновав, ее избил. Она даже попала в больницу. Ну и Высоцкий поехал с ним драться. Мы приехали в ресторан, где тот репетировал с ансамблем. Если б я знал, что их будет тринадцать человек, я бы попытался отговорить Владимира, но тут отступать было поздно. «Самое главное, — сказал Высоцкий, — прикрывай мне спину». И сразу ринулся на обидчика. Тут же все музыканты бросились на нас. И хотя в драке мы были не новички, нам здорово досталось: они тоже были закалены в кабацких побоищах, да и ребята были высокие, крепкие — литовская кровь с молоком. Мы начали отступать. Больше всех досталось Высоцкому, так как он был сильно выпивши. И быть бы нам изрядно битыми, но, слава богу, подоспела подмога — около ресторана

завизжали тормоза, из машины выскочили Хмельницкий, Дыховичный, Золотухин и другие из таганской братии...»¹⁸

А вот в глазах иркутского литератора Леонида Мончинского представал совершенно иной Высоцкий: «Вышли во двор, вдруг из дома выходит девочка лет шестнадцати. В новом белом платье. Молодая, красивая. Впервые, наверное, вышла в таком наряде и очень смуцалась. Володя это увидел. Подходит к ней. Она его узнала. Он взял ее руку, поцеловал и сказал: «Вы сегодня самая великолепная». И она как будто полетела на крыльях. Я был удивлен, насколько он тонко все это сделал. Артист, который играет мужественные роли, и такой тонкий человек...»¹⁹

Хитрец Высоцкий даже смолodu был осторожен, дипломатичен, искусен и изобретателен в отношениях с чиновными дамами.

Анатолий Бильй, работавший директором владивостокского ДК моряков, случайно узнав об импровизированном прибытии Высоцкого в город, загорелся идеей организовать его концерт. Начал стучаться во все кабинеты. Добрался наконец до Майи Александровны Афиногеновой, завсектором культуры отдела пропаганды и агитации крайкома КПСС. «Она посмотрела программу и говорит: «Ничего страшного! Пускай работает!..»²⁰

Спасибо, Майя Александровна. Дай вам бог здоровья!

Подобной же благодарности заслуживает и тогдашняя заведующая Макеевским городским отделом культуры Валентина Леонтьевна Тихая, которая в августе 1970 года «благословила» концерт Высоцкого в местном дворце культуры. О Высоцком, вспо-

минает она, «к тому времени я слышала разное... Я встретила с ним в кабинете директора ДК. Он показал мне программу. Владимир Семенович был в темно-зеленой «водолазке», светло-желтых брюках, на нем был широкий темный ремень. Меня несколько смутило строгое выражение его лица, на нем не промелькнуло даже тени улыбки. Видимо, волновался...»²¹ Может быть...

Постановщик «Интервенции» Г.И. Полока с легкой грустью и улыбкой рассказывал о мучительных хождениях Владимира Семеновича по кабинетам ленфильмовского начальства: «Он был уже известным исполнителем, сочинителем, а с ним заключали договора по самой низкой ставке... И он переживал это. Не потому, что денег не было. Деньги не такие уж большие... Но это унижало его, когда кто-то неизвестный получал более высокие ставки... Потому он чрезвычайно готовился к разговору с главным редактором, которому должен был показать текст (имеются в виду песни к «Интервенции». – Ю.С.). Он приходил с гитарой и пел. Можно было просто напечатать на машинке... Тогда была **Ирина Головань** главным редактором «Ленфильма», которая к нему относилась тоже очень осторожно. Много легенд было. Они все считали, что он и подраться может, песни-то блатные все-таки. Поэтому она, слегка побледневшая, приняла его в своем кабинете. Володя... был очень аккуратен... чуть ли не в галстук, чего с ним никогда не бывало. Во всяком случае, пришел в пиджаке, гитара была в чехле. С папочкой пришел. С ней он держал себя улыбочиво, солидно. Так, предполагаю я, разговаривал бы Василий Иванович Качалов с Фурцевой, например... Сел... Рокочущим голосом, не своим немножко, баритоном рокочущим

таким, почти оперным, поговорил о новостях московских, даже о моде с ней говорил. Потом уважительно очень, предупредительно, спел эти бандитские, блатные песни «Гром прогремел, зоряция идет»... Пропел деликатно очень, что было очень смешно. Пропел «В Лиховском переулке», хотя это и не его песня. И очень скромно продекламировал «Деревянные костюмы». Главный редактор была очень довольна: все так пристойно, чинно. Володя тоже вышел довольный, с лицом победителя. Была поправа формальность. Было все принято... На следующей картине он заключил договор и получил по высшей ставке...»

Но, как утверждает все тот же Полока, бывали у Высоцкого и проколы, когда его обаяние не срабатывало. «Ему устроила в Бюро пропаганды советского киноискусства замдиректора экзамен – сидела такая дама руководящая... У него первый концерт официальный должен был быть в Таллине, с афишей. Он пришел в кабинет этой дамы, она сказала: «А вы стихи читать умеете?» Он сказал: «Я же кончил театральную школу и я артист театра...» Она сказала: «Ну, почитайте что-нибудь...» И он начал читать – сначала Маяковского, потом Пушкина. Потом говорит: «Может, хватит?..» Она: «Нет, еще что-нибудь». И вот она заставила его давать концерт перед ней. А через четыре дня эти гастроли отменили, и афиша пошла под нож...»

Давний знакомый Высоцкого, художник Борис Диодоров, подрабатывавший в издательстве «Детская литература», подбил его попробовать опубликовать там поэму «Про Ваню Дыховичного...» Высоцкий рискнул. «Володя показал свою поэму редактору Светлане Николаевне Боярской. Читал он очень здо-

рово! И у всех осталось очень хорошее впечатление. Но через три дня Светлана Николаевна, немного смущаясь, сказала мне, что она прочитала текст — и когда это напечатано, то ей показалось, что поэма гораздо слабее...»

Так что категорично утверждать, что «весь слабый женский пол» был поголовно влюблен в Высоцкого, я бы поостерегся.

Уж очень недолго любили его номенклатурные дамы.

Имя «первой леди ЦК» **Екатерины Алексеевны Фурцевой** уже поминалась выше. Кстати, мнения современников о ней самые противоречивейшие — от крайне отрицательных до безмерного восхваления. В одном только друзья и недруги приходили к общему знаменателю: красива! Во всяком случае, три десятка лет минуло после ее смерти, а о ней, ненавидимой и восхваляемой, помнят.

Екатерине Алексеевне удалось совершить головокружительную карьеру (само собой, не в постижении всех тонкостей «верного учения»). Но она, как «альпинистка моя скалолазковая», взобралась на самый что ни на есть Олимп: пятый этаж Старой площади, 4, где располагались кабинеты секретарей ЦК КПСС. «Фабричная девчонка» из Вышнего Волочка сделала себя сама. Она умела перевоплощаться из хрупкой феи в безжалостного руководителя, до христа в костях сжимавшая в своих ласковых административных объятиях «зарвавшихся таганских крамольников». Но «ведь парадокс и перегиб»: именно по ее записке на имя «серого кардинала» Политбюро Михаила Андреевича Суслова был... официально основан Театр драмы и комедии на Таганке. Но потом она же могла запретить Любимову спектакль «Жи-

вой»: «Не академики отвечают за искусство, а я!» Юрий Петрович вспоминал, как по ее приказу на предпремьерный показ спектакля не пускали даже актеров театра и его авторов. Композитора Эдисона Денисова выставили, беременную Нину Шацкую тоже, Алла Демидова смотрела работу коллег из будки осветителя. Возмущенная дерзкими, по ее мнению, возражениями автора «Живого» Бориса Можаяева, она вскочила, «побежала, манто упало... Она все-таки дама. Потом она кричала уже внизу, — я не пошел ее провожать и пальто не подал... рассердился очень. И она кричала: «Нахал какой! Он даже не проводил до машины, негодяй!»²²

Могла заплакать на спектакле и могла назвать современную музыку гомосексуальной. Могла прервать важное совещание, увидев записку Гали Волчек: «Мы погибаем!», написанную алой помадой, и под свою ответственность разрешить спектакль «Большевики» «Современнику». Могла предложить художнику, просящему о персональной выставке, раскрасить ей дачу. И могла вскрыть себе вены, узнав, что ее решили вывести из состава Президиума ЦК.

Многое могла «Екатерина Третья».

Марк Бернес рассказывал Высоцкому, как Фурцева в свое время спасла его от тюрьмы. Основательно выпив, Бернес уселся за руль машины, и в самом центре Москвы, как раз напротив Моссовета, насмерть задавил человека. Народного артиста тут же взяли под микитки. А потом растерялись — и отдали на «суд» Фурцевой. Она предложила Марку Наумовичу: «Пошли на улицу, как народ скажет, что с вами делать, так и поступим». Да еще и родственников погибшего пригласили. Фурцева знала, что делает. Народ повелел: «Помиловать». На том и порешили...

Фурцевой всегда удавалось поддерживать прекрасную форму. Гимнастика, теннис, волейбол, сауна на пару с закадычной подругой Людмилой Зыкиной, лучшие портные Москвы, уроки актерского мастерства у Веры Марецкой... Мужчины без комплексов и идеологической зашоренности не без интереса посматривали на стройные ножки Екатерины Алексеевны Фурцевой.

Нобелевский лауреат Михаил Шолохов считал, что она была отличным министром культуры. Режиссер Олег Ефремов замечал, что «она умела использовать свое обаяние для дела». Композитор Микаэл Таривердиев в своей книге «Уроки музыки» в силу интеллигентности мягко возражал, говоря, что министром был «человек трогательной безграмотности в области культуры».

У Иосифа Кобзона были свои критерии оценки этой неординарной женщины: «Я никогда не видел, чтобы мужик пил так красиво, как Фурцева: водка, не соприкасаясь с губами, описывает в воздухе полукруг и влетает прямо в горло...»²³

Однако оперная дива **Галина Вишневская** называла Фурцеву не иначе как «дурой-бабой, запойной пьяницей, лыка не вязавшей, мелкой взяточницей...» **Майя Плисецкая**, पुще того, в своих мемуарах заклеила бывшего министра как женщину с «Красного треугольника», с резиновой фабрики». И говорила, что «страшен не министр культуры, а культура министра»...

Рассказывая о партийных функционерах тех лет, Эрнст Неизвестный отмечал, что «в принципе, они бы с удовольствием управляли только мертвыми, живые им не нужны, с мертвыми спокойнее... Я не встречался с людьми более ранимыми,

чем эти толстокожие невежды. Ни одна из моих любовниц не была так обидчива, как обидчива Фурцева... Пыталась руководить искусством, как капризная салонная дама руководит собственным двором...»²⁴

В силу обстоятельств Фурцева была вынуждена жить двойной жизнью. С одной стороны, «железная леди». С другой, слабая женщина с невысказанными личными проблемами. Как обмолвилась однажды единственная дочь Екатерины Алексеевны Светлана, «второй муж мамы Фирюбин очень плохо старился...» Вдобавок любил повторять: «Плохо быть дедушкой, но еще хуже быть мужем бабушки»²⁵.

Политика в семье порой посложнее государственной. Но все же чиновник в Фурцевой всегда побеждал. Незадолго до смерти она, сжав сухой кулачок, упрямо твердила Зыкиной: «Что бы там ни было, что бы про меня ни говорили, все равно я умру министром!» Официальной версией смерти была острая сердечная недостаточность. Хотя на здоровье она никогда не жаловалась²⁶.

В одни годы с Фурцевой на партийный Олимп упорно карабкалась еще одна гранд-дама — некая А.П. Шапошникова, секретарь по идеологии Московского горкома партии, руководимого всемогущим В.В. Гришиным. Прославилась она тем, что в марте 1969 года на собрании городского партийного актива устроила публичную порку либералам-кинематографистам: «Театр на Таганке выгнал Высоцкого, так его подобрал «Мосфильм!»

Кого Шапошникова имела в виду — загадка, учитывая, что этот период в кинокарьере Высоцкого был как раз не самым удачным. Как писал в своих записках «Скрипка Мастера» Вениамин Смехов, «мно-

го инициативного горя принесла она и прославленным мастерам театра, литературы, науки, музыки, и честным парторгам, и целым коллективам... Ее сняли и понизили до... замминистра высшего образования...»²⁷

Можно вспомнить и заместителя председателя Гостелерадио с характернейшей фамилией Жданова, которая, заставив режиссера телефильма «Морские ворота» Сергея Тарасова просидеть целый день в своей приемной, а потом, в конце рабочего дня, открыла дверь и сказала: «Никакого Высоцкого никогда не будет...»

Больше такта в отношении заезжего гастролера из Москвы проявила Антонина Антоновна Ангурова, которая тогда, в конце августа 1970 года занимала пост второго секретаря Кентауского горкома партии. Увидев Высоцкого в аэропорту в потертых джинсах и трикотажной футболке, она предложила певцу перед концертом переодеться. Молодежь Кентау в то время так не одевалась, и ей показался несколько странным наряд Высоцкого. Но московский гость мягко отказал, сказав, что выступать будет так, на переодевание времени нет, лучше он город немножко посмотрит. На том и порешили.

Ангурова очень переживала по поводу репертуара Высоцкого — слухи о его песнях «с чужого голоса» и до Казахстана докатились... Попросила на всякий случай показать, что он собирается петь. А показывать нечего, засмеялся Высоцкий, репертуар у меня в голове. И успокоил: не волнуйтесь, мол, все будет о'кей!.. Так все и было. После концерта Высоцкий подарил строгой, но застенчивой партчиновнице свое фото с надписью «У вас прекрасный город» и своим автографом²⁸.

К чопорному чиновному люду Людмила Васильевна Целиковская, тогдашняя супруга главного режиссера Таганки, отношения, естественно, не имела. Однако она, как и дамы в строгих партийных пиджаках синего цвета, тоже не питала особо теплых чувств к Высоцкому. Инстинктивно чувствуя, что последний может лишь вредить ее Юре. Во всяком случае, именно у Целиковской первой в 1973 году возник кощунственный замысел — заменить Высоцкого в роли Гамлета Валерием Золотухиным.

В семейном альянсе с Любимовым Целиковская с каждым годом безвозвратно теряла роль лидера. Хотя время от времени капризно-«звездный» характер давал рецидивы. Ветераны театра вспоминают, как в конце 68-го года они во главе с «шефом» и его женой отправилась в столицу ядерщиков — Дубну — к академику Г.Н. Флерову на какой-то юбилей. В гостинице случился забавный казус (сегодня забавный. — Ю.С.). Любезный администратор на все фойе провозгласил во всеуслышание: «Есть! Любимов с супругой. Пожалуйста, ваши документы...» Его прервал гневно-нежный голос Людмилы Васильевны: «Что-о-о?! Перепишите у себя в бумажке — не Любимов с супругой, а Целиковская с супругом!..»²⁹

Участник дубненских посиделок у знаменитого академика Валерий Золотухин не скрывал обиды на постоянные поучения Людмилы Васильевны: «Пели с Володей «Баньку», я очень сильно кричал, какая-то неудобная тональность была. Целиковская: «Володя, ты один лучше пел «Баньку», а это получается пьяный ор, подголосок должен быть еле слышан...»³⁰

В театре Целиковскую насмешливо называли генералом, а Любимова — полковником. О ней распространяли легенды. В частности, о том, как она кор-

ректировала некоторые песни Владимира Высоцкого. Говорили, что в их с Любимовым квартире Высоцкий впервые исполнил свою знаменитую песню «Я не люблю»:

...Я не люблю насилие и бессилье,
И мне не жаль распятого Христа.

— Володя, — сказала тогда Людмила Васильевна, — так нельзя.

И тут же автор выдал новую строчку, кардинально меняющую смысл песни.

...Вот только жаль распятого Христа¹¹.

Впрочем, имеется и иная версия. Не отрицая того, что песня действительно впервые исполнялась в доме Целиковской и Любимова, журналист М. Вострышев утверждает, что замечание автору песни сделал присутствовавший там писатель Борис Можаяев: «Володя! Как ты можешь сочинять такое? Неужто ты махровый атеист?»³² И строка тут же была «перелицована».

Целиковская долго не могла смириться с тем, что в семейном дуэте с Любимовым она оказалась как бы в тени. Правда, позже прославленная кинозвезда 1940–1950-х годов, все же удовлетворилась ролью спутницы жизни знаменитого, пусть даже опального, гонимого режиссера. Хотя поначалу к театральным находкам мужа она относилась довольно прохладно, с ноткой вахтанговского снобизма, не приемлющего «мейерхольдовско-брехтовского балагана».

А что еще оставалось делать прежней «девочке с лучистыми глазами» из безукоризненного совет-

ского кино? Конечно, смириться. С начала 1960-х годов она почти не снималась (доброжелатели нашептывали ей, что все это — козни чиновников, стремящихся хотя бы косвенно насолить опальному Любимову). Не было ролей и в театре. Ее, не уступавшую красотой и талантом Ладыниной, Смирновой, Окуневской и Макаровой, обошли званием народной артистки. А он, ее Юра, — бывший актер-среднячок театра имени Вахтангова, неожиданно-негаданно стал самой яркой звездой на московском театральном небосклоне.

Ну, что ж... Людмила Васильевна постепенно овладела искусством давать ненавязчивые, но крайне ценные советы мужу, плести замысловатые интриги, влиять на репертуарную политику. Любимов, шутя, называл ее Цялковской, Генералом. В таганском закулисье она слыла своенравной «хозяйкой», в лихие для театра времена принимавшей образ «декабристки». В 1971 году имя Людмилы Целиковской мелькнуло на театральной афише в качестве соавтора Любимова в композиции спектакля по А.С. Пушкину «Товарищ, верь...» Правда, много позже Юрий Петрович всячески открещивался от этого «плодотворного соавторства».

Отвечая на вопрос, помогала ли «Таганке» Людмила Целиковская, Любимов искренне удивлялся: «Люся? Ну чем же она могла помочь? Вы все в мифах живете. Если власти человека, который им сделал бомбу, сослали в Горький! А тут — актриса, которая еще Сталину не понравилась! Посмотрел фильм с ее участием и сказал: «Какая это царица? В гробу чего-то улыбается. Не надо ее снимать вообще». Когда с Люсей было плохо, ее не могли даже в хорошую больницу поместить. Мои приятели позвонили

«портретам» — и только после грозного голоса Андропова я ее отвез в лучшую больницу...»³³

Что ж, «в мифах» — так в мифах. Но, как упрямо утверждают знающие театральные тайны люди, «знаменитые таганковские поэтические композиции и инсценировки повестей и романов писала для театра Людмила Васильевна — в театре их незаслуженно пренебрежительно называли «болванками», на основе которых режиссер ставил свои самые лучшие спектакли...»³⁴

Например, Валерий Золотухин настаивал: «Надо отдать должное Людмиле Васильевне Целиковской, соавтору инсценировки («Товарищ, верь...». — Ю.С.), великолепному знатоку русской культуры. К тому же, как актриса, она понимала, как расставить текст, чтобы безошибочно нажимать на те «клавиши», которые заставляют биться сердца зрителей...»³⁵ Авторитетный театальный критик Борис Поюровский и вовсе называл Людмилу Васильевну «локомотивом и мозговым центром Театра на Таганке»³⁶.

Думаю, что не только за комплимент, отпущенный Людмилой Васильевой в свое время Дыховичному за исполнение роли Пушкина — «Юра, у тебя есть потрясающий артист, которого ты почти не используешь» — Иван Владимирович позднее взял под свою защиту репутацию Целиковской. «Она была очень творческим, живым человеком. И при этом настоящей женщиной — страстной, с неистовым характером... Слухи о том, что она была хозяйкой театра и барыней, сильно преувеличены...»³⁷

Так или иначе, именно Целиковской, поговаривают, поклонники «Таганки» начала 1970-х обязаны появлению в репертуаре театра «Деревянных

коней» по Федору Абрамову и «Зорь» по Борису Васильеву.

Сводившая с ума миллионы мужчин Советского Союза, она была смелым экспериментатором в любви. Сперва вышла замуж за Юру Алексева-Месхиева, потом за писателя Бориса Войтехова. Зато следующим ее избранником стал прославленный, облаканный властями актер Михаил Иванович Жаров. Потом, в 1949-м, неожиданно вышла замуж за главного архитектора Москвы академика Каро Алабяна. Когда через десять лет Алабян умер, пятым мужем Целиковской, наконец, стал Юрий Любимов, ее давнишний, но безуспешный воздыхатель.

Говорили, что Любимов вовсе не был святым и погуливал на сторону. Юрий Петрович считал, что «женщины его любили, потому что чувствовали, что я их люблю...»³⁸ Целиковская, наверное, об этом догадывалась. Но относилась к романам мужа снисходительно. Но вот венгерскую журналистку Каталину, с которой у Любимова случился краткосрочный роман во время гастролей в Будапеште, простить не смогла. Что получилось? Театральная Москва невзлюбила Каталину и очень жалела Целиковскую³⁹.

Другая часть театральной публики считала, что Каталина была осознанным выбором самого Любимова. Ей было 30, ему — вдвое больше. Как признавался Юрий Петрович, «жена у меня появилась... вроде бы случайно, а в то же время все как-то к этому заранее шло...» А, может быть, счастливый пример Высоцкого подстегивал Мастера к зарубежной вольнице?

В последние годы жизни Целиковская тяжело болела. У нее был рак. Но пока могла, она выходила на сцену. Незадолго до смерти она призналась: «Чтобы жить с гением, надо быть чеховской Душечкой.

Я же — совсем наоборот, упрямая, со своими взглядами. Мы стали друг друга немного раздражать. Наверное, нужно было все время Юрия Петровича хвалить, а я хвалить не умею... Помню, однажды Любимов сказал: «Когда мы разойдемся, у тебя в доме будет праздник». Так и получилось...»⁴⁰

На похоронах своей бывшей супруги Любимов считал за лучшее не появляться... Такая вот печальная, всем знакомая житейская история.

*«И ходили устные рассказы
про мои любовные дела...»*

С некоторыми женщинами у Высоцкого складывались донельзя странные, необъяснимые отношения. И зарождавшиеся было романы не обретали логического завершения.

Одно время в киношно-театральных кругах поговаривали, будто бы в молодости Высоцкий всерьез подумывал о женитьбе на актрисе **Ие Саввиной**. Может быть... Они были знакомы давно, еще со съемок «Грешницы» в 1961 году.

Потом волей режиссера Евгения Карелова судьба свела Высоцкого и Саввину в трагедийно-любовном дуэте в фильме «Служили два товарища». К стыду своему именитая актриса совершенно не помнила о прежней, совместной с Владимиром работе над «Грешницей», а потому и все удивлялась: «Молодой человек, совершенно мне незнакомый, так приветливо здоровается и разговаривает, словно хорошо меня знает...»¹ В ее сознании непостижимым обра-

зом актер Высоцкий не совмещался с поэтом Высоцким. Так продолжалось до самого первого съемочного дня. «В перерыве, — рассказывала она, — пошли перекусить (не в буфет — в комнату группы)... там стояла гитара. Володе ее дали, и он начал петь. Он был легкий на подъем, особенно тогда: вот стоит гитара, он ее берет и поет. И первое, что я услышала от него лично, было «Лукоморье». Когда он спел, я в ту же секунду влюбилась в его песни. Ну, абсолютно... Вся целиком, без остатка... И я, что называется «с открытой варежкой», спросила: «Володя! А кто все сочиняет?» Он посмотрел недоуменно, и вся группа с явным подозрением, что я немножко не в себе. И только поняв по моему лицу, что я не издеваюсь, а действительно — темнота непробудная в этом плане, он спокойно сказал: «Моя жена! Все песни мне сочиняет моя жена». Вот после этого до меня дошло, что это один и тот же человек...»²

Совместными усилиями редакторов фильма и самого режиссера эпизоды с участием влюбленного поручика Брусенцова (Высоцкий) и медсестры Сашеньки (Саввина) оказались изрядно покореженными. Актриса весьма сожалела, что в окончательном варианте из картины выпала замечательная «постельная» сцена: «Мне ее так жалко, ну просто не передать! Как он там работал, сколько было любви, сколько нежности у этого Брусенцова. По фильму он резкий, озлобленный, а тут был нежнейший человек, любящий. Я так тогда негодовала, была просто вне себя!.. И выбросили эту сцену именно затем, чтобы не показать, будто белогвардейцы могут так любить... Жаль сцену, Володя ее тоже очень любил...»³

Далеко не уверен, что у Владимира Семеновича когда-либо возникали конкретные матримониаль-

ные планы в отношении Саввиной. Но, во всяком случае, Ия Сергеевна сыграла роковую и счастливейшую роль (едва ли не свахи) в знакомстве Высоцкого и Марины Влади. Вполне вероятно, что как раз именно эта роль вообще стала самой замечательной в ее жизни (лучшей, чем в «Даме с собачкой», «Сюжете для небольшого рассказа», «Гараже» и множестве других прекрасных лент!).

С Ией Саввиной их связывали и общие творческие дела, и дружеские встречи. Высоцкого, безусловно, привлекала в ней максимальная искренность. Мудрый Олег Ефремов говорил о своей любимой актрисе: «Она может быть резкой, может распекать кого-то, может и матерком послать. Но это — от народных корней. И если она дружит с кем-то, полюбит кого-то, то не изменит этому человеку никогда...» На похоронах Высоцкого зареванная Ия Сергеевна во все горло голосила: «Почему он, а не я?!»⁴

Очень добрые, дружеские отношения еще со времен киноэкспедиций ленты «Я родом из детства» на долгие годы завязались у Высоцкого с **Ниной Ургант**. Она с юмором рассказывала об их первой встрече: «...Прихожу на студию, с табуреточки поднимается молодой человек. «Здравствуйте, я Володя Высоцкий», — ростом мне по плечо, щеки розовые. А нам играть про любовь! Увидев мое лицо, он сказал: «Не огорчайтесь, ради бога, я на экране получаюсь мужественный». Володя был очень тонким, ранимым человеком»⁵.

Оценивая физические данные Высоцкого, Нина Николаевна немножко дала маху: ее собственный рост был 168 см, партнер все же был на пару сантиметров повыше...

Актриса рассказывала: «Мы подружились. Он приходил ко мне в дом и проверял на мне свои песни... «Что ты так кричишь, — сказала я ему однажды, — спой мне песню о любви». А он ответил очень просто и серьезно: «У меня все песни о любви».

Коллеги-кинематографисты знали: на съемках Нине Ургант обязательно нужно было кем-то увлечься. А потому влюблялась она часто и самоотверженно, правда, большей частью платонически, но все равно жила под сильным впечатлением. Но никаких других отношений, кроме дружеских, с Высоцким не было — «ни с моей стороны, ни с его...»⁶ Говорила: «...Значит, в этот момент я была занята...»⁷

Приезжая в Питер, Владимир Семенович непременно навещался в гостеприимный дом Нины Ургант и ее тогдашнего мужа Кирилла Ласкари (сводного брата Андрея Миронова). Это были не только развеселые дружеские застолья. Рождались какие-то творческие проекты. В соавторстве с Ласкари Высоцкий собирался сделать мюзикл по повести Алексея Толстого. Песни сочинились, спектакль состоялся (после смерти Высоцкого), но без его песен, к сожалению.

Нина Николаевна о Высоцком говорила: «Если бы не песни, его вообще можно было бы назвать молчаливым человеком. Не помню, чтобы он подолгу говорил, философствовал на какую-то тему. Брал гитару и пел. По большому счету, ему даже неважно было, для кого: важно только, чтобы слушатели были... Когда Высоцкий был под запретом... он выступал на так называемых квартирниках — концертах, устраиваемых у кого-нибудь на дому. Зрители скидывались по пятерочке, что-то доставалось певцу. Воло-

дя... никогда не спрашивал: «А сколько вы мне дадите?» Дадут — слава богу! Не дадут — так что же...»⁸

Примерно такое же впечатление, как на Нину Ургант, произвело первое знакомство с молодым актером на актрису **Ольгу Аросеву**: «В жизни Володя был маленького роста. Ему в кадр даже скамеечку под ноги ставили, чтобы он не выглядел ниже меня. Я его называла «герой с надстройкой». Многоопытной «пани Монике» из телесериала «Кабачок «13 стульев» довелось играть в фильме «Интервенция» роль мадам Ксидиас, любовницы героя Высоцкого — мужественного подпольщика Бродского-Воронова. В пьесе Константина Славина, по которой снималась картина, никакого жгучего романа у героев не было и в помине. Но режиссер настаивал: мадам желает иметь в жизни все первосортное, лучшее, экстраординарное. Актриса с доводами согласилась: «Володя в элегантном белом костюме, черном галстуке и соломенном канотье, подвижный, дерзкий, певучий, именно таким великолепным мужчиной нам и казался...»⁹

Ольга Александровна Аросева, видимо, попав под воздействие революционной романтики «Интервенции», в реальной жизни блестяще исполнила роль почтальона-нелегала, отправляя во Францию письма Высоцкого. Посылать письма в Париж из Одессы «многоопытный подпольщик Бродский» опасался. А вот Аросевой, по его мнению, делать это было проще простого. Параллельно с «Интервенцией» она снималась в «Трембите» и периодически летала на съемки в Прикарпатье. А там граница рядом, значит, наивно полагал Высоцкий, и риска меньше. В общем, Ольга Александровна взяла на себя миссию подпольщицы. Тут, наверное, еще и гены

ее отца — профессионального революционера — сказались...

В то одесское лето они много пели. Актер Георгий Юматов, снимавшийся по соседству, по вечерам водил их на окраину города, в мазанки-хибары, к своим друзьям-морякам. «Мы там ничего, кроме чая, не пили и только пели до утра, — вспоминала актриса. — Пение украшало, преображало Высоцкого. Обыкновенное, бледное, со следами от ранней усталости лицо его становилось мужественным и страстным, и улыбка расцветала чудесная...»¹⁰

Говорили, «молодая **Чурикова** выглядела в своем роде довольно эротично...»¹¹ Вполне может быть. Но только не в «Стряпухе», где ей в 1965 году довелось сниматься вместе с Владимиром Высоцким. И для нее, и для него роли выпали, прямо скажем, неяркие. Да и для всех остальных актеров тоже. Поэтому и Чурикова, и Высоцкий этот досадный эпизод в своих творческих судьбах старательно обходили.

После «Стряпухи» их киносудьбы разошлись лет на десять, до тех пор, пока кинорежиссеру Глебу Панфилову не пришлось начать подыскивать партнеров Инне Михайловне на роль ее супруга в фильме «Прошу слова». Кандидатуры были самые неожиданные. Кроме Высоцкого, в пробах участвовал даже знаменитый тренер фигуристов Станислав Жук. Но остановился режиссер все-таки на Николае Губенко. «Прошу слова» оказался далеко не лучшим фильмом Панфилова, Чуриковой и Губенко. Может быть, даже хорошо, что дуэт Чуриковой и Высоцкого не состоялся.

Актриса **Валентина Березуцкая**, игравшая в «Стряпухе» одну из главных ролей — Марии, рас-

сказывала, что постановщик фильма Эдмонд Кеосаян их очень обидел: «Режиссер не дал нам, поющим актерам, исполнить песни. Мы только рты под «фанеру» разеваем, поэтому разругались с режиссером. Володя Высоцкий тоже хотел сам спеть, но и ему не дали... Фонограмму с песнями хора радиокomiteта записали заранее в студии «Мосфильма». Все было решено еще до начала съемок. За Володю пел один из солистов хора...»¹² Добро бы только это. «Озвучку» делали тоже дублеры. Правда, Кеосаян утверждал, что просто не мог найти в Москве Высоцкого, который якобы загулял.

Потерпел фиаско и «кинороман» Высоцкого с **Татьяной Дорониной** в фильме «Еще раз про любовь». В сентябре 1967 года режиссер Георгий Натансон пригласил Высоцкого попробоваться на роль Электрона Евдокимова. Татьяна Васильевна рассказывала: «Мы с ним нашли общий язык очень быстро. Обычно, если ранее с актером нигде не работал, «притирка» идет... ну, скажем, неопределенное время. А тут мы почти экспромтом даже не сыграли — «размяли» одну сцену, посмотрели ее в кинозале — именно то, что надо! Такая свобода, раскованность. Фальши ни грамма. К сожалению, Высоцкий не был утвержден на роль...»¹³

Георгий Натансон не соглашался с мнением актрисы: «Было снято несколько больших фрагментов, которые потом украли... Володя просил пошить ему башмаки на высоком каблуке, потому что был ниже Дорониной. Когда мы с Радзинским и Татьяной просмотрели отснятый материал, стало ясно, нужно срочно искать другого актера. Высоцкий со своим бешеным темпераментом «рвался» из кадра на волю...»¹⁴

Но духовная связь Высоцкого и Дорониной, тем не менее, существовала. Недаром, двадцать лет спустя после совместных проб, выступая на учредительном съезде Союза театральных обществ, Доронина обратилась за моральной поддержкой к покойному поэту: «У Высоцкого есть стихи «Бить человека по лицу я просто не могу» — это писал актер об актерях. Это мы — не можем бить человека по лицу, ибо лицо для нас означает «лик», но нас бить почему-то можно. И мы, говоря со сцены слова о правде, справедливости и добре, терпим это, фигурально выражаясь, мордобитие — годами...»¹⁵

«Наверно, я погиб...»

Как уже говорилось, с **Ларисой Лужиной** Высоцкий шапочно был знаком еще со студенческих лет. Общительный выпускник Школы-студии частенько навещался во вгиковское общежитие в Ростокинском проезде. Но он был тогда никто, а Лариса уже знаменитой киноактрисой.

Она дебютировала еще в 1959 году в «блокбастере» Станислава Ростоцкого «На семи ветрах». Затем была «Большая руда» с Евгением Урбанским, участие в многочисленных телесериалах в ГДР (ого! — по тем-то временам. — Ю.С.) — «Доктор Шлоттер», «Встречи», «Вешние воды». Даже стала лауреатом национальной премии ГДР и премии «Золотой лавр телевидения». Одним словом, «звезда»: «Куда мне до нее...»

Густонаселенный мир кино законам природы не подчиняется. В нем то и дело возникают невидимые

флюиды, связи, призраки. Ну а как иначе объяснить необъяснимое присутствие Марины Влади в жизни Ларисы Лужиной?!

Франция, Канны, 1962 год, премьерный показ все того же фильма «На семи ветрах». Полный успех. А настроения нет. Спустилась Лужина в кафе, заказала кофе. И вдруг к ней за столик подсаживается интересный мужчина. Мать честная, да это ж сам Робер Оссейн, муж Марины Влади! Предлагает что-то выпить и вдруг спрашивает по-русски: «Мамочка, ты из Москвы, из России?» Он галантен, хорош собой, произносит удивительно красивые комплименты. И, в конце концов, начинает настойчиво приглашать Ларису осмотреть его гостиничный номер: «Тебе что — запрещается, нельзя? Сколько же тебе лет?» — «Двадцать один». — «Тогда можно, ты уже все знаешь. Марина в четырнадцать все знала, пойдём! Я не буду на тебя кидаться, только поцелую». Но бесстрашная комсомолка решительно отказывается. Теперь, как говорил в подобных случаях Михаил Жванецкий, «переживает страшно». Да и Росточки тоже, узнав об этом, ругал Ларису: «Вот дура какая. Оссейну отказала!...»¹

Но все же местные папарацци едва не «подставили» молоденькую «кинозвездочку», опубликовав в журнале «Пари Матч» репортаж с Каннского фестиваля под красноречивым заголовком «Сладкая жизнь советской студентки». Материал украшал снимок Ларисы, азартно танцующей «буржуазный» твист. Увидев всю эту «порнуху», Фурцева пришла в ужас и повелела никогда не выпускать эту дрянную девчонку за рубеж.

«Вину» взял на себя руководитель делегации, авторитетный мэтр советского кино Сергей Гераси-

мов, который заявил грозному министру культуры, что это именно он заставил свою ученицу исполнять это «безобразие». Словом, казните, «Катерина Лексевна»...

Через несколько лет будущий муж Марины Влади Владимир Высоцкий посвятил Лужиной песню «Она была в Париже...» Опять Влади, Париж... Мистика какая-то. Или сердцем предчувствовал поэт свою скорую встречу с «колдуньей»?

Лужина вспоминает, что поначалу ей та самая песня не очень-то понравилась, даже показалась обидной. Героиня ее какая-то легкомысленная: то она в Осло, то в Париже. Хотя в этих городах она действительно была. И не только в них — еще и в Тегеране, и в Варшаве, и, естественно, в немецких городах, и в...

А написал песню Высоцкий, как вспоминает актриса, после ее очередного возвращения из Германии на съемках в горах. Встреча была восторженной. Лариса знала, чем удивить одичавших в Боксанском ущелье мужиков — приволокла с собой ящич немецкого (! – Ю.С.) пива. Дегустация была вечером, а уже на следующий день Высоцкий спел: «Наверно, я погиб, глаза закрою – вижу...» Героиню «Вертикали» особенно зацепили слова Высоцкого: «Пусть пробуют они, я лучше пережду...» «Я обиделась, — рассказывала актриса, — мне казалось, что... Высоцкий представил меня какой-то идиоткой. Но шутиливость песни как раз и подчеркивает то, что между нами не было серьезных отношений...»²

Хотя многие так не считали. Даже близкая подруга Татьяна Иваненко подозревала, что с Лужиной у Высоцкого был-таки мимолетный роман или связь

(как хотите). Лариса подтверждала: «Слухи действительно ходили. И как же было неудобно было перед Люсей Абрамовой...»³

Лариса Анатольевна возмущалась: «...года два назад одна телеведущая буквально пригвоздила меня фразой: «Оказывается, вы единственная женщина, которая не ответила этому человеку взаимностью». Грубо говоря, одна не дала... Ну а почему, собственно, я должна была поступать иначе, если никаких чувств, кроме приятельских, к нему не испытывала?..»⁴

Один из многочисленных и бесцеремонных интервьюеров решил поставить все точки над «i» во взаимоотношениях Высоцкого и Лужиной. Прямо в лоб он спросил Ларису Анатольевну: «Высоцкий вас любил?» «Я не знаю, — призналась она. — Просто у нас были очень хорошие дружеские отношения».

«Даже если Володя пытался ухаживать за мной, то это было нормальное ухаживание со стороны молодого человека к молодой девушке или, точнее сказать, к партнерше по фильму... Он говорил мне комплименты, но это совсем не значит, что была любовь⁵. О любви он не говорил. В основном, — вспоминает Лариса, — стихи читал, пел свои песни... Время от времени уезжал... а когда приезжал, всегда первым делом приходил ко мне, пел новые песни, какие-то знаки внимания оказывал. Незначительные вроде бы — руку подаст, скажем, но я ведь женщина, я чувствую, когда мужчина хочет понравиться... И всегда привозил мне бутылку моего любимого шампанского...»⁶ Ну, Лариса в долгу не оставалась: «...он в моих шмотках снимался. Я только со съемок из Германии вернулась, а у немцев в моду вошли облегчающие спортивные костюмы... В Союзе ничего подобного

не было. Я же привезла несколько брюк, свитеров. Вот Володя и форсил...»⁷

Вдобавок ко всему в съемочной группе у Высоцкого обнаружился соперник — Александр Фадеев (сын автора знаменитой «Молодой гвардии» и приемы МХАТа Ангелины Степановой). «У нас с ним такой роман случился, что не до Володи было. Саша — высокий, красивый, настоящий мужик. А Володя — маленького росточка, просто симпатичный парень... Может, если бы не Саша Фадеев, я бы в Володю и влюбилась, но он был явно героем не моего романа...»⁸

В иных своих рассказах о Высоцком Лариса Лужина все же уточняла: «Романа, к сожалению, не было. Было с его стороны увлечение. Он вообще был влюбчивым человеком... Влюбчивым был — страшное дело. Одновременно умудрялся и за мной приударить, и за **Ритой Кошелевой**. Но ни я, ни она как потенциального любовника Высоцкого не воспринимали...»⁹ «Симпатичный был парень, талантливый, очень добрый. Широкая натура. Ухаживать умел красиво. И цветы дарил, и песни. А чтобы влюбиться... такого не было...»¹⁰, «Володя росточком не особо вышел. Симпатичный, конечно, парень, но не более, хотя безумно добрый и обаятельный»¹¹. «Мой тогдашний муж, прекрасный оператор и замечательный человек Леша Чардынин ревновал и к Фадееву, и к Высоцкому...»¹²

Рассказывают, «однажды, сидя после съемочного дня у костра, Высоцкий сказал приехавшему повидаться с женой Чардынину: «Леша, послушай, какую песню я записал твоей бабе». И спел:

«Наверно, я погиб, глаза закрою — вижу — ...»¹³

Съемочная группа «Вертикали» жила одной дружной семьей на турбазе в Сванетии в одной большой комнате. Спали не раздеваясь — в горах было холодно. «Ночью, — рассказывала актриса, — по нам бежали мыши и по гитаре Володиной тоже, струны перебирали, вдруг такой звон раздавался...»¹⁴

Кроме легкой влюбленности или воспоминаний о ней Высоцкого и Лужину связывали еще многие странные, невидимые, но прочные нити. Высоцкий, рассказывала она, дружил с оператором Алексеем Чардыниным. Часто они устраивали шумные ночные пирушки, часам Высоцкий исполнял свои песни. И пока он пел, вспоминала Лужина, к еде никто не прикасался. Не всем, конечно, ночные застолья были по душе. Однажды соседки даже написали на Лужину жалобу в товарищеский суд (были в те времена и такие), мол, орут по ночам хриплыми голосами, спать не дают. Вызвали Ларису в суд и сказала она заявительницам: «Вас скоро вперед ногами вынесут, а я молодая, хочу жить и слушать хорошие песни».

На кинопробах к «12 стульям» Владимир Семенович познакомился со вторым мужем Ларисы, тоже кинооператором Павлом Шуваловым. Через несколько лет они уже плотно сошлись в большой и сложной картине «Сказ про то, как царь Петр арапа женил».

С Ларисой Анатольевной у Высоцкого была возможность вместе поработать в картине Геннадия Полоки «Один из нас». Но ей помешал микроинсульт, а Владимиру Семеновичу киноначальство, в частности, в лице Всеволода Санаева.

Третим мужем Лужиной был юный актер и начинающий сценарист Валерий Вакуловский, который оказался сыном известной белорусской писательни-

цы Л. Вакуловской — автором сценария фильма «Саша-Сашенька». Что это, очередное подтверждение удушающей тесноты киномира?..

Ей, девочке, родившейся с длинными волосами, цыганка нагадала, что у нее в жизни будет множество поклонников, но останется она в одиночестве, — пересказывала Лариса Анатольевна старые мамины воспоминания¹⁵. Так все и вышло. Пройдя через четыре брака, в конце концов, для нее самым близким существом оказался... пудель Лорий Лориевич Лужин...

Предваряя исполнение одной из «вертикальных» песен о скалолазке, Высоцкий обычно рассказывал о романтической сцене, выпавшей из окончательного варианта картины, когда он (то бишь его герой — радист Володя) остается в альплагере наедине с Лужиной: «Природа, романтика, горы, и я по сценарию должен был к ней приставать — я никогда этого не позволяю по отношению к женщинам — а тут очень настаивал режиссер, и вот была у нас сцена приставания. Было очень даже приятно, в общем, но в фильме этого ничего не осталось совсем, все это вырезано; мы там только ходим по камушкам, я очень скромно себя веду.. Я только говорю: «Посмотри, как красиво»... И песня в фильм... не вошла»¹⁶.

У слушателей, естественно, складывалось впечатление, будто песня и впрямь была посвящена Лужиной. Однако, как выяснил исследователь М. Шишмарев, у героини песни существовал вполне реальный прототип. По его мнению, посвящена она была ленинградской девушке **Светлане Лепко**, альпинистке-разряднице, будущему радиоинженеру.

Она совершенно случайно оказалась в киногруппе Говорухина. Но вписалась в нее настолько удачно, что даже с успехом подменяла Риту Кошелеву в от-

дельных эпизодах во время вынужденных отлучек актрисы. Единственное, что тогда было необходимо, — надеть парик.

Светлана рассказывала: «Впервые увидев Владимира Высоцкого в «Итколе» на банкете, я удивилась: он совсем не пил. Он не пил на протяжении всей съемки, мы с Ларисой Лужиной ему соки покупали. Врач Алла Величко, моя подруга, работала в альплагере «Эльбрус». По вечерам Величко приезжала в киногруппу и занималась Володиным горлом, то есть была как бы его персональным врачом. Из-за болезни горла Высоцкому запрещали петь. А он пел... Послушать его приходили, приезжали из многих лагерей. Погода стояла хорошая. Мы выходили на улицу, Володя брал гитару и пел...»¹⁷

Высоцкий частенько отлучался со съёмочной площадки на спектакли в Москву — «Галилей», «Послушайте!», «10 дней...». Как-то, вернувшись из столицы назад, в горы, объявил: «Так, уезжаем в Тырнаузе!» «Радист Володя» выхлопотал автобус — и небольшая компания (человек восемь) двинулась поближе к «цивилизации», в ресторан. Там он всем заказал по цыпленку-табака и расплатился за всех.

Позже, бывая в Ленинграде, Высоцкий порой заезжал к Светлане Лепко в ее знаменитый «распутинский» дом на Гороховой (в те годы — улица Дзержинского, 64). Часто пел ей, перестраивая Светланину семиструнку с помощью спички.

В 1971 году, когда Таганка приехала в Питер на гастроль, Светлана рискнула уговорить главного режиссера Таганского театра разрешить Высоцкому выступить в клубе ЦНИИ «Гранит»... Представляя ее Любимову, сказал: «Юрий Петрович, вот она, моя скалолазочка. Та самая...»¹⁸

Хотя претенденток на роль героинь «скалолазковых альпинисток» и без Лепко хватало. Например, говорили, что Высоцкого к съемкам в горах готовила мастер спорта по альпинизму Мария Готовцева, и именно ей он посвятил свою знаменитую «Скалолазку»¹⁹.

Леонид Елисеев, руководитель группы скалолазов, занятых в картине, абсолютно убежден, что Высоцкий сочинил песню, вдохновившись альпинистскими подвигами Риты Кошелевой: «А как он смотрел на нее, когда пел эту песню!...»²⁰ Похоже, сам Елисеев тоже был неравнодушен к Рите: «Если бы она в том сезоне участвовала в чемпионате СССР по скалолазанию, то была бы в числе призеров... У нее были все необходимые для этого качества: высокий рост, минимальный вес, хорошая координация — до работы в кино она была балериной. Так что по скалам она ходила, как обычные люди ходят по земле...»²¹

Сегодня о своих высокогорных встречах с Высоцким с удовольствием вспоминает и еще одна бывшая альпинистка, жительница города Мелитополя Запорожской области Татьяна Саяпина²².

Конечно, всякий раз вокруг съёмочной площадки неизменно возникают стайки (если не стаи) представительниц слабого пола, с безмерным обожанием взирающих на актеров и прочий киношный люд. А уж в таком диком месте, как Боксанское ущелье, где снималась «Вертикаль», где, кроме гор, ровным счетом никаких развлечений... Ежевечерне к лагерю киноэкспедиции, словно мотыльки на огонь, слетались представительницы прекрасного пола. И появлялась гитара, и всю ночь звучали песни и щедро разливались напитки.

Как гордо утверждал абориген, егерь и альпинструктор-консультант фильма Хусейн Залиханов, к «те-лу» допускались далеко не все, и он лично вел строгий отбор. Он с превеликим удовольствием вспоминал: «Высоцкий был душой компании. Водка, песни под гитару рекой лились... К нашему очагу всегда собирались из соседних альплагерей «тушканчики» (так Хусейн ласково называл начинающих альпинисток. – Ю.С.). И уж скольких мы с Володькой тогда приласкали – со счета сбились. Хорошие то были времена!..»²³

Правда, после съемок одна студентка из Питера прислала Залиханову паническое письмо: «Жду ребенка. Жена Высоцкого об этом и слышать не хочет. Рвет письма. Помоги, дорогой Хусейн, до Володи добраться!..»

Но это уже совсем другая история...

А сегодня Хусейн Чоккаевич, уже более полувека возглавляющий федерацию альпинизма Кабардино-Балкарии, создал в Течекли альпинистско-охотничий музей имени Владимира Высоцкого.

У большинства участников съемок «Вертикали» сохранились самые замечательные воспоминания о тех временах. Первая жена Говорухина, актриса **Юнона Карева**, в частности, рассказывала: «Я познакомилась с Высоцким в 1966 году... в местечке Иткол, под Эльбрусом. И тогда же я впервые услышала, как он поет свои песни. Помню, вечером пришел Станислав Сергеевич Говорухин, режиссер фильма, и говорит: «Приехал Володя, сейчас будет петь. Ты обязательно должна послушать». А у меня горная болезнь, подняться не могу. Они открыли дверь Володино номера и мою, так я его и слушала. Впечатление было колоссальное, я испытала настоящее по-

трясение. И с течением лет это чувство только усилилось. Потом мы подружились... Я люблю все, что он поет. У него все просто и гениально. Он весь в своих песнях: добрый, искренний, одержимый, ничего и никого не боящийся, душа нараспашку – воистину народный певец, поэт, актер. Что было бы с ним в наше время?.. Трудно представить. Наверное, был бы таким же бунтарем...»²⁴

Кстати, именно «Вертикаль» развела в разные стороны Говорухина и Кареву. На свою беду, то есть счастье, режиссер как-то заглянул в монтажную Одесской киностудии, увидел молоденькую, 17-летнюю Галину, и, как человек, склонный к неожиданным поступкам, тут же сказал: «Эта девочка будет моей женой». Галя была очарована столь неординарным поклонником, влюбилась.

Несмотря на разлуку с Каревой, Говорухин сохранил с ней добрые отношения. При малейшей возможности приглашал сниматься в свои картины, рекомендовал друзьям. Словом, без внимания не оставлял. Юнона, правда, к кино относилась не слишком серьезно, хранила верность Казанскому театру. Кроме того, увлеклась преподавательской деятельностью, работала режиссером-педагогом в местном театральном училище. Но на «Место встречи изменить нельзя» Говорухин ее все-таки вытащил. «На съемки... Слава меня вызывал несколько раз, – рассказывала Карева. – Предлагал разные роли. Но я не очень хотела сниматься... И вот когда наш сын Сережа заканчивал школу, Слава позвонил из Одессы очередной раз. Сережа мне говорит: «Если ты не полетишь на съемки, я не буду поступать в институт». Согласилась – на роль Желтовской, мало себе представляя, что же такое кино. Прилетаю в Одессу. Слава встре-

чает с охалкой роз, по дороге до гостиницы предупреждая, что улетает рано утром в Германию, а снимать меня будет Высоцкий. Утром приехала на студию — ни жива, ни мертва. Гримируют, а я от страха умираю. Всего два съемочных дня, а Белявский, который Фокса играл, никак не прилетает. Тогда передо мной поставили фольгу и заставили играть эту сцену без Белявского. На фольгу пустили прожектора, а я должна была представить себе, что это — глаза Фокса. Я чуть не ослепла с непривычки.

В день премьеры фильма по телевидению Сережку провожали в армию. Показывали серию, где я и Юрский. Пришли человек пятьдесят гостей, и все смотрят. А я холодным потом обливаюсь. Сережа, видя, как я волнуюсь, сел рядом на диван и прижался ко мне. А утром поездом приехал Слава. Прибежал буквально в тот момент, когда Сережа уже сел в автобус...»²⁵

*«Как счастье зыбко —
опять ошибка!...»*

Во второй половине 1960-х годов у Высоцкого и его друзей — Яловича, Епифанцева, Абдулова и других — возникла навязчивая идея — создать собственный театр. Репетировали по ночам, в клубе КГБ.

Вскоре там стала появляться юная актриса театра имени Ленинского комсомола **Ирина Печерникова**. Она говорила, что у них с Высоцким «странные были отношения... Я первый раз увидела Высоцкого — и возненавидела его всеми фибрами души... Все

время цеплялся, острил, издевался. Я его презирала со всей моей детской категоричностью. Как-то раз пришла на репетицию и вдруг слышу — кто-то здорово поет хрипатым голосом: «Парус, порвали парус». Я влетаю — опоздала немножко, — все кучей стоят, слушают. Проползла между ними и вижу, что это тот самый, ненавистный мне... И ляпнула: «Ну, надо же...» Он как раз петь закончил, посмотрел на меня: «Ну, что?» Я говорю: «Надо же, такой противный — и такую песню спел». Он расхохотался...»¹

Потом наступила довольно длительная пауза в их отношениях. Вскоре после триумфа в фильме «Доживем до понедельника» у Ирины вспыхнул бурный роман с польским музыкантом, руководителем польского рок-ансамбля «Бизоны» Збигневом Бизоном. Ирина, не раздумывая, вступает с ним в брак — и уезжает за границу. Ей завидовали.

Напрасно. Вскоре Печерникова с поп-звездой развелась.

Проведя два года за границей, Ирина совершенно не знала о бешеной популярности Высоцкого на родине. А посему при случайной встрече в коридорах «Мосфильма» она «из вежливости решила задать вопрос: «Скажите, Володя, вот вы тогда свою песню пели, «Парус». А вы еще что-нибудь еще написали?» У него просто шок был. Он меня за руку схватил: «Слушай, тебя Бог послал. Ты вообще ничего не слышала?» — «Нет...» — «Ладно, у тебя время есть?» Я говорю: «Сценарий отдам и свободна. А что?» — «Мне нужно минимум три часа. Пойдем и отдадим твой сценарий». Он повез меня к себе домой, куда-то в Матвеевское, и часа два, может быть, три, пел. Я для него была как чистый лист. Подружились сразу — насмерть просто...»²

«Был ли он в меня влюблен? — задавала себе вопрос актриса. — Не знаю, наверное, немножко, если это длилось несколько месяцев, и каждый день я приходила на его спектакль или сидела у него дома. Я его обожала, даже боготворила. За то, что со своей горы Афон разглядел меня, посадил на ладошку и опустил рядом с собой на вершине...»³

Во время работы над дискоспектаклем «Алиса в Стране чудес», вспоминает Печерникова, «мы с Севой Абдулова часто у него ночами сидели. Слушали музыку, трепались, пили джин с тоником, а Володя сочинял. Иногда приносил листок: «Вот, родилась строчка». То было замечательное, какое-то волшебное время...»⁴

«Каждый день я приходила на спектакль или сидела у него дома. Володя писал «Алису...», писал трудно, и я кожей ощущала, что я ему нужна... Может, я казалась ему похожей на Алису из Страны чудес. Не знаю...»⁵

Однажды Владимир Семенович заявился в дом Ирины и упросил ее родителей отдать их чадо в его распоряжение на трое суток. Дескать, очень надо. Доверили. Поехали в аэропорт. Она думала, встречать кого-то. А они, незаметно для нее, оказались в самолете. «Я болтаю, он шутит, смешит меня... И тут я спрашиваю: «Володя, а куда мы летим?» Он начинает хохотать: «Слушай, а почему ты сейчас-то спросила?»⁶

Приземлились в Адлере, потом перебрались в Гагры, где находилась киногруппа фильма «Плохой хороший человек». Высоцкий определил Иру в какой-то домик, сам умчался на съемки. Вечером заехал за ней на машине и они рванули в Сухуми. Там был объявлен его концерт, ради которого он, собственно, ее

и привез. Не обращая внимания на зал, он пел ей. А она сидела с пылающими щеками.

Такие отношения, конечно, не могли продолжаться вечно. И «в конце концов, Володя попытался их изменить, довольно-таки решительно, — и не получилось. Он был для меня как сказочник, а не-сказки мне не хотелось. Я очень долго все себе придумывала: и людей, и ситуации»⁷

В канун очередного приезда Марины Влади они рассорились. Ирина в лоб спросила Высоцкого, любит ли он Марину. Он честно ответил: «Люблю». «И все, — рассказывает Печерникова. — Наше Зазеркалье мгновенно разлетелось на мелкие стеклышки. И я вместе с ним. Володю это жутко разозлило. Все это было безумно страшно, больно, и я исчезла...»⁸

Долгое время — года три — они не встречались и не разговаривали вовсе. Но бездушная и хладнокровная киносудьба свела их вместе в 1975-м году на съемочной площадке «Арапа». Причем в любовной сцене. «...Кульминация нашей беготни — он бросает меня на роскошную кровать, и мы там изображаем страсть...»⁹

Но в разгар съемок случилась беда — Ира сломала ногу. Месяц искали ей замену, но подходящей кандидатуры так и не нашли: в уникальное, специально для нее сшитое платье, никто не уместился. В итоге режиссер фильма Александр Митта приехал к ней домой, уговаривать. Она стала отнекиваться: «...Мы же там бегаем по лестницам, а я еле-еле на одной ноге стою!» — «Ничего, Владимир Семенович на руках будет носить!»... Он носил меня на руках с гипсовой ногой и молчал...»¹⁰ Сцена безумной страсти у актеров никак не получалась. Митта стал орать: «У меня «Кодак!» Семь дублей запероли!» Эпизод они-таки

сыграли. Ириного лицо было в белом гриме, у Высоцкого, понятное дело, в коричневом — эфиоп все-таки. «Группа упала: мы выглядели как две мартышки: у меня коричневый нос, подбородок и два пятна на щеках, у него — белый нос, подбородок и пятна на щеках...»

Но, как говорит Ирина, они так и не помирились...¹¹ Она признавалась: «После съемок я ему не один раз звонила, а он все время кидал трубку...»¹² Потом она еще раз встретила Высоцкого, случайно. Сказала Т.И. Пельтцер, что побежит вперед, займет очередь на такси. «И вдруг на стоянку ее приводит Володя с каким-то приятелем. Я что-то сказала и вместо ответа получила заряд ярости. Я потом неделю болела... Не простил меня Володя»¹³. «Таких злых, ненавидящих глаз я никогда не видела — обошел меня, как чуму какую-то...»¹⁴

Многих знакомых женщин Высоцкого в силу неведомых причин словно преследовал какой-то злой рок — с кем-то случались несчастья, кто-то тяжело заболел, у кого-то рушилась личная жизнь...

Не миновал этот рок и Печерникову. Работа не спасала — ни редкие съемки, ни работа в Малом театре. Ирину настигла лавина страшных потерь: сначала умерла мама, следом любимый учитель — художественный руководитель Малого Михаил Царев. Она оказалась в пустоте одиночества. Лекарством стал коньяк. В тишине, наедине с самой собой. Даже самые близкие друзья не догадывались, как Ирина проводила свободные вечера. Так продолжалось год или полтора. «От этой проклятой привычки, которая погубила на Руси немало талантливых людей... удалось благополучно избавиться в 1988 году...»¹⁵

Она бросила пить. Держалась полгода. Чтобы уберечь себя от подобных срывов в будущем, решила поехать к крымскому целителю Довженко — кодироваться. Там встретила актера Сашу Соловьева, который прибыл в Феодосию с той же целью. Кроме общих проблем их объединяла давняя взаимная симпатия. Они встречались, радовались друг другу, но вскоре расстались: Саши был женат, у него рос маленький сын. Печерникова и Соловьев окончательно связали свои судьбы только в 1996 году. (Кстати, Соловьев был исполнителем роли Красавчика в фильме «Зеленый фургон», соавтором сценария которого был Владимир Семенович Высоцкий, даже не упомянутый в титрах.)

Однако счастливые дни для Ирины длились недолго. Соловьев погиб. Сегодня Печерникову «ложет страх, что я никому не нужна. Я привыкла, чтобы меня любили зрители. И меня любили, я это чувствовала... А сейчас уже столько лет меня не любят... Наверное, я забрела не туда... Значит, надо все сбросить и начать с нуля. Иначе задохнусь. Уже силы на исходе...»¹⁶

У Высоцкого были довольно своеобразные отношения с **Кирой Муратовой**, кинорежиссером и актрисой (кроме главной роли в «Коротких встречах» она сыграла еще небольшой эпизод в «Опасных гастролях»).

Пробуя Высоцкого в свой первый самостоятельный фильм, Кира Георгиевна поначалу не испытывала особого энтузиазма. Она видела в роли главного героя геолога Максима совсем иного актера — Станислава Любина. Но тот «изменил» ей, предпочтя роль еще более романтическую — отважного разведчика Белова-Вайса в фильме «Щит и меч». Плюс ко

всему съемки предполагались в Германии, а не в какой-то там Одессе. Кинооператор картины Геннадий Карюк недобрым словом поминает Любшина, не называя, впрочем, его фамилию: «...Недосягаемый и красивый. Хорошо попробовался, занял деньги у Киры Муратовой и исчез навсегда. Ни героя, ни денег по сей день...»¹⁷

В общем, пришлось Муратовой обращаться к Высоцкому, написать ему письмо. Владимир не обиделся — вернулся. Сегодня она говорит, что «...до сих пор благодарна Высоцкому, что он принял ситуацию очень спокойно...»¹⁸

Муратова утверждает, что именно во время съемок фильма Высоцкий научился «хрипеть» — до 1967 года он пел обычным (? — Ю.С.) своим голосом, а форсировать его начал, лишь побывав геологом.

Потом у постановщицы картины возникли проблемы с исполнительницей главной роли Антониной Дмитриевой. Ее работа Муратовой откровенно не нравилась. К тому же Дмитриева умудрилась вдрызг рассориться с администрацией картины. И тогда муж — кинорежиссер Александр Муратов — предложил Кире Георгиевне: «Ты же так хорошо показываешь, играй сама». Она решилась.

В итоге в фильме родился совершенно непривычный для тогдашнего отечественного кинематографа дуэт возлюбленных. Их чувства были настолько искренни, что казалось: такое сыграть невозможно. По сюжету отношения геолога Максима (Высоцкий) и чиновницы Валентины Ивановны (Муратова) были довольно сложными, не делимыми на черные и белые полосы. Рядом с нежностью друг к другу постоянно присутствовала тщательно оберегаемая независимость двух характеров. Это был интересный фильм...

Один из исследователей творчества Киры Муратовой пронизательно заметил, что, если где Муратова и проговаривается, так это в названиях. «Встречи» и впрямь оказались «короткими»?..

«Вскоре после фильма «Короткие встречи» Кира Георгиевна развелась с мужем...», — таким неожиданным пассажем завершает описание этого отрезка жизни Муратовой Дмитрий Быков в своем очерке¹⁹.

Небрежно или неосторожно оброненная фраза, конечно же, не повод для каких-либо многозначительных выводов относительно отношений Высоцкого и Муратовой. Мне так кажется...

Тем более что один из ее сценаристов «со всей пролетарской» прямоотой говорил так: «Жить рядом с Кирой — одно удовольствие, но работать...» Она всегда умела продемонстрировать свой характер, бескомпромиссный, принципиальный и порой неслыханный. Говорят, достался он ей от родителей.

Хотя Муратова и утверждает, что «не люблю, когда меня открывают, как консервную банку. Могу порезать краями...»²⁰, но рискнем. Ведь ее жизнь полным полно неожиданных поворотов, легенд и загадок.

Она родилась в бессарабском городке Сороки в семье профессиональных румынских революционеров. Отец был русский, носивший фамилию, по разным источникам, то ли Головкин, то ли Коротков. Мама же была чистокровной румынкой и неистовой коммунисткой. Много лет ей пришлось провести в тюрьме. Затем семье удалось бежать в СССР. Когда началась война, отец вернулся в Молдавию, вступил в партизанский отряд и погиб при освобождении Кишинева. Кира с мамой всю войну находились в эвакуации в Ташкенте. После победы они воз-

вратились в Румынию. Мама быстро сделала карьеру, стала министром культуры. В 1950-х годах Кира уехала учиться в Москву, поступила во ВГИК. И долго еще сохраняла румынское гражданство, вплоть до 1970-х годов, пока жива была мать. Но со своими земляками рассорилась очень быстро. Случилась курьезная, с точки зрения сегодняшнего дня, история. Курсовую работу она написала о «крамольных» импрессионистах. За это ее исключили из румынского комсомола. Зато ее институтский учитель Сергей Герасимов души в ученице не чаял.

Вначале в кино она работала вместе с мужем Александром Муратовым. Фильмы у них получались очень уж правильными. А потому — незапоминающимися. Снял первый самостоятельный фильм «Короткие встречи», Кира Георгиевна вступила в сплошную «черную полосу». Один за другим ее фильмы ставили на «полку». Зато сегодня только перечисление ее наград и званий заняло бы целую страницу. И она получила право следовать принципу: «В первую очередь я хочу нравиться себе самой».

Высоцкий всегда трогательно подчеркивал свое нежное отношение к Кире Георгиевне: «Киру Муратову я очень уважаю и люблю. Она прекрасный режиссер... очень талантливый человек. Я очень хорошо к ней отношусь... и с удовольствием бы еще снимался...»

В том фильме роль Нади, мимолетной любовницы геолога Максима, сыграла юная дебютантка **Нина Русланова**, которая была еще студенткой. Но, как она сама говорит, «наши встречи... были действительно достаточно короткими...»²¹ Столь же непродолжительной оказалась и их встреча на съемках фильма «Контрабанда»...

Одесский период в жизни Высоцкого тесно переплетался с белорусским. Жена кинорежиссера Виктора Турова **Ольга Лысенко** искренне поведала о своих непростых отношениях с Владимиром Семеновичем. Они познакомились в Браславе во время съемок фильма «Война под крышами». Работы как таковой не было: Высоцкий просто приехал в гости к Турову. Погуляли. Потом сами Туровы вскоре оказались в Москве. Приехали к Высоцкому. «Посещение комнаты Высоцкого в Новых Черемушках, — рассказывала Ольга, — произвело на меня шокирующее впечатление. Я долго не могла перевести дух от железных солдатских кроватей, табуреток...»

Потом Высоцкий вновь оказался в съемочной группе Турова. «Выехали мы рано и почти весь путь ехали молча. Володя был с гитарой. Из Даугавпилса он должен был поездом уехать в Москву. Вдруг Высоцкий просит остановить наш студийный «уазик», выходит из машины и говорит: «Послушайте, я сейчас сочинил песню».

Это была «Песня о земле». После строк «Кто-то (так в тексте. — Ю.С.) сказал, что земля умерла...» у меня просто сердце упало, не знаю, что на меня нашло.

А дальше пошло какое-то наваждение. Стоило ему появиться у нас в Минске, первое, что он делал, так это начинал петь эту песню. При этом прямо сверлил своим коротким взглядом. От его пения нервы мои напрягались, меня начинало трясти, я чувствовала, что душе моей больно, больно.

Однажды я не выдержала:

— Володя, ну невозможно же так... Ну что ты хочешь? Ну хорошо, мы с тобой побежим, упадем, разобьем лбы. Куда ты нас зовешь?

Он так сжал мою руку, что мне сделалось больно, и я вскрикнула:

– Володя. Ты понимаешь, что нас слишком мало?

– Хорошо, я больше не буду».

После этого разговора, появляясь у нас, Высоцкий сразу с порога спрашивал: «Здравствуй, Витя, а где Ольга?..»

Я высказывала из комнаты, мы встречались в коридоре, обнимались и так, обнявшись, стояли некоторое время. Витя куда-то уходил, приходил, смотрел на нас. Он все понимал».

Она признавалась: «С Высоцким было очень интересно общаться. Стоило ему начать говорить, как он становился центром любой компании. У него была такая завораживающая складность речи и мощнейшая энергетика. Он мог часами рассказывать истории о разных смешных случаях и делиться своими впечатлениями о странах и людях... Володя как ребенок был любопытен и любознателен. Его наивность в чисто житейских делах была потрясающей. Все новое, что он видел впервые, что его удивляло, вызывало живой интерес. Он мог часами с детской непосредственностью допытываться и интересоваться тем, чего раньше не знал. Даже в своих слабостях он был фантастичен... Помню наш разговор:

– Володя, ну сколько ты будешь еще пить? Да посмотри ты на себя, на кого ты стал похож?..

– Буду пить еще дней семь...»²²

Примерно в тот же период – чуть раньше, где-то с лета 1968 года, – у Владимира Высоцкого разгорелся бурный роман с полной противоположностью Ольги Лысенко – со знойно-соблазнительной **Лионеллой Пырьевой** (позднее – Скирда, Стриженова).

Сверкнув чарующими глазами в фильме «Свет далекой звезды», «леди Ли» мигом обворожила несгораемого мэтра советского кино Ивана Пырьева, успела незадолго до его смерти женить на себе. Естественно, молодой жене сразу удалось заполучить звездную роль Грушеньки в фильме мужа Пырьева «Братья Карамазовы».

Спустя годы, Пырьева, выступая на 25-х Шукшинских чтениях на Алтае (20 июля 2000 года), почему-то упорно называла Ивана Александровича Пырьева своим отцом. Хотя, может быть, автор репортажа с торжеств – корреспондент «Делового Бийска» Николай Добровольский просто ослышался.

Лионелле, естественно, трудно было устоять перед энергичным напором опального певца на красноярской природе во время съемок «Хозяина тайги». Тем более, сценарий того требовал. Хотя о делах сердечных, происходивших в ту пору в красноярских краях, судить сложно. Тем более, учитывая, что главный герой данного повествования с тоской отписывал в белокаменную столицу Вениамину Смехову о своем житье-бытье в «медвежьем углу» – Выезжем Логе: «Эх! – думаю я. – Нет среди нас Веньки и баб. А жаль!..»²³

Пырьева признавалась: «Мы по жизни были хорошими друзьями. После фильма «Братья Карамазовы» мне сразу же предложили роль современной героини в «Хозяине тайги». Сначала я была возмущена. Высоцкий меня по дружески высмеял. В фильме подобрался неплохой коллектив... хотелось посмотреть настоящую Сибирь, и я согласилась...»²⁴

Аборигены – жители Выезжего Лога – утверждали, что «они жили вместе и, не скрывая чувств, обнимались и целовались у всех на виду»²⁵.

Дед по фамилии Басистный рассказывал, что актриса, поссорившись с Высоцким, даже пыталась отравиться, и за ней из Красноярска прилетал вертолет. Спасли.

Из «глубины сибирских руд» отправилась очаровательная Пырьева вслед за Высоцким в Одессу. Ее ждала роль «несравненной мадемуазель Софи», верной соратницы господина революционера Бенгальского-Коваленко, героя «Опасных гастролей». Лионелла Ивановна вспоминала: «В первом фильме («Хозяин тайги». – Ю.С.) я даже пощечину ему дала, по сценарию, а потом он настоял, чтобы я снималась в «Гастролях»: там он мне две пощечины «отвесил», а целовал бесчисленное количество раз...»²⁶

Режиссер-постановщик «Гастролей» Георгий Юнгвальд-Хилькевич рассказывал: «...на фильм не утвердили Риту Терехову, потому что мне предложили снимать Лионеллу Пырьеву. Это был своего рода компромисс на утверждение в роли Высоцкого. У Тереховой осталась обида. Я не борец!...»²⁷

Сама Маргарита Борисовна рассказывала, что после проб ассистенты Юнгвальд-Хилькевича нашли, как им казалось, благовидный предлог для отказа — прислали телеграмму, мол, вы нам не подходите из-за сильной разницы в росте с главным героем картины. Ее очень развеселил такой своеобразный отказ, и она со смехом рассказывала потом об этом «революционеру Коваленко-Бенгальскому»²⁸. В общем, история запутаная. Тем более что сама Пырьева утверждает, что на ее роль предполагалась Марина Влади, «но она не смогла. В конце концов, меня режиссер взял без проб...»²⁹

Разумеется, когда в Одессу вырывалась Марина Влади, поведение приходилось корректировать:

«...приехала Марина, — вспоминала Пырьева. — Подкатила на «Волге». Володя тотчас увидел ее, подлетел к ней, затем последовал долгий-долгий поцелуй, как иной раз бывает в фильмах. Одесситы, окружившие их, были в полнейшем восторге: «Ой, вы посмотрите сюда, это же Марина Влади!..»³⁰ Ревнующей женщине трудно было скрыть зависть и раздражение: «Поселилась наша романтическая пара не в гостинице, а на даче — или у Говорухина, или у Юнгвальд-Хилькевича...»³¹

Роман Высоцкого с Пырьевой, скорее всего, был скоротечен и угарен. Как писал Павел Леонидов, у него «был запой, и он был на квартире Лионеллы Пырьевой...» Лионелла сознавалась, что «однажды я его приютила в квартире. когда отовсюду его гнали, я в то время уезжала сниматься в Ленинград. Впоследствии в одной из его песен возникли такие красноречивые строки: «Молодая вдова пожалела меня и оставила жить у себя...»³² Простим Лионелле Ивановне искажение слов поэта? Конечно. Тем более, что она сама была уверена: «Может, я слишком самонадеянна, но песня Высоцкого «А где был я вчера, не найти, хоть убей...» ...явно навеяна нашими с Володиной отношениями...»³³ Она действительно как-то «взяла к себе жить» Высоцкого. Было это в декабре 1968 года. Она в самом деле уезжала в Питер, правда, не на съемки, а на премьеру «Братьев Карамазовых». Накануне к ней в квартиру на Смоленской забрел Владимир Семенович с Гариком Кохановским. Узнав об отъезде хозяйки, стал настойчиво уговаривать оставить ему ключи. Пырьева стала отнекиваться, но, в конце концов, сдалась. Кохановский произвел на нее впечатление человека степенного и серьезного. По возвращении в Москву Пырьева

обнаружила дома полный разгром и гору пустых бутылок.

Она рассказывала: «Ко мне он заявлялся пьяненьким, страшно бледным, но тихеньким. Частенько просил кардиомин. Когда ему совсем становилось худо, брел по стенке до диванчика и засыпал...»³⁴ Однажды она не выдержала: «Еще раз придешь в таком виде, отправлю в больницу!» Ее знакомый психиатр из «Склифа» предложил сообщить ему, когда Высоцкий снова придет в непотребном виде. Вскоре подходящий случай представился. Врач приехал и забрал пьяного в дым поэта с собой, а Лионелле наказал подыскать хорошую клинику. Она подключила к этому делу Павла Леонидова-Рабиновича с его огромными связями. Определившись с лечебницей, Леонидов с Пыревой поехали в институт Склифосовского. Увидев бывшую возлюбленную, Высоцкий взвизгнул: «Ага! Это ты меня! Ты ж обещала, что упрямь меня в дурдом!» Но запой удалось таки прервать...

В 1976 году Лионелла Ивановна вышла замуж за Олега Стриженова, старинного приятеля Владимира Семеновича. Олег Александрович к прошлому жене не ревнует «нисколько, да и давно это было, еще до нашего близкого знакомства...»³⁵

«Перепутаны все мои думы. И запутаны паутиной. Лезу я, словно нищие в сумы, за полтиной и за ругиной» (В. Высоцкий).

В своей скандально известной книге «Андрей Миронов и я» **Татьяна Егорова** вспоминает о премьере спектакля в Театре сатиры пьесы Александра Штейна «Последний парад» с песнями Высоцкого. «Во время спектакля мы все смотрели в зал на знаменитого барда. Запрещенный, дерзкий, смелый, гени-

альный, потрясающий своими экстравагантными поступками, он сидел в зале один, сиротливо, казался совсем мальчишкой и как-то странно слушал свои песни не в своем исполнении...» Потом был банкет в малом репетиционном зале за длинным столом — в честь премьеры и окончания сезона. Потом «стол постепенно становился растерзанным и пустым. Было поздно, остались самые крепкие. Высоцкий взял гитару и запел: «И когда наши кони устанут под нами скакать...» Вокруг него образовался круг артистов. Я взяла свой стул и села неподалеку. Он впился в меня глазами и вместе со стулом подвинулся к моему стулу. Ударил по струнам: «В желтой жаркой Африке...» Брякнул по струнам. Встал. Налил водки. Выпил. Налил бокал шампанского — протянул мне. Опять ударил по струнам и новая песня — глядя мне в глаза: «Когда вода всемирного потопа-а-а...» Мой цензор был во хмелю и крепко спал, и я без руля и без ветрил бросилась в «поток» под названием «Высоцкий». Он это чувствовал, у нас произошло сцепление... Какого рода сцепление было у Высоцкого, мне не дано знать, скорее всего это было вечное одиночество... В этом небольшом зале летали невидимые огненные стрелы, вспыхивали невидимые молнии — напряжение было такое, как во время грозы. Своим рычащим и хриплым голосом, впившись в мои зрачки, Высоцкий продолжал: «Только чувству, словно кораблю, долго оставаться на плаву...» Я сидела, улыбаясь, в малиновой юбке, в белой кофточке, как во сне, раскачиваясь на стуле, с остатками шампанского в прозрачном бокале...»³⁶

«Я явно ему нравилась, — кокетничала актриса. — Андрюша (Миронов. — Ю.С.) все это видел и пришел просто в невменяемое состояние от ревно-

сти. Сказал: «Пойдем, я тебе покажу фотографию». Вывел меня в коридор и ка-ак даст! Там была полная тьма, и он не понимал даже, куда бьет. Так что эта горбинка на переносице — имени Высоцкого и Миронова. У Андрюши после этого случая на руке остался шрам. И в душе тоже...»³⁷

Коллега Егоровой по Театру сатиры замечательная актриса **Вера Васильева** в своей книге «Продолжение души» в числе самых любимых своих ролей называла Дашу из спектакля «Последний парад»: «Я помню, на читку пьесы Александр Петрович Штейн пришел с Володей, и, когда подходил момент исполнять очередную песню, Володя брал гитару и пел. Его пение было очень впечатляющим, словно открывало какой-то невидимый для нас мир... Мы все влюбились в него, почувствовали его душу. И когда пели его песни, всегда словно слышали голос с хрипотцой, но не смели подражать ему, так как считали это кощунством. В те годы мы даже не предполагали, какой легендарный человек так скромно сидел на наших репетициях...»³⁸

И вновь о мистике, сопровождавшей Высоцкого на протяжении всей жизни. Когда **Ирина Мазуркевич** вышла замуж, на следующее утро после свадьбы ей позвонили люди, знающие о своеобразии их отношений с Высоцким, и сообщили, что Владимир Семенович скончался. Напророчил Ибрагим Ганнибал, говоря в финале фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» своей возлюбленной Наташе, роль которой досталась Мазуркевич! А говорил он: «...Счастье мое, никому я тебя до смерти не отдам». Так получилось, что до смерти и не отдал...

С Высоцким она познакомилась на пробах к «Арапу». «Я была этаким «чудом с косичками»: маленькая,

с пухлыми губами и огромными глазищами. На репетиции нас познакомили с Высоцким, и только я начала что-то ему говорить: «Владимир Семенович, вы...» — он расхохотался. Я покраснела. «Ха-ха-ха, Владимир Семенович! — хохотал он сильным своим голосом. — Да зови меня просто Володя». Ему было тогда 37 лет, а мне — всего 16. Но с того дня я стала говорить ему «ты»...»³⁹

Интересно, что ее дебютный фильм «Чудо с косичками» появился в прокате едва ли не позже «Арапа». Однако Ирина фотография уже находилась в картотеке «Мосфильма», и режиссер Александр Митта попросил вызвать ее на пробы. На тот момент он уже перепробовал на роль Наташи табуны московских школьниц и первокурсниц.

На пробах непорочной Ирочке предстояло разыграть на пару с Высоцким интимную сцену ночного свидания с Ибрагимом в ее спальне. Потом Владимир Семенович ей рассказывал, что Митта долго колебался между кандидатурой Мазуркевич и другой претенденткой и пытал исполнителя главной роли: «С кем ты хочешь сниматься?» Высоцкий выбрал Ирину.

Фрагмент из воспоминаний Вениамина Смехова: «Сидим в антракте, болтаем — об съезде, об Митте — девочка высшесортная — актриса с четырнадцати лет — Ирочка из Горького...»⁴⁰

«Я, если честно, была темной деревенской дурой, — признавалась «девочка из Горького», — и ничего про него не знала. Ведь его песни можно было послушать только в магнитофонных записях или на концертах в закрытых НИИ. А я приехала в Горький учиться всего год назад из Мозыря, маленького белорусского городка, у нас там в ту пору не то что магни-

тофон, телевизор не так давно появился. Когда я рассказала подружке, что буду сниматься с Высоцким, она чуть дара речи не лишилась: «С кем? С самим Высоцким?!» Она-то, конечно, о нем была наслышана — уже год училась в Минске. И, естественно, принялась рассказывать: и поет он потрясающе, и сам песни пишет, и в кино снимается, и в театре играет. Жена у него француженка, Колдунья. Позже мне стало ясно: то, что я тогда до конца не знала, кто такой Высоцкий, не испытывала по отношению к нему никакого пиетета, и это определило наши дальнейшие отношения. Я не заигрывала с ним, не пыталась понравиться, что, видимо, его и подкупало. Нам с ним было очень легко. Несколько лет с разными перерывами мы близко общались. И только потому, что он для меня был никто... Постепенно я узнавала о нем все больше и больше, он был необыкновенно обаятельным, интересным, но для меня оставался... другом. Ну, не было у меня к нему отношения как к чему-то необыкновенному! К сожалению... На самом деле я мало что понимала. К тому же я, несмотря на возраст, была уже неофициально замужем. Да-да! Меня в Горьком ждал однокурсник. (Забегая вперед, скажу, что мы так и не поженились.) Он тоже играл на гитаре и сочинял песни, так что меня трудно было этим удивить. Очень жаль, что я тогда не могла оценить разницу. Это сейчас я понимаю, что Высоцкий был поэт — не бард, а именно поэт. На съемки, а мы снимались в Москве и Юрмале 9 месяцев, он всегда возил с собой гитару...»⁴¹

Высоцкий ее опекал, покровительствовал. Был ли у них роман? Она категорически отрицает: «С моей стороны — нет. Я не была в него влюблена. Совсем. Мне хотелось бы ответить, но...» Мешал не возраст.

«Дело было в чувствах: кто знает, почему влюбляешься в одного человека, — признавалась Ирина, — а к другому ничего не испытываешь, хоть он и во сто раз красивее, умнее, талантливее. Конечно, мне было приятно и лестно его внимание. Володя водил меня к своим друзьям, знакомым, таскал по выставкам. Часто, уезжая к Кириллу Ласкари, оставлял меня в своей московской квартире. Садился ночью в машину, чтобы оказаться утром в Питере. Один. В то время в его квартире на Малой Грузинской шел ремонт, он делал сауну (которую так и не достроил). Я ночевала у него там среди кафеля... Все это было, но, к сожалению, к сожалению...

Больше всего он любил делать подарки. Во-он, видите, баночка стоит? В ней был потрясающий английский чай, который он мне как-то привез из-за границы. Дарил свои пластинки, книжки, французскую косметику. Тогда, в 1975-м, ведь вообще ничего нельзя было купить. В чем я тогда ходила, студентка! Жила на стипендию (я получала повышенную — 33 рубля) и на деньги, которые присылали родители. А когда начала сниматься в кино, денег родители уже не присылали, потому что с ними остались еще двое детей... Тратиться на шмотки мне всегда было ужасно жалко. Помню, на барахолке в Горьком я купила за 110 рублей ношенные джинсы «Левис» (которые потом носила много лет). Для меня это был подвиг. Я тогда себе все шила сама и шью до сих пор. Раньше — потому что нечего было носить, теперь — чтобы быть непохожей на других. Помню, смастерила себе сногшибательный, как мне казалось, костюм из хлопчатобумажного сукна — коричневые бриджи и балахон с капюшоном. Под этот ансамбль непременно требовались высокие сапоги. А поскольку их

достать было невозможно, я купила резиновые ботфорты «а-ля рыбак на льдине». Потом приобрела еще одну «стильную» вещицу — летный шлем из кожзаменителя и была уверена, что одета потрясающе модно. Теперь-то я понимаю, что на Высоцкого, который одевался в Париже, я производила дикое впечатление. Видимо, поэтому он ненавязчиво дарил мне то бархатные брюки, которые вез сыну (у нас с ним был один размер), то французский свитер. Брюки эти я потом перешила в комбинезончик для дочки Лизы...

Один раз, помню, гримировалась перед съемкой, а он, вернувшись с гастролей, зашел ко мне. Ловким движением достал из гитарного чехла красивую кофту и со словами: *«Потому что я купил тебе кофточку, потому что я люблю тебя, глупая»* как бы шутя мне ее вручил. А я, действительно глупая, даже не знала, что у него есть такие стихи!

Разговоров особых не было, мы общались ровно столько, сколько я могла поддерживать общение. Я только начинала получать образование, но уже была влюблена в русскую литературу серебряного века. Цветаева, Ахматова — их можно было достать только в Ленинке. А у него дома лежали коробки привезенных из Франции книжек. Мне разрешалось порыться и почитать любимых поэтов. Володя подарил мне несколько старых книг, одна из них была с чьей-то дарственной надписью. Как-то, вернувшись из Франции, привез мне свою пластинку, написав гляцевую обложку фломастером. Что там написано, я сразу не удосужилась прочесть. Прижав к груди пластинку, села в трамвай и поехала к подруге, у которой жила в то время. Но пока доехала, надпись стерлась, остались только вдавленные контуры букв.

Так я и не узнала, что он там написал, но тогда мне было все равно...

Я ему нравилась, и все. То, что я не лезла к нему в душу и не домогалась, наверное, как раз и подогревало его интерес»⁴² Наверное, именно то, что она не смотрела на него как на идола, Высоцкому и нравилось и было в ней интересно. «Думаю, он понимал, что я, — говорила Мазуркевич, — вижу в нем просто человека, а не одиозную личность...»⁴³

Накануне свадьбы Ирины с питерским актером Анатолием Равиковичем в гримерку принесли очередной презент от Высоцкого — всякие модные штучки. Там было и письмо. Бывший «арап Петра Великого» с воодушевлением писал о том, что им очень нужно повидаться, у него есть определенные планы, и что Эфрос поставит для них спектакль, и они с ним будут разъезжать на гастроли. Эта идея Высоцкого жениха довела до белого каления. И тогда на его глазах будущая жена демонстративно порвала письмо. Словом, как в песне: *«...И вот мне руки жжет ея письмо, я узнаю мучительную правду...»*

Став старше, Ирина Мазуркевич прозрела: «Мне он казался очень одиноким. У него был большой круг общения, но настоящих друзей немного...»⁴⁴

*«Я писал ей стихи на снегу,
к сожаленью, тают снега!...»*

«С этим человеком работалось легко, — признает Лариса Удовиченко (знаменитая «Манька-Облигация» из «Места встречи...»). — Своей доброжелатель-

ностью, эмоциональностью он вдохновлял беспредельно. Каждым словом, взглядом, жестом задавал тон партнерам... Импровизировал он — импровизировали мы...»¹ Одна из таких импровизаций — то охромевшее правописание «Облигация-Аблигация».

«Помните, она спрашивала, как писать: «облигация» или «аблигация»? Я по своей неграмотности не знала и спросила Высоцкого. Володя ответил: «Пиши, облигация». А режиссер Говорухин подслушал и ухватился: «О! Замечательно! Оставим в картине». Правда, теперь Говорухин рассказывает на творческих вечерах, что это придумал он...»²

Сероглазая чаровница, которую многие мужики-критики сравнивали с ботичеллиевскими красавицами, большая любительница раков и пива, рожденная в Вене и выросшая в Одессе, Лариса Ивановна старательно отрицает его или ее влюбленность друг в друга: «Это такие громкие слова... Что сейчас не придумывают, чтобы возбудить интерес читателей к своей газете... Владимир Семенович — воспитанный, интеллигентный, умный человек. А я была молодая, хорошенькая. Естественно, любому мужчине, мне кажется, приятно смотреть на хорошенькую артистку...»³

И все же женщине, к тому же актрисе, потенциальной болтушке, трудно удержаться от некоторых подробностей, и она чуточку приподнимает «занавес за краешек»: «Он говорил мне: «Ты моя несостоявшаяся любовь». Он так шутил. А я бледнела, краснела, покрывалась пятнами и не знала, что ответить. И все на этом заканчивалось... Ему было 40. Сейчас кажется — никакой разницы, но в наше время это казалось огромной пропастью. Я к нему относилась как к мэтру, как к великому барду, популярнейшему актеру...»⁴

Рассказывая о Высоцком, она говорила: «Есть истинное искусство, которое волнует, вызывает слезы, удивление, восторг, надежду на то, что жизнь может начаться заново... Эти ощущения могут вызвать только люди, обладающие истинным талантом... Мне кажется, что Высоцкий сегодня мог бы гениально сыграть генерала Лебедея!...»⁵

У Ларисы Удовиченко всегда было одно требование: чтобы «мужчина был умен и талантлив. Красота — вещь абсолютно ненужная. Сладкие красавцы никогда не вызывали у меня интереса»⁶. Она признавалась: «Я знаю, что с юности нравлюсь мужчинам, хотя их вниманием не злоупотребляю. В этом отношении я человек очень разборчивый...»⁷

Хотя кто-то заметил: кокетство для Ларисы — не каприз, а форма существования... Она любит цитировать слова Станиславского: «Роль — это я в предлагаемых обстоятельствах». И признается, что она — «абсолютная раба любви»⁸.

Исполнительницу роли Маньки-Облигации кинокритики часто сранивали с кошкой. А она и не отрицала: «Это не случайно. В Одессе, в доме, где я жила, в окне на первом этаже всегда восседала необыкновенная кошка. Пушистое, мурлыкающее существо нежилось на розовой подушке с розовым бантом на шее... Когда мне предложили роль Маньки, я именно эту кошку вспомнила...»⁹

Проехали.

Каких только эпитетов не достаивалась неподражаемая **Маргарита Терехова** от коллег, режиссеров и журналистов, да просто мужчин!.. А она с отчаянным упорством изо дня в день доказывала и на сцене, и на экране, и, думаю, в реальной жизни, что она и есть женщина страстная, роковая, непредсказуе-

мая и стервозная. Ее многочисленные влюбленности и романы с мужчинами много моложе себя создали ей славу обольстительницы, чувственной ведьмы, обладающей секретом любовной ворожбы. Зря, что ли, ее сравнивали с булгаковской Маргаритой!..

Жаль, с Высоцким они пересеклись лишь один единственный раз на съемочной площадке фильма «Четвертый». «Да, он был одним из лучших актеров нашего времени, — утверждала несостоявшаяся партнерша Высоцкого в «Опасных гастролях». — В «Четвертом» снимались А. Джигарханян, А. Кайдановский, Ю. Бударйтис, М. Лиєпа... И все-таки В. Высоцкий выделялся своей игрой — так проникнуть в природу зла мог только очень талантливый и (как это ни парадоксально) хороший человек...»¹⁰

Не случилось им соединиться и в телеспектакле странного гения Романа Виктюка. Режиссер рассказывал, что Высоцкий «должен был сыграть на телевидении семь ролей Шекспира с Ритой Тереховой. В ту пору она была в совершенно уникальной творческой форме... Начали работать. Но телевизионный начальник стал насмерть: мол, он никогда не покажет этого говна советским зрителям. Так нас развеединили... И играл другой хороший артист... Но того единения и родственности душ между нами уже не было...»¹¹

«Он не играл любовь, — считает Терехова, — ее сыграть нельзя! Он нес ее в себе! Высоцкий — гений! Разве это не ясно каждому? Разве это не видно хотя бы по стихам его?!»¹²

Она говорила: «Мужчины, которые меня окружали, — все были замечательные люди, но, в первую очередь, они — замечательные ДРУЗЬЯ. А чтобы иметь мужа Маргарите Тереховой в нашей стра-

не — это надо его третьим ребенком записать. И чтобы он еще смирился с этим — что маловероятно. Незавидная судьба!..»¹³

Божественный лик Маргариты Борисовны чудесно огранен рассудочностью и ясностью оценок: «Я всегда искала и «завязывала» свои роли на что-то живое, вмешивалась в работу режиссера и в театре, и в кино, чем обесславила себя — говорят, характер невыносимый...»¹⁴

Самым шумным романом у Тереховой был с болгарским актером Саввой Хашимовым. Они познакомились на съемках фильма «Бегущая по волнам». Савва тогда, в середине 60-х, был одним из самых популярных актеров Болгарии. Был женат, но это не мешало влюбленным встречаться. Рита забеременела, родила дочку. С Хашимовым они стали жить в театральном общежитии, слыли счастливой парой. Но через полтора года Савва сбежал на родину. От кого она родила сына Сашу, Терехова долго скрывала. В конце концов, выяснилось, что отцом Саши был известный клипмейкер Георгий Гаврилов. При Маргарите Борисовне он тоже долго не удержался — уехал от греха подальше в Америку и сегодня возглавляет крупную телекомпанию «Bizz Productions».

Аристократка кино и сцены, светская львица **Людмила Васильевна Максакова** появилась на свет, чтобы покорять, очаровывать, срывать аплодисменты. Необычная, завораживающая красота, удивительная, мягчайшая женственность, грудной голос, легендарная родословная, независимый характер, острый язык... Что еще? «Дышащая духами и туманами...»? Да.

Она была из соцветия «рубеновых звезд». Для главного режиссера Вахтанговского театра Рубе-

на Николаевича Симонова «важна была порода — других женщин в театр при нем не брали...», — гордо говорила актриса¹⁵.

Она быстро стала звездой в театре, много снималась. Все складывалось отлично.

Но потом начались какие-то странные паузы. Говорят, это было связано с тем, что ее первый муж, талантливый художник-график Андрей Збарский (сын знаменитого врача, бальзамировавшего тело Ленина) неожиданно уехал в Америку. Странная была жизнь...

С Высоцким они встречались на съемках и на театральных премьерах, как говорится, дружили домами. Их связали и одинаковые взгляды на жизнь, и общие житейские проблемы: вторым мужем Максаковой стал иностранец, немецкий бизнесмен Игнебергс Петер Андреас. Ей, как и Высоцкому, никогда не хотелось уезжать из России. По ее мнению, «русский человек не создан для заграницы. Он не вписывается ни в какую заморскую систему, если у него есть душа и сердце. Никакой политический режим не может отвратить русского человека от его Родины. Я за границей больше двух недель не могу находиться физически...»¹⁶

Аналогичные чувства испытывал и Владимир Семенович.

Их сближала и способность совершить в нужный момент решительный шаг.

Когда умирала мама Людмилы, а мужу-иностранцу не давали визу в СССР, она с ребенком на руках, без денег, наедине со смертью, сходила с ума. В отчаянии дозвонилась в МИД, в приемную всеильного министра Громыко, и закричала в трубку, что если ее мужа не впустят обратно, то она возьмет ребенка

и выбросится из окна. Этот ультиматум почему-то смутил Андрея Андреевича Громыко. На следующий день Петеру выдали визу.

Актриса **Наталья Фатеева** видела в Высоцком не только коллегу: «...Он мне и как мужчина очень нравился. Чувствовалось, что он способен на поступок... Мне вообще импонируют мужчины такого типа. Не люблю высоких, красивых, ярких. Это чисто природное: может понравиться поступок, взгляд, даже запах. Я сразу фантазирую, что за этим стоит...» И еще Наталья Николаевна грустно вспоминает, как во время съемок «Место встречи изменить нельзя», которые происходили неподалеку от ее дома, к ней всего лишь один-единственный раз заглянули пообедать Высоцкий с Говорухиным... Жаль, что только один раз.

«На роль Соболевской меня пригласил Говорухин, — рассказывала Наталья Николаевна, — к которому я относилась с большой симпанией, к Высоцкому же отношение было иное: я была в него влюблена. Но никогда не говорила ему об этом и даже старалась не поднимать глаза во время беседы. Я знала, что с его пронизательностью он все сможет прочесть в моих глазах...»¹⁷

Удивительной красоты женщина, с магическим голосом и загадочным мерцанием смеющихся глаз, наедине с собой всегда страдала, выбирая себе явно не тех мужчин. Говоря о себе, скромничала: «К моей красоте с каким-то презрением относились. И мне приходилось доказывать, что я не только красива, но что я еще и что-то собой представляю...»¹⁸

На «ее на жизненном пути» возникал то талантливый, но неводержанный по части спиртного кинорежиссер Владимир Басов, то законспирированный

разведчик, а нынче писатель Михаил Любимов, то взбаломошный врач-космонавт Борис Егоров, то певец из далекой Румынии Дан Спэтару, то генерал КГБ Семен Цвигун... И, тем не менее, она уверена, что ее «яркая внешность не подходила для страны...»¹⁹

Может быть, потому-то и стала Наталья Николаевна просто усердной последовательницей Брижит Бардо в неустанной заботе о животных?..

Безымянный автор посвятил ей строки:

«Ей 20 не дать, но и 49 не дашь.
Счастливчик, кто видел в фате ее.
В России есть много прекрасных Наташ,
Но им далеко до Фатеевой».

Но все же рядом с именем Фатеевой просто-таки просится поставить имя ее полной тезки **Нatalьи Кустинской**. По ее словам, ей тоже «всю жизнь мешала ее красота». А добивались ее расположения многие. Смоктуновский, Магомаев, Баталов, Меньшов, Наумов...»

Сегодня она, которую французский журнал «Кандид» в свое время зачислил в десятку самых сексуальных актрис мира, сожалеет, что в свое время отвергла ухаживания юного Высоцкого: «Был сборный концерт в клубе армии, а я приехала туда, можно сказать, просто из Франции, еще дышала парижским воздухом. Наверное, неплохо выглядела. Помню, на мне в тот день были серебряный пиджак, маленькая бархатная юбка и серебряные сапожки. Я выступала в первом отделении, а во втором — Володя Высоцкий. Мы с ним снимались в одном фильме — «Увольнение на берег» (1962 год. — Ю.С.), но он тогда только начинал, тихим был,

скромным. Я и внимания на него не обращала. Стояла с администратором, он подошел: «Наташа, вы уже выступили?» — «Да». — «Можно, я вас провожу?». Не нахально предложил, как-то застенчиво даже. Я на него посмотрела — маленький, неинтересный и одет неинтересно... «Нет, я не хочу, чтобы вы меня провожали». Он смутился, сжался весь, повернулся и ушел». И с отчаянием добавляла: «Знал бы Володя, сколько раз я потом об этом пожалела!.. Я не встречала ни одного человека, который бы не потерял столько, сколько я...»²⁰

Уместность соседства двух имен — Фатеевой и Кустинской — имеет свое объяснение. Во-первых, обе Натальи Николаевны и обескураженный режиссер «Три плюс два» Генрих Оганесян, окончательно запутавшись, стал называть их «Фатик» и «Кустик».

Во-вторых, огушительная слава на них обрушилась как раз именно после этой комедии Оганесяна в 1963 году, и зрители мужского полу разрывались в мучениях, разгадывая загадку: кто же из них красивее?

В-третьих, и Фатеева, и Кустинская по очереди побывали женами одного из первых советских космонавтов Бориса Егорова.

В-четвертых, «всю жизнь, — утверждает Кустинская, — Фатеева старалась мстить мне как могла и справлялась с этой задачей блестяще...»²¹

И Кустинская приводит «неопровержимые доказательства». Ее приглашают в ГДР на съемки фильма по роману Томаса Манна «Волшебная гора». Девушка готовится к роли Клавдии полгода, ходит в бассейн, не ест, практически не пьет. А коварная Фатеева в это время якобы нашептывала своему возлюбленному — заму Андропова по всемогущему КГБ и, что

еще печальнее, свояку самого Брежнева Семену Цвигуну всякие гадости про свою тезку. В итоге, в Германию Кустинская не поехала. А какие ее ждали партнеры! Шарль Азнавур, Шон Коннери!..

У Натальи Фатеевой, само собой, имелась своя версия происшедшего между близкими подружками конфликта: «Виновата была Наталья Кустинская, с которой мы подружились во время совместных съемок. Оказалось, она была тайно влюблена в Егорова. И когда я начала встречаться со Спэтару, в голове у Кустинской созрел мерзкий план... Зная, что мы с Даном встречаемся в одной московской гостинице, она позвала туда моего мужа, предварительно рассказав ему об измене... Приехал... Поднялся на нужный этаж, постучал в номер. Естественно, в полутемной комнате увидел меня. Я растерялась, не знала, что сказать, но он, по большому счету, и слушать не хотел. Попросил сразу же съехать с его квартиры вместе с дочерью... Самое печальное в этой ситуации, что он женился на Кустинской и усыновил ее Митю...»²²

Судьба Кустинской была блестяща, капризна и переменчива. Она родилась в семье эстрадных артистов. В их доме на Малой Бронной бывали Лидия Русланова, Клавдия Шульженко, Изабелла Юрьева, многие другие звезды тех лет. Успешно окончив музыкальную школу по классу рояля при Гнесинке, она все же выбирает кино. Во ВГИК поступила сразу. И на первом же курсе вышла замуж за молодого, но уже известного кинорежиссера Юрия Чулюкина, прославившегося комедией «Неподающиеся». В «Девчатах» свою юную избранницу намеренно не снимал. Зато подарил-таки Наташе роль в своей «Королевской регате». Но потом все пошло напереко-

сяк. Режиссер с трудом удерживался от соблазнов в женском обличье. А порой и не удерживался. Однажды даже привез в Москву из провинции какую-то девицу и поселил у своей мамы. Доброхоты оказались начеку. «Он умолял простить, но я была неумолима», — гордо вспоминает Наталья Николаевна. Она ушла. А вскоре Чулюкин таинственным образом погиб, упав в шахту лифта в гостинице в далеком Мозамбике.

На короткое время в ее жизни возник сотрудник Внешторга Олег, бросивший семью ради Кустинской. Следом за ним появился космонавт Егоров. Наталья Николаевна пересказывала слова Егорова о Фатеевой: «Она мне не нужна. Я вообще ее никогда не любил. Она какая-то мужиковатая...»²³ Если это правда, то, по-моему, со вкусом у Бориса Борисовича явно были проблемы.

Когда Кустинская рассталась с Егоровым, в ее жизни началась черная полоса. Сердечный приступ сразил на пороге дома ее нового поклонника, талантливое экономиста, бывшего помощника Хрущева. Потом не выдержал операции на мозге шестимесячный внук. На сороковой день после его смерти от инфаркта погиб 32-летний сын Кустинской Митя. Именно тогда о Наталии Николаевне стали говорить, что она похоронила всех, кого только можно... Ее горечи не было предела: «Надеюсь, что следующей в списке покинувших этот мир наконец-то буду я...»²⁴

Впрочем, остаются слова: «Фатеева мне завидовала — ее мучило, что я моложе...»

Белокурую искусительницу **Светлану Светличную** в 1960 годы после уникальной по тем временам имитации стриптиза в фильме Леонида Гайдая

«Бриллиантовая рука» тоже одной из первых присвоили титул секс-символа советского кино. Светлана Афанасьевна отнекивалась: «Просто я первая женщина, которая сыграла... сексуальную роль, которую смотрят пять поколений... Меня даже первокурсники сейчас встречают и кричат вслед: «Не виноватая я! Он сам пришел!..»²⁵

Высоцкий со Светланой Светличной был знаком еще со времен съемок «Стряпухи».

Светличная, наверное, была права, когда говорила, что своей роли Андрея Пчелки Высоцкий просто стеснялся. Но тот период для него был просто кризисным, безвыходным. Верный друг Левон Кочарян уговорил режиссера картины Эдмона Кеосаяна, чтобы он взял Владимира в киноэкспедицию: нельзя было бросать его тогда на произвол судьбы, он и так чувствовал себя одиноким, ненужным, забытым.

«Он тогда, — вспоминает Светлана, — чуть-чуть попивал больше, чем нужно. К съемкам мы его отхаживали кислым молоком... Володя иногда проводил вечер до утра... он же везде был желанным... А утром его не было, а были ранние съемки на восходе, а мы не знали, в каком доме он гулял. А потом он убежал, потому что ему было стыдно, что он сорвал съемку... Он был очень одинок, песни, он — и все... Если бы Эдик дал ему Роль, то он бы и вел себя по-другому... Володю, может быть, даже унижало это, поэтому он пил... С Володей мне всегда было очень легко работать. Я думала, что лучше бы у меня не Савкин был партнером, а Володя. От этого картина выиграла бы. Тогда можно было поверить, что она любила его, что она огрела его... а он пришел-таки к ней. Это больше ложится на Володину фактуру, на его голос... Это было бы, как Жан Габен и красивая женщина... Краси-

ли его перекистью, хотели сделать его блондином...» (по материалам ГКМЦ В.С. Высоцкого. — Ю.С.)

А постановщик «Стряпухи» кинорежиссер Эдмонд Кеосаян (отметим его объективность), несмотря на все свои справедливые, в общем-то, претензии к Высоцкому, отмечал: «Володя — человек одержимый совершенно... Пауза между съемками. И если на столе стояла кружка пива и лежал карандаш — Володя хватал карандаш!..»²⁶

Ссылаясь на Светличную, забываемый «Шарпов»—Конкин утверждал, что «в свое время он сам умолял в компаниях, чтобы послушали его новую песню. А ему говорили: «Да надоел ты уже со своим горлопанством». В картине «Стряпуха» его даже озвучивал другой актер — Высоцкий был уже в невменяемом состоянии...»²⁷ Пусть это останется мнением Конкина.

Правда, к моменту выхода «Стряпухи» в прокат будущий «Павка Корчагин» едва-едва достиг комсомольского возраста, так что к его информации можно относиться соответственно. Тем более что она никак не согласуется с рассказами самой Светланы Светличной. Она вспоминала, что тогда к ним, в Адыгею, регулярно приезжали гости, чтобы послушать Высоцкого. В их числе был и ее муж, актер Владимир Ивашов, снимавшийся неподалеку в «Герое нашего времени». Светлана Афанасьевна рассказывает, что Ивашов и Высоцкий «...молча друг друга обожали по-мужски».

Журналисты почему-то любили уточнять, что «Светличная родом из Мелитополя, простая земная женщина, которая замечательно варит борщи...» «Стряпуха», несмотря на изысканную красоту Светланы, — как раз ее роль...»²⁸

После триумфальной «Бриллиантовой руки» Светличная долгое время не снималась. Когда, в конце концов, последовало предложение сняться в телесериале «Место встречи изменить нельзя» в роли сестры женщины, убитой бандитом Фоксом, она закомплексовала и даже думала, что не потянет. «Володя меня спас. Он сказал Говорухину: «Слава, ты знаешь, она не должна реветь. Когда происходит беда, женщина обычно начинает стирать или мыть посуду...» Это было очень характерно для меня. А еще он предложил называть мою героиню не по имени-отчеству, а просто Надюшей. И сразу стало как-то легко. Я была очень благодарна Володе...»²⁹

В общем, ключевую сцену решили перенести на кухню. Достали тарелки, полотенце. «Надюша» принялась усердно тереть эти тарелки, а «капитан Жеглов» задавать свои каверзные вопросы.

Потом он придумал эпизод, намекающий на дальнейшее развитие особых отношений Жеглова и Надюши. Должна же быть у него любимая женщина! По его идее, когда все заканчивается и все собираются в ресторане отмечать это событие, в зал по лестнице спускается Высоцкий, держа под руку Надю, то бишь Светлану. Зритель, он у нас умный, убеждал он Говорухина, сразу поймет, что у Жеглова появилась любимая. Он даже присмотрел один одесский ресторан, где бы можно было все это снять. Но сценка эта осталась лишь в фантазиях Владимира Семеновича... Жаль, конечно. Светличная говорила: «Я очень рада, что судьба свела меня с Володей. Не могу сказать, что он был моим близким другом, но всегда был рад меня видеть... Когда я встречалась с Володей, он был для меня кумиром, а я была просто коллегой. Я даже робела...» (по материалам ГКМЦ В.С. Высоцкого. — Ю.С.)

Женщина эмансипированная, Светличная не скрывает, что была влюбчивой. «Ивашов знал, что я могла влюбиться, но всегда возвращалась домой. Однажды я полюбила одного человека, и очень крепко. Но не успела его добиться, как Ивашов сблизился с такой красавицей, что я поняла: он притягивает женщин сильнее, чем я мужчин...» Она признавалась: «На Ивашове свет не замыкался. Я стала влюбляться в других мужчин. После «Семнадцати мгновений» была без ума от Тихонова... Он о моей любви так и не узнал... Мы с Андрюшей (Мироновым. — Ю.С.) были влюблены друг в друга... Андрюша просто преследовал меня... вел себя как распалившийся мальчишка. Я ответила ему взаимностью. Целую неделю мы целовались, обнимались, плавали в Черном море ночью... Я вернулась... в Москву и сама рассказала обо всем мужу...»³⁰

После смерти Ивашова Светлана Афанасьевна долго не могла прийти в себя, маялась, и позже вышла замуж за Сергея Сокольского, художника, поэта и музыканта. Но очень скоро поняла: не то. Потом ее главным занятием и главным источником существования стала помощь в поддержании порядка в квартире соседа по дому, «нового русского»: когда бизнесмен отсутствовал, Светличная поливала в его квартире цветы, вытирала пыль. Словом, домоправительница — и только. За 200 «баксов». Жить можно. Зимой она любит бегать босиком по снегу. Прошла через увлечение мистикой, магией, религией. Верит, что «через силу у меня произойдут изменения в лучшую сторону»³¹. И мечтает «иметь рядом близкого человека. Только чтобы он любил не имя Светлана Светличная, а меня — такую, какая я есть...»³² Светлана Светличная по-прежнему остается вызыва-

юще стройной, до черноты загорелой в любое время года. Она, а этой женщине стоит верить, говорит: «Любовь не имеет ни возраста, ни смерти. Любить можно свою мечту и то, что от нее осталось. Но вот замуж я больше никогда не выйду!.. Думаю, что верные ... жены встречаются редко. Женскую природу отличают любопытство и кокетство, и не изменяет только та, которая никому не нужна...»

Кинорежиссер Станислав Говорухин всегда славился умением подбирать актрис для своих лент.. Вспомним хотя бы «Место встречи...»: Фатеева, Удовиченко, Светличная, Заклунная... А «верная подруга Фокса» — **Татьяна Ткач**?!. Какими бы эпитетами не награждали Татьяну Дмитриевну млеющие до истомы театральные журналисты, они все равно не смогут в полной мере передать суть этой яркой натуры: «Она вся излучает бодрость и оптимизм...», «Яркая, роскошная до комической чрезмерности, утонченная женщина...», «Лесная царица, настоящая, ослепительная гранд-дама. Красивое, хитрое женское животное...», «Ткач ассоциируется с горячительными напитками...», «...Большая удача природы...»

Для широкой публики открытие актрисы Ткач состоялось после премьеры фильма «Бег», где она блистнула в роли Люськи, «военно-полевой жены» генерала Чарноты. Был еще эффектный эпизод в «Белом солнце пустыни». Потом случались еще роли, но не такие уж заметные. Пока Говорухин не соблазнил ее приглашением сняться в своей картине по роману братьев Вайнеров. Предупредил, правда, что «все роли уже разобраны, осталась только одна бандитка, но единственное, чем я могу тебя заманить — это знакомством с Высоцким». «Я, конечно же, согласилась. В кадре мы с Володей не сталкивались, но зато все

вечера напролет он нас развлекал. Мне повезло его видеть в очень хорошей форме: он тогда не пил, много работал и не ходил мрачный. Он вообще был щедрой души человек и потрясающий рассказчик. Я уж не говорю о песнях...» На вопрос о дружбе Ткач отвечает: «С Высоцким, к сожалению, нет...»³³

Хотя «в гостинице жили на одном этаже со всеми вытекающими... общениями, естественно... На съемках... я специально ходила на площадку смотреть, как играет Высоцкий. Он всегда приходил настолько подготовленный, что все были потрясены его собранностью...»³⁴

Она помнила его еще по выступлению с песнями в товстоноговском БДТ. «Шеф» тогда только-только прибыл из Штатов, собрал труппу, стал делиться впечатлениями. В это время появился завтруппой, прошептал на ухо мэтру, что, дескать, в театре актер из Москвы Владимир Высоцкий, хочет спеть для коллег. Товстоногов великодушно позволил. Высоцкий стал петь. Товстоногов, вспоминает актриса, не реагировал: «Я вижу, что на актеров Высоцкий произвел большое впечатление, но они смотрят на Товстоногова, на нашего диктатора, и как и он — тоже молчат, не решаются реагировать иначе...»³⁵ «Он сильно волновался, сбивался, — рассказывала она. — Видимо, почувствовал, что не ко двору пришелся. Потом робко спросил: «Ну, может быть, кто-нибудь скажет, что мне спеть, может, кто-нибудь из вас знаком с моим творчеством?» Все молчали...»³⁶

Тогда с последнего ряда поднялась 22-летняя Татьяна Ткач и стала называть ему одну песню за другой. «После исполнения каждого номера Высоцкий смотрел в мою сторону. Одна из последних его песен рассмешила Товстоногова...»³⁷ Мэтр оживился, за-

улыбался, руки поднял для аплодисментов. И актеры, естественно, мгновенно расслабились... Когда они встретились в Одессе, избранную именно «Местом встречи...», то роковая «любовница Фокса» напомнила Высоцкому его питерское выступление и спросила, помнит ли он девушку, которая заказывала ему песни? «Так это была ты?» — «Да». — «Боже, как приятно!»

Судьба могла свести Татьяну Ткач и Владимира Высоцкого еще в фильме «Бег». Ведь поначалу режиссеры Алов и Наумов предполагали, что на роль генерала Хлудова как раз больше других подходит Высоцкий. Хватит, дескать, играть ему поручиков Брусенцовых, перерос.

Но до Татьяны Ткач на роль Люськи, подруги генерала Чарноты, поначалу пробовалась **Антонина Жмакова**. «До этого я знала Высоцкого только понаслышке, — рассказывает Жмакова. — Он тогда был везде запрещенным, и нам после проб, естественно, сказали, что наша пара не проходит. Мы стоим убитые, и тут входит Ваня Дыховичный: «Ребята, поедem! Опаздываем уже!» Видя мое растерянное лицо, Володя вдруг предлагает мне: «Хочешь поедem на мой концерт?» — «Конечно!» И мы тут же садимся в машину и едем по заснеженной Москве куда-то за город. Едем долго и почти молча. Только однажды Володя, повернувшись ко мне, сказал: «Боже, как ты похожа на Марину!» Я такая же рыжая была, как и она. Приехали в какой-то кинотеатр, люди уже давно ждут. В помещении тоже холодно, но никто не уходит. Администрация нас торопит. И Володя тут же сбрасывает куртку — у них, кстати, с Дыховичным одинаковые куртки были, — остается в черной водолазке, проходит через весь зал на сцену и сразу начи-

нает петь. И поет полтора часа. Когда мы уезжали, администратор сунул Высоцкому в конверте сто рублей. Я, конечно, была потрясена его тембром, в котором боль и... Не знаю, даже как назвать. У тебя как бы снимается кожный покров, и звук входит в тебя до конца... Я училась петь у Володи. Ведь он в жизни не хрипел, говорил обыкновенным голосом. Хрипелость для него не сила звука, а умение сконцентрировать мысль, донести слово через эмоциональное, личное восприятие. Последний раз я видела Высоцкого в Серебряном бору. Есть там такой дипломатический пляж. Он был с Мариной Влади. Ее дети, два здоровых парня, плескались в воде. Он казался таким счастливым с Мариной, что я даже не решилась подойти. И он рядом с ней был таким маленьким — в золотой и рыжей, легкой ее любви...»³⁸

Людмила Марковна Гурченко, которая своим главным достоинством считала, что «мужьям своим никогда не изменяла», всегда была в добрых отношениях с Владимиром Семеновичем. Нет, «...мы не дружили. Не встречались ни на съемочной площадке, ни на сцене. Но в жизни общались в самых разных ситуациях, при самых неожиданных обстоятельствах... Наверняка, он блистал остроумием в компании ближайших друзей. Но мне этого не досталось. Со мной он был всегда корректным, немногословным, очень доброжелательным, не проявляя того особого интереса, который, казалось бы, естественен между вполне нормальными мужчиной и женщиной, да еще с нашумевшими именами. С самой первой встречи он был мой товарищ. И от этого нам всегда было просто и легко...»³⁹ Насчет съемочных площадок Людмила Марковна несколько ошибается. Фильм «Белый взрыв» не вычеркнуть ни из его,

ни из ее биографии, хотя славы им этот фильм Говорухина вряд ли добавил.

Был один удивительный вечер. Прекрасная Золушка из «Карнавальная ночь», несчастная и больная, с гипсом по бедру, измученная бездвижимом, бессонницей, уколами, снотворным, безденежьем, безмужием и неверием в собственные силы, в десять вечера с трудом дотянулась до неожиданно ожившей телефонной трубки. Звонил Сева Абдулов: «Привет... Тебя уже выписали? Через час мы с Володей будем у вас».

Что там Гурченко — любая женщина всполошится, узнав о чрезвычайном визите. Она вспоминает свои ощущения: «О боже, зачем? Мы давно с Володей не виделись. Он никогда не видел меня вот такой, без котурнов и плюсов. Втайне я молилась, чтобы гости куда-нибудь завеялись. В одиннадцать их не было, и я успокоилась. Тут одна важная деталь. Ниже этажом, под нами, жили соседи, и если на часах 23.03 и в нашей квартире звуки, а у меня муж пианист, или кто-то пришел на каблуках, — тут же звонок: «Прекратите движение». Если через десять минут мои гости не переходили на шепот — еще звонок. Ну а потом и личное общение, и... В общем, постоянный страх и унижение за годы в той квартире на Маяковской вошли в поры, в сердце. И вдруг бы пришел Володя! Да еще в одиннадцать! Да еще бы с гитарой! Лежу, все последствия предвижу, проигрываю, мысленно уже пишу оправдательное письмо в ЖЭК. Но гостей, слава богу, нет. Моя мама, сделав все по хозяйству у нас, пошла к себе домой. И этого она не может себе простить и понять не сможет никогда — ну почему именно в тот вечер она ушла?! Ведь именно в тот вечер в двенадцать пришел Володя Вы-

соцкий. И, конечно, с гитарой. Очень красивый и возбужденный. В тот вечер он вернулся после месячной поездки с Мариной Влади по Америке... Володя взял в руки гитару:

«Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл...»

Не забыл. Помнит, что эта моя любимая... Он пел до трех часов утра. Каблуком своего изящного остроносого сапожка он бил в пол в такт ритму. Наш дом сотрясался от раскатов его неповторимого голоса. «Идет охота на волков, идет охота-а-а», «Протопи — не топи, протопи — не топи-и-и», «А на нейтральной полосе цветы-ы-ы», «Часто нас заменяют другими, чтобы мы не мешали вранью-ю-ю», «Я скачу, но я скачу иначе-е-е», «Я коней напою, я куплет допою-ю-ю».

Он ничего не спросил меня о травме. Он просто пришел в первый день своего приезда туда, где был особенно нужен. В три часа ночи я шепнула Маше, которая с огромным интересом гладела на легендарного Владимира Высоцкого: «Посмотри с балкона, горит ли свет у соседей внизу?»

— Мам, в доме все окна и балконы настезь!
И у всех горит свет!..»⁴⁰

А разве забыть давнюю-давнюю историю, как Высоцкий вместе все с тем же Абдуловым едва не подрался с бывшим мужем Гурченко Иосифом Кобзоном?

Только-только начинавшая свою кинокарьеру **Татьяна Васильева** (тогда еще **Ицыкович**) случайно попала на съемки фильма «Четвертый», да еще в такую ослепительно «звездную» компанию — Джигарханян, Шакуров, Лиела... И Высоцкий в главной роли!

Сегодня Татьяна Григорьевна — человек довольно откровенный, как говорится, без комплексов, признает, что ей «нравятся роскошные мужчины. Глядя на них, думаю, что я еще очень ничего. Признаться, когда их вижу, с трудом могу перебороть в себе желание. В жизни я наслаждалась общением с такими мужчинами... Мне... помимо внешних данных, в мужчине важно, чтобы он состоялся как профессионал... Мне хочется, чтобы меня завораживал человек, который рядом со мной...»⁴¹ Ее всегда интересовали люди, «у которых есть талант, которого я лишена. Например, художники, певцы, врачи — люди любой профессии, в которой они достигли высот и где мне делать нечего. Это меня сильно завораживает...»⁴²

В своих интервью актриса редко называет имена. О Высоцком предпочитает умалчивать, хотя он-то как раз больше других отвечал ее требованиям. Он умел завораживать.

В молодые же годы она, волоокая, пышнотелая красавица была чудо как хороша... Хотя в юности комплексовала по поводу своей внешности: «Я всегда была выше и больше своих сверстников, росла сутулой, очень переживала из-за того, что мальчики на меня не обращали внимания. Спрашивала себя: «И зачем я такая родилась?»...» Папа мечтал, чтобы Танечка стала зубным техником: всегда живые деньги. Ее поступление в театральный он не принял всерьез, ни одной работы так не увидел, умерев как раз в тот год, когда она впервые вышла на сцену.

Татьяна Васильева поныне завидует людям, которые легко вписываются в любую компанию, в любую обстановку, и признается: «Мне это дается с трудом. Нередко окружающим кажется, что я смотрю на них

свысока, но на самом деле просто не знаю, как себя вести. Видимо, дают о себе знать остатки детских комплексов... Зато с любимыми людьми я очень веселая, юмор из меня брызжет... Многие друзья говорят, что нет ничего удивительного в том, что мужчины боятся меня. Видимо, мужчины предпочитают слабых женщин, а я такого впечатления не произвожу... Светская жизнь мне не нравится. Видимо, в молодости свое отгуляла...»

Татьяна Васильева была твердо убеждена, что Высоцкий — гений. «Гений как личность, вобравшая в себя много данных, много разных талантов и возможностей. У него стихи поразительные. Может, потому их и не печатали, что они поразительные... Его отвергнуть — нельзя. А я не смела даже влюбиться в него: я имею в виду наш с ним совместный период съемок в Риге. Там была Марина Влади. Он каждый день писал ей стихи, а потом нам их читал»⁴³

Самой Татьяне от журналистов и поклонников доставались такие комплименты, что хоть топись. Но миф, который о ней сложился, ее вполне устраивает, и все характеристики она выслушивала с царственной ироничной улыбкой. Она знает, что не производит «впечатления женщины, которой требуется опека. Тут ничего не поделаешь, такой у меня вид — очень защищенный и неприступный. Это только вид...»⁴⁴

Наиболее восторженные почитатели стали называть ее даже не звездой — планетой...

«О женщине нужно заботиться, — уверяет Васильева, — как о близком человеке, которого ты боишься лишиться... Все это я никогда не ощущала, что меня боятся потерять. Всегда было ощущение, что если меня не убьет, то и хорошо...»⁴⁵

Она хитрая и красивая. И, думаю, коварная. В хорошем смысле слова. Надеюсь.

Наталья Белохвостикова оскорбилась, услышав бестактный вопрос журналистки, которая поинтересовалась, не выходили ли ее отношения с Высоцким за рамки кино: «Нас познакомил мой муж (кинорежиссер Владимир Наумов. — Ю.С), который хорошо знал и Володю, и Марину Влади. Мы вместе снимались в «Маленьких трагедиях» — Михаил Швейцер неожиданно пригласил меня сыграть донну Анну. Я сильно заболела, приехала на студию с колоссальной температурой и голосом Высоцкого. В павильоне была жара под 60 градусов: чтобы воспроизвести эффект молнии, ставили очень много света. Володя тоже чувствовал себя неважно. Но все прошло удачно. Для меня очень важна атмосфера на съемочной площадке. Если есть аура добра, человеческого тепла, мне комфортно...»⁴⁶ Она постоянно подчеркивала: «...чувство партнерства у него было удивительное...»⁴⁷ «Рядом с ним очень хорошо работалось и дышалось...»⁴⁸

Когда Белохвостикова захворала, он написал ей стихи «Донна Анна». Правда, никто их до сих пор не отыскал. Да и были ли они?.. Наталья Николаевна утверждает, что были. Она просила его переписать стихотворение. Он клятвенно обещал. Не успел. В ее памяти осталась лишь строка: «А Дону Анну я называл Наташей...»⁴⁹ «Он чувствовал, что мне было тяжело, и решил как-то поддержать. Он был добрым человеком»⁵⁰.

В предыдущей картине Михаила Швейцера «Бегство мистера Мак-Кинли» Высоцкий впервые встретился на съемочной площадке со своей знакомой по Школе-студии **Татьяной Лавровой**. Она заканчива-

ла мхатовское училище на год раньше его. Держалась особняком. Еще бы: по институтским коридорам гуляла слава ее отца — известного оператора и режиссера Евгения Николаевича Андриканиса (возможно, от него у нее столь необычный — греческий — разрез глаз, и очаровывавший мужское поголовье низкий голос). Уже студенткой она сыграла Нину Заречную в чеховской «Чайке» на сцене МХАТа вместе с легендарной Аллой Тарасовой. Вся ее «молодость прошла на диком взлете... Я просто жила в славе, обожании, и это для меня было естественно. Я ведь палец о палец не ударила, чтобы получить хотя бы одну из ролей, которые сыграла...»⁵¹

Получив диплом, Лаврова сразу была принята в главный театр страны. Потом сбежала в «Современник», став там примой. Затем пришел пьянящий киноуспех и брак с Олегом Далем. Затем — развод. (Даль потом объяснял: «Она злая...»⁵²)

В конце концов, Лаврова вновь вернулась в Художественный театр, к своему учителю, другу, богу и мучителю Олегу Ефремову.

Сегодня она говорит: «У меня было три мужа, и все они замечательные люди. Были великолепные, красивые романы...»⁵³ Присутствовал ли в них Высоцкий? Не знаю. Сама Лаврова молчит.

Можно было бы легко предположить воплощение киноадольтера Владимира Высоцкого (руководителя хорового кружка) и **Елены Прокловой** (солистки оного — Танюши Фешевой) из мелодрамы «Единственная» в реальной жизни. Но, как утверждают хроникеры, во время съемок, как ни удивительно, они практически не пересекались, даже в любовных сценах. Мешали расхождения в расписаниях спектаклей, гастрольный график. Многоопытней-

шему режиссеру Иосифу Хейфицу постоянно приходилось выкручиваться. Даже когда в кадре герои как бы мило беседовали друг с другом, камера постоянно панаромировала с одного лица на другое. Снимали их по отдельности. И когда Проклова (Фешева) говорила о своих душевных страданиях Высоцкому, на самом деле она исповедывалась не своему любовнику, а режиссеру, который того подменял в кадре.

Ну, а для Владимира Семеновича Хейфиц изображал Танюшу. «Перед камерой в кадре — Высоцкий, — а за камерой — Хейфиц, который приговаривает: «Я — Лена! Я — Лена! Я — Лена! Люби меня!» Седой, старый человек...»⁵⁴

Но все же сюжетные обстоятельства потребовали совместных съемок. Потом им взяли билеты на «Красную стрелу» в Питер. Но в разные вагоны. Утром, рассказывала Проклова, за час до прибытия, я уже была готова на все сто, вышла на перрон первой. Ее встретили ленфильмовцы, дошли до табло с расписанием поездов и стали ждать Высоцкого. Прошел весь поток пассажиров, опустел перрон, а его все нет. Уже решили, что упустили, либо произошла ошибка, или у Владимира Семеновича в последний момент изменились планы. «И тут из последнего вагона вышли две фигурки: Высоцкий и Марина Влади... Как сейчас вижу: он шагает впереди, легкой, можно сказать, шальной походочкой, курточка нараспашку, шарфик через плечо, а в руках гитара, по ходу дела что-то наигрывает... Два огромных чемодана тащила, точнее катила на колесиках (тогда такие чемоданы были в диковинку!) Марина. А одета она была в шикарную, до пят, норковую шубу... Зрелище было замечательное... В этой картинке — вся наша замечательная Россия, где форма не

стоит на первом месте. Ну не был в тот момент Высоцкий джентльменом, и что с того... Поскольку Влади — тоже женщина русская, то она все понимала, не ругала мужа, не роптала, кто знает, может быть, в этот момент на него снизошло вдохновение и Володя что-то сочинял. Или у них с Мариной в поезде какая-то размолвка вышла... В общем, кому тащить чемоданы — был явно не самый важный вопрос. И это все так правильно, разумно по жизни...»⁵⁵

После съемок они вместе летели в Москву. Проклова торопилась на спектакль. Но Москва не принимала из-за сильного снегопада.

«Я начала причитывать:

— Спектакль! Я не успею. Меня из театра выгонят!

Высоцкий сначала неудомервал:

— Как это — выгонят? Что, заменить тебя некем?

Да брось ты — заменят, куда они денутся!

Потом утешал:

— Успеешь, успеешь.

Потом ушел. Потом вернулся.

— Все, сейчас сядем. Пилоты скажут, что у них керосин кончается, им дадут аварийную посадку. Я железно договорился, за концерт.

То есть он, чтобы мы сели, подбил экипаж на ложь. А за это пообещал пилотам петь. Что и выполнил. Бесплатно, разумеется...»⁵⁶ Сели благополучно. И Елена Проклова умчалась в свой МХАТ.

В Москве они общались достаточно тесно. Она не раз бывала на его концертах. «В том числе на тех, которые он давал у меня дома. Он же был потрясающе некомплексующим по поводу своей славы. Если просили: «Володя, спой», мог поломать все планы и начать петь. Вообще мог без всякого повода устроить концерт, где бы ни был... Он мне все время пел новые

песни или показывал, как что-то изменил в старых. Брал гитару и на час-другой погружался в свой мир. Он был запойный в смысле песен. Брал гитару, выпивал рюмочку одной песни и уходил в запой, пел бесконечно. Я даже просила: «Вова, хватит! Дай поесть, дай попить!» При чем, он не обижался...»⁵⁷

Резко стартовав в искусстве, она еще 11-летней школьницей снялась в фильме Александра Митты «Звонят, откройте дверь!» И «двери» действительно открылись. Получила первую премию на Венецианском фестивале. Одновременно стала мастером спорта по гимнастике. В 17 лет вышла замуж за режиссера-документалиста Виталия Мелик-Каримова. Объясняла просто: «Захотелось вдруг походить в красивом платье». Через год родила дочь. И развелась. Ибо муж сначала запретил ей целоваться на сцене, а потом и вовсе поставил ультиматум: или он, или театр.

Следующим избранником стал известный доктор-травник Александр Дерябин. И вновь последовал развод из-за внезапной смерти двух новорожденных мальчиков-двойняшек. Елена ушла. В никуда. И из МХАТа также. «Верней, меня ушли, — объясняла она с горькой улыбкой. — Уволили из-за чисто женских проблем, нетворческих...»⁵⁸

В зрелом возрасте Проклова неожиданно круто изменила не только сцене, но и кинематографу, несмотря на активное сопротивление последнего мужа, бизнесмена Андрея Трошина. Взяла да и поступила в Московский архитектурный институт, решила стать специалистом по ландшафтному дизайну. Рассказывают, снискала себе на новом поприще немалую популярность — пошли солидные заказы от нынешних обитателей подмосковных особняков.

Работает Елена, конечно, для души. Но за хорошие деньги... Ее жизненное кредо: «Никогда любовник, каким бы хорошим он ни был, не сможет конкурировать с тем мужем, которого ты не бросила...»

Хотя раньше частенько повторяла, что ее «главный любовник — Театр...»

Главным своим увлечением называет рыбалку.

Рассказывая о своих отношениях с Высоцким, Елена Проклова кокетничает: «Володя был галантным мужчиной и, естественно, мне, не самой последней женщине в этой стране, делал множество комплиментов. Я за чистую монету все не принимала, но что было, то было... Боже мой, да, может ради красного словца, под настроение сказал: «Ленуся, я тебе песню посвящаю!» В конце концов, даже если и посвящал, то это личное дело. А какое право мы имеем менять то, что уже исторически сложилось...»⁵⁹

Вспомнив совместную работу Прокловой с Высоцким, как не посплетничать. Сегодня мало кто помнит, что поначалу на роль Танюши Фешевой пробовалась **Наталья Богунова**, симпатичная блондинка, которая в свое время успешно дебютировала в фильме «До свидания, мальчики!». Натурные съемки «Единственной» проходили в Запорожье. Киногруппа (Высоцкий, Золотухин, Богунова и другие) жили несколько дней в затрапезной местной гостинице «Театральная». Ветераны старого отеля вспоминают, что «отдыхали актеры красиво». Будем надеяться, что Наталии Богуновой, в отличие от Прокловой, есть что вспомнить о встречах с Высоцким. Хотя, кто знает...

Всего лишь раз Владимиру Семеновичу судьба подарила возможность встретиться с прекрасной и не-

повторимой Людмилой Чурсиной на съемках «Арапа Петра Великого...» В расцвете ее красоты называли актрису «нашей Мэрилин Монро». Завистницы шептались в кулуарах, что Чурсина сумела первой получить привилегию обнажать грудь на экране. Она сама признавалась: «С грудью у меня и без силикона было все в порядке...»⁶⁰

От Чурсиной исходила непобедимая и никем не контролируемая энергетика жгучей сексапильности. Ее аромат ощущался даже сквозь экран. Кстати, в свое время Чурсина попыталась обойти «Колдунью» Марины Влади, снявшись в советской киноверсии купринской «Олеси». Но это было уже в 1970 году. Опоздала Чурсина... Высоцкий к тому времени свой выбор уже сделал.

Как водится, загадочная и романтическая псковитянка Людмила Чурсина, вечно пребывала в пелене сплетен и слухов.

Есть такое понятие: власть пола. Кто-то утверждал, что в «Донской повести» она, в сущности, сыграла роль своей матери, которую беременной подобрали добрые люди из медсанбата. Кто-то говорил, что будущая Вирина родилась в картофельной ботве, прямо во время бомбежки.

Злые языки позже приписывали ей участие в вечеринках с членами Политбюро ЦК КПСС и скандальные романы с известными людьми, в том числе с будущим президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым, популярным киноактером Юрием Каморным, «выдавали замуж» за португальского миллионера... Даже ее коллеги порой приставали к Чурсиной с вопросами. «...Стояла на сцене рядом с Олегом Янковским, он вдруг повернулся ко мне и шепотом спрашивает: «Ну признайся, кто из наших членов

правительства тебя одевает? Кто этот мужик?...» Пришлось ответить: «Все вместе!...»⁶¹

На самом деле она была верна мужу — кинорежиссеру Владимиру Фетину. После разлуки с ним у нее был брак с океанологом Владимиром Александровичем. А больше всего шуму наделала ее свадьба с дипломатом Игорем Андроповым, сыном первого чекиста страны, Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова. Известно, кстати, что в молодости Игорь сам бредил театром и даже пытался показываться Юрию Любимову. Шеф Таганки молодого человека огорчил своим отказом, за что Андропов-старший был ему крайне признателен.

После триумфа на кинофестивале в Сан-Себастьяне в 1972-м году американцы предлагали Чурсиной трехлетний контракт в Голливуде на пятнадцать картин. Условие было одно — хоть мало-мальски освоить английский. Ну а что касается гонорара, то ей предлагали по 500 тысяч долларов за каждый фильм. В Союзе в те годы концертная ставка Чурсиной составляла 26 рублей, а за съемочный день платили тридцатку.

Естественно, союзный министр культуры Фурцева и Госкино хором высказались резко отрицательно по поводу американского проекта: а вдруг антисоветчину предложат? Или раздеться, а?..⁶²

А она ведь уже в советском кино раздевалась — и в «Угрюм-реке», и в «Гранатовых островах». Андропов-младший ей «рассказывал, как эти кадры... смотрело большое начальство...»⁶³. «Рассказать все, что знаю — я не могу... Если говорить о мужьях... о... хоть и очень редких, но все-таки романах, которые случались в моей жизни... когда обременяют любовью, а ты при этом к человеку не испытываешь такого же влечения, то это вызывает сильный внут-

рениий протест. Это очень мучительное состояние... Я была достаточно щедра и искренняя в любви... Это... мнение окружающих. Для меня секс — это не просто постель, не просто удовольствие, полученное в голом виде от более-менее нормального партнера... Мы из того времени, когда ценился романтизм в отношениях, когда читали стихи, оказывали знаки внимания... Фантазия души...»⁶⁴

Естественно, я не ведаю, чего — стихов или фантазии души — возжелала Людмила Алексеевна, встретив Высоцкого в ресторане московской гостиницы «Минск» в конце 1970-х годов, когда обедала с подругой, также подвизавшейся в кино. Последняя потом вспоминала: «Увидев нас, Володя подбежал к столу, весь такой нарядный, в белой рубашке, отутюженных брюках. Мы обнялись, расцеловались. Люда предложила: «Ребята, присаживайтесь. Может, по сто грамм?» «Нет, нет, девчонки, я в «завязке», — отвечает Володя... Меня тогда поразила бледность Высоцкого, прямо-таки какая-то аристократическая. До этого я его видела всегда таким спортивным и подтянутым...»⁶⁵

Мужиков в жизни красавицы Чурсиной хватало. Даже с перебором. И она частенько любила повторять, как сама говорила, «хулиганский» анекдот: «Приходит женщина к врачу: «Доктор, мне все время нужен мужчина». Доктор: «Может, вам замуж выйти?» — «Я замужем». — «Ну тогда заведите любовника». — «Есть любовник». — «Ну, двух!». — «Да есть, есть!» — «Слушайте, может, вы больны?» — «Так вот, доктор, тогда дайте мне справку, а то все говорят: бл... !...»⁶⁶

О Высоцком **Анастасия Вертинская**, чье имя в представлении вряд ли нуждается, говорила:

«...Это был мягкий, обаятельный человек, всегда улыбочивый и доброжелательный, очень контактный...»⁶⁷ Они никогда не работали вместе, но, бывало, нередко встречались в одних компаниях, так, по-соседски, на Малой Грузинской (Анастасия Александровна была тогда женой Никиты Михалкова).

Дочь «русского Пьеро» Вертинская всегда отличалась решительностью характера. В конце 80-х годов она без всяких видимых причин, совершенно неожиданно для многих, по сути, повторила поступок великой русской актрисы Веры Комиссаржевской, которая на самом взлете своей театральной карьеры внезапно ушла из Александринского театра — в пустоту. Чтобы потом встретить Мейерхольда и начать все с чистого листа. И Вертинская, покинув МХАТ, стала работать на малых сценах с молодыми авторами и не менее молодыми режиссерами. В поисках своего Мейерхольда?..

Сестра Анастасии **Марианна** с юных лет также была непременным участником, как она сама выражалась, «потрясающих компаний»: «Весь цвет тогдашней молодой интеллигенции. Я сидела и слушала их, буквально разинув рот. Они читали свои произведения, мы это обсуждали, спорили до упаду. Все вечера проводили вместе, ездили за город...»⁶⁸

Когда же Марианна Александровна, наконец, согласилась стать женой Бориса Хмельницкого, то из ее окружения естественным образом стали испаряться прежние поклонники — Андрей Кончаловский, Андрей Тарковский, Александр Княжинский (оператор фильма «Я родом из детства»)... Зато появился удивительный Володя Высоцкий... Она говорила: «В каждом мужчине я искала что-то от папы

и влюблялась в это... Я всегда искала людей с открытой душой...»⁶⁹

В середине 1970-х годов Высоцкий с радостью встретился на съемках «Мак-Кинли...» со своей старой знакомой **Жанной Болотовой**. Она, пережив скоротечный роман с любвеобильным Андреем Кончаловским, остановила свой выбор на надежном и напористом пареньке с Таганки Коле Губенко, за которого и вышла замуж (кто мог предположить тогда, что он станет самым последним министром культуры СССР во времена Горбачева?!). Благодаря этому браку она и познакомилась с Высоцким.

Внешность Болотовой была необычной, броской и запоминающейся. От предложений сниматься отбоя не было, пока ее надежно не «монополизировал» Губенко, который прочно усвоил от старых мастеров незыблемую традицию — в своих лентах непременно снимать своих жен, настоящих и будущих. Встречи Высоцкого и пары Губенко-Болотовой были мимолетны, без особой душевной теплоты и взаимоприятия.

Ленфильмовская актриса **Гелена Ивлиева**, с которой Высоцкий снимался в «Интервенции», признавалась: «...Меня поразил его голос... Он никогда не кричал, он ворковал, даже не ворковал, а мурлыкал как тигр: «здр-р-равствуйте», — мягко так...»⁷⁰

Кстати, в том же фильме нежную подругу и надежную соратницу большевика-подпольщика Бродского-Высоцкого сыграла актриса **Юлия Бурьгина**. В общем-то, отнюдь не блиставшая на сцене Малого театра, она неожиданно прославилась после фильма Полоки «Республика ШКИД». Кажется, на том ее роман с кино и, тем более, с Высоцким и закончился, едва начавшись.

Самую чуточку успела поработать с Высоцким давняя пассия будущего главрежа Таганки Анатолия Эфроса **Ольга Яковлева**. В начале апреля 1980 года Эфрос позвонил актеру и предложил записать на радио пушкинские «Маленькие трагедии». Донна Анна — Яковлева об этой работе не вспоминает. Возможно, потому, что именно совместной работы-то как раз-то на самом деле и не было. По некоторым источникам, Анатолий Васильевич Эфрос якобы поначалу записывал лишь монологи Дон Гуана, а, лишь спустя пару лет, подмонтировал к ним реплики исполнителей других ролей, выпустив полновесную версию радиоспектакля уже после смерти главного героя⁷¹.

Как о каждом мужчине, о Высоцком просачивались какие-то отрывочные и совершенно маловразумительные сведения о своих сердечных, деловых или чисто дружеских отношениях с некоторыми лицами противоположного пола. Скажем, Светлана Светличная, вспоминая о неожиданном визите Владимира Семеновича в Театр-студию киноактера, неожиданно роняет невнятную фразу: «Может быть, он заезжал к Ларисе Кромберг, она работала в «Чуде...» («Чудо святого Антония». — Ю.С.) и в «Бесах»...» Кто такая Кромберг, что ее связывало с Высоцким?

В переводе с узбекского имя актрисы **Алимовой Матлюба** означает Желанная. И своему имени она в полной мере соответствовала. В ее крови был замешан такой адский коктейль, что, естественно, сказало на необычайно яркой внешности и непокорном, дерзком характере женщины. После эпопеи «Цыган» многие стали считать ее цыганкой. Но это не так. От мамы ей досталась толика русской крови,

грузинской, немецкой, польской, башкирской. А папа был узбек.

Считалось, что ей, тогда еще студентке ВГИКа, сразу невероятно повезло. Одна из главных ролей в народном сериале о цыгане Будулае, потом — «Маленькие трагедии» у Швейцера. Быть партнершей таких легендарных актеров — Смоктуновский, Высоцкий... «С Высоцким, — рассказывала Матлюба, — очень легко было работать. Сразу же возникло чувство, что мы знакомы всю жизнь...»⁷² Едва ли не с первой же встречи Высоцкого с Алимовой в павильоне «Мосфильма» киношный люд картины сразу заподозрил, что у них завязался роман. И так, представьте огромную площадку студии, работает безумное количество людей... Творческий гул — кипит работа. «Но стоило Высоцкому только появиться, — вспоминает актриса, — в дверях павильона, как все вдруг начинали говорить исключительно шепотом. Мне об этом никто не говорил — сама заметила. Идет человек, небольшого роста, с роскошным голосом, и говорит всегда в полтона. Но каждое слово слышно. В нем такая мощь была, что мне казалось, будто все в стеночку вжимаются при его появлении и начинают говорить шепотом. Автопилотом — не договариваясь. А я сразу перешла с ним на «ты». Мне и в голову не приходило сказать «вы»...»⁷³

В киногруппе пошли разговоры... Воспитанная в восточной строгости, Матлюба даже не понимала, что сама провоцировала эти сплетни. «Еще перед съемками, — усмехается Алимова, — он пригласил меня на свой концерт. Сам заехал за мной на своем знаменитом «Мерседесе», остановился у «Мосфильмовской». Так гостиница чуть ли не на уши встала. Все из

окон повывлазили — поглазеть, кто же новая избранница Высоцкого? Через год после съемок, когда Володи уже не стало, меня ловили на «Мосфильме» малознакомые люди и выпрашивали: «Ну ты хоть с ним спала?» «Нет», — говорю. «Ну и дура!»⁷⁴

После «Маленьких трагедий» было десятилетие активных съемок. А потом из поля зрения киноманов Матлюба Алимова неожиданно исчезла. Лишь в 2003 году она вновь появилась на широком экране, снявшись в узбекском трагифарсе «Товарищ Бойкенжаев». Тогда-то и стали проясняться подробности таинственного «исчезновения». Все объяснялось просто: предложения сниматься почему-то иссякли, словно на Алимову кто-то наложил табу. Самой напрашиваться она не умела и не желала. Неожиданно для всех занялась редкостным ремеслом — реставрацией сюзане — бухарских и шахрисабских вышивок. Был один-единственный, и неудачный, опыт замужества. Живет на окраине Ташкента, но думает перебраться в Москву.

Часто случалось так, что именно женщины способствовали тому, чтобы песни Высоцкого пробивались к людям.

Например, именно сотрудница актерского отдела «Мосфильма» некая Ольга Владимировна стала «крестной» Высоцкого в фильме «Я родом из детства». Ассистенту режиссера Турова Ольшевской она посоветовала: «Роза, возьмите сниматься этого парня. Он, правда, занят в театре. Потом он сильно пьет. Но если вы его загрузите в свободные дни, он может не сорваться. Короче, если вы его возьмете, честь вам и хвала...»⁷⁵ А у киношников-профессионалов Ольга Владимировна пользовалась непререкаемым

авторитетом, к ней прислушивались, как кого лучше гримировать.

Режиссер Киевской киностудии имени Довженко **Суламифь Цыбульник** специально приезжала в Москву в Театр на Таганку весной 1968 года в надежде уговорить Высоцкого написать песни для своего фильма «Карантин». Немолодая женщина, словно девочка-поклонница, долго поджидала его у служебного входа. Волновалась. «Коротко рассказываю, о чем сценарий... Владимир Семенович слушал меня на редкость внимательно, учитывая обстановку, в которой проходила беседа, и очень пристально, вот именно — пристально, всматривался в меня. Не прерывал, не торопил. Выслушав, сказал, что согласен писать песню. Я ему оставила сценарий, и мы договорились о сроках, о том, что он напишет варианты на выбор...»⁷⁶ Правда, ей самой не довелось довести до счастливого завершения свой кинематографический «роман» с Высоцким. Когда у него появилось «окно» и возможность навестить в Киев, Цыбульник как назло пришлось уехать, рассказывал сценарист Юрий Щербак, потому она «поручила мне заняться этой песней»⁷⁷.

Верная спутница кинорежиссера Михаила Швейцера **Софья Абрамовна Милькина** стала инициатором приглашения Владимира Семеновича в фильме «Бегство мистера Мак-Кинли». Швейцер живо откликнулся. «Я позвонила ему, — рассказывала Милькина, — ...Владимир Семенович, Володя, мы хотим дать тебе посмотреть сценарий; прочти, выскажи свое мнение и скажи, не хотелось бы тебе заняться теми балладами, которые там есть. Он сказал: «Давайте». И где-то в районе «Мосфильма» я передала ему этот сценарий. Кроме сценария, у нас не было

ничего, и я сказала, что время терпит... Это было в пятницу...»⁷⁸ А уже в следующий четверг Высоцкий позвонил Милькиной, сообщил, что сценарий ему понравился, он согласен, хочет встретиться и поговорить. В доме Швейцера-Милькиной он появился в воскресенье с гитарой и готовыми балладами. Супруги обалдели. От скорости, от качества.

Фильм, правда, вышел не совсем удачным, и большая часть работы Высоцкого была вымарана. «Володя, который пришел на премьеру, — вспоминает Милькина, — ушел с нее больной... После премьеры мы со Швейцером уехали отдыхать, и я строго-настрого наказала монтажнице Клавдии Алеевой беречь и не затерять... единственную полную копию. Она эту копию отдала, и ее смыли!...»⁷⁹

«Голубые огоньки» на советском телевидении конца 1960—1970-х годов были, как говорят нынче, культовыми передачами. Ни одного выпуска не пропускал Леонид Ильич Брежнев. Как вспоминает первый создатель «огоньков», телережиссер **Эльвира Александровна Бенкендорф**, однажды у нее возникла идея сделать ведущими Владимира Высоцкого и Марину Влади. «От жены Коли Гринько я узнала, что она должна приехать. Пошли мы к нашему начальству, и главный наш начальник — Лапин — спросил только: «Вы думаете, это будет кому-то интересно?» «Да, — говорим, — думаем». — «Делайте!» Мы договорились с Высоцким — он должен был написать половину сценария, выбрали приблизительный репертуар. Буквально за месяц приходим на окончательное утверждение плана, и вдруг Лапин говорит: «А кто ведущий? Марина Влади и Высоцкий?! Какой дурак вам это разрешил?» Мне так хотелось ответить: «Этим дураком были вы»... За Высоцкого и Ма-

рину Влади мне стало очень обидно и не захотелось работать...»⁸⁰ Неизменным соавтором Эльвиры Александровны, работавшей под псевдонимом Озерная, в те годы была редактор ЦТ Нонна Даниловна Нестеровская.

В памяти легендарного режиссера «Кинопанорамы» Ксении Борисовны Марининой, проработавшей на советском телевидении сорок лет, сохранилось великое множество прелюбопытнейших историй. Она говорила, что, если я начну все рассказывать, — это будут сказки Шахерезады, и займут они 1001 ночь. Как вспоминает Маринина, «на Высоцкого надо было испросить разрешение — на телевидении он был под строжайшим запретом. Пошла я — не разрешили. И тогда вызвалась помочь наш главный редактор Нина Севрук — удивительного понимания, доброты и ума человек. Ее муж был начальником (если точнее, — заместителем заведующего. — Ю.С.) отдела пропаганды ЦК партии, и Нине отказать не могли — слишком влиятельная фигура за ней стояла. Звоню Владимиру Семеновичу. А он вдруг говорит: «Слушай, а тебе не кажется противозачаточным то, что существует масса некачественных любительских записей моих песен, а профессиональной — ни одной? Запишешь меня — приду на вашу программу!»⁸¹

Маринина, конечно, согласилась, только поставив условие: писать ночью — днем нет свободной техники. Душу грела надежда: «Может, никого из начальства на месте не будет». Дело в том, что у руководителей — Лапина и Мамедова — была специальная аппаратура, позволяющая прослушивать все помещения «Останкино»... Вот поэтому Владимира Семеновича мы записывали с 9 вечера до 12 ночи. Потом

он захотел посмотреть, что получилось. Просмотревая была уже закрыта, но для него сделали исключение и открыли, его вообще очень любили. Высоцкий посмотрел и сказал: «Я доволен»⁸²

Потом он уехал, а телевизионщики остались наедине со своими проблемами: с пленкой-то что теперь делать? Маринина предложила спрятать в монтажной — там проходили всякие коммуникации, поэтому в некоторых местах можно было поднять полы. Технари засомневались: провода всякие, пленка размагнитится. Предложили: «Давайте мы заначим». И заначили.

По поводу полуподпольной записи Маринину к себе начальство не вызывало, хотя о ней, конечно, все знали. «Останкино», — говорила Ксения Борисовна, — буквально гудело». Но об эфире речи, конечно, не было. Маринина рассказывала: «Спустя четыре года, когда время немного изменилось, хотели выдать в эфир, но нам не разрешили. Уникальность этой записи еще и в том, что записали мы Владимира Семеновича перед Новым годом, а в июле следующего его не стало...»⁸³

В семидесятые годы Владимира Семеновича часто «сватала» в кино режиссер киностудии «Беларусьфильм» Галина Кононович. Их в феврале 1972 года познакомила после спектакля «Гамлет» актриса Татьяна Конохова. «Для меня, — говорит Галина Викентьевна, — это знакомство стало событием. Я целый год всем рассказывала о встрече...»⁸⁴ Она начала активно предлагать Высоцкому различные роли в белорусских фильмах — «Долгие версты войны», «Встреча на далеком меридиане», «Братья Рико»... Но сотрудничество как-то не получалось — то роль Высоцкому не нравилась, то занятость мешала...

Склонная к мистике Кононович увлекалась спиритизмом. Спустя три года после смерти Высоцкого, она с компанией единоверцев устроила спиритический сеанс в подмосковном городке Черноголовка. Вызывали духов покойных актеров Дворжецкого, Даля. Потом Высоцкого. Вот что она рассказывала о «диалоге» с духом Владимира Семеновича:

«Я спрашиваю Володю:

— Ты умер своей смертью?

— Нет.

— Кто тебя убил?

— Нелюди.

И тут он прочитал: «Я клапан закрыл, потому что устал. На жизнь эту скотскую я наплевал». А после говорит:

— Девочки, я вас покидаю. Я должен успеть на поезд. Меня ждут пить.

— Володя, а какое у тебя любимое стихотворение?

И он, перефразируя «Коней»:

— И дожить не успел, и допеть не успел...»⁸⁵

Ставим точку. Или многоточие?..

Старший редактор эстрадной редакции студии фирмы «Мелодия» Анна Николаевна Качалова, по мере своих сил, пробивала первый советский диск Высоцкого. «О том, что принято решение записываться, — рассказывала она, — и уже назначены смены, я ему сообщила по телефону. Володя ответил только: «Отлично!», а по голосу чувствую, что улыбается он от радости...»⁸⁶ Жена Вадима Ивановича Туманова Римма Васильевна, работавшая в конце 1970-х диктором на Пятигорском телевидении, стала инициатором проведения того самого, знаменитого ныне интервью Владимира Высоцкого Валерию Перевозчикову...

*«Нет! У меня сейчас любовницы нет.
Будут ли? Пока что не намерен...»*

Людмила Владимировна Абрамова утверждает, что в годы супружеской жизни у нее «и... мысли не было, что Володя ходил к женщинам...» По ее признанию, боялась она другого: когда он возвратится и скажет — «все»¹. Все три официальных жены и большинство известных пассий Владимира Высоцкого были актрисами.

По профессиональной принадлежности он их выбирал? Нет, конечно. Людмила Владимировна вполне убедительно и логично объясняла: «Во-первых, у него не было времени на серьезные знакомства вне своей среды. «Простая женщина» не могла попасть в театральный институт, чтобы стать его первой женой, на съемки «Ленфильма», чтобы стать второй; пройти за кулисы, чтобы познакомиться после спектакля, как это было позволено Марине Влади во время Московского кинофестиваля 1967 года. Все в жизни... зависит от среды...»²

Естественно, Высоцкий общался с женским полом, никоим образом не ориентируясь на профессию. Критерии были, естественно, иные.

Внучка опального Никиты Сергеевича, **Юлия Леонидовна Хрущева** стала... «крестной» встречи Высоцкого с дедом-пенсионером на даче в Петрово-Дальнем в 1970 году. Так как песен Высоцкого Хрущев не слышал, Юля представила его с приятелем как актеров театра «Современник», в котором как раз накануне побывал дед. И разговор у Высоцкого и Хрущева получился весьма примечательным³. Юля в нем не участвовала.

Имя **Наталии Федотовой** сегодня вряд ли что кому говорит. А между тем эта девушка носила и по сей день носит почетный титул «самой блестящей девушки 1960-х годов».

Наташа была ближайшей подругой Галины Леонидовны Брежневой. Их отцы были однополчанами в годы войны. И когда Брежневы перебрались в Москву, подружки в столице стали неразлучными. Галина была свидетельницей Наташи на ее бракосочетании с популярным киноактером Олегом Видовым. А Наташа, соответственно, «дружкой» Галины на бракосочетании с циркачем Милаевым. В 1972-м году Галина Леонидовна стала крестной матерью сына Федотовой.

Благосклонности Наталии добивались как многие видные женихи Советского Союза, так и мировые знаменитости. В их числе называли даже шаха Ирана и Фиделя Кастро. Чем в жизни конкретно занималась дочь генерала КГБ Федотова, сказать весьма затруднительно. Известно лишь то, что как-то она снялась в эпизоде в знаменитой в 1960-е годы киноленте «Алые паруса», потом еще в одном фильме в эпизодической роли дочери немецкого посла фон Шуленбурга. Главным же ее призванием оказалась компания неприкасаемой «золотой молодежи» брежневских времен. Заводилой ее, естественно, была сама Галина Леонидовна, «последняя советская принцесса».

Наталья Федотова рассказывала: «...с Высоцким мы действительно часто общались, и как-то мне удалось ему кое в чем помочь. Однажды Владимир позвонил и сказал, что Театр на Таганке закрывают. Мы с Галей были большими театралками, и этот театр был среди наших любимых. Вечером я ужинала

у Брежневых, и при Леониде Ильиче все рассказала Гале. Она, конечно, ахнула, а Брежнев тут же начал звонить Сулову: «Михаил Андреевич, что там у тебя за безобразие с театром?» Театр на Таганке оставили в покое. Больше ничего о наших отношениях с Володей я рассказывать не буду — главное, что у меня о нем осталась хорошая память...»⁴ Потом она как-то обронила многозначительную фразу: «Высоцкий именно со мной хотел поделиться бедой...»⁵

О **Галине Леонидовне Брежневой** предпочту лишь справочно. Не потому, что она была *enfant terrible* советской партноменклатуры, «главной невестой Советского Союза». Просто уж чересчур ее имя и без того истерзано мемуаристами времен перестройки. Кто-то винил ее в пристрастии к спекуляции, кто — в безудержной погоне за бриллиантами, кто — в разгульном образе жизни, авантюризме, пьянстве. А для кого-то в памяти она сохранилась удивительной женщиной, обольстительной возлюбленной, «синеглазкой», способной отдать всю себя без остатка ради единственного и неповторимого. Одно только ее увлечение цирком, где гремят литавры, все залито яркими огнями, акробаты совершают головокружительнейшие кульбиты, все в блестящих нарядах, фыркают лошади и грозно рычат львы, пожалуй, говорит о многом в ее характере. Кто-то из журналистов назвал ее «графом Монте-Кристо эпохи застоя», добавляя при этом: «Как бы то ни было, ее безумства хоть чуточку расцветили скучное, как гроб, брежневское время...»⁶

Она действительно реально помогала служащим Мельпомены, людям творческим. Даже тот самый театр миниатюр Владимира Полякова, в котором в начале 1960-х годов нашел временное приста-

нице бездомный актер Владимир Высоцкий, был создан именно благодаря активному вмешательству Галины Леонидовны.

Они были знакомы с 1969 года. Галина Брежнева искренне благоволила к Высоцкому. Борис Диодоров рассказывал: «Как-то он пришел ко мне домой, в квартиру на проспекте Вернадского, с Галиной Брежневой и ее племянницей Наташей. Галина говорила: «Володя, не волнуйся, все будет...» В итоге, ничего...»⁷ Грех будет не вспомнить шальную дочь бывшего генсека добрым словом...

Доктор медицинских наук, профессор Алексей Дойников, долгое время пребывавший в ранге личного стоматолога «кремлевских старцев», а, стало быть, лицо особо доверенное, говорил, что в характере Галины Брежневой «было много намешано — и хорошего, и плохого... Но, к сожалению, Галина была немножко лишне любвеобильна... Она любила вычурные наряды. Однажды, 8 марта, когда было еще очень холодно и лежал снег, Галя приехала на прием в босоножках без чулок. В юбочке не очень длинной и в чем-то прозрачном сверху, через которое все было видно. Я ей говорю: «Галочка, ведь холодно...» А она мне отвечает: «Какой вы отсталый, Алексей Иванович! При чем тут холодно, если мода такая?» «Так у тебя же и сверху нет ничего», — показываю ей на ее кофточку. «Так и там ничего нет», — заявляет она и поднимает юбку. И точно — ничего нет. Вот такой она человек: веселая, быстрая, мгновенная...»⁸

В числе фаворитов Галины значился легендарный танцовщик Марис Лиэпа, сын министра внутренних дел Игорь Щелоков, сын маршала Тимошенко Костя, молодой, подающий большие надежды

ученый Михаил Гарт, последний король Афганистана Мухаммед Захир Шах... Постоянной участницей их компании была и Нонна Шелашова, ставшая затем супругой Щелокова-младшего...

Входившая в этот круг артистка цирка Мила Москалева с нескрываемой ностальгией вспоминает о тех незабываемых, благословенных временах: «У нас была славная компания... Три точки было, по которым мы ходили. Это Домжур — при Аджубее там было круче всего, потом ЦДЛ и Дом кино...»⁹

В окружение дочери генсека оказывались и люди, находившихся «под колпаком» всевидящего Юрия Андропова: руководитель «Союзгосцирка» Анатолий Колеватов, получивший впоследствии 15 лет лагерей, директор «Елисеевского» гастронома Юрий Соколов, приговоренный к расстрелу, покончивший с собой директор гастронома «Смоленский» Сергей Нониев, молдавский цыганский барон, назначенный солистом Большого театра, бисексуал Борис Буряца по прозвищу «Борис Бриллиантовый» и так далее.

Баранчиков утверждал, что «Володя был очень скромным мужиком. Меня — глубокого скептика — это всегда поражало. Как-то я попытался заговорить с ним на чисто мужские темы... Стал задавать интимные вопросы. Наверное, сделал это грубо. Смотрю: Володя покраснел. Он вообще был очень деликатным. Помню его слова: «С женщинами нельзя так... Женщины — это особые существа».

Причем это он говорил о женщинах, которые, на мой взгляд, такого отношения не заслуживали ...»¹⁰

Забавное происшествие вспоминает журналистка Вера Савина, которая случайно очутилась вместе с Высоцким на приеме во французском посольстве,

устроенном по поводу гастролей в Союзе Максима Ле Форестье:

«Присутствовавшая там чья-то дочка или женушка, которая выпила неприличную дозу спиртного, стала приставать к Высоцкому с воспоминаниями о том, что когда-то в ее отсутствие он был у них дома в большом подпитии и разбил всю хрустальную посуду. И вот тогда меня впервые поразило, что он ей ответил не просто резко, а так грубо, что если бы она в тот момент не была столь сильно пьяна, то после этого она могла бы надолго впасть в глубокую депрессию. Это кошмарное выяснение продолжалось до тех пор, пока ее не увели с вечера...»¹¹

Лицо стюардессы Татьяны Виноградовой украшало рекламные проспекты «Летайте самолетами «Аэрофлота»! Она летала на рейсах, обслуживающих членов Политбюро ЦК КПСС и всевозможных знаменитостей. Она вспоминала: «Как-то из Парижа в Москву возвращался Высоцкий. Хотя в то время он был уже известным, держался очень скромно. Ему явно нездоровилось, я подошла, спросила, чем могу помочь. «Голова раскальвается, дайте хоть какие-нибудь лекарства». Я постаралась проявить максимум внимания, отпаивала чаем, всем, что было под рукой...»¹² Вот уж, действительно, «вся в синем стюардесса, как принцесса, надежная, как весь гражданский флот»!

Другой бортпроводнице Людочке Сычевой, которая обслуживала рейс Москва—Париж, как она утверждает, Владимир Высоцкий посвятил стихи, превратившиеся позднее в песню. Это какую же? Сычева секрет не открывает. Но говорит, что «у нас с ним оказалось много общего, мы вспоминали свое детство, лишения, коммунальные квартиры... Полет

промелькнул, как одна минута. Приземляемся в Париже, его в аэропорту встречает Марина Влади, а он обнял меня и не отпускает...»¹³

Но, конечно же, далеко не все стюардессы были «доступными, как весь гражданский флот». Разными они были. Леонид Филатов в доказательство приводил забавную, но весьма показательную историю: «Он полетел как-то с театром на гастроли. Сел и закурил. Подошла девочка-стюардесса, говорит: «У нас не курят». Он потушил сигарету. Через какое-то время опять закурил. Та опять идет: «Мне что, командиру пожаловаться?» Он снова потушил сигарету. Потом не выдержал — ну курить-то хочется! — снова зажег. А девочка опять, как назло: «Ну, мне как с вами разговаривать?» Тут он уже окончательно расстался с надеждой закурить, погасил сигарету. Но когда девочка, покачивая попкой, уходила в даль салона, он словно про кого-то другого сказал: «Эх, дурочка, знала бы ты, КОГО везешь!..» Он так по-детски это сказал: э-эх, дескать, кого же ты не узнала!..»¹⁴ Наблюдательный, как снайпер, Филатов считал, что Владимир Высоцкий свою жизнь смотрел, как кино: Марина, песни, сумасшедшая слава на всю страну. Словно какая-то заэкранная жизнь. Как будто не с ним. Хотя, конечно, знал себе цену, но относился к этому как-то отстраненно¹⁵.

Дружеские узы связывали Владимира Семеновича в 1970-е годы со светской москвичкой Тамарой Валентиновной Кормушиной. На ее квартире в доме на проспекте Вернадского не раз и не два устраивались так называемые домашние концерты, вечеринки. Больше о Кормушиной, кто она, чем занималась и прочее, к великому сожалению, автору практически ничего не известно.

В восприятии разных женщин Высоцкий, естественно, был разным. Скажем, его соседка по Малой Грузинской Елена Шапова (она же известная в своем кругу как «Ветреная Леди»), жена известного художника-графика, затем — Эдички Лимонова, а еще позже итальянского графа де Карли, скромно рассказывала о своем соседе: «С Высоцким я мало дружила. Он был не от мира сего. Но он мне очень нравился...»¹⁶ Лицо «Елены Прекрасной» и ее божественная фигура появились на страницах многих европейских журналов. Рассказы о ее скандальных похождениях становились изюминкой светских хроник. В конце концов, блестящим ответом бывшему супругу Эдуарду Лимонову, стал ее роман «Это я, Леночка!», в котором она откровенно повествовала о том, как изменяла мужу с его подружками, когда «Эдичка» изменял ей с ее любовниками...

Наталья Серуш — исполнительница заглавной роли в кинофильме «Руслан и Людмила» и эпизода в «Месте встречи...», жена приятеля Высоцкого иранского бизнесмена Бабека Серуша, и личность довольно таинственная. Учитывая еще и то, что последнему очень многое советскими властями позволялось и прощалось, кое-кто подозревал Бабека (и не без оснований) в тесных связях с КГБ, усматривая, что он являлся тайным «агентом влияния». При муже она слыла светской дамой, женой очень состоятельного иностранца, ездила на единственном в то время в Советском Союзе спортивном «Мерседесе», подолгу жила в разных странах — Швейцарии, Штатах, Италии, Германии.

В «Месте встречи...» Наталья оказалась как раз благодаря Высоцкому. Бабек рассказывал: «В тот день у моего двоюродного брата было новоселье

в Москве... И вдруг туда звонит Володя Высоцкий: «Слушай, у нас тут ЧП! Сняли на одну ночь ресторан, взяли официантов из «Националя» — должны снимать, а одна актриса заболела. А Слава говорит, что Наталья может хорошо сыграть эту роль»... Наталья была дома, на Речном вокзале, — стали ее уговаривать... А это было уже поздно ночью, часов в двенадцать... Она, конечно, не хотела — поздно, надо собираться, голову мыть... Она отказывалась. Но неудобно, — она и Славу, и Володю знала, — поэтому она сказала: «Мне Бабек запретил снимать...» Володя звонит мне:

— Так это ты запретил Наталье сниматься?!

— Я ничего не запрещал!

— Ладно, где ты находишься? Я заеду и мы поедем за Натальей.

Мы приехали, а она говорит: «Хорошо, я поеду, но если Бабек будет со мной». А Володя: «Да это очень хорошая сцена! Это недолго будет — пару минут — и все готово...» Мы приехали. Конечно, эту пару минут они снимали до шести утра. Я даже задремал где-то в кресле. А Володя все время тянул меня в зал: «Давай, мы тебя тоже снимем!»¹⁷

Впрочем, участие в фильме славы Наталье не принесло и денег не добавило. И то, и другое она обрела позже.

После смерти Бабека жизнь ее резко переменилась. Наталья унаследовала приличное состояние и мужнину деловую хватку. Молодая вдова выбрала бизнес, связанный с красотой, что было естественно. В 1992 году, когда еще никто в Москве ничего не слышал о частных косметических салонах, открыла «Бьюти Студио». Затем она «прорубила окно» в Париж, получив эксклюзивное право на создание сту-

дий красоты от известной французской фирмы «Герлен». Эти заведения в отелях «Националь» и «Аврора» очень скоро стали одними из самых модных и престижных в российской столице. Западные коллеги удостоили ее титула *Principessa*.

Художник Людмила Кухарчук говорит, что с Высоцким они с мужем «познакомились по печальному поводу: Володе стало плохо на концерте в воинской части, и мой муж допоздна отхаживал его... Мы стали дружить домами, а когда Володя, увидев, что я у него дома рассматриваю альбом Шемякина, воскликнул: «Так тебе он нравится? Все, я тебя обожаю!» — мы стали близкими друзьями. «Вот тебе ключи от моего дома, — сказал он, — приходи в любое время, читай, работай». Ключами я, естественно, не воспользовалась, отдала его тезке — Владимиру Семеновичу, помогавшему ему в ведении дома, но виделись мы часто. Самое страшное, что все знали: он умрет. Мне об этом сказал Леня, мой муж. Да и сам Володя знал это. Бывали такие моменты: сидим за столом, разговариваем, и вдруг Высоцкий тревожно спрашивает: «Ребята, вы слышите меня?! Слышите?! А я вас — нет...» У него наступала какая-то отключка от действительности, он глох на какие-то мгновения... У него было белокровие. Ему перелили всю кровь. И он как-то, шутя, сказал: «Может, кто-то другой сидит во мне, а я и не знаю, кто». Помню, как мой Леня говорил ему: «Если можешь — не пей». Но, судя по всему, не мог... А Леню он называл своим «вторым отцом», потому что муж вылечил ему еще незаживающую рану на ноге... Володя долго хромал и ходил с палочкой — никто не мог помочь...»¹⁸

Еще она рассказывала, что идея написать портрет Высоцкого возникла у него самого. «Нарисуй меня», —

говорил он часто Людмиле. Она пробовала. У нее не получалось. Сделала сто эскизов. Научилась рисовать профиль его стихами. Высоцкий теребил: «Когда покажешь?» А она требовала, чтобы был его почерк. Он писал ей строки стихов. Она их изучала. Сделала эскиз. И опоздала. 15 июля позвонила, сказала: «На днях приеду, покажу...» Портрет получился посмертным. Она плакала, говоря мужу, что наклала Высоцкому смерть.

Очень часто организаторами выступлений Владимира Семеновича и его самыми заботливыми опекунами во время иногородних концертов были именно женщины. Среди них известны Виктория Гора, работавшая во ВНИИЧерМет, ее приятельница Нина Патэ, Наталия Смирнова (бывший председатель совета ленинградского клуба «Восток», имевшая звание «постоянного адъютанта Высоцкого в Ленинграде»), Лариса Николаевна Айгинина (организатор выступлений в Макеевке в 1970 году), Вера Серафимович и Надежда Зайцева (в Минске), Жанна Булега (председатель Дубненского общества книголюбов).

Последняя рассказывала: «Не скажу, что это было легким делом — пришлось и поволноваться, и пережить неприятные моменты... Высоцкий был очень сдержан и серьезен, к выступлениям готовился очень ответственно. К слушателям относился с большим уважением, без капли пренебрежения или снисхождения, концерт отработывал с полной выкладкой — в перерыве менял мокрую рубашку. Я очень волновалась... стояла за сценой, буквально вцепившись в кулису. Он спрашивает, докуривая сигарету перед выходом: «Ты почему так переживаешь? Не волнуйся, все будет в порядке!..»

Даже в Германии, в Кёльне, организатором трех его домашних концертов стала его давняя московская знакомая Нэлли Белаковски.

Администраторы-женщины всегда старались помочь Высоцкому. Тем более, когда он выступал в роли «спасательного круга». Когда у Ярославской филармонии ярким пламенем «горел» план, администрация сочла единственно возможным выходом: пригласить к себе Высоцкого. Автором идеи была заместитель директора Алла Кузьминична Кузнецова. Она же взяла на себя все финансовые вопросы: «Решили, что два сольных концерта Высоцкий проведет согласно «государеву уставу», ради третьего заключит с... филармонией трудовое соглашение. В том смысле, что вышеозначенное учреждение покупает у него его произведения, а он просит их оплатить... Я за столом договор составляю, а он рядом, кепи свое пальцами тербит, присаживаться себе не позволяет. Я ему: «Володя, ты что стоишь-то? Садись-садись, не стесняйся!..» Сговорились на двухстах рублях. «Нормально?» — задаю вопрос. Да нормально, замахал рукой. Где подписывать? И вот еще какое дело, говорю, Володя. По правилам полагается, чтобы автор текста песен представил и ноты. А он кассету протягивает — здесь, усмехается, и ноты, и память обо мне... Между прочим, гонорар свой по договору он весь так и не получил!.. Я ему: Володя, деньги-то когда возьмешь? А он: да нет, сразу не надо, потом как-нибудь...»¹⁹

На киносъемках под свою опеку его тоже брали, как правило, женщины. Например, **Нина Хаземова**, ассистент Михаила Швейцера в телефильме «Маленькие трагедии», заботилась о правильном

питании, оберегала его от назойливых поклонников и т. п.

Инициатором киевских выступлений Высоцкого в 1971 году стала старший научный сотрудник Института микробиологии и вирусологии Наталья Преображенская. Она впервые услышала его в Доме ученых, и «была настолько потрясена, что решила во что бы то ни стало уговорить Высоцкого выступить у нас. Пошла за кулисы и, когда Владимир Семенович выходил из гримерки, обратилась к нему с просьбой. Он выслушал меня и, улыбаясь, спросил: «Вы же меня слышали, зачем же еще приглашаете?» «Хочу поделиться счастьем с другими!» — ответила я, и, расстроженный таким ответом, Высоцкий согласился...»²⁰

Они встретились у гостиницы «Украина» (ныне «Премьер Палас». — Ю.С.). Пока ехали, Наташа предупредила, чтобы поэт не удивлялся, когда увидит «товарищей ученых» не в белых халатах, а в фуфайках и сапогах — многие придут на концерт прямо с уборки картошки. Он только усмехнулся. В институтский зал было не протолкнуться — стоять было негде. Когда к Преображенской подбежала ее 15-летняя заплаканная дочь — ее не пускали, — Высоцкий приобнял девочку: «Пойдем, я тебя сам проведу».

Выйдя на сцену, он попросил не записывать выступление и не аплодировать, чтобы больше успеть спеть. Пел, как обычно, полтора часа. «В конце Владимир Семенович, — вспоминает Преображенская, — сказал: «Мне тут Наташа рассказала, что вы были на картошке. Обещаю вам, что к следующему выступлению, если, конечно, вы меня пригласите, обязательно напишу песню об этом...»²¹ И действительно, выступая через некоторое время перед киев-

скими «доцентами с кандидатами» Высоцкий спел новую песню. Кстати, в первом ряду в красивом зеленом платье сидела коллега Натальи биохимик Елена Яковлевна Ражба. Ее стихотворение «Человек с содранной кожей», посвященное Высоцкому, передала Преображенская в свое время прототипу. Уходя со сцены после своего второго выступления в институте, Высоцкий подозвал Наташу и вполголоса спросил: «Эта женщина написала те строки?» Та кивнула и поинтересовалась, как он узнал. Высоцкий ответил: «Почувствовал...»²²

В Киеве Высоцкий побывал и в следующем, 1973 году. Естественно, встретились с Натальей. После выступления в одной из школ они долго разговаривали. Она вспоминает, как Владимир с досадой говорил: «Ты даже не представляешь, Наташа, как мне хочется, чтобы по городу были развешены афиши с объявлениями моих песенных концертов. Но пока Фурцева — министр культуры, она не даст на это добро». Я тогда ответила, что будет другая Фурцева. Лучшая слава — людская молва. Ведь когда куда-то должен был приехать Высоцкий, слух об этом моментально расходился по всему городу. «Наверное, ты права», — как-то грустно усмехнулся Владимир Семенович»²³

Между ними установились дружеские отношения, рассказывала она. Будучи в Москве, Преображенская познакомилась с Ниной Максимовной, вручила ее знаменитый «Киевский» торт и перепечатанный на машинке переплетенный томик стихов запрещенного в ту пору Мандельштама. Разговорились. Нина Максимовна сказала гостье, что такая самиздатовская книжка у сына уже есть, но все равно ему будет приятно. Рассказала, что Володе «приходит много

писем, в том числе от женщин. Одни он читает, другие даже не вскрывает, а вот мои письма хранит...»²⁴

Контактный (далеко не со всеми), кожей чувствующий искренних и добрых людей, Владимир Семенович легко находил друзей в каждом городе, где бы ни появлялся. Скажем, в Ростове во время гастролей театра в октябре 1975 года вынужденно познакомился с врачом «скорой помощи» Светланой Гудцковой, которую вызвали в местный театр, где гастролировала Таганка. Его беспокоили загноившиеся ссадины на руках, полученные во время съемок, и начинающиеся почечные колики. Светлана Леонидовна сделала необходимые процедуры, и перевязанный пациент улетел на съемки. Вернувшись, позвонил милому доктору и пригласил на свой концерт в местную санэпидемстанцию. Однако что-то у нее не получалось, и Светлана вежливо отказалась. Высоцкий, между тем, был настойчив и, позвонив днем ей на работу, вновь пригласил на свое выступление, теперь уже на завод «Гранит». Она сказала «да», заехала за ним в «Интурист», и они вместе отправились на выступление.

«Концерт начался около 14 часов, — рассказывала Светлана Гудцова, — и продолжался часа два. Я спешила и жестами показала Володе, что ухожу. А он сказал со сцены: «Еще две песни!» — в мой адрес... После выступления Володе подарили хрустальную вазу с надписью «Ростов-Дон»... Когда мы на той же «Волге» вернулись в «Интурист», он предложил вазу мне. Я наотрез отказалась. Сделала новую перевязку и уехала... В это время по городу поползли совершенно нелепые слухи о Высоцком. Один из них заключался в том, что я его любовница. На самом же деле мы были просто друзьями... Народ ростовский от-

несся к нему с какой-то напряженностью. И когда Володя звонил мне на работу, представлялся родственником...»²⁵

Потом, в первом часу ночи, дома у Гудцковой раздался телефонный звонок. «Света, приезжай. Володя плохо себя чувствует!..» — попросил Иван Бортник. Однако в ночь она решила никуда не ехать. Предложила своей подруге Шуре Губаревой в шесть утра подвезти ее в «Интурист». Предупредительный швейцар сказал, что Высоцкий просил ее подняться в номер. Он лежал на кровати с температурой: снова мучили почки. Светлана сделала укол анальгина, дала таблеток. «Настроение у Володи было хуже некуда. Сказал, что ночью ему звонили вроде бы из КГБ, обвиняли в том, что он якобы был в казачьем курене и пел антисоветские песни. В тот же день Володя улетел из города. Я его не провожала, распрощались в гостинице...»²⁶

По просьбе Высоцкого Светлана готовила ему лечебные травы. Когда не удавалось вручить лично, передавала с оказией. А он, зная о ее странном хобби, дарил то мыло, то редкостный шампунь.

Они виделись в день сорокалетия Высоцкого (об этом его юбилее она даже не подозревала). А получилось так. Светлана, вернувшись вечером с работы, узнала от мамы, что звонил Высоцкий из соседнего Северодонецка, оставил номер телефона в тамошней гостинице. Перезвонила. Высоцкий попросил ее приехать в Ворошиловград, где он 25 января будет выступать в ДК имени Ленина. Отдежурив сутки, Светлана напросилась к своему знакомому Олегу Серебрякову, который на машине ехал в Ворошилоград по собственным делам. Отыскать в Ворошиловграде дворец культуры оказалось совсем просто, да еще де-

журный, переспросив, не из Ростова ли гости, тут же пропустил их за кулисы. Высоцкий сидел с ингалятором: болело горло... Увидев гостью, вскочил, обрадовался. Затем, после концерта, они поехали в какую-то захолустную гостиницу, где и отметили Володино 40-летие. В девять вечера ей пришлось откланяться и возвращаться домой, хотя Высоцкий упрашивал ее остаться еще ненадолго...

В отношениях с женщинами у Высоцкого, рассказывал Георгий Юнгвальд-Хилькевич, порой случались странные истории. Например: явно было видно, что какая-то дама млеет от одного присутствия Высоцкого, а когда доходило до «невозможного», следовал отказ: «Думаешь, что Высоцкий — и все у твоих ног? А вот и нет!» Чтобы потом хвастаться, что самого Высоцкого отшила?.. «Но чем выше был интеллект женщины, тем больше ОНА влюблялась в Володю...»²⁷

Бывшая директриса элитарного московского кинотеатра «Иллюзион» **Зинаида Григорьевна Шатина** гордится, рассказывая о своих знаменитых гостях: «Часто приходил Высоцкий. Однажды — с Мариной Влади. Оба были в темных очках, а Высоцкий еще и в рваных джинсах по тогдашней моде. А у меня была Катя-билетер, грубоватая немножко, и их не пускает: это что же он в рваных штанах идет? Пришлось мне вступить: «Катя, но это же Высоцкий!» — «Ну и что?» — отвечала Катя. Я извинялась за нее...»²⁸ Вот так-то, Владимир Семеныч!

Но случались и прямо противоположные эпизоды. Очевидцы свидетельствуют, что когда на концерте в Пензенском театре в июле 1976 года Высоцкий запел: «Я дышу, а значит, я люблю, я люблю, и значит, я живу», одна из присутствовавших бары-

шень от переполнивших ее чувств грохнулась в обморок²⁹.

Женщины шалели, стоило им только услышать его голос. Режиссер и актер Василий Ливанов рассказывал, как однажды они с Высоцким вместе ехали из Питера, «курили в тамбуре и очень бурно дискутировали по поводу детской литературы. Володя задумал детскую книгу в стихах, а у меня уже был «сказочный» писательский опыт плюс работа в мультипликации... Вдруг блондиночка-проводница высунулась. Володя раздраженно: «Ну чего тебе?» А она и говорит: «В жизни двух таких голосов не слыхала!...»³⁰

Глупо думать, что он со всеми дамами он был неизменно нежен и галантен. Все зависело от обстоятельств. Белорусская журналистка Вера Савина с недоумением вспоминает, что как-то Высоцкий на банкете по случаю премьеры спектакля «Перекресток» по Василю Быкову не узнал ее. Но: «Он увидел эту мою реакцию и уже мягким голосом: «Господи, да вы напомните мне». Я было уже начала лепетать, что, помните, два-три года назад с Максимом Ле Форестье... Он сразу: «Спокойно, Веронька! Больше мне ничего не надо. Просто ты изменила прическу...»³¹

Характерны воспоминания о забавном происшествии 30-летней давности запорожанки Ларисы Ц. В свое время она работала буфетчицей на теплоходе «Феликс Дзержинский». Она рассказывала, что весной 1971 года (наверное, это было все-таки конец июня, Лариса. – Ю.С.) их судно находилось во владивостокском порту в ожидании рейса на Курилы. Поздно вечером Ларису вызвал к себе капитан. «Я поднялась к нему, мельком увидела, что он в каю-

те не один, но гостя разглядеть не успела – капитан суетился возле холодильника, выгружая мне его содержимое: колбасу, красную рыбу, ветчину, сыр, – из представительских запасов. Тут же стоял коньяк, лежали американские сигареты... Возвратившись снова с приготовленным ужином (украсив блюдо, как и просил капитан, «зеленью», – листьями с цветка, т. к. ничего другого под рукой не оказалось), увидела наконец и гостя.

– Здравствуйте! – каким-то знакомым-знакомым голосом приветствовал он меня.

Батюшки! Так это ж Высоцкий! Живой – как будто бы только что с экрана. В черных брюках, в черной «водолазке». И гитара рядом с ним...

Я смутилась, а он, чтобы подбодрить меня, произносит: «У вас такие красивые волосы...» И что-то еще очень доброе добавляет. Ну сразу к себе человек расположил.

Вернулась в свою каюту – снова звонок вскорости. Поднимаюсь к капитану, а он протягивает пустое блюдо – одни листочки на нем: повторить, мол, надо. А сами, вижу, уже слегка выпившие. Приношу им добавку, а Высоцкий... рассказывает об инциденте у трапа:

– Ну у вас и служба рьяная! (Вахтенные не пропустили его на судно. – Ю.С.).

И смеется. А потом берет гитару и приглашает меня: присаживайся. А капитан магнитофон настраивает. Пока он с ним копался, Высоцкий опять ко мне обращается:

– Откуда ты?

– С Украины, – говорю, – из Запорожья.

Перебросились еще несколькими фразами с ним...

— А выпить, — перебиваю я рассказ Ларисы, — предлагали?

— Боже упаси! Наш капитан (Н. Свитенко. — Ю.С.) никогда в жизни с подчиненными не выпивал. А Высоцкий, — продолжает она, — тем временем запел. Пел самые известные свои песни. И поразило меня — как он пел. Как будто бы не перед двумя слушателями, а перед переполненным залом. На сто процентов выкладывался! Концерт его, знаю, продолжался всю ночь, а меня капитан больше не тревожил — всего хватило, значит...»³²

Во время гастрольных выступлений в обязанности администраторов входили и своего рода охранные функции. В первую очередь, следовало уберечь певца-кормильца от поклонниц. А уж, во-вторую, от слишком решительных поклонников, норовивших соваться с предложениями о застолье. Но порой Владимир Семенович и сам проявлял инициативу.

О криворожских совместных выступлениях, которые были в 1978 году, вспоминал бывший запорожец (ныне гражданин Израиля) Александр Гончаров. Тогда он конферировал выступления ансамбля «Музыки» от ужгородской филармонии на сборных концертах. Первое отделение — «на разогреве» — обычно отработывали «Музыки», «Здравствуй, песня!» или «Лейся, песня!», а во втором появлялся тот, кого все ждали.

«Постоянная жизнь на колесах настолько засасывала, — рассказывал Шурик, — что уже через два-три дня по возвращении домой я впадал в ипохондрию и тоску. Тянуло в очередную поездку. Кроме способа зарабатывания неплохих денег, это было и образом жизни. Пусть с не всегда устроенным бы-

том, но непременно с новыми, мимолетными знакомствами, встречами и пр. Мне повезло работать в одних концертах с Владимиром Семеновичем. Мы выступали в первом отделении, а он, как всегда, во втором. Какую-то симпатию к себе с его стороны я ощутил... Ну после выступлений обычно бывал «расслабон», иначе было просто не выдержать тех нагрузок. Разбредались по номерам: выпивка, девочки, ходили в гости один к другому, песенки, шуточки и так далее...

В тот вечер, помню, я (даже помимо моей воли, кажется) оказался единственным мужчиной в компании сразу с тремя девушками... То ли местными, то ли из «подтанцовок», то ли из «подпевок», сейчас уже точно не помню... Сидим, выпиваем, я шучу, девочки хохочут. Вдруг стук в дверь. Открываю, на пороге — Высоцкий. Даже я, знавший и работавший со многими звездами, опешил. Ну а девицы-то и вовсе ошалели. Приглашаю за стол. Он присел, посидел немного, чайку спросил, пошутил, а потом, в упор глядя на самую симпатичную из сидевших за столом, обратился ко мне: «Шурик, а не много ли тебе одному?..» В общем, все понятно... Встретились утром, подмигнули друг другу: привет, мол...» (запись автора. — Ю.С.).

Владимир Семенович Высоцкий был раздражителем самолюбия многих мужчин. Даже его мимолетные и невинные знаки внимания к женщине, которую сопровождал мужчина, были способны вызвать реактивные вспышки невиданной ревности последних. Одна из организаторов выступлений Высоцкого Виктория Гора вспоминала, как после его концерта в конце 1973 года они отправились в ресторан «Черемушки». Вита тогда была не

одна — со своим будущим супругом Сашей. «И получилось так, что Владимир Семенович решил проявить свои мужские качества. Видимо, он почувствовал привязанность Саши ко мне — и сделался максимум элегантности, наговорил массу комплиментов, был очень внимателен, поцеловал в щечку... На концерте Володе подарили большой букет розовых гвоздик, которые он вручил мне возле ресторана, что случалось очень и очень редко (это было ему не свойственно, пусть мои слова и будут противоречить впечатлениям других)... Посидели в ресторане... Саша молчал. Гвоздики я поставила на столе в вазочку. А потом, уже возле дома, почувствовала, что чего-то не хватает: забыла цветы! «Ой, как жаль, оставила гвоздики!» — «Ну и хорошо!» — ответил мой будущий муж». И началась непростая жизнь, потому что Саша выдвинул условие, чтобы я этим больше не занималась — не устраивала концерты...»

«У Высоцкого на многие вещи, — считает Вера Савина, — была реакция... на уровне пощечины... В Москве мы вместе выходили со спектакля. Подошла какая-то пара, молодые мужчина и женщина, Володнины знакомые... И вот он увидел их машину, окрашенную в какой-то жуткий грязно-желтый цвет. И Володя вдруг начал просто орать: «Вы что, с ума сошли? Почему такой цвет? Вы что, о..?!»

Этой машины с ее цветом можно было не заметить или сделать вид, что не видишь... Но ведь все дело в том, что от поэта, человека такого накала, как он, трудно было ждать реакцию созерцательную, нейтральную...»⁸³

Некая N из далекого Благовещенска до сих пор помнит, как поздней осенью то ли 1974-го, то 1975 года

вместе с дочерью Леной оказалась в Москве и тщетно пыталась попасть в Театр на Таганке. Затея в те годы просто безумная. Они торчали у театра в надежде на лишний билетик и отбивались от пристававший нагловатых молодых людей. «Очередной выплеск толпы из метро, и прямо к нам, не свернув, как все, стремительно идет молодой человек. Он шутиливо спрашивает у Леночки:

— Ну что, курносая, у тебя, наверное, нет билета?

— А у тебя, длинноносый, наверное, есть, — грубит она.

— Нет, у меня нет. Но я могу, если хочешь, провести тебя в театр.

— А я с мамой.

— И с мамой проведу. Пошли?

Я даже толком не рассмотрела его, — вспоминает дальневосточная театралка. — Среднего роста молодой человек, одетый в бежевую кожаную (шик по тем временам) курточку до талии, в джинсах, дорогих узконосых туфлях... На голове маленькая черная кепочка, надвинутая на лоб. А голос — какой-то особенно располагающий, приятный чистый баритон (без намека на хрипотцу). Молодые люди почему-то при его появлении отскочили в сторону и тихо что-то залопотали, не спуская с него глаз. Он повел нас вдоль боковой стены театра под уклон улицы, спрашивая, кто, откуда, бывали ли в театре на Таганке, какие спектакли вообще смотрели и т. д... Наш провожатый шел очень быстро, мы почти бежали... Мы в фойе... Женщины приветливо с ним поздоровались, он сказал, чтобы нас раздели («Это мои гости!») и провели на балкон...

Он протянул Елене визитку, написав там номер телефона:

— Когда будут нужны билеты, позвоните в кассу и скажете от кого.

...Он ушел. Нас раздели, снабдили биноклем и отвели на балкон. Сидевшей там группе молодых людей нас представили так:

— Это гости Владимира Семеновича...»³⁴

«Гости» поначалу не сообразили, кто такой Владимир Семенович. И обомлели, когда ребята стали спрашивать, как они познакомились с Высоцким. Достали визитку, стали рассматривать: «Владимир Высоцкий, актер», а на обороте — номер телефона. В тот вечер на Таганке был «Гамлет». После спектакля «гости» с толпой поклонников ждали Высоцкого у театрального подъезда. Но он так и не появился... Вот такая история, надеюсь, не придуманная. Высоцкий любил и умел делать подарки.

«Девочки любили иностранцев...», —

писал в своем «Романе о девочках» Владимир Семенович Высоцкий.

А иностранки, в свою очередь, любили Высоцкого. И он, констатировал польский друг Высоцкого Даниэль Ольбрыхский, «очень любил девушек»¹.

Вениамин Смехов в своем болгарском дневнике фиксировал: «12 сентября. Театр... Радио. 17 часов — «Добрый человек». Репетиция и сразу — спектакль... Красавица Сильвия. Думал: мой успех. Оказалось: Высоцкого»².

Кто такая загадочная Сильвия?.. Вот незадача. Совершенно случайно удалось вычислить таинственную красавицу с невольной помощью софийского

журналиста Любена Георгиева (ныне покойного). В своих воспоминаниях он говорил о том, что «на встрече в Клубе иностранных журналистов актриса Сильвия Рангелова рассказала Высоцкому, что его песни были использованы также в спектакле «Каждый ищет свой остров» Р. Каугвера в театре «София»... Ему было приятно, что у нас его ценят не только как артиста...» Кажется, это была-таки она, таинственная Сильвия...

Бывшая актриса Великотырновского театра имени Константина Касимова Томаица Петева вспоминает: «Мне выпала невероятная удача сидеть с левой стороны от Высоцкого. Утощение, смех — как на любом банкете... Около 23 часов он обратился ко мне: «Знаете что, давайте потом соберемся где-нибудь, потому что чувствую, что меня заставят петь, а это будет мне неприятно»... Мы, 6 человек (пятеро болгар и он), ушли незаметно, взяли гитару. Но было невозможно пригласить компанию к себе, потому что у меня гостили родственники. И мы пошли к одной коллеге. Высоцкий пел до утра... Меня радует тот факт, что он вспоминал красоту Велико-Тырново и болгарских девушек...»³

Именно во время болгарских гастролей Таганки в 1975 году художница Дора Бонева (жена поэта Любомира Левчева) написала портрет Владимира Высоцкого. «Она писала его с натуры, — рассказывал Любен Георгиев, — во время короткого и очень напряженного пребывания в Софии, когда у Высоцкого не было ни минуты отдыха от спектаклей, восстановительных и монтажных репетиций, записей, интервью, встреч со знакомыми и незнакомыми, концертов и т. п. Он взял ключ от мастерской у мужа Доры Боневой и приходил туда ночевать, так как телефон

в его номере в гостинице не умолкал, к тому же кто-то без конца стучался в дверь...»⁴

Упомянувшийся уже поэт Петр Вегин по просьбе польской переводчицы и журналистки Лилианы Коротковой стал инициатором ее встречи с премьером Театра на Таганке. Лилиана сияла от восторга. Давали «Десять дней, которые потрясли мир»... В перерыве они устроились в гримерной. Он закурил, откровенно разглядывал Лилиану. Вегин тем временем надписал Высоцкому свою новую книжку.

«Володя сразу положил ее в карман пиджака:

— Чтобы здесь не забыть в суматохе. Когда-нибудь тоже тебе подарю свою... Вот же везунок — и книги у него выходят, и красавицы вон какие с ним...»

Потом он пел, «...пел с явным удовольствием, и нам доставляя радость, и сам ее получая. Лилиана склоняла золотые локоны на свой магнитофончик и смотрела на Володю с откровением Магдалины... После спектакля были еще какие-то Володины гости, и мы все вместе поехали в ВТО... Кончилось все, естественно, за полночь, и мы с Лилианой до самого рассвета крутили пленку: *«Ходил в меня влюбленный весь слабый женский пол...»*

Вегин считал, что песня была только-только написана. Стало быть, это был конец 1972-го. И вообще, он (Вегин) просто и хорошо сказал: «Мы жили в одно время, в одном городе, любили самых очаровательных девчонок — девчонок нашего поколения, одним радостям радовались и одними слезами плакали...»⁵

В Штатах на вечеринке, организованной продюсером Майком Медовым, знаменитый голливудский режиссер чешского происхождения Милош Форман, снявший «Полет над гнездом кукушки», попроче-

сил гостя спеть. Первыми на пение Высоцкого среагировали Бэлла Давидович и **Натали Вуд** (они-то хоть немного знали русский язык). Постепенно певца начали окружать актеры. И, прежде всего, женщины. **Лайза Минелли** и вовсе пристроилась чуть ли не у ног заморского гостя. Вуд и Давидович на ушко тихонько переводили голливудским звездам тексты песен. «От твоего голоса их бросает в дрожь. Женщины прижимаются к своим спутникам, мужчины курят, — напишет затем в своей книге Марина Влади. — Исчезает небрежность манер... масок не осталось. Вместо светских полуулыбок — лица. Некоторые даже и пытаются скрывать и, закрыв глаза, отдались во власть твоего крика. Ты исполняешь последнюю песню, и воцаряется долгая тишина. Все недоверчиво смотрят друг на друга. Все они в плену этого человечка в голубом. Лиза Минелли и Робер де Ниро задают тон, выкрикнув: «Потрясающе! Неввероятно!...»⁶

Марина и не собирается скрывать ревность: «Лиза Минелли, с ее огромными, во все лицо глазами и накладными ресницами, бросает на тебя плотоядный взгляд...»⁷

Натали Вуд завораживал не только голос Высоцкого, но и смысл его песен. Это проще простого можно было бы объяснить русским происхождением «королевы Голливуда» — Наташа Гурдина (ее подлинная фамилия. — Ю.С.) родилась в семье русских эмигрантов в Сан-Франциско. Но присутствовал еще целый ряд дополнительных факторов. С Высоцким их объединял не только язык и один год рождения. Главным же, на мой взгляд, была идентичность характеров и темпераментов. И Натали, и Владимир были склонны к поступкам, которые, по мнению

большинства, легко можно было отнести к разряду сумасбродных. Кроме того, они, вероятно, чувствовали родство душ и в нешуточном пристрастии к алкоголю.

Пережила Натали Вуд своего московского собрата всего-навсего на какой-то год с небольшим — в ноябре 1981-го во время хмельной пирушки на яхте «Блеск», принадлежавшей ее мужу Роберту Вагнеру, она таинственно исчезла с борта судна. Лишь спустя какое-то время тело Вуд случайно обнаружили рыбаки. Такая вот нелепая и трагическая гибель американской актрисы, которая в свое время была очарована песнями Высоцкого...⁸

Михаил Шемякин в своих заметках подтверждал мнение о таинственном магнетизме Высоцкого: «... какая-то сладко-щемящая грусть разлита по всему Парижу. Надвигается вечер. Мы сидим в моей квартире, приехала одна девчонка, предки у нее из России, и Володя для нее — бог. Володя тут же, так сказать, вдохновился, окреп и вдруг, вместо того чтобы исполнить что-нибудь свое, решил исполнить «Реченьку», потому что где-то там в ней звучала тема любви девушки и много другого, невысказанного. И он, глядя на нее, бросая косой взгляд на меня, так это исполнил!.. От девчонки буквально ничего не осталось...»⁹

Шемякин еще не раз возвращался к этой истории: «У меня была девушка. Очень симпатичная. И Володя слегка был влюблен в нее — красивая американка, предки — русские, при ней Володя записал «Течет реченька»... Однажды в Америке мы с ней поехали куда-то. Она ведет машину, черный лимузин. Останавливаемся в лесу. Я вышел облегчиться, поднимаю голову, вижу какой-то странный рисунок — голова,

похожая на мою — немного, правда, утрированная... Я спрашиваю: «А что это такое здесь?» Она отвечает: «Написано: «Осторожно, гризли!» Я говорю: «Ах, да?!» И, не закончив дела, — в машину: «Гони дальше!» Я Володье потом рассказываю — он от смеха падает со скамейки...»

Вопреки распространенному мнению, что Высоцкий чувствовал себя неуютно на «своих Елисейских Полях», Костя Казанский, бывший соавтором его трех французских дисков, утверждал, что «он в Париже себе создал семью... У него были 2—3 дома в Париже, в которые он всегда приходил, знал, что может прийти спать, есть, смотреть телевизор, как у себя дома. Это — Марина, но она жила за городом. Потом они сняли квартиру, в которой я раньше жил, — это квартира моего дяди. И Миша Шемякин. Потом у нас дома. Потом у Таньки, которая сестра Марины (Одиль Версуа. — Ю.С.). Он чувствовал себя очень хорошо. В Москве была такая тяжелая атмосфера. Поэтому для него Париж, каким он его себе сам сделал, был отдыхом невероятным... Он себе создал такую семью, в которой он ни перед кем не отчитывался...»¹⁰

Переводчик, подвизавшийся на ниве отечественного кинематографа, Давид Карапетян какое-то время был женат на французенке Мишель Кан. По его мнению, это была странная, необычная женщина. В возрасте Жанны Д'Арк она стала коммунисткой по зову сердца — в те самые октябрьские дни, когда советские танки вовсю утюжили мостовые Будапешта, а вчерашние сталинисты дружными косяками дезертировали из европейских компартий. Этот спонтанный поступок «девственницы из Нанси» выглядел настолько алогично, что газета «Юманите» поспе-

шила оповестить о нем все прогрессивное человечество. В своей книге Карапетян признает: «Все 13 лет их знакомства Мишель оставалась одним из самых близких и преданных ему людей. Мало кому еще он доверял так безоговорочно. Именно Мишель он попросил сделать песенные переводы для обложек своих французских и канадских пластинок. Володю вообще трудно было чем-либо удивить, но однажды, года за три-четыре до смерти, он вновь заговорил о Мишель, не скрывая своего изумления:

— Конечно, Мишель уникальная женщина. Ты представляешь, она до сих пор краснеет, когда чем-то бывает возмущена».

В конце 1967-го — начале 1968 года, пока Карапетян отсутствовал в Москве, работая на съемках «Красной палатки», Мишель ухитрилась превратить свою квартиру в салон, завсегдатаями которого стали супружеские звездные пары — Лариса Лужина с кинооператором Алексеем Чардыниным, Жанна Прохоренко с неизменно мрачным спутником Артуром Макаровым, заскакивали к ней и некоторые актеры с Таганки. Ну и, естественно, Высоцкий с Иваненко.

Возможно, малозначительная деталь, но Иван Бортник по сей день отчетливо помнит, как встречали Высоцкого в знаменитом парижском ресторане «Распутин»: «Его владелица, мадам Мартини, хорошо знала Володю. И вот когда мы подъехали — официанты распахнули двери, даже ковровую дорожку расстелили...»¹¹ Восторг Ивана Сергеевича понять можно — ковровые дорожки в Москве расстилали перед первыми секретарями ЦК братских компартий. А тут...

Склеить распадающиеся отношения Высоцкого и Влади в свое время попыталась венгерский ре-

жиссер **Марта Мессарош**. Она познакомилась с Владимиром Семеновичем на одном из Московских кинофестивалей, куда привезла свой фильм «Удочерение»... Потом Таганка в 1976 году прикатила в Будапешт на гастроли, «и Володя позвонил, стал заходить после спектаклей ко мне на чай. Выпивал два литра из огромного чайника, и говорил, говорил и звонил. Звонил так: сначала в Москву на Центральную. Там у него была какая-то знакомая — Наташа, Анюта... Всегда другая. Высоцкий говорил мой номер в Будапеште, и она ему включала весь мир: Нью-Йорк, Париж. Он без конца говорил и курил. Потом уезжал спать часа на три...»

По его просьбе Марта обычно заезжала за ним на машине в отель, чтобы ему не ехать автобусом вместе со всеми. И чай после спектаклей, и нежелание быть в гостинице. Мессарош потом объясняла: «...Когда он не пил, он совсем не мог спать. И не хотел оставаться в номере, потому что у него клаустрофобия... В Венгрии он не пил абсолютно. Если на столе была водка, то подносил рюмку к носу и нюхал. В течение этих двух недель от меня потребовалось немало терпения. Он приходил часов в 11–11.30 и без конца говорил, пил чай и курил папиросы...

Я организовала, чтобы его сняло телевидение... Дело было в парке. Там стоял дом, мы сами придумали, как снимать песню о подводной лодке...»¹²

Высоцкого в Венгрии мало кто знал. Марта знакомила его с коллегами, устроила его концерт для них. А через неделю, после съемок из Испании, в Будапешт прилетела Марина. Марта и Владимир встречали ее. Мессарош, желая украсить свой будущий фильм «Их двое» звездой европейского класса, пред-

ложила одну из ролей Влади. Та прочла сценарий, и они условились, что Марина приедет на съемки будущей весной.

В то время Высоцкий как раз был занят записью своей пластинки в Париже. Как заметила Мессарош, «и что-то у них не ладилось. Они каждый день говорили по телефону, и были какие-то напряженные отношения... Наконец он сказал, что прилетает. Мы сидели с Мариной в аэропорту — была неплохая, солнечная погода... но вдруг спустился туман, и самолет, не заходя на посадку, полетел дальше до Белграда. Оттуда Володя приехал поездом в шесть утра. Отношения между ними оставались натянутыми... А я старалась придумать что-нибудь такое, чтобы они помирились, чтобы он тоже поехал с нами на съемки в маленький город Цуонак... и предложила Володе сыграть... эпизод. В конце концов, атмосфера съемок их помирила...»¹³

Спасибо, милая госпожа Марта.

Некоторое время спустя Мессарош и ее приятель, польский актер Ян Новицкий, оказались в Париже, в гостях у Влади и Высоцкого. Марина развела огонь в камине и решила поджарить там большой кусок мяса... Они с Володей все время спорили, и Марта вспоминает, «Янек сказал: «О, в этом доме висит гроза. Давай уйдем. И еще такой плохой ужин!» Володя начал ему петь какие-то песни, а Ян хотел завести интеллектуальный разговор...»¹⁴ Они говорили о Достоевском, «Идиоте» и «Преступлении и наказании», о какой-то совершенно неосуществимой совместной работе...

На следующий год там же, в Париже, была еще одна встреча, в гостях у сестры Марины — **Одиль Версуа**. В то время она была в статусе жены какого-то

маркиза и жила в настоящем дворце. Марта Мессарош восхищалась обстановкой, чудесными гобеленами. «А Володя, очень злой, вышагивал под этими гобеленами и говорил: «Идем отсюда!» Очень нервный был, очень, хотел уйти. Мы отправились в театр, а он исчез. И нашли мы его на Монпарнасе, в бистро с приятелем — русским художником. Марина очень разгневалась. Потом она рассказала, что в эту ночь они бистро подожгли...»¹⁵ И написал тогда Высоцкий такие строки: «*Как зайдешь в бистро-столовку, по пивку ударишь, — вспоминай всегда про Вовку — где, мол, друг-товарищ?!*»

С Одиль у Владимира Семеновича были очень близкие, добрые, теплые отношения. Полное взаимопонимание. Он даже хотел выдать ее замуж за кого-то из своих российских друзей. То ли в шутку, то ли всерьез.

По мнению Татьяны Дорониной, Одиль «чем-то неуловимым и узнаваемо русским: мягкой женственностью, светлостью облика, сиянием ясных серых глаз напоминала свою сестру — Марину Влади...»¹⁶

Среди всех советских актеров капризная польская актриса **Барбара Брыльска** выделяла только Владимира Высоцкого¹⁷. Не менее популярная ее соотечественница — певица, лауреат Сопотского фестиваля **Марыля Родович** после смерти поэта первой в Польше исполнила знаменитые «Кони привередливые». Нет-нет, с ней романа у Высоцкого не было. Зато у нее был — с красавцем Даниэлем Ольбрыхским. «Когда мы... приезжали в Москву, — вспоминает польский актер, — Володя забирал нас из гостиницы к себе. Отдавал свою спальню, а сам ложился в кабинете. Мой бурный роман с Марылей протекал на Володиных глазах...»¹⁸

Израильтянка Илана Золотар, как рассказывал один из иммигрантов из России Аркадий Духин, выучила русский язык исключительно из любви к Высоцкому и сделала о нем довольно интересный фильм.

Уже упоминавшаяся американка польского происхождения Барбара Немчик, аспирантка МГУ, через знакомых каким-то чудом сумела выйти на таганского администратора Валерия Янкловича, попала на «Преступление и наказание», а после спектакля даже оказалась в гостях у Высоцкого. Как она потом признала, «все было очень прилично и замечательно...»¹⁹

У Высоцкого, озабоченного судьбой товарища, вскоре вызревает план: как вытащить Янкловича на ПМЖ за кордон. Как в «Гамлете», «вот и ответ»: Барбара! Барбара и Янклович. Бракосочетание — и в Штаты! С помощью Высоцкого все необходимые документы были оформлены буквально за день. Регистрация была назначена (внимание! — Ю.С.) на ... 25 июля 1980 года. Владимиру Семеновичу, словно чувствовавшему «проклятую дату», удалось сдвинуть это число на два месяца вперед. А когда в конце апреля Немчик выселили из общежития, она переехала на Малую Грузинскую. Хозяин квартиры объяснил: все равно его в Москве не будет — Франция, потом Польша... Живи, не горюй, не тужи!..

«24 июля Барбара улетела в Штаты. На следующий день в ее квартире раздался звонок Янкловича: «Володя умер»²⁰

В свое время Владимир Высоцкий был, как считала Марина Влади, покорен **Симоной Синьоре**. Марина пишет: «Чувствуется, что в этой даме пятидеся-

ти двух лет не осталось ничего от той роковой женщине из знаменитых фильмов, но мужчины все равно в нее влюбляются, и именно потому что она — по-настоящему человек. К тому же глаза ее полны блеска и улыбка все такая же хищная»²¹

*«То была не интрижка —
ты была на ладошке...»*

Присутствие **Оксаны Афанасьевой** в жизни Высоцкого последних лет оказалось полной неожиданностью для многих. После смерти Владимира Валерий Золотухин, который, казалось бы, был в курсе всех жизненных сует поэта, пишет в своем дневнике: «...что это за девица? Любил он ее, оказывается, и два года жизни ей отдал... Ничего не знал... Ничего. Совершенно далек я оказался в последние годы от него...»

Говорят, Владимир Семенович называл ее своей последней любовью. Когда они впервые встретились в конце 1977 года, ему было под сорок, ей — вдвое меньше, восемнадцать. И он с ходу, как утверждает Оксана, «что называется, обалдел».

Володарский описывает Ксюшу такой: «Худенькая блондинка невысокого роста, очень милый, застенчивый человек. Когда собирались друзья, она выходила довольно редко — то ли к своим занятиям готовилась, то ли просто пряталась. Может, побаивалась оравы пьяных похабников — каждый же норвил за ляжку ущипнуть. Не думаю, что в отношении Володьки вынашивала матримониальные планы: ни-

чего хищного — такого, что в избытке есть в Марине, — я в ней не заметил...»¹ Он же вспоминал: «Девочка ничего не знала про Володины наркотики. Ей кто-то об этом сообщил в день похорон. Она так бурно отреагировала, яростно. Готова была поехать ночью на кладбище, разрыть могилу и разорвать тело любимого на куски... Как тигрица металась по даче и бросала нам с женой в лицо: «Вы — предатели, знали и молчали! Вы всегда меня не любили!» Действительно, я ее почему-то не любил буквально с первого дня знакомства... Володька говорил: «Не дай бог подохнуть. Ксюха одна останется, я же ей и отец, и любовник, и опекун...»²

Впрочем, по словам самой Оксаны, она «старалась отгородить его от иглы и «колес»... Ведь его «посадили» на наркотики. Все началось на очередных гастролях Высоцкого в Горьком. Одна женщина-врач посоветовала свой рецепт, как выводить Володю из запоев хотя бы на время концертов. Она уверяла, что своего мужа-алкоголика приводила в чувства только с помощью таблеток и инъекций. Решили попробовать. Сделали один укол — помогло. Потом — второй, третий... Запой нет, похмелья нет. Володя работает. Все вроде замечательно. Оставалось побороть только стресс и адскую усталость. Постепенно он стал принимать наркотики, только чтобы расслабиться, снять напряжение... Но потом состояние эйфории сменялось глубокой депрессией и немощностью... Володя осознавал, что превратился в раба «искусственного рая»... И это его убивало уже морально. Он сам мечтал избавиться от наркотического плена. И... безумно боялся за меня. Однажды он сказал: «Если я узнаю, что ты попробовала эту дрянь, я убью тебя собственными руками...»³

Оксана рано стала самостоятельной, после смерти мамы и самоубийства отца, разменяла родительскую квартиру, жила одна. Училась в текстильном и подрабатывала пошивом платьев для знакомых модниц. Родная тетка, работавшая стоматологом, обслуживала актеров Таганки и помогала с дефицитными билетами. Заядлая театралка, Оксана познакомилась с Высоцким в кабинете администратора театра.

Владимир Семенович тут же взял телефончик, предложил встретиться. Девочка не только самостоятельная, но и самолюбивая, Оксана долго сомневалась, идти ли ей на свидание. Ее сомнения возмутили подружку: «Ты что?! Да все бабы Советского Союза просто мечтают оказаться на твоём месте!» Я мысленно представила бесчисленное количество этих женщин — и пошла... С первой минуты разговора у каждого из нас было ощущение, что встретился родной человек. У нас было очень много общего во вкусах, привычках, характерах. Иногда казалось, что мы и раньше были знакомы, потом на какое-то время расстались и вот опять встретились... Володя даже вспомнил, что бывал у моих родителей дома и знал мою маму...»⁴

И на следующий же день она рассталась со своим мальчиком — потенциальным женихом Женей. Ее покорила колоссальная энергетика Высоцкого, умение подчинить своему обаянию любую аудиторию — будь то один или два человека, или десятитысячный зал какого-нибудь Дворца спорта. Оксана откровенно признает, что «была безумно влюблена... такое ощущение, что жизнь была заполнена только им... Мне было достаточно, что мы вместе. И хотя, конечно, были и чувства, и накал, и страсть, о том,

что он меня любит, он мне сказал только через год. И для меня это стало сильнейшим потрясением, моментом абсолютного счастья...»⁵

Валерий Янклович утверждает, что «последние годы Володя очень серьезно относился к этой девушке. Хотя меня тогда она немного раздражала... Но я видел Володино отношение: он принимал участие в ее жизни, вникал в ее студенческие дела... Конечно, она сыграла в жизни Высоцкого определенную роль...»⁶

Бывший киносценарист и одновременно филер спецслужб (как первое, так и второе вызывает сомнения. – Ю.С.) Вадим Горский в своих странных, мягко говоря, записках «Луи Армстронг еврейского разлива»⁷ цитирует якобы монолог Высоцкого: «Особенно боюсь – это, если я сдохну – за... Ксюху. Я же ей и отец, и любовник, и ангел-хранитель... Мне нужно как можно дольше продержаться под своим крылом Ксюху. Это моя обязанность... Эта любовь, скажем, «опасная», скажем, даже... «роковая»... просто какая-то хворь из Гонконга. Она подтачивает мои силы, и я даже не пытаюсь сопротивляться. Эта любовь, как говорят, мне противопоказана. Но мы продолжаем любить тайком, воровски, блуждать в извилинах нашего чувства, болеть собой, болеть любовью, иногда даже не бывшей нашей любовью, а чьей-то чужой, только проявлявшей себя в нас. И если эта любовь будет продолжаться, какая бы она ни была – искренняя и реальная или лживая, покаленная и грешная, – мы оба свихнемся. И от правды, и от кривды... Только при одном условии любовь может быть вечной – когда хотя бы один из любящих обладает такой силой воображения и ума, которые способны оживить и придать красок вакууму. Такой

любви не нужны свидетели, она питается собственными соками...»

Я не склонен безусловно доверять столь выпендренным словам, автором которых Горский выдает Владимира Семеновича Высоцкого. Даже поэт и служитель Мельпомены в быту избегает подобного «высоцкого штиля» – порой на сцене он от этого устает. Но, тем не менее, как мне кажется, подобные идеи Высоцкого все же посещали.

Владимир Семенович возил Оксану с собой по всей стране – в Тбилиси, Минск, Питер, Среднюю Азию... Она откачивала его в Бухаре, когда 25 июля 1979 года у Высоцкого приключилась клиническая смерть: «Я ему дышала, а Толя Федотов делал массаж сердца...» Потом она вспоминала: «Когда Володя пришел в сознание, первое, что он сказал, было: «Я люблю тебя». Я чувствовала себя самой счастливой женщиной в мире! Это было для меня очень важно. Володя никогда не бросался такими словами и говорил далеко не каждой женщине, которая была в его жизни...»⁸

Отовсюду он привозил ей подарки. Нэлли Белаковски (в девичестве Бродская), московская знакомая, живущая в Германии, вспоминает: «Я думаю, что у Володи в Союзе была подруга – девушка очень миниатюрного размера. Говорили, что это какая-то актриса театра «Современник»... Не знаю, Володя своих тайн не открывал, потому что, я думаю, Марине это было бы неприятно. Он покупал этой девушке пальто, дубленку, еще какие-то вещи, советовался со мной. Но все это было очень маленького размера...»⁹

Оксана это подтверждает, говоря, что за два дня он накопил два чемодана шмоток. При знакомстве

подруги представляли ее так: «Знакомьтесь, это Оксана, у нее восемнадцать пар сапог». Она заказывала ему привезти из очередного заграничного вояжа то наперстки (и он накопил их штук 500), то шелковые нитки морковного цвета № 8 и так далее.

Но самым главным его приобретением стали обручальные кольца, потому что у него возникла идея фикс — непременно обвенчаться. Они объездили половину московских церквей — и везде получали отказ. Оказывается, для венчания была необходима регистрация в загсе. Однако Высоцкий все же отыскал батюшку, который согласился совершить обряд, но...

Неужто таким роковым образом действовала на Высоцкого разыгранная им на пару с Ией Саввиной сцена венчания в фильме «Служили два товарища»? Помните лихорадочный диалог в церкви: «— Что вам угодно? — Нам угодно обвенчаться!.. — Как вы сказали? — Обвенчаться. И давайте, батюшка, поскорее... Делайте, что вам говорят, батюшка, а то ведь вас я пристрелю. В Божьем храме... Мы тут торгуемся, а там последние пароходы отчаливают! Я должен поспеть, ясно вам?..»

И Владимир Семенович решил сыграть подобный эпизод в реальной жизни?.. Или просто в роли Брусенцова он и впрямь играл самого себя? Или это была его, когда-то раньше прожитая жизнь?..

Легендарная женщина Элеонора Васильевна Костинецкая, дружбы с которой добивались богатейшие люди Москвы (она работала администратором знаменитого арбатского магазина «Самоцветы»), многое и многих в своей жизни видела — и богему, и нары. Вспоминает, как Высоцкий явился к ней дней за десять до смерти: «Накануне он позвонил: «Элеонора Васильевна, я могу завтра прийти?» Интересно,

что он решил явиться в субботу, когда директор и его зам были выходными. А ведь с нашим заместителем главного, Ольгой Борисовной, он был в дружеских отношениях. Из этого я заключила, что он хотел как можно меньше привлечь внимания к своему визиту.

Пришел Высоцкий в сопровождении молоденькой девочки лет 18—19. Помню, она была одета в розовый костюм. И, глядя на нее, я тогда почувствовала жгучую ревность! Не женскую, нет. Просто для меня Высоцкий был таким драгоценным камнем, к которому не надо было прикасаться. Выглядел он не очень... Я еще его спросила: «Володя, у вас, наверное, был вчера веселый вечер. Не желаете ли рюмочку коньячку?» Но его спутница твердо сказала, что, если он выпьет, она с ним никуда не поедет. Тогда я принесла бутылку минералки, которую Высоцкий и выпил. После чего сказал: «Мне нужно купить обручальные кольца для одного приятеля и его невесты». Я поинтересовалась размерами. «Точно не знаю, — сказал Владимир Семенович. — Но примерно как на меня и вот на нее...»

Я промолчала, лишь многозначительно посмотрела на него и позвонила в секцию, попросив принести лотки с обручальными кольцами. По моему совету он выбрал обычные тоненькие колечки, без всяких наворотов. После чего пригласил меня на концерт: «Я вам позже сообщу, где он состоится, — сказал Володя. — Но обещаю, что это будет лучшее выступление в моей жизни!»¹⁰

Костинецкая поведала, что видела эту девушку на похоронах Высоцкого: «Она сидела в партере, а вокруг нее было как бы выжженное пространство — никто поблизости не сидел... Уже много позже, когда я вернулась из тюрьмы, мой сын показал мне в журна-

ле интервью с женой Леонида Ярмольника Оксаной, которая рассказывала, что Высоцкий предлагал ей выйти за него замуж. Вот тогда-то все и встало на свои места — я поняла, кто была та девочка в розовом...»¹¹

«Я б для тебя украл весь небосвод...» — когда-то пел Высоцкий. А теперь старался наяву творить для нее маленькие чудеса. Выстирал цветочный ковер из любимых Оксаной ландышей во всю комнату. Потом вдруг взял да нанял бригаду рабочих, чтобы они заасфальтировали ухабы возле ее дома на улице Яблочкиной...

Они не слишком-то скрывали свои отношения. Ее подружки знали, с кем у Оксаны роман, он часто заезжал за ней в институт. Он ввел ее в свой ближний круг, сложившийся в последние годы. Об Оксане знала Нина Максимовна. Она была представлена Севе Абдулову, Ивану Бортнику, Кириллу Ласкари. Познакомилась с Бабеком Серушем. Как-то в разговоре с Ксюшей Владимир Семенович обмолвился: «Ты понравилась Вадиму (Туманову. — Ю.С.). И вообще, тебя «приняли», что бывает очень редко...»

Но то были люди, которые не определяли атмосферу дома Высоцкого. А вот те, которые имели «постоянную прописку» на Малой Грузинской, ее раздражали. Она мчалась к Владимиру Семеновичу, когда он был в плохом состоянии, выходил встречать ее, мог упасть в коридоре. А друзья хохотали: «Да ладно, он прекрасно себя чувствует! Это он при тебе начинает «понты гнать», чтобы ты его пожалела...»

Ревновала ли она его к поклонницам? Конечно. Оксана не отрицает: «Да, Володя любил женщин. Никогда не пропускал ни одну красотку, всегда акцентировал на таких внимание... Но при этом он не

был неразборчивым... Володя никогда не был героем гуляющей богемы. Он тонул в море проблем и дел. Концерты, гастроли, кино, театр, друзья, мама, отец, первая жена, дети, Марина Влади, наконец. Ему практически не хватало времени и сил на самого себя. Те редкие свободные минуты, которые удавалось «украсть» для покоя и отдыха, мы проводили вместе...»¹²

Человек рискованный и отчаянный, Высоцкий мог неожиданно возникнуть в полутьме зрительного зала во время спектакля, даже зная, что в театре в этот момент присутствует Марина, и тронуть Ксюшу за плечо или дернуть за юбку: «Привет!», при этом успев шепнуть ошеломленным зрителям: «Тихо, тихо, все в порядке, так надо, тихо...» «Когда Влади не было, — вспоминал Володарский о визитах Высоцкого на злополучную дачу, — привозил с собой Ксюху...»

Знала ли о существовании Оксаны в жизни Владимира сама Марина Влади? Тут мнения мемуаристов расходятся. Одни считают, что догадывалась, другие утверждают, что точно знала, третьи — категорически опровергают это знание и догадки. Тот же Володарский уверенно говорил, что Марине доброхоты рассказали-таки об Оксане¹³. Униженная этим знанием, она якобы начала обвинять покойного мужа, что он женился на ней только затем, чтобы ездить за границу. А когда Володарский попытался возражать, взвилась: «Если бы он от меня ушел, то смог бы куда-нибудь выехать? Никогда!..»¹⁴ Фотохудожник Валерий Нисанов говорил, что Марина возмущалась по поводу существования Ксюши¹⁵.

Как утверждает В. Горский, Высоцкий признавался ему: «Последнее время меня так и подмывает легализовать нашу тайную любовь, чтобы спровоци-

ровать Марину. Я чувствую себя вроде тех ребят, которые, сознавая свои поступки, не могут успокоиться, пока не будут наказаны... Ее — суку! — даже и сейчас люблю, но, конечно, не так, как Ксюху. Правда, было бы несправедливо не признать, что Марина все-таки баба красивая, умная и добрая... примитивной добротой, но характер — просто катастрофа!.. Она меня затерроризировала слепой, животной ревностью созревшей самки — хотя сама не промах. Частнособственнические замашки у нее проявляются буквально во всем: в единовластии, в навязывании своей точки зрения, в стремлении овладеть моим сознанием, изгнать из него все остальные образы, захватить, заполнить его целиком. Подумай только — на что баба ум свой тратит!.. Ей не удастся изгнать образ Ксюхи из моего сознания. На свете есть кое-что еще, внутренний мой мир гораздо шире, чем единственное предложенное мне мерило, поэтому, естественно, ни со мной, ни с другими ее мужьями у нее не могло продолжаться долго. К несчастью, от этого недуга ее не излечил даже возраст... Марина не способна принять истину, ее не устраивающую... Она имеет талант ставить их с ног на голову... Свои поражения постоянно приписывает другим, она не ошибалась, она не проигрывала, а только другие...»¹⁶

Оксана долгие годы молчала о своих отношениях с Высоцким. Несколько лет назад заговорила: «Всем своим существом я чувствовала, что стоит мне всего лишь час провести в обществе Высоцкого, и больше никто не нужен. Каждую минуту я настолько была готова отдать Володе всю себя, что ни времени, ни капризного желания встречаться еще с кем-то у меня не было, да и быть не могло... Володя же был энцик-

лопедией! Безумно интересный человек. Думаю, ему со мной тоже было что обсудить...»¹⁷

Оксана постоянно сопровождала Высоцкого в его последние дни. Иван Бортник рассказывал: «Накануне он приехал ко мне со своей Оксаной... В каком-то вельветовом костюме, такой весь из себя. Только заходит: «Выпить нечего? А-а-а, есть!» — увидел все-таки бутылку, которую я спрятал под стол. Выпили. «Поехали ко мне», — говорит... Взяли мы таксюгу, приехали к нему — там уже Оксана... В общем, остался я у него. Утром, понятное дело: «Давай похмелимся». Я сходил в магазин, принес две бутылки. Оксана кричала. Ну, она уже себя Мариной Влади почувствовала, разбила одну бутылку...»¹⁸

Как сложилась ее дальнейшая судьба? После июльского потрясения 1980-го года Оксана взяла академический отпуск на своем факультете прикладного искусства. Потом, в конце концов, закончила институт, вышла замуж, скоренько развелась. А чуть позднее, где-то в году 1982-м, первого мая, в одной развеселой компании она случайно встретилась с бывшим актером Таганки Леонидом Ярмольником, с которым была давно знакома. На следующий день поженились.

«С Ксюшей мы... познакомились в театре, — деликатно рассказывал Леонид Ярмольник. — Помню, она выкупала какую-то бронь, когда я ее увидел в первый раз... Подойти не мог в силу ряда причин... И в мыслях не было... А потом я увидел ее через полтора года... После смерти Володи Ксюша продолжала поддерживать отношения с театром, ходила на спектакли. Она любила театр. Он был частью ее жизни с эмоциональной точки зрения...»¹⁹

Ярмольник, слава богу, ничуть не комплексует по поводу давнишних взаимоотношений своей жены с легендарным поэтом. «Об отношениях Ксюши с Высоцким мне рассказали потом. Да, два последних года жизни Владимира Семеновича Ксюша была тем существом, которое давало ему возможность жить, ощущать себя. Я и сегодня это говорю с опаской, потому что очень уважаю и люблю Марину Влади. Но так бывает в жизни. Никак не умаляю достоинств Марины и уверен, что у Высоцкого переплеталось чувство уважения и любви к Марине Влади и совершенно новая часть жизни, связанная с Ксюшей... Меня радует то, что мы сошлись с Владимиром Семеновичем во вкусах. Конечно, никогда в жизни не позволю себе проводить параллели в плане нашего сходства как актеров, да и сходства никакого и нет. Но Ксюша нас очень роднит. Значит, у нас чувство прекрасного совпадает...»²⁰ Отвечая досужей корреспондентке на вопрос «Что вам нравится в женщинах?», Ярмольник цитирует Владимира Семеновича: «На этот вопрос надо отвечать небольшой брошюрой, тогда, возможно, ответишь...»²¹

У Ярмольников родилась дочь. Ксения начала работать художником по костюмам в Союзгосцирке, шила костюмы для фигуристов. Сотрудничает со многими московскими театрами — МХАТом, «Современником», «Табакеркой», на Малой Бронной. Влюблена в свою работу (профессия «кутюрье» — фамильная. Еще ее прадед — Илья Ильич Шнейдер — считался одним из лучших дамских портных Москвы и его ателье в Камергерском переулке рядом со МХАТом знали все столичные модницы).

В общем, наверное, счастлива. Носит известную фамилию Ярмольник. «Ради тебя я готова на

все — и в огонь, и в воду, и на стриптиз... Ты самое дорогое, что есть в моей жизни...», — так говорит Ксения-Оксана, адресуя свои слова Леониду Исааковичу²². По мнению Эдуарда Володарского, «Ксюша... с годами только расцвела, стала роскошной женщиной...»²³ По признанию самой Ксении (так ее именуют ныне): «...Ощущение, что Володя многое в моей судьбе предопределил, осталось...»²⁴

И напоследок. В новелле о Марине Влади уже упоминалось о фантастическом даре предвидения, которым как бы был наделен Владимир Семенович Высоцкий. Разгребая то самое «хитросплетения судеб», натолкнулся еще на некоторые странные совпадения. Первое: Ярмольник, работая в Театре на Таганке, неоднократно подменял Высоцкого в роли Керенского в «Десяти днях...». Второе: в конце 60-х кинорежиссер Алексей Герман собирался ставить фильм по сценарию братьев Стругацких «Трудно быть богом». В главной роли Руматы Герман видел Высоцкого. Тогда, в силу обстоятельств, «чехословацких событий», как поясняет режиссер, «кислород был перекрыт». Через три десятилетия Герман вернулся к своему давнему проекту. На роль Руматы режиссер-постановщик пригласил ныне... Леонида Ярмольника.

Тесен мир.

В начале юбилейного года — 65-летия Высоцкого — «Комсомольская правда» опубликовала анкету для читателей, один из вопросов которой был таким: «Если бы он развелся с Мариной Влади, то кто стал бы его четвертой женой?» В день рождения поэта газета подвела итоги опроса: «а) Оксана, последняя любовь, ныне супруга Леонида Ярмольника — 68 процентов, б) Алла Пугачева — 14 процентов, в) Мадонна — 18 процентов»²⁵.

«Я вышел ростом и лицом...»

Был ли Высоцкий безудержным бабником, ловеласом, ловким дамским угодником?.. По-моему, нет. Он не был создан угождать. *Завоевывать – да!* Даже во время публичных выступлений мог «закадрить» приглянувшуюся: «Девушка, а зачем вы ко мне спиной повернулись? Мне жалко, все время сидите спиной. Повернитесь ко мне, я хочу вас видеть лучше, в фас...» Порой Высоцкому пеняли, что у него, дескать, маловато лирических песен. Он с этим с искренней улыбкой не соглашался. И правильно делал – любви и женщинам он посвятил множество произведений.

Руководствовался при этом принципом: «Пишите больше о любви, но меньше плюйте на любимых...» Несколько странноватые строки, не так ли? А родились они одним августовским днем, о котором много позже рассказал петрозаводский журналист Виктор Дергилев. Как-то в начале 1970-х годов ему довелось быть в гостях в доме сестры Есенина Екатерины Александровны и ее дочери Наташи во Вспольном переулке. Дергилев увлекался в ту пору сочинительством, при этом стремясь подражать своему любимому Сергею Есенину. В тот день «есенинцу» хозяйка дома предложила почитать что-нибудь новенькое. Молодой человек с горечью в голосе и на челе прочел о своей неудачной любви:

«Мне плевать на твою красоту.
Что мне эти пустые чары?!
...Потому я плевал на тебя,
Что и ты на меня плевала...»

Все рассмеялись, а Высоцкий даже захолопал. При расставании он крепко пожал Дергилеву руку и в шутку сымпровизировал: «Пишите больше о любви, но меньше плюйте на любимых!»¹

Еще раз повторю: на мой взгляд, несмотря на все свои многочисленные увлечения, Высоцкий не был исключительным бабником. Ради друга, ради мужской компании он мог отодвинуть на время затеянную было интрижку. Вот его строки тому в подтверждение:

«Не начну сегодня нового романа.
Плюнь в лицо от злости – только вытрусь я.
У меня не каждый день из Магадана
Приезжают мои лучшие друзья...»

Я никак не могу согласиться с известным литературоведом, исследователем творчества поэта Владимиром Новиковым, который категорично заявил: «Высоцкий никого не любил! Это, кстати, одно из подтверждений его гениальности. Гений никогда не ставит любовь на первый план в своей жизни. Любовь в песнях Высоцкого всегда иронична, всегда с подковыркой... Как говорится, любовь к женщине, земной, единственной, – это не его конек... Высоцкий – поэт мужской... Он человек, диаметрально противоположный мне, предпочитающий мужскую компанию женскому обществу. Русская любовная лирика богата, и вовсе не обязательно требовать от Высоцкого нового вклада в нее»². Автор книги серии ЖЗЛ «Высоцкий» невольно подставляется: может, Высоцкий-то и предпочитал мужскую компанию, а вот отдавали ли предпочтение женщины «диаметрально противоположному» Новикову – большой вопрос...

И еще одно хотелось бы узнать у уважаемого Владимира Ивановича. Как выше им приведенное относительно любовной лирики Высоцкого согласуется с его же тезисом, высказанным в книге «Владимир Высоцкий. Жизнь и творчество»³. «В мире Высоцкого только любовь делает человека личностью... Любовная лирика исследовалась Высоцким с присущим ему аналитизмом и творческим остроумием... В своей любовной этике Высоцкий удивительно старомоден. Женщина для него – предмет поклонения и ответственной заботы...»?

Или, может быть, я «чего-то там не понял, а она обиделась, ушла...»?..

Каждая женщина, естественно, по-своему видит и чисто внешне или, если хотите, физически, воспринимает одного и того же мужчину.

Марина Влади, например, считала так: «У него был такой шарм и такая сила на публику, он так держал свою публику, даже в колоссальных залах, где он стоял один, тоненький, маленький человечек. Ведь он был, в общем, довольно скромный человек, в смысле фигуры. Он был, если его встретить на улице, ну, как обыкновенный, любой... А на сцене вдруг сразу же становился гигантом...»⁴

«Он... был маленького роста, худенький. С пронзительными глазами. Он начал говорить, и я поразилась, насколько голос может выдавать такое сильное мужское начало...» (Валентина Новицкая, преподаватель Томского вуза). «Невысокого роста, щупленький такой...» (Вера Серафимович, сотрудница «БелНИИгипросельстрой»). По мнению **Елены Садовниковой**, «сложен Володя был просто изумительно. Как врач, я многих людей перевидала, но такого ладного, красивого, сильного тела не было

ни у кого. Лицо – дело вкуса. Лично мне оно нравилось. Мужественное лицо... С точки зрения психологии, он вообще уникальная личность. И лицо его в этом смысле лучше всякого зеркала отражало малейшие изменения в его состоянии: от тихой, светящейся радости, что, впрочем, бывало, нечасто, до тяжелейшей депрессии, когда жить ему становилось невозможно...»⁵

У **Аллы Демидовой**, родившейся, по ее признанию, с «сорокалетней душой», изначально был обоюдоострый взгляд, как у хирурга: «Высоцкий, как никто, умел удивляться, и в результате неожиданная, открытая, осветляющая все лицо улыбка, с чуть выдвинутой вперед нижней челюстью и кривоватыми зубами, которые нисколько не портили его лицо, а лишь подчеркивали индивидуальность...»⁶ «Остановить его было все равно, что пытаться удержать на взлете реактивный лайнер...»⁷

Алла Сергеевна всегда отличалась повышенным вниманием к визуальным деталям. Вот как она описывала своего партнера в телепередаче Эльдара Рязанова: «Он пришел к нам в потертом пиджаке с потертыми рукавами, который долго носил потом. И помню, на какой-то первый гонорар он купил себе коричневую куртку с меховыми вставками, синтетическими, и был так горд этим, и все время ходил к зеркалу, и все время смотрел на себя... У него было... какое-то обостренное отношение к костюмам. Вот я, например, его потом, после этого твидового пиджака, ни разу не видела в пиджаке. Он носил всегда свитера... у него была любимая красная такая тенниска шелковая, которая обтягивала его намечающиеся бицепсы, грудь широкую. Эту он долго носил, ее очень любил. И после джинсов носил аккуратные

такие, очень ладные брюки английские. И обувь всегда была очень ладная, вычищенная, с хорошей подошвой. Эстетически это любил... Один раз он на каком-то нашем очередном юбилее неожиданно пришел в прекрасном синем блейзере, с золотыми пуговицами. Все застонали от неожиданности и восторга. Но он на это и рассчитывал. Потом я... его ни разу не видела в этом блейзере...»⁸ Она же говорила, что в одежде он любил оттенки коричневого, с лица постепенно исчезала одутловатость — и оно приобретало характерные черты — с волевым подбородком, чуть выдвинутым вперед...»⁹

Вот первое, чисто бытовое, впечатление жены Вадима Ивановича Туманова Риммы Васильевны: «...Звонок в дверь... Смотрю — стоит. Он же небольшого роста... А улыбка-то до ушей! Но рожа-то симпатичнейшая! Пошутила: «Господи, такой малой, а уже ВЫСОЦКИЙ!» Он смотрит. Потом — на тебе, с порога: «Римм! Я так жрать хочу!» Он это так сказал, что я растаяла вконец и от меня вообще ничего не осталось...»¹⁰

Виктория Гора (Высоцкий неизменно ласково называл ее «Виточка»), которая одно время занималась организацией его концертов, была довольно внимательной женщиной и показательно такое ее наблюдение: «...Володя не переносил конкуренции мужской в присутствии женщины...»

«Что меня поразило — его пронзительный взгляд, открытый, что вообще редкость, и мощный, как у Гамлета в сценах с Гертрудой, «глаза зрачками в душу» (Вера Юрьевна Савина, сотрудница Белорусского ТВ)¹¹. Вере, кстати, добродушная Алла Сергеевна Демидова советовала: «Не вздумайте влюбиться в него. Он такой человек, что может сделать больно».

В. Савина в своих воспоминаниях говорит так: «Он мог быть одним в отношениях с мужчинами и совершенно другим — с женщинами. Я чувствовала его внимательность, элегантность и даже галантность. Его нельзя было назвать джентльменом... Для русских мужчин это, скажем так, неестественное состояние... Высоцкий был резким. Нравится — не нравится, буду — не буду. И он не признавал многих условностей... После многих встреч и дней общения с ним мне так и хочется сказать некоторым слишком дотошным ревнителям морали — да совершенно неважно, как и с кем он пил, когда и с кем он трахался, не это главное для поэта...»¹²

«...даже сейчас... я слышу его хриловатый, но красивый и дорогой голос, — вспоминает **Лидия Александровна Вакуловская**, автор сценария белорусского же фильма «Саша-Сашенька». Кругом все аплодировали, а он улыбался и снова повторял «дубль»... Его очень уважали и любили в нашей съемочной группе. Но были и те, кто хотел запретить Высоцкого»¹³. Администратору из Ярославской филармонии **Алле Кузнецовой** Владимир Семенович показался «Очень простым. Общительный, спокойный, улыбчивый... красивая у него улыбка была... Свой, что называется. Говорил негромко. А взгляд какой замечательный у него — добрый, открытый. Вообще, удивительные у него глаза были. Как будто в них весь мир помещается, вся планета, весь глобус. И Ярославль в том числе. Я еще сказала ему об этом. Точно, ответил, весь «шарик» хочу посмотреть...»¹⁴

А вот для жены Олега Даля Елизаветы Высоцкий «был таким человеком... громким»¹⁵. Она полагала, что для нее и Олега это чересчур.

Наталью Анатольевну Крымову, тонко чувствующую людей, очень давно занимал образ Владимира Семеновича не только как актера: «Смотришь на него и видишь: он тот, в котором все женщины всегда видят защитника, всегда ждут, как опору, и всегда, во все времена верят, что такая опора должна существовать...» Тогда же она замечательно сказала: «Когда... играл и пел Высоцкий, мы видели, как голос стремился разорвать телесную оболочку. Тогда шея человека почти становилась подобием фантастического, почти уродливого органа, трубы которого перекручены, как бывает искорежен огнем металл. Или переплетены, как в мощной лесной коряге. Вблизи это зрелище было почти страшным. А издали, из последних рядов зрительного зала, оно казалось вообще нереальным: какой-то невесомый комочек тела, быстрая, легкая, даже звериная легкость поступи и вместе с тем устрашающая сила звука...»

Ей чуть ли не в унисон вторила дочь кинорежиссера Юнгвальд-Хилькевича Наталья: «Он пел, а я смотрела на его шею. Синие жилы надувались с каждым куплетом все больше. Помню, я боялась: аорта лопнет и хлынет кровь. Слова «аорта» я, конечно, еще не знала. Но мне было ужасно жалко этого человека. Внутри него что-то билось, kloкотало, рвалось наружу...»¹⁶

Так уж случилось, что последняя, посмертная публикация Крымовой была также о Высоцком. Она писала: «Голос был — яростной силы. Никакой благодности и в намеке не было... Голос особый — редкий по музыкальному диапазону (на две октавы!), он песню обрабатывал, как наждак, то крупнозернистый, то мельчайший, которым пользуются, может быть, ювелиры...»¹⁷

Ларисе Лужиной казалось, что «до Франции он был крепыш... Когда... стал жить в Париже, на нем появился другой отпечаток, он сделался сублильным. Из невысокого, но могучего русского парня как бы ушла сила. Такой французик... Я встречала его потом... в джинсовом костюмчике, худенький, маленький...»¹⁸ Ну о причинах неприязни Лужиной к Франции, и, в частности, к одной белокурой парижанке, выше уже говорилось...

«Стоило ему начать говорить, — рассказывала актриса **Ольга Лысенко**, — как он становилось центром любой компании. У него была такая завораживающая складность речи и мощнейшая энергетика. Он мог часами рассказывать истории о разных смешных случаях и делиться своими впечатлениями о странах и людях...»¹⁹

Это о добром. Но было и иное. Наталья Юнгвальд-Хилькевич своими глазами видела: «Заглянула в кухню: Высоцкий сидел с закрытыми глазами, качаясь вперед и назад, как маятник, и стонал. Я ощутила тягостное ощущение сосущей тоски, близкое к тому, что переживает человек в зрелом возрасте, когда осознает, что время — это физическая величина, а жизнь — конечна...»²⁰

«В меня влюблялась вся улица...»

Какая россыпь различных женских имен присутствует в произведениях Высоцкого! Я не говорю о «лапе», о «Маринке»... Но тут присутствовали и «Нинка с Ордынки», и «Тома, 72-я», и «Надюха», и «Норочка»

айсорочка», и «Зина с шапочками для зим», и некая «Вера Павловна», и «Жилина Светка», и «Солина Мариночка», и «Ксения», и «Катерина-Катя-Катерина», и «Таня», и «Тата», и «Аграфена», и «Марьюшка», и «Верка», и «сестричка Клава», и «Машка — вредная натура», и «Ирина», и «Людмила», и «Роза-гимназистка», и «Ривочка, у которой Абрашка Фукс пасется», и «Настенька», и «Маруся, Роза, Рая», и «Валя», и так далее...

Как сейчас выяснилось, у «Нинки с Ордынки» был реальный прототип — жена известного в 60-е годы киноактера Владимира Трещалова, знакомого Высоцкого по картинам «Увольнение на берег», «Штрафной удар» и другим. Звали ее Нина Воробьева, работала она приемщицей в одном из домов быта. Как рассказывал все тот же Игорь Пушкарев, «отношения у Володи Трещалова и Нины Воробьевой развивались точно, как в песне. Мы говорили ему: «Постой, чудак, у нас компания, пойдем в кабак, зальем желание». А он отвечал нам в тон: «Сегодня вы меня не пачкайте, сегодня пьянка мне до лампочки». У Нины был замечательный характер...»¹

Как водится, после смерти кумира возникает суэта вокруг гроба, и, кроме появления великого множества друзей, возникает из небытия не меньшее количество неизвестных ранее родственников и внебрачных детей. Как пишет московская журналистка М. Подъяблонская, «детей у Высоцкого больше, чем у лейтенанта Шмидта». Словом, «на мои похорона съехались вампиры...»²

Некий курьезный житель местного городка Качуга Леонид Петрович Высоцкий, оказывается, еще при жизни поэта сообщал землякам, что у них с Вла-

димиром Семеновичем единоутробная мать — Нина Максимовна, и, как свидетельствуют его соседи с тамошней улицы Береговой, частенько собирался в Москву, «к брату». Но дальше Иркутска почему-то ни разу так и не доехал. А сейчас, сообщает корреспондент ИГТРК О. Куклина, тем более, с подлинным сибирским размахом повествует всем желающим о некоторых «подробностях» своего родства с Высоцким. Тем и кормится³. Марина Владимировна Влади считала, что Л.В. Абрамова пыталась привязать к себе Высоцкого детьми: «Рождение двух сыновей, навязанное хитростями твоей жены, которая сообщала тебе об этом лишь тогда, когда было поздно что-то предпринимать, привело тебя в отчаяние... Семья твоей бывшей жены долгие годы внушала тебе, что нервная болезнь, которой тогда страдал твой старший сын, есть следствие твоего алкоголизма. Но даже когда выяснилось, что это не так, тебе не удалось уговорить меня. Достаточно было нас двоих, чтобы тащить на себе проблемы нашей семьи...»⁴

Никита Владимирович Высоцкий, по всей вероятности, уже свыкся с перманентным появлением «братишек» и «сестренок». Смеясь, он говорил о том периоде, когда в прессе размножались их «сводные братья»: «Их было много! Они приходили, рассказывали, как их ...теряли. Один даже требовал эксгумации тела отца. И поместил в газете обращение к гражданам с просьбой помочь — собрать деньги, чтобы провести экспертизу по установлению отцовства...»⁵ Что касается дочери отца от Иваненко, он высказался сдержанно: «Эта тема очень деликатная...»⁶ Через пять лет заметил: «Настя и ее мама не предъявляли претензий на родство, и, что для меня существенно, Владимир Семенович говорил обрат-

ное. Вся эта история... характеризует ее героев с хорошей стороны...»⁷ В отношении других наследников он же философски замечал: «За последние 10 лет таких мальчиков и девочек объявилось около тридцати. Половина — больные люди. Тем не менее я допускаю мысль, что среди них могут быть настоящие дети Высоцкого. Ну и что?»⁸

В самом деле, ну и что?..

Мудрецы полагают, что все, что бы мы ни делали, — мы делаем во имя любви: учимся, завоевываем материки и страны, творим, совершаем великие открытия.

Потенциальные критики данных заметок, вероятно, упрекнул автора за чрезмерно многословное цитирование воспоминаний современников о жизни тех или иных героинь, встретившихся Высоцкому на его «на жизненном пути». Увы, но мужчины так или иначе вынуждены принимать женщин в настоящем, учитывая «длиннящий хвост твоих коротких связей», тянущийся за ними из их прошлого, в какой-то степени предопределяя ее будущее. Потому-то и образовалось такое множество, на первый взгляд, лишних мини-зарисовок и деталей о «девочках-девульнях», оставивших в сердце Высоцкого «загогуленки» на память. Без этих деталей биография самого Владимира Семеновича была бы, на мой взгляд, неполной и блеклой.

Я заочно влюблен во всех вышеперечисленных женщин Высоцкого. И в не перечисленных — тоже.

Приложения

Именной указатель

Абрамова Людмила Владимировна – окончила ВГИК (1963, мастерская М.И. Ромма). Жена и мать сыночек Владимира Высоцкого. Снималась в фильмах: «713-й просит посадку» (1962), «Восточный коридор» (1968). Ныне работает в ГКЦМ В.С. Высоцкого.

Авалдуева Елизавета Иннокентьевна – бывшая заведующая отделом кадров Т-ра на Таганке.

Алешникова Лилия (Лилиана) Лазаревна – Засл. арт. РСФСР (1989). Родилась в Москве. Окончила театр. училище им. Б.В. Шукина (1958). В 1958–1959 – актриса Моск. т-ра им. А.С. Пушкина. В кино дебютировала в фильме «Они были первыми» (1956). Сыграла главные роли в фильмах «Это началось так...» (1956), «Город зажигает огни» (1958) и «Солнце светит всем» (1959), «Взрослые дети» (1961) и др. В настоящее время в кино не снимается.

Алимова Матлюба Фархатовна – родилась в Андижане. Окончила актер. факультет ВГИКа (1978, мастерская А.В. Баталова). С 1978 – актриса киностудии «Узбекфильм». Роли в кино: «Маленькие трагедии» (ТВ, 1979), «Цыган» (ТВ, 1979), «Василий Буслаев» (ТВ, 1982), «Возвращение Будулая» (ТВ, 1985) и др. В последнее время в кино не снимается. Занимается реставрацией бухарских и шахрисабских вышивок.

Аннапольская Светлана И. – режиссер т-ра и телевидения, работала в Т-ре им. А.С. Пушкина, на ЦТ (программы «Голубой огонек», «Песня года», «Утренняя почта» и др.). Лауреат Гос. премии СССР (1977).

Аросева Ольга Александровна – Нар. арт. РСФСР (1985). Родилась в Москве в семье революционера и дипломата, детство провела за границей. Окончила Моск. гор. театр. училище. С 1946 года – актриса Ленингр. т-ра комедии, с 1950 – т-ра са-

тиры в Москве, в 1969–1971 – Драм. т-ра на Малой Бронной. Роли в кино: «Аннушка» (1959), «Берегись автомобиля» (1966), «Интервенция» (1968), «Старики-разбойники» (1971), «Трембита» (1968) и др. В 1970-х годах постоянная участница телепередачи «Кабачок 13 стульев». В соавторстве с В. Максимова написана книга «Без грима» (1998). Лауреат приза «Серебряная маска» (1976). Лауреат Гос. премии РСФСР им. К.С. Станиславского (1977). Награждена орденами Почета (1995) и «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2000).

Ахмадулина Белла (Изабелла) Ахатовна – поэт. Родилась в Москве. Окончила Моск. литературный ин-т им. А.М. Горького. Первые стихи появились в журнале «Октябрь» в 1955 году. В 1989 году присуждена Гос. премия СССР. Почетный член американской Академии искусств.

Ахматова (Горенко) Анна Андреевна (1889–1966) – русский поэт, автор книг «Вечер», «Четки», «Белая стая», «Анно Domini», «Бег времени» и др.

Бган Ольга – Работала в Т-ре им. К.С. Станиславского, снималась в фильмах: За витриной универмага (1955), Человек родился (1956), Рожденные бурей (1957), Король Бубен (1958). Умерла в 1978 году в Москве.

Белохостикова Наталья Николаевна – Нар. арт. России (1984). Родилась в Москве. С 1976 года – в Т-ре-студии киноактера. Снималась в фильмах: «У озера» (1969), «Легенда о Тиле» (1976), «Тегеран-43» (1980), «Змеелов» (1985), «Десять лет без права переписки» (1990), в телефильмах: «Красное и черное» (1976), «Маленькие трагедии» (1979) и др. Лауреат Гос. премий СССР за роли в фильмах «У озера» (1971) и «Берег» (1985). Премия кинофестиваля в Карловых Варах (1970) за лучшую женскую роль («У озера»).

Бенкендорф (Озерная) Эльвира Александровна – режиссер, окончила ГИТИС. Родоначалница целой режиссерской династии (в настоящее время ее сын, известный украинский режиссер Андрей Бенкендорф, внуки Егор и Анна работают на телеканале «Интер»), автор и первый режиссер популярной телепередачи «Голубой огонек».

Березуцкая Валентина Федоровна – Засл. арт. РФ (1992). Окончила актер. факультет ВГИКа (1955). Роли в кино: «На завтрашней улице» (1965), «Стряпуха» (1965), «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965), «Родня» (1982) и др.

Богунова Наталия Васильевна – родилась в Ленинграде, училась в Ленингр. хореограф. училище им. Вагановой в 1957–1964 гг., окончила ВГИК (1970, мастерская Б.А. Бабочкина).

В 1970–1987 гг. – актриса Т-ра им. Моссовета. Роли в кино: «До свидания, мальчики!» (1964), «Бегущая по волнам» (1967), «Семь стариков и одна девушка» (ТВ, 1968), «Большая перемена» (ТВ, 1973) и др.

Богуславская Зоя Борисовна – писатель, драматург, критик. Окончила ГИТИС, кандидат наук. Критические работы: монография «Леонид Леонов» (1960) и др. В прозе разрабатывает острые социально-нравственные коллизии (книги «... и завтра» (1967), «Посредники» (1981) и др.). Пьеса «Контакт» (1979) и др.

Болотова Жанна Андреевна – Нар. арт. России (1985). Родилась на курорте «Озеро Карачи» Новосибирской области. Актриса Т-ра-студии киноактера. Дебютировала в кино в фильме Л.А. Кулиджанова и Я.А. Сегеля «Дом, в котором я живу» (1957). Снималась в фильмах С.А. Герасимова: «Люди и звери» (1962), «Любить человека» (1972) и Н. Н. Губенко: «Подранки» (1977), «Из жизни отдыхающих» (1980), «И жизнь, и слезы, и любовь» (1984) и др. Лауреат Гос. премии СССР за роль в фильме «Бегство мистера Мак-Кинли» (1977).

Брежнева Галина Леонидовна – дочь Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Работала в АПН, МИД СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова.

Брыльска (Brylska) Барбара – польская актриса. Актер. работы: «След Сокола» (ГДР, 1967), «Освобождение» (1971), «Ирония судьбы, или С легким паром!» (ТВ, 1976), «Час полнолуния» (1988), «Ау! Ограбление поезда» (1993), «Лучше быть красивой и богатой» (1995), «Down House» (2000) и др. Лауреат Гос. премии СССР (1977).

Бурьгина Юлия Ивановна – актриса Малого т-ра. Роли в кино: «Республика ШКИД» (1966), «Интервенция» (1968), «Наше призвание» (ТВ, 1981) и др.

Вакуловская Лидия Александровна – сценарист киностудии «Беларусьфильм», автор сценария фильма «Саша-Сашенька» (1967) и др.

Васильева Вера Кузьминична – Нар. арт. СССР (1986). Родилась в Москве. Окончила Моск. гор. театр. училище (1948). Актриса Т-ра Сатиры (с 1948). Роли в кино: «Сказание о Земле сибирской» (1947), «Свадьба с приданым» (1953), «Похождение зубного врача» (1965) и др. Лауреат Гос. премий (1948, 1951). Автор книги «Продолжение души». Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2000).

Васильева Екатерина Сергеевна – Нар. арт. РСФСР (1985). Окончила ВГИК (1967, мастерская В.В. Белокурова), была ак-

- трисой в т-рах им. М.Н. Ермоловой, «Современник», МХАТ. Роли в кино: «Журналист» (1967), «Сюжет для небольшого рассказа» (1970), «Бумбараш» (ТВ, 1971), «Соломенная шляпка» (ТВ, 1974) и др.
- Васильева (Ицыкович) Татьяна Григорьевна** – Нар. арт. РФ (1992). Родилась в Ленинграде, окончила школу-студию МХАТ (1969), была актрисой в т-рах Сатиры, им. Вл. Маяковского, Школе современной пьесы. Роли в кино: «Четвертый» (1972), «Здравствуйте, я ваша тетя!» (ТВ, 1975), «Дуэнья» (ТВ, 1978), «Самая обаятельная и привлекательная» (1985), «Увидеть Париж и умереть» (1992), «Кодекс бесчестия» (1973) и др.
- Версуа (Versois) Одиль** (1930–1980) – французская актриса, сестра Марины Влади.
- Вертинская Анастасия Александровна** – Нар. арт. РСФСР (1988). Родилась в Москве. Окончила училище им. Б.В. Шукина (1967). Работала в т-рах им. Евг. Вахтангова, «Современник», МХАТе. Роли в кино: «Алые паруса» (1961), «Человек-амфибия» (1961), «Гамлет» (1964), «Война и мир» (1965), «Анна Каренина» (1967), «Не горюй!» (1969), «Безымянная звезда» (ТВ, 1978) и др. Написала пьесу и поставила спектакль об отце – русском шансонье А. Вертинском – «Мираж, или Дорога русского Пьеро».
- Вертинская Марианна Александровна** – Засл. арт. РСФСР. Дочь знаменитого русского шансонье А. Вертинского. Окончила училище им. Б.В. Шукина (1966), работала в Т-ре им. Евг. Вахтангова. Роли в кино: «Високосный год» (1961), «Мне двадцать лет» («Застава Ильича», 1963), «Смерть под парусом» (ТВ, 1976) и др.
- Веселовская Нина Валентиновна** – Засл. арт. РСФСР (1984). Родилась в с. Городище Пензенской области. Окончила Школу-студию МХАТ (1959). Работала в Т-ре им. К.С. Станиславского, с 1978 – актриса Т-ра-студии киноактера. Роли в кино: «Сестры» (1957), «Восемнадцатый год» (1958), «Хмурое утро» (1959) и др.
- Витченко Тамара Алексеевна** – актриса, работала в Т-ре миниатюр, снималась в фильме «Прыжок на заре» (1960).
- Вишневская Галина Павловна** – певица. Родилась в Ленинграде. В 1952 году стала солисткой Большого т-ра. В 1974 уехала с мужем (дирижером М.Л. Ростроповичем) из СССР. В 1978 была лишена советского гражданства.
- Влади (Vlady) Марина** – французская актриса кино, телевидения, эстрады. Настоящее имя Марина Де Полякова-Байдарова (Marina De Poliakov-Baidaroff). Родилась в Клиши, в Верхних Сены. Дочь актеров, русских эмигрантов. Занималась в хореограф. училище при Гранд-Опера в Париже. В кино с 11 лет, дебютировала в «Orage d'été» (1949) Ж. Жере. Роли в кино: «Первая любовь» («Let à dell'amore», 1953), «Колдунья» («La Sorcière», 1955; по мотивам повести А.И. Куприна «Олеся»). «Ночь шпионов» («La nuit des Espions», 1959), «Ты – яд» («Toi le Venin», 1960), «Приговор» («La Sentence», 1959), «Дни любви» («Giorni d'amore», 1954), «Современная история» («Una Storia moderna», 1963; в русском прокате «Королева пчел»), «Семь смертных грехов» («Les Sept péchés capitaux», 1962), «Сирокко» («Sirokko», 1969), «Их двое» («Ok ketten», 1977) – в этом фильме Влади сыграла вместе с В.С. Высоцким, «Сын Гасконя» («Le Fils de Gascogne», 1995) и др.
- Возиян Людмила** – актриса Т-ра на Таганке.
- Вознесенская Анастасия Валентиновна** – Нар. арт. РФ. Окончила Школу-студию МХАТ (1965), работала в т-рах «Современник», МХАТ. Роли в кино: «Майор Вихрь» (ТВ, 1967), «Пароль не нужен» (1967), «Гараж» (1979), «Вокзал для двоих» (1982) и др.
- Волконская Елизавета Георгиевна** – преподаватель Школы-студии МХАТ в 1950–1960 годах.
- Володина Маргарита Владимировна** – Нар. арт. РСФСР (1973). Родилась в Ленинграде. Окончила Школу-студию МХАТ (1959). Работала в т-рах «Современник», ЦТСА, Т-ре-студии киноактера. Роли в кино: «Огненные версты» (1957), «Оптимистическая трагедия» (1963), «Три сестры» (1964), «Каждый вечер в одиннадцать» (1969) и др. Живет во Франции.
- Волчек Галина Борисовна** – Нар. арт. СССР. Окончила Школу-студию МХАТ (1955). С 1956 – актриса и режиссер Т-ра «Современник», с 1972 – главный режиссер т-ра. Роли в кино: «Дон Кихот» (1957), «Первый курьер» (1967), «Король Лир» (1970), «Осенний марафон» (1979) и др. Лауреат Юс. премии СССР (1967).
- Вуд (Wood) Натали (Гурдина Наталия)** (1938–1981) – американская актриса. Роли в кино: «Вестсайдская история» (1960), «Большие гонки» (1965), «Воспоминания о Еве Райкер» (ТВ, 1980) и др.
- Гаврилова Татьяна Анатольевна** – актриса. Окончила ВГИК (1964). Роли в кино: «Люди и звери» (1962), «Дайте жалобную книгу» (1965), «Берегись автомобиля» (1966), «Калина красная» (1974), «Забытая мелодия для флейты» (1987) и др.
- Головань Ирина Павловна** – главный редактор киностудии «Ленфильм» в 1960–1970-е годы.

Готовцева Мария Федоровна — мастер спорта СССР по альпинизму, консультант кинофильма «Вертикаль».

Гофф Инна Анатольевна — прозаик, поэт. Родилась в Харькове. Мать была преподавателем французского языка, отец — врачом. Окончила Моск. литературный ин-т им. А.М. Горького (1950). Первый успех пришел к ней в 1950 году. На 1-м Всесоюзном конкурсе на лучшую книгу для детей получила первую премию за повесть «Я — тайга». Затем появились книги «Биение сердца» (1955) и «Точка кипения» (1958).

Громова Ариадна Григорьевна (1916–1981) — русская писательница-фантаст, критик и теоретик советской научной фантастики. Окончила Киевский ун-т, кандидат филологических наук. Автор романов «Кто есть кто?», «Очень странный мир» и др.

Гулая Инна Иосифовна (1941–1990) — Засл. арт. РФ (1976). Родилась в Харькове. В 1958–1961 гг. училась в студии при Центральном Детском театре, в 1962–1964 гг. — в Театр. училище им. Б.В. Шукина. В 1966–1979 гг. и с 1982 — работала в Т-рестудии киноактера. Роли в кино: «Тучи над Борском» (1960), «Шумный день» (1960), «Когда деревья были большими» (1961), «Долгая счастливая жизнь» (1966) и др.

Гурченко Людмила Марковна — Нар. арт. СССР (1983). Родилась в Харькове. Окончила ВГИК (1983, мастерская С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой). Роли в кино: «Карнавальная ночь» (1956), «Девушка с гитарой» (1958), «Белый взрыв» (1969), «Один из нас» (1970), «Соломенная шляпка» (ТВ, 1974), «Вторая попытка Виктора Крохина» (1977) «Сибиряда» (1978), «Вокзал для двоих», «Пять вечеров» (1978), «Любимая женщина механика Гаврилова» (1981), и др. Автор книг «Мое взрослое детство», «Аплодисменты».

Дедова Елизавета — актриса. Роли в кино: «Земные и небесные приключения», «Умри на коне», «Тайна святого Юра» и др.

Демидова Алла Сергеевна — Нар. арт. РСФСР (1984). Родилась в Москве. Окончила экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1960), училище им. Б.В. Шукина (1964). С 1964 — актриса Т-ра драмы и комедии на Таганке. Роли в кино: «Дневные звезды» (1966), «Стюардесса» (ТВ, 1967), «Служили два товарища» (1968), «Шестое июля» (1968), «Щит и меч» (1968), «Чайка» (1970), «Иду к тебе» (1971), «Зеркало» (1974), «Бегство мистера Мак-Кинли» (1977) и др. Создала «Театр «А» (1993). Автор книг «Вторая реальность», «Бегущая строка памяти» и др. Лауреат Гос. премии СССР (1977).

Додина Таисия Владимировна — актриса Т-ра на Таганке. Окончила Школу-студию МХАТ (1960). Роли в кино: «Наш дом» (1965), «Сильные духом» (1967) и др.

Доронина Татьяна Васильевна — Нар. арт. СССР (1981). Родилась в Ленинграде. Окончила Школу-студию МХАТ (1956). Работала в Волгоградском т-ре, Т-ре им. Ленинского комсомола (Ленинград), БДТ им. А.М. Горького, Т-ре им. Вл. Маяковского (Москва), МХАТ. Роли в кино: «Старшая сестра» (1966), «Три тополя на Плющихе» (1967), «Еще раз про любовь» (1968), «Мачеха» (1973), «На ясный огонь» (1975), «Валентин и Валентина» (1985) и др.

Егорова Татьяна Николаевна — актриса, родилась в Москве. Окончила Театр. училище им. Б.В. Шукина, работала в Т-ре Сатиры (1966–1989). Автор книги «Андрей Миронов и я», эссе, очерков.

Животова Надежда — актриса. Роли в кино: «Приходите завтра» (1963) и др.

Жигунова Маргарита Ивановна — Засл. арт. РФ. Окончила Школу-студию МХАТ с И. Высоцкой. В 1970-х годах работала в Т-ре им. А.С. Пушкина. Роли в кино: «Жестокость», «Илзе». Первая жена Мариса Лиепы, мать Андрииса и Илзе Лиепы.

Жмакова Антонина Анатольевна — актриса, рок-певица, солистка ВИА «Поющие сердца». Окончила ГИТИС. Работала в Ленингр. т-ре музыкалии. Сыграла в кинофильме «Таежный десант». С 1990 года — художественный руководитель объединения современной музыки «Спрут».

Иваненко Татьяна Васильевна — актриса Т-ра на Таганке. Окончила ВГИК. Роли в кино: «А зори здесь тихие...», «Час пик», «Жизнь Галилея», «Пугачев», «Гамлет», «Послушайте!», «Преступление и наказание», «Впереди день», «Служили два товарища», «Внимание, цунами!» и др.

Иванова Антонина Васильевна — осветитель киностудии «Ленфильм». Работала на фильмах «Интервенция» (1968), «Одиножды один» (1975), «Сладкая женщина» (1977) и др.

Ивлиева Гелена Николаевна — актриса. Роли в кино: «Интервенция» (1968), «Море нашей надежды» (1972), «Собака на сене» (ТВ, 1977), «Аплодисменты, аплодисменты» (1984) и др.

Калиновская Дина Михайловна — литератор, драматург.

Карева Юнона — актриса Казанского драматического т-ра, режиссер-педагог театр. училища. Роли в кино: «Вертикаль» (1966), «Место встречи изменить нельзя» (ТВ, 1979) и др.

Кацнельсон Вера Юлиановна — бывший преподаватель Школы-студии МХАТ на кафедре марксизма-ленинизма.

Кокова Тамара Акашевна — Засл. арт. РСФСР (1971). Родилась в Нальчике. Окончила ГИТИС (1958). С 1959 — актриса киностудии «Грузия-фильм», с 1961 — Т-ра-студии киноактера. Роли в кино: «Фатима» (1959), «При исполнении служебных обязанностей» (1963), «Белый рояль» (1968) и др. Премия II Всесоюзного кинофестиваля в Киеве (1959) за участие в фильме «Фатима».

Конюхова Татьяна Георгиевна — Нар. арт. РФ (1991). Родилась в Ташкенте. Окончила ВГИК (1955, мастерская Б.В. Бибикова и О.И. Пыжовой), работала в Т-ре-студии киноактера в 1956—1992 гг., в 1960—1961 — актриса Академического Малого т-ра СССР. Роли в кино: «Майская ночь или утопленница» (1952), «Над Тиссой» (1958), «Карьера Димы Горина» (1961), «Женитьба Балзамина» (1964), «Таинственный монах» (1967), «Один из нас» (1970), «Москва слезам не верит» (1979) и др.

Корнилова Елена Константиновна — актриса Т-ра на Таганке. Окончила ВГИК. Роли в кино: «В твоих руках жизнь» (1959), «Годы девичьи» (1961), «Первые испытания» (1960—1961) и др.

Коселева Маргарита — Актриса киностудии им. Довженко. Окончила хореограф. училище Большого т-ра. Роли в кино: «Сверстницы» (1959), «Вертикаль» (1966), «Рожденная революцией» (ТВ, 1974), «Казненные рассветы» (1997) и др.

Кристаллинская Майя Владимировна (1932—1985) — Засл. арт. РСФСР (1974). Эстрадная певица. Родилась в Москве. Пела в хоре Центрального дома детей железнодорожников под руководством И. Дунаевского. Окончила Моск. авиационный ин-т. В 1957 стала лауреатом 6-го Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, на котором выступала с самодеятельным ансамблем «Первые шаги» под руководством Ю. Саульского. Сотрудничала с композитором Э. Колмановским. В 1960 солировала в джаз-оркестре О. Лундстрема. В 1962 получила третью премию на втором Всероссийском конкурсе артистов эстрады. Широкое признание получила после выхода кинофильма «Жажда», в котором исполнила песню А. Эшпая на стихи Г. Поженяна «Мы с тобой два берега». Сотрудничала со многими известными композиторами — А. Пахмутовой, А. Бабаджаняном, Л. Лядовой, М. Таривердиевым. Вершиной певческого искусства Кристаллинской считается песня «Нежность» (А. Пахмутова, Н. Добронравов).

Крымова Наталья Анатольевна (1930—2003) — театр. критик, театровед, засл. деятель искусств РФ (1997), кандидат искусствоведения (1971). Жена А.В. Эфроса. Исследователь драмати-

ческого т-ра XX века. Книги: «Имена. Рассказы о людях т-ра» и «Станиславский — режиссёр» (1971), «Владимир Яхонтов» (1978) и др. С 1975 года — автор и ведущая цикла передач на ТВ «Любите ли вы театр?» и др. С 1989 года — преподаватель РАТИ (до 1991 ГИТИС).

Кузнецова Алла Кузьминична — бывший заместитель директора Ярославской областной филармонии (1970—1980 гг.).

Кустинская Наталья Николаевна — актриса, окончила ВГИК (1961, мастерская О.И. Пыжовой). Роли в кино: «Хмурое утро» (1959), «Первые испытания» (1960—1961), «Увольнение на берег», «Три плюс два» (1963), «Королевская регата» (1967), «Иван Васильевич меняет профессию» (1973), «Вечный зов» (ТВ, 1974—1977; 1983) и др.

Лаврова Татьяна Евгеньевна — Нар. арт. РСФСР (1988). Родилась в Москве. Актриса, окончила Школу-студию МХАТ (1959). Работала во МХАТе, в Моск. т-ре «Современник» в 1961—1978 гг., с 1978 — снова МХАТ (с 1989 — им. А.П. Чехова). Снималась в фильмах: «Девять дней одного года» (1961), «Вся королевская рать» (ТВ, 1971), «Испытательный срок» (1960), «Таинственная стена» (1967), «Бегство мистера Мак-Кинли» (1975), «Голос» (1982) и др.

Лепко Светлана Николаевна — радиоинженер ЦНИИ приборов и автоматики, альпинистка, снималась в фильме «Вертикаль».

Лужина Лариса Анатольевна — Нар. арт. РСФСР (1989). Родилась в Ленинграде. Окончила ВГИК (1964, мастерская С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой). Актриса Т-ра-студии киноактера (с 1964). Роли в кино: «Человек идет за солнцем» (1961), «На семи ветрах» (1962), «Тишина» (1963), «Штрафной удар» (1963), «Вертикаль» (1966), «Нет и да» (1966), «Золото» (1969), «Исполнение желаний» (1973), «Долг» (ТВ, 1977), «С любимыми не расставайтесь» (1979), «Доктор Шплотер» (ГДР, ТВ, 1964—1966), «Трактористы-2» (1992), «Петербургские тайны» (ТВ, 1994) и др. Лауреат Нац. премии ГДР.

Лысенко Ольга Георгиевна — актриса. Родилась в Киеве. Окончила ВГИК (1965). Дебютировала в кино в 1958 году в фильме «Волшебная ночь». Актерские роли: «Зеленый фургон» (1959), «Я купил папу» (1962), «Сыновья уходят в бой» (1969), «Люди на болоте» (ТВ, 1981) и др.

Мазуркевич Ирина Степановна — Засл. арт. России. Родилась в г. Мозырь, Беларусь. В 1978 году окончила Горьковское театр. училище. Актриса Санкт-Петербургского т-ра комедии им. Н.П. Акимова. С 1966 — актриса Т-ра-студии киноактера.

- Роли в кино: «Чудо с косичками» (1975), «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (1976), «Открытая книга» (ТВ, 1977, 1979), «О бедном гусаре замолвите слово» (ТВ, 1980), «Оно» (1989), «Ты у меня одна» (1993) и др.
- Малаякина Валентина Александровна** — актриса. Засл. арт. РФ (1993). Родилась в Москве. Окончила театр. училище им. Б.В. Шукина (1966). Работала в Т-ре им. Евг. Вахтангова (1966–1979), Т-ре-студии киноактера (1979–1983), Т-ре «Артист» — объединение «Арт-центр» (с 1988). Роли в кино: «Иваново детство» (1962), «Сотрудник ЧК» (1963), «Король-олень» (1969), «Красная площадь» (1970), «Высокое звание» — фильм 2-й «Ради жизни на земле» (1973), «Отче наш» (1989), «Женщина для всех» (1991) и др. Была арестована в 1983 году по подозрению в убийстве мужа С. Жданько и осуждена на 5 лет. Автор книги «Услышь меня, чистый сердцем».
- Максакова Людмила Васильевна** — Нар. арт. РСФСР (1980). Родилась в Москве. Окончила театр. училище им. Б.В. Шукина (1961). В Т-ре им. Евг. Вахтангова работает с 1961 года. Роли в кино: «Конец «Сатурна» (1967), «Твой современник» (1967), «Неподсуден» (1969), «Жили-были старик со старухой» (1969), «Пропажа свидетеля» (1971), «Плохой хороший человек» (1973), «Отец Сергей» (1978), «Летучая мышь» (ТВ, 1979), «Десять негрятят» (1987) и др.
- Максимова Екатерина Сергеевна** — балерина, солистка Большого т-ра. Нар. арт. СССР. Родилась в Москве. Лауреат Гос. премии СССР, Гос. премии РСФСР, Гос. премии России, премии им. Ленинского комсомола, лауреат Всесоюзных и международных конкурсов и фестивалей, академик Международной академии творчества и Академии российского искусства, профессор. Супруг — Васильев Владимир Викторович, арт. балета, балетмейстер, режиссер, педагог. Нар. арт. СССР, лауреат Ленинской и Гос. премий.
- Мандельштам Надежда Яковлевна** (1899–1980) — русская писательница-мемуаристка. Жена О.Э. Мандельштама. В «Воспоминаниях» (1970), «Второй книге» (1972), отмеченных пристрастностью и жесткой субъективностью оценок, — трагическая судьба Мандельштама, нравственный суд над писателями — жертвами и пособниками сталинского режима.
- Марченко Людмила Васильевна** (1940–1997) — актриса, окончила ВГИК (1963, мастерская М.И. Ромма), тогда же стала актрисой экспериментального Т-ра-студии пантомимы под руководством А. Румнева, работала в Т-ре-студии киноактера.
- Роли в кино: «Отчий дом» (1959), «Белые ночи» (1959), «Без страха и упрека» (1963), «Стряпуха» (1965), «В бой идут одни старики» (1973) и др.
- Медведева Наталия Георгиевна** (1958–2003) — певица, поэтесса, фотомоделль. Родилась в Ленинграде. Автор романов «Отель «Калифорния», «Мама, я жулика люблю!», «Моя борьба», «А у них была страсть» и др. Снималась в фильме «Монолог» (1972). Была женой писателя Э. Лимонова. С 1975 года жила в США, с 1982 — во Франции, с 1994 — в России.
- Метельская-Абдулова Елизавета Иосифовна** — вдова Нар. арт. СССР Всеволода Абдулова.
- Мессарош (Meszaros) Марта** — венгерский кинорежиссер. Дочь скульптора Ласло Мессароша. Окончила ВГИК (1956). Автор фильмов «Они вдвоем» (1977), «Удочерение» («Дом на окраине») (1975), «Почти как дома» (1978), «Девять месяцев» (1976), «Наследство» (1980, совместно с Францией; в советском прокате — «Вторая жена») и др.
- Милькина Софья Абрамовна** — кинорежиссер, участвовала в работе над фильмом «Бегство мистера Мак-Кинли» (1976), «Маленькие трагедии» (1979) и др. Муж — М.А. Швейцер.
- Минелли (Minnelli) Лайза** — американская актриса и певица. Дочь знаменитой кинозвезды Джуди Гарленд и режиссера Винсенте Минелли. Окончила высшую школу искусств. Роли в кино: «Кабаре» (1972), «Артур» (1981) и др. Лауреат премии «Эмми» (1972), «Оскар», «Золотой глобус».
- Мирошниченко Ирина Петровна** — Нар. арт. РСФСР (1988). Родилась в Барнауле. Окончила Школу-студию МХАТ (1965). С 1965 года актриса МХАТа им. А.П. Чехова. Роли в кино: «Андрей Рублев» (1966), «Я шагаю по Москве» (1964), «Дядя Ваня» (1970), «Единственная дорога» (1974), «Старый Новый год» (1980), «Тайны мадам Вонг» (1986) и др.
- Мондрус (Гуварц) Лариса Израилевна** — эстрадная певица. Родилась в Риге. Окончила Рижское музыкальное училище. Роли в кино: «Дайте жалобную книгу» (1965). В 1972 году эмигрировала из СССР. Проживает в Мюнхене.
- Мордюкова Нонна (Ноябрина) Викторовна** — российская киноактриса, нар. арт. СССР (1974). Окончила ВГИК (1950, мастерская Б.В. Бибикова и О.И. Пыжовой). В 1950–1991 гг. работала в Т-ре-студии киноактера. Снималась в фильмах: «Молодая гвардия» (1949), «Чужая родня» (1955), «Простая история» (1960), «Женитьба Бальзаминова» (1964), «Возврата нет» (1973), «Журавушка» (1968), «Русское поле» (1971), «Трясина» (1977), «Родня» (1981), «Комиссар» (1967)

- и др. Гос. премия СССР (1949). Британская энциклопедии «Who is who?» (1992) включила ее в десятку самых выдающихся актрис XX века. Автор книги «Не плачь, казачка».
- Мориц Юнна Петровна** — поэт. Родилась в Киеве. В 1961 году окончила Литературный ин-т им. А.М. Горького. Первые стихи опубликовала в 1954 году, первую книгу «Разговор о счастье» — в 1957 году. Автор книг «Разговор о счастье (1957)», «Третий глаз», «Синий огонь», «В логове жизни» и др.
- Москалева Мила (Людмила)** — арт. цирка, близкая подруга Г.Л. Брежневой.
- Муратова Кира Георгиевна** — кинорежиссер. Нар. арт. Украины. Родилась в Румынии в семье профессиональных революционеров, бежавших в СССР. Окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1959), ВГИК (1962, мастерская С.А. Герасимова). Постановщик фильмов «У кругого Яра», «Наш честный хлеб» (1965) (оба с А. Муратовым), «Короткие встречи» (1967), «Долгие проводы» (1971), «Познавая белый свет» (1980), «Среди серых камней» (1987) (из-за цензурных придирок сняла свою фамилию с титров), «Перемена участи» (1987), «Астенический синдром» (1989), «Три истории» (1997) и др. Роли в кино: «Короткие встречи» (1967), «Опасные гастроли» (1970), «Посторонний» (1993). Лауреат Гос. премии Украины, премий МКФ в Локарно, Лондоне, Берлине и др.
- Никицихина Елизавета Сергеевна** (1941–1997) — актриса, окончила Театр. студию (1958), ГИТИС (1966). С 1958 — актриса Т-ра им. К.С. Станиславского. Роли в кино: «Скверный анекдот» (1966), «Шла собака по роялю» (1978), «Похождение зубного врача» (1965), «Покровские ворота» (ТВ, 1982), «Приключения Электроника» (ТВ, 1979), «Самоубийца» (1991) и др.
- Орлова Людмила Харитоновна** — старшая смены Моск. международной станции телефонных переговоров.
- Осипенко Алла Евгеньевна** — арт. балета, нар. арт. России (1960). Работала в Т-ре оперы и балета им. Кирова в Ленинграде (1950–1971), в труппе «Хореографические миниатюры» (1971–1973), в Ленконцерте (с 1973 года). Солистка Ленингр. ансамбля балета (1977–1982). Преподавала в Испании, США.
- Петренко Ольга Михайловна** — гример Т-ра на Таганке.
- Печерникова Ирина Викторовна** — Засл. арт. РСФСР (1988). Родилась в Грозном. Окончила Школу-студию МХАТ (1966). Работала в Т-ре им. Ленинского комсомола (1966–1968), Академическом т-ре им. Вл. Маяковского (с 1968 г.), Академическом Малом т-ре (1978–1990). Роли в кино: «Каменный гость» (1966), «Доживем до понедельника» (1968), «Первая любовь» (ТВ, 1969), ТВ-фильм-спектакль «По страницам журнала Печорина» (1974), «Открытие» (1973), «Вариант «Омега»» (ТВ, 1975), «Два капитана» (ТВ, 1976), «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (1976), «Анна Карамзофф» (1991) и др.
- Плисецкая Майя Михайловна** — актриса, сценарист. Нар. арт. СССР (1959). Родилась в Москве в семье инженера и драматической актрисы. Окончила Моск. хореограф. училище (1943). Прима-балерина Большого т-ра (1943–1988). Работала в труппе Мадридского и Римского балета. Поставила балеты «Анна Каренина», «Чайка», «Дама с собачкой». Герой Социалистического Труда (1985). Премия Анны Павловой (1962, Париж). Гос. премия СССР, Ленинская премия (1964). Награждена французскими орденами Командора литературы и искусства (1984) и Почетного легиона (1986). Муж — композитор Р. Щедрин.
- Полицеймако Мария (Марина) Витальевна** — актриса, окончила театр. училище им. Б.В. Шукина. С 1965 работает в моск. Т-ре драмы и комедии на Таганке. Роли в кино: «Табачный капитан» (ТВ, 1974), «Михайло Ломоносов» (ТВ, 1984) и др. Муж — С.Л. Фарада.
- Польских Галина Алексеевна** — Нар. арт. РСФСР (1979). Родилась в Москве. Окончила ВГИК (1964, мастерская С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой), работала в Т-ре-студии киноактера. Роли в кино: «Дикая собака Динго» (1962), «Я шагаю по Москве» (1963), «Жили-были старик со старухой» (1964), «Верность» (1965), «Журналист» (1967), «По семейным обстоятельствам» (ТВ, 1977), «Суета сует» (1979), «Белые росы» (1983), «Любить по-русски» (1994, 1996, 1999) и др. Лауреат Гос. премии РСФСР им. братьев Васильевых (1978). Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2000).
- Проклова Елена Игоревна** — актриса, популярный ландшафтный дизайнер. Засл. арт. РСФСР (1985). Родилась в Москве, окончила Школу-студию МХАТ (1973). Работала во МХАТе. Роли в кино: «Звонят, откройте дверь!» (1965), «Сентиментальный роман» (1976), «Смятение чувств» (1977), «Гори, гори, моя звезда» (1969), «Единственная» (1975), «Ключ без права передачи» (1976), «Мимино» (1977) и др. Лауреат премии им. Ленинского комсомола, Всесоюзного кинофестиваля в номинации «Приз за актерскую работу» (1976). Автор книги «В роли самой себя» (1999).

Прохоренко Жанна (Жанетта) Трофимовна – Нар. арт. РСФСР (1988). Родилась в Полтаве. В 1957–1959 гг. училась в Школе-студии им. В.И. Немировича-Данченко. Окончила ВГИК (1964, мастерская С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой), работала в Т-ре-студии киноактера. Роли в кино: «Баллада о солдате» (1959), «А если это любовь?» (1961), «Женитьба Балзаминова» (1964), «Один шанс из тысячи» (1968), «Калина красная» (1973), «Шальная пуля» (1980), «Антрацит» (1971) и др.

Пугачева Алла Борисовна – актриса, певица, композитор. Нар. арт. СССР (1991). Родилась в Москве. В год окончания 496-й средней моск. школы записала для программы «С добрым утром» Всесоюзного радио песню «Робот» (1965). Окончила дирижерско-хоровое отделение Моск. гос. музыкального училища им. Ипполитова-Иванова и факультет театр. режиссеров ГИТИСа им. А.Н. Луначарского (1981). Роли в кино: «Женщина, которая поет» (1979), «Любовью за любовь» (1983), «Сезон чудес» (1985), «Жди и помни меня» и др. Гран-при фестиваля «Золотой Орфей» с песней «Арлекино» (1975), Гран-при «Янтарный соловей» на конкурсе «Сопот-78». Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени (1999).

Пырьева (Скирда) Лионелла Ивановна – Засл. арт. РСФСР (1990). Окончила ГИТИС (1961). Работала в Т-ре им. К.С. Станиславского (1961–1964), в Т-ре-студии киноактера (с 1964 г.). Роли в кино: «Вольный ветер» (1961), «Братья Карамазовы» (1968), «Хозяин тайги» (1968), «Опасные гастроли» (1969), «Последняя жертва» (1975), «Господин Великий Новгород» (1984), «Мой любимый клоун» (1986), «Оглашению не подлежит» (1987) и др.

Радунская Виктория Александровна – актриса, окончила хореограф. училище. Работала в Большом т-ре, Т-ре пантомимы, Т-ре на Таганке с 1966 г., ныне – в Т-ре «Содружество актеров Таганки». Роли в кино: «Ветер» (1959), «Алешкина охота» (1966), «Берегись автомобиля» (1966) и др.

Раневская (Фельдман) Фаина Георгиевна (1896–1984) – Нар. арт. СССР (1961). Родилась в Таганроге в состоятельной семье. Училась в Мариинской женской гимназии, обучалась музыке, пению, иностранным языкам. В 1913 году, после просмотра пьесы «Вишневый сад» А.П. Чехова на сцене МХАТа выбрала себе псевдоним «Раневская». На сцене с 1915 года. Обосновалась в Москве в 1931 году, став актрисой Камерного т-ра. С 1934 года начала сниматься в кино. С 1935 по 1939 год работала в Центральном т-ре Красной Армии, 1943–1949 – Т-р драмы (ныне т-р им. Вл. Маяковского). С 1949 по

1955 – актриса Академического т-ра им. Моссовета, 1955–1963 – Моск. т-ра им. А.С. Пушкина. С 1963 года вновь в Академическом т-ре им. Моссовета. Роли в кино: «Подкидыш» (1939), «Мечта» (1941), «Золушка» (1947) и др. Лауреат Сталинской Гос. Премии (1949, 1951). Была отмечена высокими званиями и наградами. На доме, где родилась Фаина Георгиевна Фельдман, 29 августа 1986 года была установлена мемориальная доска.

Ритенбергс Дзидра (1928–2003) – актриса, кинорежиссер. Засл. арт. Латвии (1960). Окончила режиссерское отделение Латвийской консерватории. Работала в Т-ре им. К.С. Станиславского (1962–1975). После смерти мужа Е. Урбанского вернулась в Ригу. Роли в кино: «Мальва» (1956), «Игра без правил» (1965), «Гроза над полями» (1958) и др. Поставила кинофильм «Эта опасная дверь на балкон» (1976) и др.

Родович (Rodovich) Марыля – польская певица. Дебютировала в 1967 году, выиграв конкурс на Студенческом музыкальном фестивале в Кракове. В 1969 году на VII Фестивале в Ополе получила первую премию за исполнение песни «Они говорили ему». Три премии Гран-при на Фестивале в Сопоте, 26 пластинок, около 3000 концертов и 500 телепрограмм, 7 музыкальных телефильмов, роль в опере «Краковцы и горцы», участие в телесериале, реализация музыкального шоу «Тур де Марыля». В 2000 году записала первую концертную пластинку с лучшими хитами.

Рубанова Ирина Ивановна – киновед, автор монографии «Владимир Высоцкий» (М.: ВБПК, 1983) – первой книги об актере, доктор искусствоведения.

Русланова Нина Ивановна – актриса. Нар. арт. России. Родилась в городе Богодухов, на Украине. Окончила училище им. Б.В. Шукина (1969), работала в Т-ре им. Евг. Вахтангова (с 1969 г.) и Т-ре им. Вл. Маяковского (1985–1988). Роли в кино: «Короткие встречи» (1967), «Контрабанда» (1974), «Тени исчезают в полдень» (ТВ, 1971), «Афоня» (1975), «Завтра была война» (1987), «Зимняя вишня» (1985) и др.

Саввина Ия Сергеевна – Нар. арт. СССР (1990). Окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (1958). Играла в студенческом т-ре МГУ. В 1960 году она начала работать в Т-ре им. Моссовета, с 1977 года выступает на сцене МХАТа. Дебютировала в 1960 году в фильме «Дама с собачкой». Роли в кино: «Грешница» (1962), «Звонят, откройте дверь» (1965), «Анна Каренина» (1967), «История Аси Клячиной» (1966), «Служили два товарища» (1968), «Сюжет для небольшого рас-

- сказа» (1970), «Романс о влюбленных» (1974), «Гараж» (1979), «Слезы капали» (1982), «Троцкий» (1993) и др. Лауреат Гос. премий СССР (1983, 1990).
- Садовникова Елена Давыдовна** — врач, бывшая заведующая отделением ин-та скорой помощи им. Склифосовского.
- Сайко Наталия Петровна** — Засл. арт. РСФСР (1989). Родилась в Таллинне. Окончила училище им. Б.В. Щукина (1970). Работает в Т-ре «Содружество актеров на Таганке». Роли в кино: «Моя улица» (ТВ, 1971), «Деревенский детектив» (1968), «Со всем прощай» (1973), «Как закалялась сталь» (ТВ, 1973), «Голос» (1982), «Я — актриса» (1980) и др.
- Самойлова Татьяна Евгеньевна** — киноактриса. Нар. арт. России (1993). Родилась в Ленинграде. Дочь Е.В. Самойлова. Окончила ГИТИС (1959). Снималась в фильмах: «Летят журавли» (1957), «Анна Каренина» (1967), «Не отправленное письмо» (1959) и др. Лауреат премии Каннского кинофестиваля.
- Светличная Светлана Афанасьевна** — актриса. Засл. арт. РСФСР (1974). Родилась в Ленинкане (Армения). Окончила ВГИК (1963, мастерская М.И. Ромма). Работала в Т-ре-студии киноактера. В кино дебютировала в фильме «Колыбельная» (1960). Роли в кино: «Застава Ильича» («Мне двадцать лет», 1963), «Герой нашего времени» (1965), «Стряпуха» (1965), «Не самый удачный день» (1966), «Бриллиантовая рука» (1968), «Неуловимые мстители» (1966), «Семнадцать мгновений весны» (ТВ, 1973), «Отец Сергей» (1978), «Место встречи изменить нельзя» (ТВ, 1979) и др. Вдова актера Владимира Ивашова.
- Селютина Любовь Семеновна** — актриса Т-ра на Таганке. Главная роль в спектакле «Медея».
- Семина Тамара Петровна** — актриса. Нар. арт. России (1978). Окончила ВГИК (1961, мастерская О.И. Пыжовой). С 1961 года работала в Т-ре-студии киноактера. Снималась в фильмах: «Воскресение» (1961), «Коллеги» (1962), «Крепостная актриса» (1963), «Время, вперед!» (1965), «Два Федора» (1958), «День счастья» (1963), «Один из нас» (1970), «Черный принц» (1973), «Трактир на Пятницкой» (1977), «Прощай, шпана замоскворецкая!» (1987), «Маэстро вор» (1994), в телефильмах: «Вечный зов» (1974, 1977), «Инженер Прончатов» (1972), «Непредвиденные визиты» (1992) и др.
- Серуш Наталья** — владелица салона «Герлен» (Москва). Снималась в фильме «Место встречи изменить нельзя» (ТВ, 1979).
- Сидоренко Татьяна Ивановна** — актриса Т-ра на Таганке. Окончила училище им. Б.В. Щукина (1971). Снималась в фильмах: «Единственная дорога» (1976), «Бархатный сезон» (1979), в телевизионных спектаклях: «Кошка на радиаторе», «Часы с кукушкой», «Осторожно — ремонт!» и др.
- Синьоре (Signoret) Симона** (1921—1985) — французская актриса. Роли в кино: «Путь в высшее общество» (1958), «Признание» (1970), «Корабль дураков» (США, 1965) и др. Муж — актер и певец Ив Монтан.
- Славина Зинаида Анатольевна** — драматическая актриса. Нар. арт. РСФСР (1986). Родилась в Риге. Окончила театр. училище им. Б.В. Щукина (1964). Первая роль, которая принесла ей известность — роль в спектакле «Добрый человек из Сезуана» Б. Брехта в постановке Ю. Любимова. С 1964 — актриса Т-ра на Таганке. Спектакли: «Тартюф», «А зори здесь тихие», «Послушайте!», «Мастер и Маргарита» и др. Работает в Т-ре «Содружество актеров на Таганке». Роли в кино: «Четвертый» (1973), «Сергей Лазо» (1968), «Иван да Марья» (1975), «Каждый вечер после работы» (1974), «Салют, Мария!» (1971), «Егор Булычев и другие» (1973), «Новенькая» (1969), «О друзьях-товарищах» (ТВ, 1970) и др.
- Смолярова Александра Захаровна** — Нар. арт. Украины. Работала в Т-ре им. Леси Украинки (Киев).
- Спиридонова Людмила Тихоновна** — швея, познакомилась с В.С. Высоцким в июне 1960 года.
- Тагирова Фарида Абдурахмановна** — драматург, жена Э.Я. Володарского.
- Терехова Маргарита Борисовна** — актриса. Засл. арт. РСФСР (1976). Родилась в городе Туринске Свердловской области. Окончила студию при Т-ре им. Моссовета (1964). С 1964 — актриса Т-ра им. Моссовета. Роли в кино: «Здравствуй, это я» (1965), «Бегущая по волнам» (1967), «Белорусский вокзал» (1970), «Монолог» (1972), «Четвертый» (1973), «Зеркало» (1974), «Собака на сене» (ТВ, 1977), «Синяя птица» (1976), «Д'Артаньян и три мушкетера» (ТВ, 1978), «Оно» (1989) и др.
- Ткач Татьяна Дмитриевна** — Засл. арт. РФ (1980). Окончила Харьковский ин-т искусств (1965). Работает в Т-ре на Литейном (бывший Т-р драмы и комедии) с 1971 г. Среди работ в т-ре: «Сеанс» (1987) Н. Коурда, «Собачье Сердце» (1988) М.А. Булгакова, «Тетрадь Юрия Живаго» (1988) Б.Л. Пастернака, «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1989) А.Н. Островского, «Скупой» (1991) Ж.Б. Мольера, «Привидения Генрика И.» (1993) Г. Ибсена, «Любовь за любовь» («Love for love», 1997) У. Конгрива, «Городской романс» (1995) М. Угарова, «Лес» (1999) А.Н. Островского, «Вера, Надежда, Лю-

- бовь (Карамболь)» (1999) Ю. Князева. Снималась в фильмах: «Белое солнце пустыни» (1969), «Бег» (1970), «Место встречи изменить нельзя» (ТВ, 1979) и др. Лауреат Гос. премии России (1999).
- Токарева Виктория Самойловна** — писатель, кинодраматург. Родилась в Ленинграде. Окончила музыкальное училище и сценарный факультет ВГИКа. Первая публикация — рассказ «День без вранья» (1964) — принесла известность. Впоследствии почти все произведения становились бестселлерами. В 1995–1996 годах вошла в число десяти самых издаваемых в России авторов. По ее сценариям сняты известные фильмы «Мимино» (1978, в соавторстве с Р. Габриадзе и Г. Данелия), «Джентльмены удачи» (1972), «Шла собака по роялю» (1979) и др.
- Трифонова Ольга Романовна** — прозаик, кинодраматург, директор Муниципального краеведческого музея «Дом на набережной», вдова писателя Ю. Трифонова.
- Тубеншляк Анна Давыдовна** — кинорежиссер, член Союза кинематографистов, работала вторым режиссером кинофильма «713-й просит посадку» (1962), «Сладкая женщина» (1977) и др.
- Удовиченко Лариса Ивановна** — актриса. Засл. арт. России (1984). Окончила ВГИК (1976, мастерская С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой). Первая большая роль — в фильме С.А. Герасимова «Дочки-матери» (1974). Снималась в фильмах: «Успех» (1984), «Сукины дети» (1990), «Любить по-русски» (1994, 1996), в телесериалах «Место встречи изменить нельзя» (1979), «И это все о нем» (1977), «Подросток» (1983) и др. Работала в Малом т-ре.
- Ульянова Инна Ивановна** — Засл. арт. РФ (1983). Окончила училище им. Б.В. Щукина (1957). Работала в Ленингр. т-ре комедии, Т-ре на Таганке (1964), «Содружество актеров на Таганке». Роли в кино: «Цветы запоздалые» (1970), «Раба любви» (1976), «Семнадцать мгновений весны» (ТВ, 1973), «Покровские ворота» (ТВ, 1982), «Утомленные солнцем» (1994) и др. Лауреат Гос. премии РФ.
- Ургант Нина Николаевна** — Нар. арт. РСФСР (1974). Родилась в городе Луге Ленингр. области. Работала в Т-ре им. Ленинского комсомола, Т-ре им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург). Роли в кино: «Я родом из детства» (1966), «Шинель» (1959), «Мать и мачеха» (1964), «Белорусский вокзал» (1970) и др.
- Фатеева Наталья Николаевна** — Нар. арт. РСФСР (1980). Окончила ВГИК (1958, мастерская С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой). Работала в Т-ре студии киноактера и Т-ре им. Ермоловой. Роли в кино: «Есть такой парень» (1956), «Битва в пути» (1961), «Три плюс два» (1963), «Дети Дон Кихота» (1965), «Джентльмены удачи» (1972), «Место встречи изменить нельзя» (ТВ, 1979) и др.
- Федорова Виктория Яковлевна** — актриса. Родилась в Москве, дочь актрисы Зои Федоровой, отец — американский адмирал Д. Тэйт. Окончила ВГИК (1969, мастерская Б.В. Бибикова и О.И. Пыжовой). Роли в кино: «До свидания, мальчики!» (1964), «Двое» (1965), «Преступление и наказание» (1970), «Вид на жительство» (1972), «О тех, кого помню и люблю» (1973) и др. С 1975 г. выехала к отцу (с 1978 — гражданка США).
- Федосеева-Шукшина Лидия Николаевна** — актриса. Нар. арт. РСФСР (1984). Родилась в Ленинграде. Окончила ВГИК (1964, мастерская С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой). Работала в Т-ре студии киноактера (1974–1993). Снималась в фильмах: «Из жизни отдыхающих» (1980), «Демидовы» (1983), «Крейцера соната» (1987), «Шапка» (1990), в телефильмах: «Виват, гардемарины!» (1991), «Вечный муж» (1990), «Петербургские тайны» (1994) и др.
- Федотова Наталья** — подруга Г.Л. Брежневой, снималась в кино.
- Филиппова (Диодорова) Карина Степановна** — окончила Школу-студию МХАТ (1958), сыграла в первом спектакле Т-ра «Современник» — «Вечно живые». Затем актриса 30 лет посвятила мужу Борису Диодорову, народному художнику России и семье. Автор стихов, ставших песнями Клавдии Шульженко, Майи Кристалинской, Гелены Великановой, юной Аллы Пугачевой. Написала книги: «Сама себе завидую», «Стою я на семи холмах», «Ваша светлость», «Вот моя деревня», «Так не бывает».
- Фурцева Екатерина Алексеевна** (1910–1974) — родилась в Вышнем Волочке Тверской губернии (Калининская область). В 1941 г. окончила Моск. ин-т тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова, в 1948 г. — ВПШ при ЦК ВКП(б). Трудовую деятельность начала в 1928 г. ткачихой. С 1960 г. была министром культуры СССР.
- Хазимова (Устинова) Нина Григорьевна** — ассистент режиссера телефильма «Маленькие трагедии» (1979) и др.
- Хрущева Юлия Леонидовна (Никитична)** — Удочеренная внучка Н.С. Хрущева. Окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Работала в Агентстве печати «Новости», Доме кино, на РТР.

Целиковская Людмила Васильевна (1919–1992) — актриса. Нар. арт. России (1963). Окончила училище им. Б.В. Шукина (1941). С 1941 в Т-ре им. Евг. Вахтангова. Снималась в кино: «Молодые капитаны» (1939), «Антон Иванович сердитесь» (1941), «Близнецы» (1945), «Иван Грозный» (1945), «Попрыгунья» (1955) и др.

Цыбульник Суламифь Моисеевна — кинорежиссер киностудии им. Довженко (Киев). Работала ассистентом режиссера у Бориса Барнета. Поставила фильмы «Карантин» (1969), «Будни уголовного розыска» (1973), «Инспектор уголовного розыска» (1971) и др.

Чулак-оглы (Гринько) Айше Рафетовна — профессиональный музыкант, жена актера Н. Гринько, автор книги «Прикосновение».

Чурикова Инна Михайловна — Нар. арт. СССР (1991). Родилась в городе Белибее, близ Уфы. Родители родом из крестьян. Окончила Щепкинское училище (1965). Работала в Моск. ТЮЗе, Т-ре им. Ленинского комсомола (ныне Ленком) (1975). Роли в кино: «Неуловимые мстители» (1966), «Стряпуха» (1965), «В огне брода нет» (1967), «Начало» (1970), «Прошу слова» (1975), «Тема» (1979), «Васса» (1982) и др. Лауреат Гос. премии РСФСР им. братьев Васильевых (1985), лауреат премии им. К.С. Станиславского (1997), лауреат премии Ленинского комсомола (1976), лауреат премий «Хрустальная Турандот» и «Золотая маска».

Чурсина Людмила Алексеевна — российская актриса, нар. арт. СССР (1981). Родилась в Сталинабаде (Душанбе). Окончила училище им. Б.В. Шукина (1963), работала в Т-ре им. Евг. Вахтангова, с 1974 в Ленинградском т-ре драмы им. А.С. Пушкина, с 1984 в Центральном Академическом т-ре Советской Армии (Центральный Академический т-р Российской Армии). Снималась в фильмах: «Виринея» (1968), «Журавушка» (1968), «Когда деревья были большими» (1961), «Донская повесть» (1964), «Два билета на дневной сеанс» (1966), «Урюм-река» (ТВ, 1968), «Любовь Яровая» (1970), «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (1976), «Олеся» (1970) и др. Лауреат Гос. премии им. братьев Васильевых (1970).

Шатина Зинаида Григорьевна — инженер по образованию, прошла школу пропаганды кино, 12 лет проработала директором кинотеатра «Иллюзион», затем зам. директора главного в стране киноконцертного зала «Россия», руководителем дистрибуторской компании МОСТ-МЕДИА. Ныне — начальник организационно-методического отдела ГФФ — Госфильмофонд РФ.

Швидлер Мальвина Зиновьевна — Нар. арт. Украины. Работала в Т-ре им. Леси Украинки (Киев).

Шенгелая (Шпринк) Ариадна Всеволодовна — Нар. арт. Грузинской ССР (1979). Родилась в Ташкенте. Окончила ВГИК (1960, мастерская В.В. Белокурова). Работала в Русском драматическом т-ре им. А.С. Грибоедова в Тбилиси. Роли в кино: «Екатерина Воронина» (1957), «Евгений Онегин» (1958), «Белые ночи» (1959), «Увольнение на берег» (1962), «Гранатовый браслет» (1964), «Не горюй» (1969), «Гёйя, или Тяжкий путь познания» (1971), «Ференц Лист» (1970) и др.

Шибаета Тамара Александровна — мастер-парикмахер собак, владелица салона «Котик и песик».

Щербиницкая Елена Владимировна — литератор, сценарист. Автор сценариев «Игра богов», «Ночь времени», романа «Возвращение из ночи» («Заблудившаяся в ночи»). Двоюродная сестра Л.В. Абрамовой.

Яковлева Ольга Михайловна — актриса. Нар. арт. РФ. Родилась в Тамбове. Окончила театр. уч-ще им. Б.В. Шукина (1962). Была актрисой в Т-рах Ленинского комсомола (1962), а позднее Т-ра на Малой Бронной (1968) и Т-ра драмы и комедии на Таганке (1984–1991), с 1991 в Московском т-ре им. Вл. Маяковского. Роли в кино: «По страницам журнала Печорина» ТВ-фильм-спектакль (1974), «За все в ответе» (1973) и др. Лауреат Гос. премии РФ (1995), премии «Золотая маска» (1996).

Ярмольник (Афанасьева) Оксана — художник по костюму. Окончила Моск. текстильный ин-т, отделение прикладного искусства. С 1985 г. занимается театр. костюмом, известный модельер, жена актера Л. Ярмольника.

Алфавитный указатель
цитируемых произведений
Владимира Высоцкого

- «А люди все роптали и роптали...» — 1966
«Ах, как тебе родиться пофартило...» *Посвящено Ю.П. Любимову* — 1977
- Баллада о детстве («Час зачатия я помню неточно...») — 1975
Баллада о любви («Когда вода всемирного потопа...») — 1975
Банька по-белому («Протопи ты мне баньку, хозяйюшка...») — 1968
Беда («Я несла свою Беду...») — 1972
Большой Каретный («Где твои семнадцать лет?...») *Посвящено Л. Кочаряну* — 1962
- «В восторге я! Душа поет!..» — 1971
В созвездии Тау-Кита («В далеком созвездии Тау-Кита...») — 1966
Вершина («Здесь вам не равнина — здесь климат иной...») — 1966
«Вот и кончилось все, продолжения жду, хоть в других городах...» — 1967, июль
«Вы учтите, я раньше был стойком...» — 1967, весна
- «Гром прогремел — зояция идет...» — 1967
- Деревянные костюмы («Как все мы веселы бываем и угрюмы...») — 1967
Диалог у телевизора («— Ой, Вань, гляди, какие клоуны!..») — 1973
Дорожная история («Я вышел ростом и лицом...») — 1972
Дурачина-простофиля («Жил-был добрый дурачина-простофиля...») — 1964
- «Если я богат, как царь морской...» *Посвящено М. Влади* — 1967

«За меня невеста отрыдает честно...» — 1963

- «И снизу лед, и сверху. Маюсь между...» — 1980
Из детства («Ах, время как икорочка...») *Посвящено А. Вайнеру* — 1979
Из дорожного дневника («Ожидание длилось, а проводы были недолги...») — 1973
Иноходец («Я скачу, но я скачу иначе...») — 1970
- К 15-летию Театра на Таганке («Пятнадцать лет — не дата, так...») — 23 апреля 1979
«Как во городе во главном...» — 1973
«Как зайдешь в бистро-столовку...» *Посвящено М. Шемякину* — 1980
Кони привередливые («Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому краю...») — 1972
Кругом пятьсот («Я вышел ростом и лицом...») — 1972
- Лекция о международном положении, прочитанная человеком, посаженным на 15 суток за мелкое хулиганство, своим сокамерникам («Я вам, ребята, на мозги не капаю...») — 1978—1979)
Лирическая («Здесь лапы у елей дрожат на весу...») *Посвящено М. Влади* — 1969
«Лукоморья больше нет, от дубов простыл и след...» — 1966
«Люблю тебя сейчас, не тайно — напоказ...» *Посвящено М. Влади* — 1973
- «Маринка, слушай, милая Маринка!..» — 1969
Марш космических негодяев («Вы мне не поверите и просто не поймете...») — 1964—1965
«Мне каждый вечер зажигают свечи...» — 1967, редакция — 1968
«Мне ребята сказали про такую наколку!..» — 1965
Мои похороны («Сон мне снится — вот те на...») — 1971
Москва — Одесса («В который раз лечу Москва — Одесса...») — 1967
- На нейтральной полосе («На границе с Турцией или с Пакистаном...») — 1966
«Не пиши мне про любовь — не поверю я...» — 1966
Не состоялось («Мишка Шифман башковит...») — 1972
Невидимка («Сижу ли я, пишу ли я, пью кофе или чай...») — 1967
«Нет меня, я покинул Расею!..» — 1970
«Нет рядом никого, как ни дыши...» — 1969

«07» («Для меня эта ночь вне закона ») *Посвящено Л Орловой* — 1967

«О вкусах не спорят — есть тысяча мнений » — 1966

«О нашей встрече что там говорить! » — 1964

О новом времени («Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело шаги ») — 1966

Одна научная загадка, или Почему аборигены съели Кука («Не хватайтесь за чужие талии ») — 1976

Ой, где был я вчера («Ой, где был я вчера — не найду, хоть убей ») — 1967

Она была в Париже («Наверно, я погиб Глаза закрою — вижу ») *Посвящено Л Лужиной* — 1966

«Она на двор — он со двора » — до апреля 1965

Осторожно! Гризли! («Однажды я, накушавшись от пуза ») *Посвящено М Шемякину* — 25 июля 1978, в самолете

«Открытые двери больниц, жандармерий » *Посвящено М Шемякину* — 1978

Охота на волков («Рвусь из сил и из всех сухожилий ») — 1968

Памятник («Я при жизни был рослым и стройным ») — 1973

Пародия на плохой детектив («Опасаясь контрразведки, избегай жизни светской ») — 1966

Парус («А у дельфина врезано брюхо винтом ») — 1966

«Перед выездом в загранку » — 1965

Песенка плагиатора («Я с[ей]час взорвусь, как триста тонн тротила ») — 1969

Песенка о старой Одессе («Дамы, господа, — других не вижу здесь ») — 1968

Песня микрофона («Я оглох от ударов ладоней ») — 1971

Песня о Земле («Кто сказал «Все сторело дотла? ») — 1969

Письмо в редакцию телепередачи «Очевидное невероятное» из Канатчиковой дачи («Дорогая передача! Во субботу чуть не плача ») — 1977

Письмо к другу, или зарисовка о Париже («Ах, милый Ваня! Я гуляю по Парижу ») *Посвящено И Бортнику* — 1975

Прерванный полет («Кто-то высмотрел плод, что неспел, не спел ») — 1973

Роман о девочках Прозаический роман, который никогда не был закончен — 1977

Романс («Она была чиста, как снег зимой ») — 1969

«Сегодня в нашей комплексной бригаде » — 1964

«Сегодня я с большой охотой » — 1963

Скалолазка («Я спросил тебя — Зачем идете в горы вы? ») — 1966, июль

Смотрины («Там у соседа — пир горой ») — 1973

Спасите наши души («Уходим под воду в нейтральной воде ») — 1967

Танго («Как счастье зыбко! ») — 1970

«Твердил он нам «Моя она! » — 1964

Театрально-тюремный этюд К 10 летию театра на Таганке («Легавым быть — готов был умереть я ») — 23 апреля 1974

Темнота («У нее все свое — и белье, и жильё ») *Посвящено В А* — 1967

«То была не интрижка » — 1965

Тот, который не стрелял («Я вам мозги не пудрю — уже не тот завод ») — 1973

Тот, кто раньше с нею был («В тот вечер я не пил, не пел ») — 1962

Холода («В холода, в холода ») — 1965

Через десять лет («Еще бы — не бояться мне полетов ») — 1979

«Что сегодня мне суды и заседания » — 1966

Что случилось в Африке («В желтой жаркой Африке ») — 1969

«Я был душой дурного общества » — 1961

«Я был завсегдаем всех пивных » — 1974 или 1975

«Я все вопросы освещу сполна » — Зима 1970—1971

«Я женщин не бил до семнадцати лет » — 1963

«Я любил и женщин, и проказы » — 1964

Я не люблю («Я не люблю фатального исхода ») — 1969

«Я теперь на девок крепкий » — 1964

Я уехал в Магадан («Ты думаешь, что мне — не по годам ») — 1968

*«Встретил я одну из очень многих на моем
на жизненном пути...»*

Библиография

1. Советская Россия. 1987. 26 июля.
2. Цыганова Л. «Золотухин В.: «Дружба с Высоцким – это пожизненная честь и каторга» // Молодежная газета. Уфа, 2003. 3 апреля.
3. Демидова А. «Он играл Гамлета...» // Юность. 1982. № 7.
4. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.

«Я женщин не бил до семнадцати лет»

1. Высоцкая И. Мой брат Владимир Высоцкий // Лесная промышленность. 1987. № 71, 13 июня.
2. Высоцкий В. Собрание сочинений: В 7 т. М.: «Вельтон, Б.Б.Е», 1994. Т. 6.
3. Георгиев Л. Великая и необыкновенная любовь // Комсомолец Запорижжя. Запорожье, 1988. 10 сентября.
4. Треугольник Высоцкого // Аргументы и факты. 2002. № 47 (381), ноябрь.
5. Садчиков М. «Ургант Н.: «Высоцкий был для меня просто Володи» // Труд. 2002. 23 июля.
6. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
7. Рассказова Т. «Никищихина Е.: «Святень осквернять не хочется» // Сегодня. Москва, 1994. № 179, 20 сентября.
8. Там же.
9. Оберемко В. Кровавая любовь // Аргументы и факты в Украине. 2003. № 15 (401), апрель.
10. Бахарева Т. «Марина Ладынина последние годы почти не выходила на улицу...» // Факты и комментарии. Киев, 2003. № 49 (1354), 18 марта.
11. Гончаров О. Тайная жизнь Жанны Прохоренко // Экспресс-газета. 2003. 4 декабря.

1. Студенческий меридиан. 1987. № 12.
2. Шаров В. «Лихитченко А.: «Людам нужно было начать говорить друг с другом...» // Комсомолец Кубани. Краснодар, 1988. 16 августа.
3. Там же.
4. Мельман А. «Лихитченко А.: «Я сделала Ельцина президентом» // Московский комсомолец. 2003. 5 ноября.
5. Захарчук М. Босая душа, или Штрихи к портрету Владимира Высоцкого // Радуга. Киев, 1991. № 02.
6. Кудрявцев Л. Женщины в жизни великого барда // Киевский ТелеграфЪ. 2003. № 01 (143), 20–26 января.
7. Грабенко Л. «Перед смертью Владимир Высоцкий хотел обвенчаться...» // Факты и комментарии. Киев, 2000. 21 июля.
8. Высоцкая И. Когда был Володя, замечательно было жить! // Владимир Высоцкий. Человек. Поэт. Актер. М.: Прогресс, 1989.
9. Красикова Е. Иза Высоцкая – жена, мать, актриса // Сегодня. Киев, 1998. № 185, 23 сентября.
10. Рыбьянов М. «Штурман Л.: «Я вырос в одной коммуналке с Высоцким, а знаменитый герой его песни Мишка Шифман – муж моей сестры» // Комсомольская правда. 1996. 14 декабря.
11. Красикова Е. Иза Высоцкая – жена, мать, актриса // Сегодня. Киев, 1998. № 185, 23 сентября.
12. Родин В. «Масунова Ф.: «Он запомнился мне балагуром» // Нижегородская правда. 2003. № 30, 18 марта.
13. Там же.
14. Влащенко Н. «Ушла. Очень жаль...» // www.kulichki.com
15. Там же.
16. Там же.
17. Сергеева В. «Высоцкая И.: «Володю было невозможно не любить» // Труд. 2003. № 115, 26 июня.
18. Соколов А. «Высоцкая И.: «Высоцкий начинался так» // Социалистическая индустрия. 1988. 31 марта.
19. Филимонов М. Бабушка Высоцкого была моложе его родителей // Экспресс-газета. 2002. 24 сентября.
20. Высоцкая И. Молодые годы Владимира Высоцкого // Звезда. Пермь, 1987. 2 октября.
21. Филимонов М. Бабушка Высоцкого была моложе его родителей // Экспресс-газета. 2002. 24 сентября.
22. О Владимире Высоцком. М., 1995.
23. Захарчук М. Босая душа, или Штрихи к портрету Владимира Высоцкого // Радуга. Киев, 1991. № 02.

24. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988.
25. Красикова Е. Иза Высоцкая – жена, мать, актриса // Сегодня. Киев, 1998. № 185, 23 сентября.
26. Сергеева В. «Высоцкая И.: «Володю было невозможно не любить» // Труд-7. 2003. № 115, 26 июня.
27. Высоцкая И. Молодые годы Владимира Высоцкого // Звезда. Пермь, 1987. 2 октября.

«...И нельзя налево, и нельзя направо...»

1. Вагант. 1994. №№ 2–3 (51–52).
2. Громов В. Песен у него еще не было // Высоцкий. Время, наследие, судьба. №19.
3. Студенческий меридиан. 1988. № 01.
4. Беляева Л. Принцесса с Нижней Масловки // Самарское обозрение. 1998. 19 октября.
5. Там же.
6. Еще один Высоцкий. 2000. № 40 (106).
7. Там же.
8. Белова О. Немузейный экспонат // Высоцкий Н.: «Есть люди, которые хотят сделать эксгумацию тела отца» // Версия. 2000. 25 января.
9. Кулаков В. Я – сын Высоцкого! // Трибуна. 2001. 14 августа.
10. Вагант. 1999. №№ 7–9.
11. Ртищева Н. Морфий для поэта // Московский комсомолец. 1998. 25 января.
12. Елин Г. Дон Жуаны былых времен // www.domovoou.ru.
13. Черняк Л. Владимир Высоцкий. Как все начиналось... // АиФ. Суперзвезды. 2003. № 02 (08), 20 января.
14. Семина Л. Укрыть того, кто рядом // Независимая газета. 2002. № 149 (2703), 24 июля.
15. Студенческий меридиан. 1990. № 7.
16. Мельман Д. «Николаева Л.: «Утонуть в Лужиной» // Московский комсомолец. 2003. 29 августа.
17. Малявина В. Дежурный по апрелю // Труд-7. 1998. 23 января.
18. Там же.
19. Малявина В. Любовь на кровати вождей // Экспресс-газета. 2001. 6 июня.
20. Москалева Н. «Малявина В.: «Даже в тюрьме можно жить» // МК–Воскресенье. 2003. 7 декабря.
21. Михайлина Л. Фам фаталь // Московский комсомолец. 2002. № 53, 7 октября.
22. Там же.

23. Пожарский В., Лифанцев Д. «Малявина В.: «Не вижу, но чувствую еще сильнее!» // Экспресс-газета. 2004. 13 апреля.
24. Лифанцев Д. Расплата за самоволку // Экспресс-газета. 2003. 2 апреля.
25. Малявина В. Я никогда не любила мужчин. Я люблю только Бога // Экспресс-газета. № 02 (231).
26. Проторская Н. Промокашка без работы не останется // Трибуна. 1999. № 245, 24 декабря.
27. Мельман Д. Исповедь Промокашки // Московский комсомолец. 2004. 17 апреля.
28. Инна Гулая: ее уход – до сих пор тайна // Городской дилижанс. Челябинск. 17 августа.

«Я любил и женщин, и проказы...»

1. Леонидов П. Владимир Высоцкий и другие. Средство от себя // Красноярск. 1992.
2. Высоцкий В. Собрание сочинений: В 7 т. М.: «Вельгон, Б.Б.Е», 1994. Т. 6.
3. Канчуков Е. Навстречу себе // Литературное обозрение. 1990. № 7.
4. Булкина Т. Эту тайну хранили 20 лет // СПИД-инфо. 1998. № 02, февраль.
5. Ртищева Н. Морфий для поэта // Московский комсомолец. 1998. 25 января.
6. Хоменко Н. «Жванецкий М.: «Я был большим, когда общался с великими, и стал великим, когда отошел от них» // Сегодня. Киев, 2002. № 284 (1333), 16 декабря.
7. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.
8. Боброва И. Промокашка 20 лет спустя // МК–Воскресенье. 2002. № 26 (234), 7–13 июля.
9. Агишева Г. «Бортник И.: «А под своим фото Высоцкий написал: «Ваня, давай подольше не пойдем к Йорику...» // Комсомольская правда. 1997. № 07, 16 января.
10. Желтов В. Ленинградские ночи Владимира Высоцкого // Петербург-экспресс. 2003. № 03, 27 января.
11. Влащенко Н. «Туманишвили М.: «Более нефотогеничного лица я в жизни не видел» // Сегодня. Киев, 2000. 13 августа.
12. Зайцева Т. «Волчек Г.: «Современник» спал в одной кровати» // Теленеделя. www.prosto.dn.ua.
13. Райкина М. «Галина Волчек: еще 5 редких кадров» // Московский комсомолец. 2003. 19 декабря.
14. Городницкий А. «И жить еще надежде...». М.: Вагриус, 2001.

15. Кудрявов Б. Дочь Владимира Высоцкого не знает, кто ее отец // Экспресс-газета. 2003. № 04, 27 января.
16. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
17. Заяц Н. «Пример Надежда Моисеева...» // Факты и комментарии. Киев, 2000. 30 декабря.

*«Не лучше ль умереть вдвоем
в миг подлинного счастья!..»*

1. Владимир Высоцкий в кино. М.: ВТПО «Киноцентр», 1989.
2. Людмила Абрамова о Владимире Высоцком. Факты его биографии. М.: Издат. центр «Россия молодая», 1991.
3. Высоцкий. Время, наследие, судьба. № 19.
4. Руденко И. «Не приближаясь, стороной, идет по кромке...» // Комсомольская правда. 1998. 15 января.
5. Высоцкий. Время, наследие, судьба. № 19.
6. Желтов В. Владимир Высоцкий – ошибки молодости // Смена. СПб., 1998. 23 января.
7. Студенческий меридиан. 1998. № 12.
8. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
9. Кохановский И. Летнее время // Московский комсомолец. 1987. 24 мая.
10. Новикова С. «Польских Г.: «Женщин обижать не рекомендуется!» // www.zamgi.narod.ru.
11. Высоцкий В. Собрание сочинений: В 7 т. М.: «Вельтон», Б.Б.Е., 1994. Т. 6.
12. Черняк Л. «Владимир Высоцкий. Как все начиналось...» // АиФ. Суперзвезды. 2003. № 02 (08), 20 января.
13. Там же.
14. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988.
15. Черняк Л. «Высоцкий Н.: «Он был, как бешено несущийся автомобиль» // Аргументы и факты. 2003. № 04, январь.
16. Высоцкий В. Собрание сочинений: В 7 т. М.: «Вельтон, Б.Б.Е., 1994. Т. 6.
17. Черняк Л. «Галиев А.: «По газонам не ходить» // Мир Высоцкого: Альманах. 1998. Вып. 2.
18. Георгиев Л. Владимир Высоцкий знакомый и незнакомый. М.: Искусство, 1989.
19. Вестник США. 1999. 14 сентября.
20. На плахе Таганки. М.: Алгоритм, 1999.
21. Гурченко Л. Островок с названием «В.В.» // Советская Россия. 1988. 24 января.
22. Л. Абрамова о Владимире Высоцком. Факты его биографии. М.: Издат. центр «Россия молодая», 1991.
23. Черных Е. Настоящий полковник Аллы Пугачевой // Комсомольская правда. 2004. № 70 (23275), 15 апреля.
24. Там же.
25. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
26. Манихина Т. В день рождения внука Пугачевой явился покойный Высоцкий // Собеседник. 2000. № 19, май.
27. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
28. Кохановский И. «Письма Высоцкого», и другие репортажи на радио «Свобода». М.: Физкультура и спорт, 1993.
29. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
30. Там же.
31. Там же.
32. Черняк Л. «Владимир Высоцкий. Как все начиналось...» // АиФ. Суперзвезды. 2003. № 2 (8), 20 января.
33. Дардыкина Н. Бумбараш в роли Маркиза // Московский комсомолец. 1998. № 184, 26 сентября.
34. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988.
35. Мелкая М. В тени звезд советской эпохи // Смена. СПб., 2002. № 228, 13 декабря.
36. Вагант. 1994. № 40.
37. Там же.
38. Руденко И. «Не приближаясь, стороной идет по кромке. По самой кромке от взрывной его воронки...» // Комсомольская правда. 1998. 15 января.
39. Шарунов А., Щуплов А. Струны вещи // Российская газета. 2002. 25 июля.
40. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988.
41. Высоцкий. Время, наследие, судьба. № 03.
42. Высоцкий. Время, наследие, судьба. № 10.
43. Вагант. 1995. № 11–12.
44. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.
45. Высоцкий В. Собрание сочинений: В 7 т. М.: «Вельтон, Б.Б.Е., 1994. Т. 6.
46. Шарунов А., Щуплов А. Струны вещи // Российская газета. 2002. 25 июля.
47. Руденко И. «Не приближаясь, стороной идет по кромке. По самой кромке от взрывной его воронки...» // Комсомольская правда. 1998. 15 января.
48. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.
49. Там же.
50. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988.
51. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
52. Абрамова Л. Мы расстались по-хорошему // Семья. 1990. № 30.

53. Там же.
54. Кудрявов Б. Высоцкий выиграл на спор любовь Марины Влади // Досье. Запорожье, 2002. № 46 (168), 14 ноября.
55. Сажнева Е. «Карапетын Д.: «Я любил Высоцкого, как мужчина женщину» // Московский комсомолец. 2004. 24 января.
56. Абрамова Л. Мы расстались по-хорошему // Семья. 1990. № 30.
57. Шарунов А. Самостоятельная «Тень отца Гамлета» // Московский комсомолец. 2002. № 249 (923135), 4 ноября.
58. Там же.

«Люблю тебя сейчас. Не тайно – напоказ...»

1. Астрал. 1995. № 7, декабрь.
2. Там же.
3. Видова Г. «Влади М.: «Характер у меня ужасный, поэтому спокойно играю гадких женщин» // Сегодня. Киев, 2001. 10 декабря.
4. Ковтун В., Тхорик Ю. «Богатырева Е.: «Случайное пророчество» // Высоцкий: время, наследие, судьба. № 23.
5. Там же.
6. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
7. Влади М. В Россию мне ездить больше не хочется // Известия. 1997. 19 марта.
8. Влади М. Каждый день начинать заново // Советская Россия. 1983. № 133, 10 июля.
9. Якушкин Д. «Влади М.: «Он сам сказал о себе лучше всех» // Московские новости. 1987. 25 января.
10. Свистунов А. «Я вам пишу...» // Комсомольская правда. 1989. 26 января.
11. Рязанов Э. Эльдар-ТВ, или Моя портретная галерея. М.: Вагриус, 2002.
12. Влади М. Бабушка // Рамсей. Париж, 1979.
13. Там же.
14. Рязанов Э. Эльдар-ТВ, или Моя портретная галерея. М.: Вагриус, 2002.
15. Розварин П. Граф де Пейрак, выходец из Туркестана // Время новостей. 2003. № 47, 19 марта.
16. Влади М. Бабушка // Рамсей. Париж, 1979.
17. Розварин П. Пессимист, полный жизни // Время новостей. 2002. № 47, 30 июня.
18. Там же.
19. Пажитнова Л. Возвращение на Родину // Советский экран. 1966. № 8.

20. Долинский М., Черток С. Три сестры в «Трех сестрах» // Советский экран. 1967. № 01.
21. Гейко Ю. Я жив, двенадцать лет тобой храним // Комсомольская правда. 1992. 4 января.
22. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988.
23. Чесноков С. Боль, горечь, любовь // Ленинградская правда. 1989. 3 марта.
24. Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989.
25. Якушкин Д. «Влади М.: «Он сам рассказал о себе лучше всех» // Московские новости. 1987. 25 января.
26. Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988.
27. Романенкова К., Алексеева Т. «Абдулов В.: «Пять браков – это не предел» // Экспресс-газета. 2002. 30 июля.
28. Гейко Ю. Я жив, двенадцать лет тобой храним // Комсомольская правда. 1992. 4 января.
29. Судьба Марины Влади // Дуга. 1980. № 9, сентябрь.
30. Влади М. Бабушка // Рамсей. Париж, 1979.
31. Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989.
32. Емельяненко Ю. Он потрясал наши души // www.irrkut.narod.ru
33. Кудрявов Б. Высоцкий завоевал Влади на спор // Экспресс-газета. Киев, 2002. 4 октября.
34. Там же.
35. Медведев Ф. Судьба Вероники // Версия. 2004. № 06 (279), 16–22 февраля.
36. Якушкин Д. «Влади М.: «Он сам сказал о себе лучше всех» // Московские новости. 1987. 25 января.
37. Влади М. Бабушка // Рамсей. Париж, 1979.
38. Кончаловский А. Возвышающий обман. М.: ТОО «Совершенно секретно», 1999.
39. Заметки вашего современника // Комсомольская правда. 1999. 13 февраля.
40. Яхонтов А. С Новым годом! // МП-Квартирный вопрос. 2002. № 01, 4 января.
41. Видова Г. «Влади М.: «Характер у меня ужасный, поэтому спокойно играю гадких женщин» // Сегодня. Киев, 2001. № 1031, 10 декабря.
42. Гейко Ю. Я жив, двенадцать лет тобой храним // Комсомольская правда. 1992. 4 января.
43. Золотухин В. Секрет Высоцкого. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2002.
44. Асламова Д. Новые приключения дрянной девчонки. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
45. Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989.

46. Кохановский И. «Письма Высоцкого», и другие репортажи на радио «Свобода». М.: Физкультура и спорт, 1993.
47. Там же.
48. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988.
49. Владимир Высоцкий / [Интервью с Н. Крымовой] // ОРТ. 1987. 30 мая.
50. Влади М. Бабушка // Рамсей. Париж, 1979.
51. 24 часа. СПб., 1998. № 02.
52. Садчиков М. «Жванецкий М.: «Наш юмор, увы, лучший в мире» // «На смену!». Свердловск, 1989. 14 апреля.
53. Владимир Высоцкий. Человек, поэт, актер. М.: Прогресс, 1989.
54. Голигорский Ю. «...Иметь хорошую жизнь, чтобы он мог работать спокойно...» / [Интервью с М. Влади] // Би-Би-Си. 1984. 25 января.
55. Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989.
56. Владимир Высоцкий / [Интервью с Н. Крымовой] // ОРТ. 1987. 30 мая.
57. Четыре вечера с Владимиром Высоцким. М.: Искусство, 1989.
58. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.
59. Коваленко Ю. «Влади М.: «Моя театральная карьера только начинается» // Известия. 1993. 13 ноября.
60. Владимир Высоцкий / [Интервью с Н. Крымовой] // ОРТ. 1987. 30 мая.
61. Счастье — это путешествие, необязательно из мира в мир» / [Интервью с В. Высоцким] // Пятигорское ТВ. 1979. 14 сентября.
62. Крымова Н. «Мы вместе с ним посмеемся...» // Дружба народов. 1985. № 08.
63. Голигорский Ю. «...Иметь хорошую жизнь, чтобы он мог работать спокойно...» / [Интервью с М. Влади] // Би-Би-Си. 1984. 25 января.
64. Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989.
65. Высоцкий украл у мужчин мечту // www.dni.ru.
66. Сабурова О. Перевернули стол с едой и напитками // Собеседник. 2001. 25 января.
67. Богуславская З. Время Любимова и Высоцкий // www.gambler.kultura-portal.ru.
68. Белостоцкая Е. «Вознесенский А.: «Признание» // Труд. 1988. 24 января.
69. Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989.
70. Ванденко А. «Церетели З.: «В Тбилиси я делал грандиозную свадьбу Высоцкого и Марины Влади» // Факты и комментарии. Киев, 1999. 7 декабря.
71. Там же.
72. Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989.
73. Там же.
74. Муромская Т. «Церетели З.: «Все женщины похожи на цветы» // Человек & Карьера. 2001. № 13, 24 декабря.
75. Влади М. В Россию мне ездить больше не хочется // Известия. 1997. 19 марта.
76. Плешаков Л. «Влади М.: «Я жив тобой...» // Огонек. 1987. № 18.
77. Брускин Г. Настоящее продолженное // Знамя. 2002. № 02.
78. Владимир Высоцкий в кино. М.: ВТПО «Киноцентр», 1989.
79. Сперанская М. «Чурсина Л.: «Я с удовольствием снималась обнаженной» // МК-Бульвар». 2003. 17 февраля.
80. Видова Г. «Влади. М.: «Характер у меня ужасный, поэтому спокойно играю гадких женщин» // Сегодня. Киев, 2001. № 1031, 10 декабря.
81. Высоцкий В. Собрание сочинений: В 7 т. М.: «Вельтон, Б.Б.Е», 1994. Т. 6.
82. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.
83. Кудрявов Б. «Володарский Э.: «О Высоцком врут все» // www.irrkut.narod.ru.
84. Там же.
85. Шуткевич В. «Ольбрыхский Д.: «Сезон «Охоты на волков» в Варшаве» // Комсомольская правда. 1999. 29 декабря.
86. Солдатенков П. Владимир Высоцкий. М.: Олимп, 1999.
87. Ионова Л. Высоцкий и Магомаев — чемпионы любви по телефону // Комсомольская правда. 2001. 10 июня.
88. Харченко В. Пугачева не пришла хоронить легендарного танцора // Экспресс-газета. 2002. 16 мая.
89. Лужина Л. Она была в Париже // Теленеделя. 1999. 22 июля.
90. Четыре вечера с Владимиром Высоцким. М.: Искусство, 1989.
91. Сычевский В. «Бортник И.: «Роль Промокашки была без слов» // Семья. 1999. № 16, апрель.
92. Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989.
93. Шахматов А. «Влади М.: «...Не надо делать ангела» // Книжное обозрение. 1989. 3 марта.
94. Свистунов А. «Влади М.: «Мы играли нашу юность» // Советский экран. 1989. № 9.
95. Алимов Г., Чародеев Г. «Влади М.: «Владимир — человек, а не икона» // Известия. 1989. 6 марта.

96. Кравцова А. «Да, у меня француженка жена...» // Комсомолец Киргизии. 1989. 16 августа.
97. Кудрявов Б. «Митта А.: «Если Дроздова еще раз снимется голый...» // Экспресс-газета. 2001. 7 декабря.
98. Громов В., Симакова Л. «Митта А.: «Он работал неправдоподобно много» // Высоцкий: время, наследие, судьба. № 18.
99. Зайчик И. «Митта А.: «Мои приятели вместо цветов вручили невесте по венуку» // Караван историй. 2003. № 06, 2 июня.
100. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988.
101. Рассказова Т. «Дыховичный И.: «Высоцкий не был артистом, но хотел им быть» // Неделя. 1997. 15 сентября.
102. Славущкий А. «Дыховичный И.: «Быть в хорошем настроении – обязанность человека» // Новая газета. 2003. № 35, 19 мая.
103. Романова Т. А я все помню, я был не пьяный // Огонек. 1999. № 25, 6 сентября.
104. Ртищева Н. Морфий для поэта // Московский комсомолец. 1998. 25 января.
105. Чаплыгина М. Екатерина Смиренная // Огонек. 2000. № 43 (4670).
106. Там же.
107. Там же.
108. Григорьев И. «Васильева Е.: «Я не должна была дожить до этого времени» // Аргументы и факты. 2003. № 21 (1178), 21 мая.
109. Там же.
110. Лагина Н. «Васильева Е.: «Мое богатство – мои друзья» // Советский экран. 1987. № 22.
111. Репина Н. Пьяные драки Виктории Федоровой // Экспресс-газета. 2003. 13 февраля.
112. Там же.
113. Фадеева А. «Володарский Э.: «Меня взбесила поганая картина Германа» // Экспресс-газета. 2003. 31 марта.
114. Там же.
115. Репина Н. Мулатка-аристократка соблазняла Промокашку // Экспресс-газета. 2003. 14 ноября.
116. Абдулов А. Володарский измазал друзей дерьмом! // Экспресс-газета. 2001. № 14, 9 апреля.
117. Крымова Н. Работа Высоцкого – это было прекрасно! // Новая Сибирь. 1998. № 84 (3-283), 2 февраля.
118. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
119. Ольбрыхский Д. Когда террорист-шизофреник схватился за ручку кабины пилота, я уложил его приемом дзюдо // Бульвар. Киев, 2003. № 48 (422), ноябрь.
120. Гурченко Л. «В.В.» // Неделя. 1987. № 47.
121. Юнгвальд-Хилькевич Г., Юнгвальд-Хилькевич Н. За кадром. М.: Центрполиграф, 2000.
122. Далос Л. Так оно и есть. С гитарой и без гитары // Фильм, театр, музыка. Будапешт, 1981. № 12.
123. Вергелис О. «Перфилов Л.: «Эра немилосердных» // Киевские ведомости. 1998. 26 января.
124. Лакин К. Звукорежиссер. Инженер. Художник. Композитор // www.show-master.ru.
125. Минина Е. Алла сваталась к Косте Кинчеву. Но пришлось выйти за Филиппа // Экспресс-газета. 2000. № 03, январь.
126. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
127. Муха Ф. Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним // Советская Белоруссия. 2000. 22 июля.
128. Рязанкин А. «Шибаета Т.: «Зовите меня – кузькина мать» // СПИД-инфо. 2004. № 08, 19 апреля.
129. Шевченко Д. Как я посадил Параджанова // Совершенно секретно. 1997. № 12.
130. Деревянко Т. В Болонье, на кинофоруме исследователей // Независимость. Киев, 1999. 17 августа.
131. Вагант. 1994. № 2–2 (51–52).
132. Косинчук Э., Евграшина М. «Инин А.: «Я понял, что женщины просто... ненавидят деньги» // Факты и комментарии. Киев, 2003. № 30 (1335), 15 февраля.
133. Дорошенко В. Все «звезды» прошли через мои руки // Индустриальное Запорожье. 2004. № 116–118 (16275–16277), 27 мая.
134. Гофф И. На белом фоне // Октябрь. 1989. № 10.
135. Волкова О. «Между Высоцким и Влади была большая любовь...» // Собеседник. 2001. 25 января.
136. Шемякин М. «Я уговаривал его не умирать...» // Советская молодежь. Рига, 1989. 7 ноября.
137. Свистунов А. «Влади М.: «Мы играли нашу юность» // Советский экран. 1989. № 9.
138. Чесноков С. Боль, горечь, любовь // Ленинградская правда. 1989. 3 марта.
139. Демидова А. Высоцкий, каким знаю и люблю. М.: СТД РСФСР, 1989.
140. Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988.
141. Вагант. 1994. № 2–3 (51–52).
142. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988.
143. Высоцкий: время, наследие, судьба // www.aviso.kiev.ua.

144. Демидова А. Память взрывается болью // www.Комок.ru. 2002. 19–25 августа.
145. Ольбрыхский Д. Когда террорист-шизофреник схватился за ручку кабины пилота, я уложил его приемом дзюдо // Бульвар. Киев, 2003. № 48 (422).
146. Ртищева Н. и др. «Володарский Э.: «Как нас с Высоцким в Скифф везли» // Родная газета. 2003. № 35, 25 декабря.
147. Кислинская Л. О бедном гусаре замолвите слово // Совершенно секретно. 2001. № 8.
148. Сададьский С. «Выпивавшие на кухне у Высоцкого друга связали его...» // Факты и комментарии. Киев, 2002. 23 октября.
149. Вагант. №№ 6, 8 (55, 57).
150. Вагант. 1990. № 6, июнь.
151. Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988.
152. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
153. Васенина Е. «Хмельницкий Б.: «Почаще сидите за столом с умными людьми...» // Новая газета. 2001. 29 января.
154. Громов В. «Конкин В.: «Когда у Высоцкого не хватало аргументов, он... открывал свою луженую глотку» // Факты и комментарии. Киев, 2003. № 54 (1359), 25 марта.
155. Котова Н. Обрыв // Городской дилижанс. Челябинск, 2000. 20 июля.
156. Цыганова Л. «Золотухин В.: «Дружба с Высоцким – это пожизненная честь и каторга» // Экономика и жизнь. Элиста, 2003. № 13, 3 апреля.
157. Нагибин Ю. Дневники. М.: Книжный сад, 1996.
158. Ургант Н. Жизнь – это путешествие от любви к любви // Амурский меридиан. 2001. № 22 (89), 30 мая.
159. Ургант Н. «Пять утра, звонок в дверь. На пороге Миронов, Ширвиндт и хромой Гердт в чем мать родила...» // Бульвар. Киев, № 35 (305), август.
160. Гусев Д. Инвалид, алкоголик, бабник? // Московский комсомолец. 2001. 28 апреля.
161. Садчиков М. «Ургант Н.: «Высоцкий был для меня просто Володей» // Труд. 2002. 23 июля.
162. Коросташевская Е. «Шемякин М.: «Мы подшивались вместе с Высоцким» // Сегодня. Киев, 2000. № 110, 13 июля.
163. Там же.
164. Амелькина А. Высоцкий мечтал о многоженстве // Комсомольская правда. 2002. № 133/30 (22838), 26 июля.
165. Золотухин В. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.
166. Шарунов А., Щуплов А. Струны вещи // Российская газета. 2002. 25 июля.
167. Кунгурцева О. «Лужина Л.: «Я единственная женщина, которая не ответила Высоцкому взаимностью» // Бульвар. Киев, 2003. № 3 (377), январь.
168. Резанов Г., Хорошилова Т. Черный волк // Комсомольская правда. 1993. 19 октября.
169. Шемякин М. «Я уговаривал его не умирать...» // Работница. 1989. № 08.
170. Дымарский В. «Меня сегодня бес водил по городу Парижу» // Российская газета. 2003. 24 января.
171. Меркулова И. «Шемякин М.: «Горячие интервью» // Эхо Москвы. 2000. 25 июля.
172. Вагант. 1992. № 01 (26).
173. Романова Т. «А я все помню, я был не пьяный...» // Огонек. 1999. № 25, 6 сентября.
174. Ртищева Н. Морфий для поэта // Московский комсомолец. 1998. 25 января.
175. Кудрявов Б. «Володарский Э.: «О Высоцком врут все» // www.irrkut.narod.ru.
176. Кудрявов Б. Высоцкий выиграл на спор любовь Марины Влади // Досье. Запорожье, 2002. № 46 (168), 14 ноября.
177. Сажнева Е. «Карапетян Д.: «Я любил Высоцкого, как женщина женщину» // Московский комсомолец. 2004. 24 января.
178. Белевцев А. На берегу Волги строится храм всех религий // Экспресс-газета. 2001. 25 июня.
179. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
180. Мелкая М. В тени звезд советской эпохи // Смена. СПб., 2002. № 228, 13 декабря.
181. Владимирова О. «Губенко Н.: «При нашей свободе с человеком могут сделать что угодно» // Нижегородская правда. Н.Новгород, 2001. № 77, 17 июля.
182. Рябинина О. «Высоцкий Н.: «Образ отца – это бешено несущийся автомобиль» // АиФ. Суперзвезды. 2003. № 02 (08), 20 января.
183. Свистунов А. Обида // Комсомольская правда. 1989. 4 марта.
184. Смирнова Е. «Высоцкий Н.: «Я собирался судиться с Мариной Влади за клевету» // Факты и комментарии. Киев, 2003. № 32 (1337), 19 февраля.
185. Булашова С., Корчагина И. «Токарева В.: «Зачем толкаться? Всем места хватит» // Неделя. 1989. № 52, декабрь.
186. Рассказова Т. «Дыбовичный И.: «Высоцкий не был артистом, но хотел им быть» // Неделя. 1997. 15 сентября.
187. Аплетаев В. «Любимов Ю.: «Мне неприятны мемуары Марины Влади...» // Час. 2003. 30 января.
188. Гомцян Н. «Высоцкий А.: «Напишу об отце, когда улягутся страсти» // Труд. 1991. 1 марта.

- 189 Павлов А «Высоцкий Н «Во сне я о чем-то спрашиваю отца, но он в ответ лишь улыбается » // Комсомольская правда 1994 3 декабря
- 190 Гавриш А «Высоцкий Н «Уберите фамилию Высоцкий из воспоминаний об отце – и вы будете читать о скучном человеке, который был наделен диким количеством пороков» // Факты и комментарии Киев, 2000 25 июля
- 191 Резанов Г, Хорошилова Т Черный волк // Комсомольская правда 1993 19 октября
- 192 Треугольник Высоцкого // Аргументы и факты 2002 № 47 (381), ноябрь
- 193 Николаев А «Кобзон И «Найдете мои бордели – подарю!» // Столица С Саранск, 2002 № 44, 30 октября
- 194 В угоду сенсации // Литературная Россия 1989 18 августа
- 195 Шахматов А «Влади М « Не надо делать ангела» // Книжное обозрение 1989 3 марта
- 196 Крымова Н Работа Высоцкого – это было прекрасно! // Новая Сибирь Новосибирск, 1998 № 84 (3–283), 2 февраля
- 197 Прежде чем обвинять других // Советская культура 1988 6 февраля
- 198 Кудрявов Б «Володарский Э «О Высоцком врут все» // www.igkut.narod.ru
- 199 Ртищева Н Морфий для поэта // Московский комсомолец 1998 25 января
- 200 Белова О Немужейный экспонат // Версии 2000 25 января
- 201 Влади М Владимир, или Прерванный полет М Прогресс, 1989
- 202 Огонек М, 1987 № 18
- 203 Фильм, театр, музыка // Венгрия 1982 № 8, август
- 204 Рязанов Э Эльдар-ТВ, или Моя портретная галерея М Вагриус, 2002
- 205 Дымарский В «Меня сегодня бес водил по городу Парижу» // Российская газета 2003 24 января
- 206 Видова Г «Влади М «Характер у меня ужасный, поэтому спокойно играю гадких женщин» // Сегодня Киев, 2001 10 декабря
- 207 Свистунов А «Влади М «Мы играли нашу юность» // Советский экран 1989 № 09
- 208 Там же
- 209 Влади М В Россию мне ездить больше не хочется // Известия 1997 19 марта
- 210 Живая жизнь М Московский рабочий, 1988
- 211 Влади М В Россию мне ездить больше не хочется // Известия 1997 19 марта
- 212 Рязанов Э Эльдар-ТВ, или Моя портретная галерея М Вагриус, 2002

«Все богини – как поганки, перед бабами с таганки»

- 1 Демидова А Владимир Высоцкий Каким знаю и люблю М СТД РСФСР, 1989
- 2 Золотухин В Таганский дневник Роман В 2 т М ОЛМА-пресс, 2002
- 3 Григорьев И «Демидова А «Я больше сюда не вернусь!» // Аргументы и факты 2003 № 13 (1170), 26 марта
- 4 Владимир Высоцкий Человек Поэт Актер М Прогресс, 1989
- 5 Богуславская З Зазеркалье Встречи / [Встреча вторая Алла Демидова] // www.ozon.ru
- 6 Смехов В Живой, и только М Интерконтакт, 1990
- 7 Демидова А Владимир Высоцкий Каким знаю и люблю М СТД РСФСР, 1989
- 8 Московские встречи // Болгарское ТВ 1975 Октябрь
- 9 Демидова А Владимир Высоцкий Каким знаю и люблю М СТД РСФСР, 1989
- 10 Смехов В Театр моей памяти М Вагриус, 2001
- 11 Васюхин В «Алла Демидова «Я – Гамлет Холодеет кровь » // Огонек 1999 № 27, 27 сентября
- 12 Вознесенский А Верьте тете Моте! // Общая газета 2001 № 04, 25 января
- 13 Франгузова А Уроки принца // Вечерний клуб М, 2003 № 42, 23 октября
- 14 Подкладов П «Демидова А «Театр – как птица Феникс Он сгорает и рождается от своего огня» // Первое сентября М, 2003 № 14, 22 февраля
- 15 Четыре вечера с Владимиром Высоцким М Искусство, 1989
- 16 Алла Демидова Актриса, никогда не игравшая себя // Общая газета 1999 15 июля
- 17 Левитин М «Демидова А «Что есть талант?» // Советский экран 1987 № 20
- 18 Менестрель 1981 № 02
- 19 Перевозчиков В «Демидова А «Судьба и жизнь Диалог о Высоцком» // Новое время 1988 № 04, январь
- 20 Демидова А Роли и годы // Литературное обозрение 1983 № 01
- 21 Демидова А Владимир Высоцкий Каким знаю и люблю М СТД РСФСР, 1989
- 22 Григорьев И «Демидова А «Я больше сюда не вернусь!» // Аргументы и факты 2003 № 13 (1170), 26 марта
- 23 Белый А «Демидова А «Не обращаю внимание на зрительный зал» // Трибуна М, 2003 № 147, 22 августа

24. Там же.
25. Туманов В. «Я, конечно, вернусь...» М.: Книга, 1988.
26. Изгаршев И. «Демидова А.: «Без души мы — уроды» // Аргументы и факты. 2002. № 26 (1131), 26 июня.
27. Шаблинская О. Алла Демидова играет с Богом // Аргументы и факты. 2001. № 45 (1098), 7 ноября.
28. Алла Демидова. Актриса, никогда не игравшая себя // Общая газета. 1999. 15 июля.
29. Новикова Л. «Демидова А.: «Деньги памятливы, только в искусство вложенные» // Культура. 2003. № 24, 19 июня.
30. Вагант. 1994. №№ 2–3 (51–52).
31. Вагант. 1994. №№ 6–8.
32. Кунгурцева О. «Лужина Л.: «Я единственная женщина, которая не ответила Высоцкому взаимностью» // Бульвар. Киев, 2003. № 03 (377).
33. Карапетян Д. Владимир Высоцкий. Между словом и славой. Воспоминания. М.: Захаров, 2002.
34. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.
35. Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988.
36. Карапетян Д. Владимир Высоцкий. Между словом и славой. Воспоминания. М.: Захаров, 2002.
37. Шахназаров Г. С вождями и без. М.: Вагриус, 2001.
38. Золотухин В. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.
39. Экспресс-газета. М., 2001. 12 июля.
40. Амелькина А. Высоцкий мечтал о многоженстве // Комсомольская правда. 2002. № 133/30 (22838).
41. HighStyle. М., 2001. 15 марта.
42. Сажнева Е. «Карапетян Д.: «Я любил Высоцкого, как мужчина женщину» // Московский комсомолец. 2004. 24 января.
43. Булкина Т. У Насти Высоцкой другая фамилия. Эту тайну хранили 20 лет! // СПИД-инфо. 1998. № 02, февраль.
44. Бульвар. Киев, 1998. № 56.
45. Кудрявов Б. «Нисанов В.: «Высоцкому подсыпали яд в шампанское!» // Экспресс-газета. 2004. 30 января.
46. Булкина Т. У Насти Высоцкой другая фамилия. Эту тайну хранили 20 лет! // СПИД-инфо. 1998. № 02, февраль.
47. Репина Н. Мулатка-аристократка соблазняла Промокашку // Экспресс-газета. 2003. 14 ноября.
48. Экспресс-газета. 1998. № 44 (201).
49. Волкова О. Почему Высоцкий не хотел ребенка от Влади // Собеседник. 2001. 25 января.
50. Цыганова Л. «Золотухин В.: «Дружба с Высоцким — это пожизненная честь и каторга» // Молодежная газета. Уфа, 2003. 3 апреля.
51. Некрасова М. «Шацкая Н.: «Леня смотрел мне вслед и плакал» // Вечерний клуб. М., 2000. № 12, 18 марта.
52. Троицкая Л. «Золотухин В.: «Я очень благодарен Лене Филатову за воспитание моего сына» // Бульвар. Киев, 2003. № 11 (385), март.
53. Гершкович А. «Мужчины млели, глядя на ее роскошные белокурые волосы...» // www.taganka.org:8101.
54. Невзорова М. Влюбленная Маргарита // Вечерний Челябинск. 2002. № 103, 11 июня.
55. Хуммедов С. «Владимир Высоцкий: «Поехали драться!» // Московский комсомолец. 2003. 25 января.
56. Невзорова М. Влюбленная Маргарита // АиФ. М., 2002. № 20 (462), 15 мая.
57. HighStyle. М., 2001. 2 апреля.
58. Быков Д. «Филатов Л.: «Мне нравилось представлять нас прелестными злодеями» // www.sobesednik.ru.
59. Цитриняк Г. «И Свидригайлов, и Раскольников...» // Независимая газета. 1998. 16 января.
60. Кучкина О. Эликсир любви для Леонида Филатова // Комсомольская правда. 2003. 22 сентября.
61. Золотухин В. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.
62. Четыре вечера с Владимиром Высоцким. М.: Искусство, 1989.
63. Семашко Т. «Славина З.: «Играла змею и была» // Парламентская газета. 2000. № 68, 11 апреля.
64. Там же.
65. Корнеева И. «...Я был в себе» // Вечерняя Москва. 1999. № 18, 28 января.
66. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988.
67. Христофорова И. «Сайко Н.: «Грех жаловаться, но...» // Советский экран. 1988. № 11.
68. Левина Е. «Ульянова И.: «То, что Брумелль бросил пить, ему на пользу не пошло!» // Экспресс-газета. 2003. 6 февраля.
69. Езерская Е. «Ульянова И.: «Не только «Комет» нужен женщине» // Городской дилижанс. Челябинск, 2000. 4 мая.
70. Просихин О. «Ульянова И.: «У меня были потрясающие романы» // Правда Украины. 2003. № 37, 6 ноября.
71. Грабенко Л. «Полицеймако М.: «Муж очень любит видеть меня на кухне. Считает, что мое орудие производства — плита» // Бульвар. Киев, 2003. № 13 (387), март.
72. Заяц Н. «Когда у жены Семена Фарады после рождения сына начался мастит...» // Факты и комментарии. Киев, 2002. 15 марта.
73. Сахарова К. Сын Фарады не стал Фарадой // МК-Воскресенье. 2003. 27 апреля.
74. Карась А. Бриколаж от Юрия Любимова // Российская газета. 2003. 26 апреля.

75. Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989.
76. Игнатова О. Петренко О.: «Высоцкий мог быть просто гадом» // Россия. 2003. № 13, 3 апреля.

*«Представьте – муза ночью у мужчины!
Бог весть, что люди скажут про нее...»*

1. Желтов В. Ночь с Высоцким // Комсомольская правда. СПб., 2003. 25 июля.
2. Там же.
3. Кохановский И. «Письма Высоцкого» и другие репортажи на радио «Свобода». М.: Физкультура и спорт, 1993.
4. Васохин В. «Богуславская З.: «Меня никто не обманул по-настоящему...» // Огонек. 2002. № 32 (4759), август.
5. Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988.
6. Руденко И. «Не приближаясь, стороной идет по кромке. По самой кромке от взрывной ее воронки...» // Комсомольская правда. 1998. 15 января.
7. Михайлова Е. «Ахмадулина Б.: «Возьмите на память мой голос» // Даугава. Рига, 1987. № 03.
8. Медведев Ф. «Ахмадулина Б.: «Мне нравится, что жизнь всегда права» // Огонек. 1987. № 15.
9. Липилин В. «Ахмадулина Б.: «Обратно к стихии» // Самарское обозрение. 2000. № 04, 24 января.
10. Цыбульский М. «Ахмадулина Б.: «Он был необыкновенно щедрый...» // www.kulichki.com.
11. Хрусталева С. «Мессерер Б.: «У нас с Беллой тридцатилетняя война» // Комсомольская правда. 2003. 17 марта.
12. Резанов Г., Хорошилова Т. «Б. Ахмадулина: «Я жила взаперти, как огонь в фонаре» // Комсомольская правда. 1997. 4 апреля.
13. Алексеев В. «Казанский К.: «Пойте, цыгане!» // Независимая газета; НГ-Антракт. 2003. № 13 (56), 11 апреля.
14. Медведев Ф. «Ахмадулина Б.: «Мне нравится, что жизнь всегда права» // Огонек. 1987. № 15.
15. Книжное обозрение. М., 1988. 22 января.
16. Нагибин Ю. Дневник. М.: Олимп. Астрель, 2001.
17. Двали Н. «Евтушенко Е.: «Когда ты жизнью бит и мят, что вырывает? Только мат!» // Бульвар. Киев, 2003. № 53 (472), декабрь.
18. Куреев А. «Абрамова Л.: «В «Месте встречи» Высоцкий играл себя» // Наша газета. 2000. № 09, 28 января.

19. Тимофеева О. «Бродский И.: «Улица должна говорить языком поэта» // Независимая газета. 1991. 23 июля.
20. Фигурнов Е., Фигурнова О. Сероглазый король – не для Вертинского // Алфавит. 2000. 13 сентября.
21. Трифонова О. «Они мне снились наяву...» // Совершенно секретно. 2002. № 03.
22. Золотухин В. Безгранично верю // Советская Россия. 1987. 11 января.
23. Ширяева О. Начало, или Взгляд из зала // Смена. Калинин-Тверь, 1988. 23 июля.
24. Крымова Н. О Высоцком // Аврора. 1981. № 07.
25. Мамичева И. Возвращение к дому // Московский комсомолец. 1987. 27 марта.
26. Боброва И. Скандалистка ушла без скандала // МК-Воскресенье. 2003. 9 февраля.
27. Сабурова О. Сергей Высоков вспоминает о Наталье Медведевой // Собеседник. 2004. Февраль.
28. Толстегин М. Последний раз они виделись в Лефортово // Независимая газета. 2003. 5 февраля.
29. Левина Е. Наталья Медведева писала, жила и умерла на трезвую голову? // Комсомольская правда. 2003. 4 февраля.
30. Авакумова Е. Девушка и смерть // Московский комсомолец. 2004. 2 февраля.

*«Ходил в меня влюбленный
весь слабый женский пол...»*

1. Ефремова А. Он трижды подарил мне жизнь // Труд. 2001. 12 октября.
2. Золотухин В. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.
3. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
4. Васина И. Зеркало для актера // ТВ-Парк. 1998. № 05.
5. Брускин Г. Настоящее продолженное // Знамя. 2002. № 02.
6. Рылев К. «Конкин В.: «Я хочу, но мне нельзя» // Бульвар. Киев, 1997. № 40 (96), октябрь.
7. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
8. Кудрявов Б. Высоцкому подсыпали яд в шампанское! // Экспресс-газета. 2004. 30 января.
9. Логвинов И. «Бортник И.: «Не представляю Высоцкого шестидесятилетним» // Гудок. 1999. № 135, 23 июля.
10. Попов Е. Профессия: Евтушенко // Итоги. 1999. № 35, 31 августа.
11. Левитин М. «Демидова А.: «Что есть талант?» // Советский экран. 1987. № 20.

12. Рыбальченко Ю. Высоцкий и Киев // Молода гвардія. Киев, 1990. 21 июля.
13. Золотухин В. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.
14. Ургант Н. «Пять утра, звонок в дверь. На пороге Миронов, Ширвиндт и хромой Гердт в чем мать родила...» // Бульвар. Киев, 2001. № 35 (305), август.
15. Амеликина А. Высоцкий мечтал о многоженстве // Комсомольская правда. 2002. 26 июля.
16. Ласкари К. Импровизации на тему... М.: ОЛМА-пресс, 2003.
17. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
18. Хуммедов С. Владимир Высоцкий: «Поехали драться!» // Московский комсомолец. 2003. 25 января.
19. Рубан В. «Мончинский Л.: «Золотоискатели считали Высоцкого своим» // Аргументы и факты. 1998. № 30.
20. Подальев Б. Владимир Высоцкий и Владивосток // Дальневосточный моряк. Владивосток, 1998. 27 января.
21. Носов Д. Песни для чародеев // Макеевский рабочий. 1987. 22 ноября.
22. Борис Можаяев: земля и воля // НГ-Кулиса. 2001. 2 марта.
23. Бульвар. Киев, 2002. № 49 (371), декабрь.
24. Неизвестный Э. Говорит Неизвестный // Посев. Германия, 1984.
25. Мастыкина И. «Фурцева С.: «На моей свадьбе пили за Хрущева» // www.sobesednik.ru.
26. Алешина А. Она верила в то, что умрет министром // Независимая газета. 1999. 27 ноября.
27. Смехов В. Скрипка Мастера. М.: Правда, 1988.
28. Доброта Л. «Я жив! Снимите черные повязки...» // Казахстанская правда. 2003. 17 октября.
29. Смехов В. Театр моей памяти. М.: Вагриус, 2001.
30. Золотухин В. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.
31. Баринов А. Праздник, который продолжается... // АиФ. Долгожитель. 2003. № 18 (30), 19 сентября.
32. Вострышев М. Театр на Таганке создавался на квартире Целиковской // Парламентская газета. 2000. № 220, 18 ноября.
33. Карпинос И. «Любимов Ю.: «За границей я – вроде китайского императора» // Сегодня. Киев, 1999. 17 апреля.
34. Грабенко Л. Пятый брак Людмилы Целиковской оказался для нее самым трагичным // Факты и комментарии. Киев, 2000. 13 октября.
35. Кузнецова М. Товарищ, верь... // Алфавит. 1999. № 21, 4 июня.
36. Вострышев М. Театр на Таганке создавался на квартире Целиковской // Парламентская газета. 2000. № 220, 18 ноября.
37. Рассказова Т. «Дыховичный И.: «Высоцкий не был артистом, но хотел им быть» // Неделя. 1997. 15 сентября.

38. Казьмина Н. Юрий Любимов // ТВ-парк. 2000. № 09, февраль.
39. Смирнова А. Домогаров отбил женщину у Ташкова // Экспресс-газета. 2002. 11 апреля.
40. Баринов А. Праздник, который продолжается... // АиФ. Долгожитель. 2003. № 18 (30), 19 сентября.

*«И ходили устные рассказы
про мои любовные дела...»*

1. Студенческий меридиан. 1990. № 10.
2. Там же.
3. Там же.
4. Карякин Ю. «Савина И.: «Почему он, а не я?» // Комсомольская правда. 2000. 25 июля.
5. Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1999. № 163 (2978), 4 сентября.
6. Садчиков М. «Ургант Н.: «Высоцкий был для меня просто Володи» // Труд. 2002. 23 июля.
7. Ургант Н. Жизнь – это путешествие от любви к любви // Амурский меридиан. 2001. № 22 (89), 30 мая.
8. Там же.
9. Аросева О., Максимова В. Без грима. М.: Центрполиграф, 1998.
10. Там же.
11. Вездесущая А. Царица Ленкома // Алфавит. 2000. № 20.
12. Велижанин А. За Высоцкого пел солист хора // Комсомольская правда. 2004. 26 февраля.
13. Малюгин А. «Доронина Т.: «В присутствии таланта и любви» // Комсомольское знамя. Киев, 1990. 10 ноября.
14. Кудрявов Б. «Натансон Г.: «Рената Литвинова – манерная кривляка!» // Экспресс-газета. 2003. 29 января.
15. Театр. 1987. № 04.

«Наверно, я погиб...»

1. Лузина Л. До сих пор жалею, что отказалась переспать с Робером Оссейном... // Бульвар. Киев, 1998. № 34 (141), июль.
2. Тульская М. «Лузина Л.: «Любовь первая не бывает последней» // АиФ. Суббота-воскресенье. 2002. № 27 (192), 4 июля.
3. Мельман Д., Николаева Л. Утонуть в Лужиной // Московский комсомолец. 2003. 29 августа.

4. Кунгурцева О. «Лужина Л.: «Я единственная женщина, которая не ответила Высоцкому взаимностью» // Бульвар. Киев, 2003. № 3 (377), январь.
5. Тульская М. «Лужина Л.: «Любовь первая не бывает последней» // АиФ. Суббота-воскресенье. 2002. № 27 (192), 4 июля.
6. Лужина Л. Она была в Париже // Теленеделя. 1999. 22 июля.
7. Кунгурцева О. «Лужина Л.: «Я единственная женщина, которая не ответила Высоцкому взаимностью» // Бульвар. Киев, 2003. № 3 (377), январь.
8. Лужина Л. До сих пор жалею, что отказалась переспать с Робертом Оссейном... // Бульвар. Киев, 1998. № 34 (141), июль.
9. У меня есть русская черта – лень-матушка // Семья. 1998. № 23.
10. Светлова Е. «Лужина Л.: «И сам Марсель Марсо ей что-то говорил» // Совершенно секретно. 1997. № 11.
11. Панорама. Израиль, 1997. 23–29 апреля.
12. Кунгурцева О. «Лужина Л.: «Я единственная женщина, которая не ответила Высоцкому взаимностью» // Бульвар. Киев, 2003. № 3 (377), январь.
13. Мельман Д. Защита Лужиной // Московский комсомолец. 2004. 1 февраля.
14. Лужина Л. Она была в Париже // Теленеделя. 1999. 22 июля.
15. Тульская М. «Лужина Л.: «Любовь первая не бывает последней» // АиФ. Суббота-воскресенье. 2002. № 27 (192), 4 июля.
16. Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988.
17. Желтов В. Альпинистка моя гуттаперчивая // Комсомольская правда в Петербурге. 2001. 11 апреля.
18. Желтов В. Скалолазка из песни // Секретные материалы 20 века. 2000. № 2 (21), февраль.
19. Юрьева Л. Для меня Высоцкий остался радистом Володи // Московский комсомолец. 2002. 6 апреля.
20. Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988.
21. Там же.
22. Васильченко И. Гитары в городском саду // Индустриальное Запорожье. 2002. № 162 (15733), 30 июля.
23. Евтушенко А. Как кабан охотился на Высоцкого // Комсомольская правда. 1997. 11 июля.
24. Он по-прежнему был бы бунтарем // Время и деньги. Казань, 2003. №№ 14–15, 24 января.
25. Юнгвальд-Хилькевич Н. «Говорухин С.: «Не люблю свою фамилию» // Собеседник. 2001. март.

«Как счастье зыбко – опять ошибка!..»

1. Печерникова И. «Надо же, такой противный – и такую песню спел» // Караван историй. 1999. Июнь.
2. Там же.
3. Невзорова М. Исповедь актрисы // АиФ. М., 2003. № 04 (498), 22 января.
4. Печерникова И. «Надо же, такой противный – и такую песню спел» // Караван историй. 1999. Июнь.
5. Невзорова М. «Печерникова И.: «Высоцкий был в меня влюблен» // АиФ. Суперзвезды. 2003. № 15 (21), 4 августа.
6. Печерникова И. «Надо же, такой противный – и такую песню спел» // Караван историй. 1999. Июнь.
7. Там же.
8. Невзорова М. Исповедь актрисы // АиФ. М., 2003. № 04 (498), 22 января.
9. Печерникова И. Я пробовалась со всеми красивыми актерами // Неделя. 1997. № 24.
10. Там же.
11. Печерникова И. «Надо же, такой противный – и такую песню спел» // Караван историй. 1999. Июнь.
12. Мельман Д. Дожить до понедельника // Московский комсомолец. 2003. 29 сентября.
13. Черняк Л. Владимир Высоцкий. Как все начиналось... // АиФ. Суперзвезды. 2003. № 02 (08), 20 января.
14. Мельман Д. Дожить до понедельника // Московский комсомолец. 2003. 29 сентября.
15. Левина Е. «Печерникова И.: «Вначале мы с Сашей закодировались, а потом расписались» // Вечерняя Казань. 1999. № 194, 29 июня.
16. Невзорова М. Исповедь актрисы // АиФ. М., 2003. № 04 (498), 22 января.
17. Владимир Высоцкий в кино. М.: ВТПО «Киноцентр», 1989.
18. Влещенко Н. «Муратова К.: «Мне всегда не хватает одиночества...» // Комсомольская правда, 1997. 14 ноября.
19. Профиль. 1997. № 09 (31), 11 марта.
20. Комсомольская правда. М., 1999. 4 ноября.
21. Чебанюк Л. Короткая встреча // Правда Севера. 1989. 9 июня.
22. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
23. Высоцкий В. Собрание сочинений: В 7 т. М.: «Вельтон, Б.Б.Е.», 1994. Т. 6.
24. Канунова Т., Стриженов О. «Пырьева Л.: «А без любви все – пусто» // Русский Север. Вологда, 2003. № 66, 21 ноября.

25. Кудрявов Б. Из-за Высоцкого Лионелла Пырьева травилась таблетками // Экспресс-газета. 2004. № 19, 10 мая.
26. Левит А. Отказавшись играть главную роль в кинопопее «Война и мир», Олег Стриженов послал «подальше» известного режиссера Сергея Бондарчука и министра культуры Екатерину Фурцеву // Факты и комментарии. Киев, 2001. 2 октября.
27. Юнгвальд-Хилькевич Г. Я никогда не лизал никому задницу // Экспресс-газета. 2001. 12 июля.
28. Велигжанина А. Тайная любовь Маргариты Тереховой // Комсомольская правда. 2003. 20 ноября.
29. Канунова Т., Стриженов О. «Пырьева Л.: «А без любви все – пусто» // Русский Север. Вологда, 2003. № 66, 21 ноября.
30. Солдатенков П. Владимир Высоцкий. М.: Олимп, 1999.
31. Там же.
32. Канунова Т., Стриженов О. «Пырьева Л.: «А без любви все – пусто» // Русский Север. Вологда, 2003. № 66, 21 ноября.
33. Кудрявов Б. Из-за Высоцкого Лионелла Пырьева травилась таблетками // Экспресс-газета. 2004. № 19, 10 мая.
34. Там же.
35. Факты и комментарии. Киев, 2001. 2 октября.
36. Егорова Т. Андрей Миронов и я. М.: Захаров-АСТ, 1999.
37. Шаблинская О. «Егорова Т.: «Я уговорила Миронова жениться на Голубкиной» // Аргументы и факты. 2003. № 43 (1200), 22 октября.
38. Васильева В. Продолжение души. 2-е изд. М.: Белые мальвы, 2002.
39. Зайчик И. Ирина Мазуркевич // Караван историй. 2000. Февраль.
40. Смехов В. Театр моей памяти. М.: Вагриус, 2001.
41. Зайчик И. Ирина Мазуркевич // Караван историй. 2000. Февраль.
42. Там же.
43. Карлюкевич А. «Мазуркевич И.: «Трудно быть умной актрисой» // Российская газета. 2004. 5 февраля.
44. Сунцова Е., Фомина Е. «Мазуркевич И.: «С нервами у меня все в порядке» // www.sem40.ru.
3. Николаева Э. «Удовиченко Л.: «Первая за любовью» // Московский комсомолец. 2002. № 94, 27 апреля.
4. Там же.
5. Шигарева Ю. «Удовиченко Л.: «Семья, деньги, мужчины» // Аргументы и факты. 2002. № 46 (1151), 13 ноября.
6. Филатов умолял Удовиченко раздеться // www.sobkog.ru. 2003. 25 марта.
7. Гуревич Л. «Удовиченко Л.: «Я люблю Маньку Облигацию» // Телеглаз АиФ. 2003. № 22 (150), 27 мая.
8. Чичикова И. Лариса Удовиченко. Раба любви // Пассаж. Одесса, 2001. Июнь.
9. Филатов умолял Удовиченко раздеться // www.sobkog.ru. 2003. 25 марта.
10. Бондаренко А. Ваш собеседник – Маргарита Терехова // Дружба. 1985. № 05.
11. Лузина Л. «Виктюк Р.: «Своего младшего сына Рита Терехова зачала во время съемок со мной» // Бульвар. Киев, 1998. № 14 (121), март.
12. Вагант. 1994. №№ 2–3 (51–52).
13. Зайцева Г. «Терехова М.: «Жизнь начинается в пятьдесят» // Невское время. СПб., 1997. № 196 (1599), 25 октября.
14. Михайлина Л., Кривошапова Н. «Терехова М.: «Чехов писал «Чайку» не для театра, а для кино!» // Московский комсомолец. 2002. 13 ноября.
15. Агишева Н. Рубенова звезда // Московские новости. 2003. № 16 (1185).
16. Elle. 1997. Август.
17. Вагант. 1995. № 9–10.
18. Раззаков Ф. Секс-символы России. М.: ЭКСМО-пресс, 2000.
19. Фатеева Н. В обоях никогда не была // Крестьянка. 2003. № 1.
20. Кустинская Н. «Сергей Михалков завалился в мой гостиничный номер, лег на постель...» // Бульвар. Киев, 2002. № 26 (348), июнь.
21. Бульвар. Киев, 2002. № 26 (348), июнь.
22. Снежинская А. Наталья Фатеева. Судьба и мужики // www.rekvest.nnov.ru.
23. Позднякова М. «Кустинская Н.: «Меня все любили. И все оставили» // АиФ. Суперзвезды. 2002. № 06, 16 декабря.
24. Кунгурцева О. «Кустинская Н.: «Всю жизнь жены известных артистов и космонавтов меня ненавидели. Но главным врагом была и остается Наталья Фатеева» // Бульвар. Киев, 2003. № 11 (385), март.
25. Богданова Т. Ай да Светка! Ай да молодец! // АиФ. Суббота-воскресенье. 2001. № 36 (149), 4 сентября.

*«Я писал ей стихи на снегу,
к сожалению, тают снега...»*

1. Удовиченко Л. Душа обязана трудиться // Биробиджанская правда. 1981. 20 октября.
2. Бирюкова Е. «Удовиченко Л.: «Люблю себя уродовать» // Киевские ведомости. 2002. 9 сентября.

26. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
27. Громов В. «Конкин В.: «Когда у Высоцкого не хватало аргументов, он... открывал свою луженую глотку» // Факты и комментарии. Киев, 2003. № 54 (1359), 25 марта.
28. Зайчик И. «Светличная С.: «Я не боюсь одиночества» // Огонек. 1996. № 40, 30 сентября.
29. Богданова Т. Ай да Светка! Ай да молодец! // АиФ. Суббота-воскресенье. 2001. № 36 (149), 4 сентября.
30. Любовные истории Светланы Светличной // www.dni.ru. 2003. 22 февраля.
31. Николаева Л. «Светличная С.: «Если будет внук, пусть будет Володя Ивашов» // АиФ. Телеглаз. 2002. № 13 (89), 26 марта.
32. Богданова Т. Ай да Светка! Ай да молодец! // АиФ. Суббота-воскресенье. 2001. № 36 (149), 4 сентября.
33. Медведева О. «Ткач Т.: «Дворжецкий примерял купальник на моей груди» // Экспресс-газета. 2002. 30 июля.
34. Боброва И. Мистическая жизнь любовницы Фокса // МК-Воскресенье. 2003. 16 марта.
35. Вагант. 1998. №№ 4–6 (101–103).
36. Боброва И. Мистическая жизнь любовницы Фокса // МК-Воскресенье. 2003. 16 марта.
37. Там же.
38. Хуммедов С. Владимир Высоцкий: «Поехали драться!» // Московский комсомолец. 2003. 25 января.
39. Я, конечно, вернусь... М.: Книга, 1988.
40. Гурченко Л. «В.В.» // Неделя. 1986. № 47.
41. Алексеева О. «Васильева Т.: «Чувства я стараюсь подавить. Мне проще вызвать приличных мужчин по телефону и оплатить их услуги» // Бульвар. Киев, 2002. № 08 (330), февраль.
42. Зельцер М. Татьяна Васильева: женщина-вулкан // АиФ. Суперзвезды. 2003. № 10 (16), 19 мая.
43. Вагант. 1994. №№ 2–3 (51–52).
44. Прянник К. «Васильева Т.: «Все, кого я любила, не могли облегчить мою жизнь» // Московский комсомолец. 2003. 3 марта.
45. Шаблинская О. «Васильева Т.: «Нельзя любить мужчин больше себя» // АиФ. 2004. № 03 (9212), 21 января.
46. Светлова Е. Маленькие трагедии Наталии Белохвостиковой // Совершенно секретно. 1999. № 01, январь.
47. Белохвостикова Н. Наш дом – наша крепость // Семья. 1991. № 24.
48. Белохвостикова Н. Самое большое счастье // Смена. Калинин, 1981. 12 ноября.
49. Белохвостикова Н., Наумов В. В кадре. М.: Центрполиграф, 2002.
50. Белохвостикова Н. Вопрос актеру // Советский экран. 1981. № 22.
51. Васина Н. Судьба Татьяны Лавровой // Аргументы и факты. 2003. 11 января.
52. Любовь и смерть // МК-Бульвар. 2003. 10 марта.
53. Там же.
54. Проклова Е. Мне поправили на лице то, что осталось после аварии... // Бульвар. Киев, 1997. № 49 (105), декабрь.
55. Антонов М. Проклова: о себе, о Высоцком, и о самолетах // Петровский курьер. СПб., 2003. 13 января.
56. Проклова Е. В роли себя самой. М.: Алгоритм, 1999.
57. Антонов М. Проклова: о себе, о Высоцком, и о самолетах // Петровский курьер. СПб., 2003. 13 января.
58. Турлова А. «Проклова Е.: «Жизнь за пятерых» // Телнеделя. 2003. № 14, 3 апреля.
59. Антонов М. Проклова: о себе, о Высоцком, и о самолетах // Петровский курьер. СПб., 2003. 13 января.
60. Сперанская М. «Чурсина Л.: «Я с удовольствием снималась обнаженной» // МК-Бульвар. 2003. 17 февраля.
61. Секридова Т. «Чурсина Л.: «Я никогда не упивалась своими успехами» // Совершенно секретно. 2000. 10 октября.
62. Они были отличниками // Огонек. 2002. № 10 (4738), март.
63. Михайлина Е. Пиковая дама нафталинового века // Московский комсомолец 2002. № 118 (23004), 1 июня.
64. Логвинов И. «Чурсина Л.: «Любовь не терпит кабалы» // Девичник. 2000. Май.
65. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
66. Чурсина Л. А в Голливуд меня приглашали еще в 72-м году // Сегодня. Киев, 2000. № 594, 15 июня.
67. Советский экран. М., 1983. № 22.
68. Фролов Г. «Вертинская М.: «Папа венчался с мамой в Шанхае» // Телеглаз. АиФ. 2003. № 09 (137), 25 февраля.
69. Там же.
70. Студенческий меридиан. 1990. № 10.
71. Цыбульский М. Голос Высоцкого // www.v-vysotsky.narod.ru.
72. Парсегова Г. «Алимова М.: «Я никогда не скучала по кино, но мечтала о роли Маугли» // Культура. 2003. № 45 (7404), 20–26 ноября.
73. Мельман Д. Отвергнутая Будулаем // Московский комсомолец. 2003. 8 декабря.
74. Там же.
75. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.

76. Владимир Высоцкий в кино. М.: ВТПО «Киноцентр», 1989.
77. Щербак Ю. Чернобыль // Юность. 1987. № 07.
78. Менестрель. М.: Московский КСП, 1981. № 01 (11).
79. Владимир Высоцкий в кино. М.: ВТПО «Киноцентр», 1989.
80. Грабенко Л. Судьба — как эпоха // Mirror Weekly.
81. Грабенко Л. «Маринина К.: «Пленку с записью Высоцкого я предложила спрятать под полом в монтажной» // Бульвар. Киев, 2003. № 23 (397), июнь.
82. Там же.
83. Там же.
84. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
85. Там же.
86. Снегирев С. Песни Владимира Высоцкого // Труд. 1980. 4 октября.

*«Нет! У меня сейчас любовниц нет. Будут ли?
Пока что не намерен...»*

1. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
2. Куреев А. «Абрамова Л.: «Дом Высоцкий был другим...» // Теленеделя. 2000. 20 января.
3. Чародеев Г. «Карапетян Д.: «Хрущев хотел услышать песни Высоцкого живьем» // Известия. 2003. № 12 (26329), 24 января.
4. Амелькина А. От блеска Федотовой меркли даже кремлевские звезды // Комсомольская правда. 1999. 12 марта.
5. Копылов С. Крестной матерью моего единственного сына стала Галина Брежнева // Россия. 2001. 8 июня.
6. Карьера. 1998. № 26 (98), 13 июля.
7. Иванов А. «Диодоров Б.: «Если верить в сказку, она обязательно сбудется» // www.odltip.pskov.ru.
8. Долгополова С., Малаш Л. Зуб кремлевской мудрости // Зеркало недели. Киев, 1997. № 4 (121), 25–31 января.
9. Огонек. 2002. № 47 (4773), ноябрь.
10. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.
11. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
12. Черняк И. Стюардесса по имени Таня // Комсомольская правда. 1997. 14 июня.
13. Самоделова С. Срам за облаками // Московский комсомолец. 2001. 15 января.
14. Котова Н. Обрыв // Городской дилижанс. Челябинск, 2000. 20 июля.
15. Там же.

16. Комсомольская правда. 1995. 26 мая.
17. Вагант. 1990. № 06, июнь.
18. Катаева Н. «Кухарчук Л.: «Мой муж был «вторым отцом» Высоцкого» // Гудок. 2000. № 200, 26 октября.
19. Резниченко И. Совпадая с фамилией // Караван-РОС. Ярославль, 1999. № 30, 28 июля.
20. Гороховский А. «Котов С.: «Прототипами известной песни Владимира Высоцкого «Товарищи ученые, доценты с кандидатами» стали сотрудники Киевского института микробиологии, приехавшие на его выступление прямо со сбора картошки» // Факты и комментарии. Киев, 2003. № 14 (1319), 24 января.
21. Там же.
22. Там же.
23. Гороховский А. «Котов С.: «Прототипами известной песни Владимира Высоцкого «Товарищи ученые, доценты с кандидатами» стали сотрудники Киевского института микробиологии, приехавшие на его выступление прямо со сбора картошки» // Факты и комментарии. Киев, 2003. № 14 (1319), 24 января.
24. Там же.
25. Высоцкий: время, наследие, судьба // www.otblesk.com.
26. Там же.
27. Юнгвальд-Хилькевич Г., Юнгвальд-Хилькевич Н. За кадром. М.: Центрполиграф, 2000.
28. Семашко Т. Взаимная любовь с Пьером Ришаром // Парламентская газета. 2004. № 07, 16 января.
29. Ахрамеев Л. Высоцкий в Пензе. История одного концерта // www.nashdom.tl.ru.
30. Ливанов В. Киномафия уходит в подполье // Совершенно секретно. 1998. № 11, ноябрь.
31. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
32. Шак В. «Феликс Дзержинский» Высоцкого не узнал... // МИГ. Запорожье, 2000. 20 июля.
33. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
34. Хочешь билет, курносая? // Амурская правда. Благовещенск, 2003. №№ 206–207, 24 июля.

«Девочки любили иностранцев...»

1. Сегодня. Киев, 1999. 13 октября.
2. Смехов В. Театр моей памяти. М.: Вагриус, 2001.
3. Петров А. Владимир Высоцкий в Болгарии // Вагант. М., 1992. № 10.

- 4 Там же
- 5 Вегин П Опрокинутый Олимп // www.vechny.com
- 6 Влади М Владимир, или Прерванный полет М Прогресс, 1989
- 7 Там же
- 8 Стяжкина С Тайна смерти русской королевы Голливуда // Интерпол-экспресс 2000 № 05
- 9 Шемакин М О Володе // Владимир Высоцкий Человек Поэт Актер М Прогресс, 1989
- 10 Толстой И Записывая Высоцкого // www.russian-bazaar.com 2002 27 июля
- 11 Живая жизнь М Петит, 1992
- 12 Высоцкий время, наследие, судьба // www.otblesk.com
- 13 Там же
- 14 Там же
- 15 Высоцкий время, наследие, судьба // www.otblesk.com
- 16 Вагант 1992 № 1 (26)
- 17 Левит А Не ирония судьбы // Рабочая трибуна 1990 2 сентября
- 18 Бульвар Киев, 2003 № 48 (422), ноябрь
- 19 Живая жизнь М Петит, 1992
- 20 Там же
- 21 Влади М Владимир, или Прерванный полет М Прогресс, 1989

«То была не интрижка – ты была на ладошке...»

- 1 Романова Т «Володарский Э «А я все помню, я был не пьяный» // Огонек 1999 № 256, сентябрь
- 2 Кудрявов Б «Володарский Э «О Высоцком врут все» // www.igcut.narod.ru
- 3 Езерская Е «Ярмольник О «Часть меня умерла с Высоцким» // Городской дилижанс Челябинск, 2000 20 января
- 4 Лунина Л Высоцкая любовь // Карьера 1999 № 07, июль
- 5 Там же
- 6 Живая жизнь М Петит, 1992
- 7 Урал 2000 № 8
- 8 Езерская Е «Ярмольник О «Часть меня умерла с Высоцким» // Городской дилижанс Челябинск, 2000 20 января
- 9 Перевозчиков В Где мои 17 бед? // Совершенно секретно 2002 № 01
- 10 Панюков М «Костинецкая Э «Юрия Антонова хотели посадить на восемь лет!» // Экспресс-газета 2003 4 февраля
- 11 Там же

- 12 Езерская Е «Ярмольник О «Часть меня умерла с Высоцким» // Городской дилижанс Челябинск, 2000 20 января
- 13 Огонек 1999 № 25, 6 сентября
- 14 Там же
- 15 Кудрявов Б «Нисанов В «Высоцкому подсыпали яд в шампанское!» // Экспресс газета 2004 30 января
- 16 Горский В Луи Армстронг еврейского разлива // Урал 2000 № 08
- 17 Езерская Е «Ярмольник О «Часть меня умерла с Высоцким» // Городской дилижанс Челябинск, 2000 20 января
- 18 Мельман Д Исповедь Промокашки // Московский комсомолец 2004 17 апреля
- 19 Боброва Н «Ярмольник Л «Никто не изменит людей» // МК-бульвар 2003 10 февраля
- 20 Драбкина Н В Москве есть все Мавзолей, зоопарк, Ярмольник // Вечерняя Москва 2004 № 12, 22 января
- 21 Голованова Н Интрига игры на вылет // Персона 2001 №№ 06–07, 18 августа
- 22 Именнички // Собеседник 2000 № 53
- 23 Романова Т А я все помню, я был не пьяный // Огонек 1999 № 256, сентябрь
- 24 Лунина Л Высоцкая любовь // Карьера 1999 № 7
- 25 Если бы Высоцкий был жив // Комсомольская правда 2003 № 14 (1553/22959), 25 января

«Я вышел ростом и лицом...»

- 1 Северный курьер Петрозаводск, 1999 № 17 (23314), 24 января
- 2 Чернов А Последнюю тайну Высоцкого раскроет артистка Татьяна // Киевские ведомости 2003 27 января
- 3 Новиков В Владимир Высоцкий Жизнь и творчество М Вагант, 2000
- 4 Четыре вечера с Владимиром Высоцким М Искусство, 1989
- 5 Живая жизнь М Петит, 1992
- 6 Демидова А Владимир Высоцкий, каким знаю и люблю М СТД РСФСР, 1989
- 7 Лемьш А Высоцкий В «Мне дожить не успеть!» // День Киев, 2000 № 131, 25 июля
- 8 Четыре вечера с Владимиром Высоцким М Искусство, 1989
- 9 Демидова А Он жил так – писал так // Литературное обозрение 1987 № 01
- 10 Живая жизнь М Московский рабочий, 1988

11. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
12. Там же.
13. Чародеев Г. Он не гнался за славою брэнной // Неделя. 1987. № 17.
14. Резниченко И. Совпадая с фамилией // Караван-РОС. Ярославль, 1999. № 30, 28 июля.
15. Любовь и смерть // МК-Бульвар. 2003. 10 марта.
16. Юнгвальд-Хилькевич Г., Юнгвальд-Хилькевич Н. За кадром. М.: Центрополиграф, 2001.
17. Крымова Н. О Высоцком // Независимая газета. 2003. № 11 (2844), 24 января.
18. Лужина Л. Эта песня про меня // Сливки общества: Серия «Кумиры». 1998. 25 января.
19. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: Альфа-Пресс, 1999.
20. Юнгвальд-Хилькевич Г., Юнгвальд-Хилькевич Н. За кадром. М.: Центрополиграф, 2001.

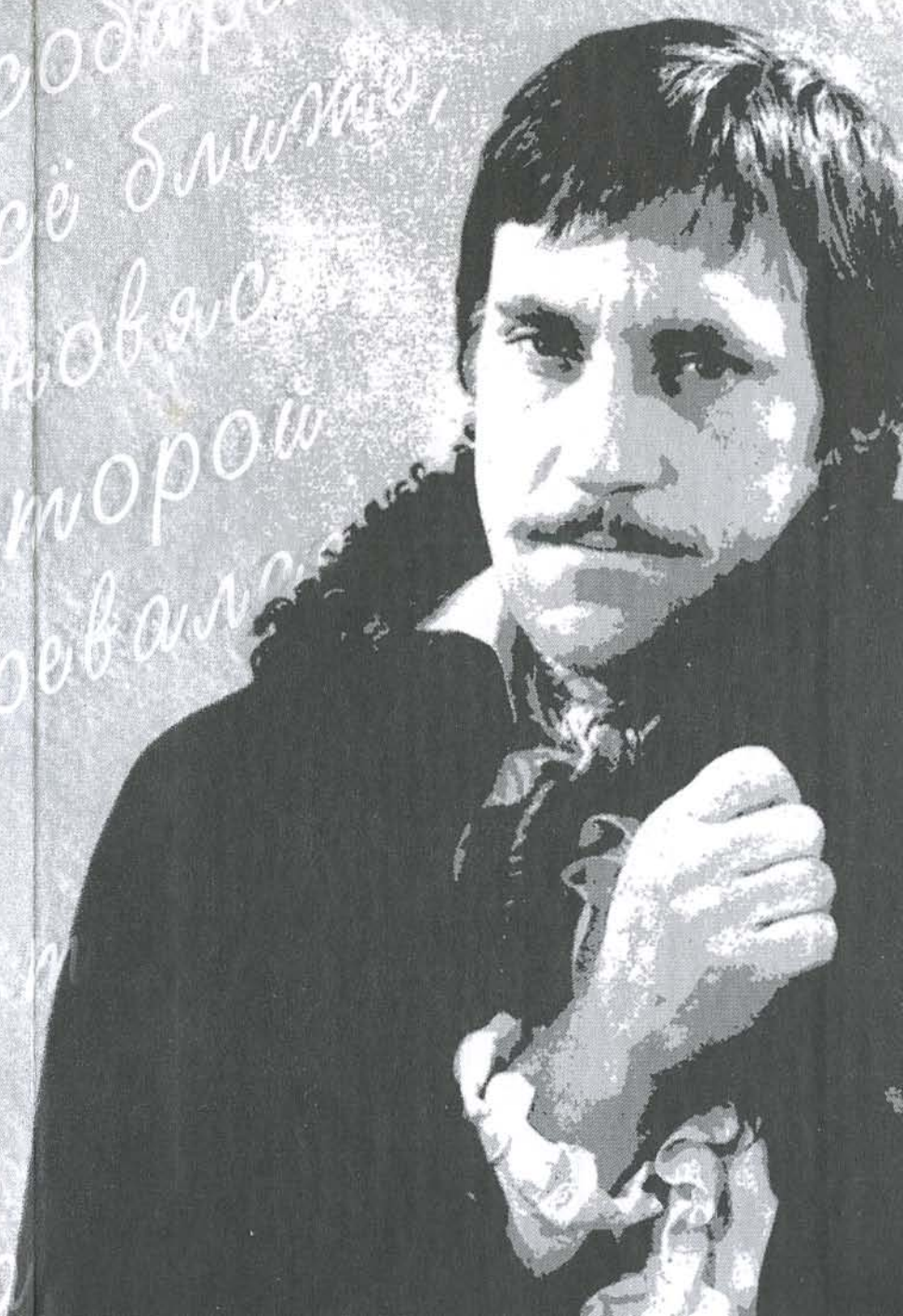
«В меня влюблялася вся улица...»

1. Самоделова С. Лютый по жизни // Московский комсомолец. 2003. 5 июня.
2. Бульвар. 1998. № 56.
3. Курьер. 2001. 15 октября.
4. Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989.
5. Смирнова Е. «Высоцкий Н.: «Я собирался судиться с Мариной Влади за клевету» // Факты и комментарии. Киев, 2003. № 32 (1337), 19 февраля.
6. Булкина Т. Эту тайну хранили 20 лет... // СПИД-инфо. 1998. № 02, февраль.
7. Смирнова Е. «Высоцкий Н.: «Я собирался судиться с Мариной Влади за клевету» // Факты и комментарии. Киев, 2003. № 32 (1337), 19 февраля.
8. СПИД-инфо. 1998. № 2, февраль.

Содержание

Вместо предисловия	5
«Я женщин не бил до семнадцати лет»	7
«Встретил я одну из очень многих на моем на жизненном пути...»	16
«...И нельзя налево, и нельзя направо...»	33
«Я любил и женщин, и проказы...»	54
«Не лучше ль умереть вдвоем в миг подлинного счастья!..»	62
«Люблю тебя сейчас. Не тайно — напоказ...»	105
«Все богини — как поганки, перед бабами с таганки»	209
«Представьте — муза ночью у мужчины! Бог весть, что люди скажут про нее...»	255
«Ходил в меня влюбленный весь слабый женский пол...» ..	273
«И ходили устные рассказы про мои любовные дела...»	296
«Наверно, я погиб...»	303
«Как счастье зыбко — опять ошибка!..»	314
«Я писал ей стихи на снегу, к сожалению, тают снега...» ..	335
«Нет! У меня сейчас любовниц нет. Будут ли? Пока что не намерен...»	377
«Девочки любили иностранцев...»	400
«То была не интрижка — ты была на ладошке...»	411
«Я вышел ростом и лицом...»	424
«В меня влюблялася вся улица...»	431
Приложения	
Именной указатель	437
Алфавитный указатель цитируемых произведений	
Владимира Высоцкого	458
Библиография	462

решился
но надо отлучать
ить на помощь, собираю
себя, вот, все блины,
Она, в которой
подойти катервалл
идет сама,
тоб криволасть
в тень, а кто





Он написал о себе: «Я любил и женщин, и проказы...» Казалось бы, тему исчерпал... Но интерес к «целой половине человечества», которая его боготворила и ругала, любила и ненавидела – неиссякаем. Кто они были – женщины в жизни Владимира Высоцкого, какую роль сыграли в его судьбе? – об этом рассказывает в своей книге «Ходил в меня влюбленный весь слабый женский пол...» Юрий Сушко. Судьба свела автора с Высоцким в 1978 году, во время гастролей актера и поэта в Запорожье, где Ю. Сушко живет и по сей день.

Увлечен же творчеством Владимира Семеновича Высоцкого Юрий Сушко значительно раньше, еще в конце 1960-х: с тех пор он собирает все, связанное со своим кумиром – редкие записи, фотографии, публикации о нем.

Юрий Сушко написал сценарий двухчасовой телепередачи о Высоцком и был ее ведущим. Он также автор двух исследовательских работ: «Владимир Высоцкий: Ах, сколько ж я не пел...» и «Мой черный человек в костюме сером» – о тайных и явных врагах Высоцкого.

ISBN 5-9697-0065-7



9 785969 700659